

1946 г.

Записки Восточно - сибирскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО
Русскаго Географическаго Общества.

Л 8281

ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.

т. I, вып. I.

Подъ редакціей правителя дѣлъ.

БУРЯТСКІЯ СКАЗКИ

И ПОВѢРЬЯ,

собранныя Н. М. Хангаловымъ, о. Н. Затопляевымъ
и другими.

ИЗДАНО НА СРЕДСТВА Д. ЧЛ. А. Д. Старцева.

Иркутскъ.

Печатано въ типографіи газеты «Восточное Обозрѣніе».

1889 г.

1962 г.

1965 г.

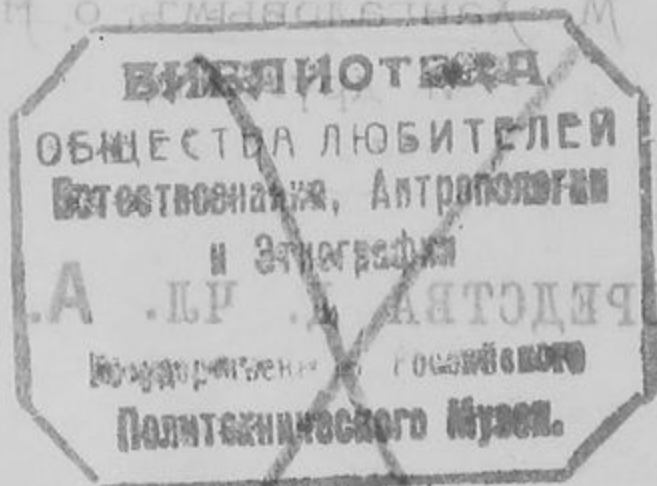
ПО ОТДѢЛѢНІЮ ЭТНОГРАФІИ

г. Ленинград

Под редакцией правительственной комиссии

ВУСТРЯВЯ

Печатано по распоряженію Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго
Русскаго Географическаго Общества.

БИБЛИОТЕКА
НИИ Музеевѣдѣнія

162749/1

броня поступ.

Инвент. №

26 Марта 1924
31409

164831

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе — — — — —	1
1. Старикъ и волкъ — — — — —	3
2. Старикъ Хоредой — — — — —	4
3. Старикъ Уханай — — — — —	6
4. Водяная старуха — — — — —	11
5. Дѣвица Тэбэкъ-ногонъ-абаха — — — — —	14
6. Старуха Хэрхэнъ — — — — —	17
7. Тенехонъ — — — — —	21
8. Му-монто — — — — —	25
9. Гарьюлай-моргонъ — — — — —	32
10. Алтанъ-сэсэкъ и его сестра — — — — —	49
11. Ханъ-гужиръ — — — — —	61
12. Охотникъ — — — — —	78
13. Боръ-ху — — — — —	83
14. Старикъ съ дочерью — — — — —	86
15. Желто-сѣрый волкъ и лисица-самка — — — — —	92
16. Хинхуна-багинъ — — — — —	94
17. Бохонъ-хобунъ — — — — —	99
18. Дѣвица Хонхинуръ — — — — —	100
19. Гургулдаинъ-гурбунъ-сысынъ — — — — —	102
20. Тэнгріинъ-хобунъ, Чингисъ-ханъ и Шудурманъ — — — — —	108
21. Жизнь Элгэсынъ-гелонга — — — — —	115
22. Доной — — — — —	117
23. Кость «сэръ» — — — — —	118
24. Цари животныхъ — — — — —	»
25. Верблюды — — — — —	119
26. Медвѣдь — — — — —	»
27. Волки — — — — —	120
28. Собака — — — — —	»
29. Царь птицъ Ханъ-хурдэ-ханъ — — — — —	121
30. Филинъ — — — — —	»
31. Ласточка и пчела — — — — —	122
32. Перепелка — — — — —	»
33. Турпанъ — — — — —	123
34. Бекасъ или барашекъ — — — — —	»
35. Кукушка — — — — —	124

36. Оляпка	—	—	—	—	—	—	—	125
37. Солбонъ	—	—	—	—	—	—	—	126
38. Хохосо-моргонъ	—	—	—	—	—	—	—	127
39. Долонъ-ёбёгёдъ	—	—	—	—	—	—	—	128
40. Млечный путь	—	—	—	—	—	—	—	129
41. Затменіе луны	—	—	—	—	—	—	—	130
42. Пятна на лунѣ	—	—	—	—	—	—	—	131
43. Повѣрье о землетрясеніи	—	—	—	—	—	—	—	132
44. Повѣрья о громѣ	—	—	—	—	—	—	—	133
45. Открытіе огня	—	—	—	—	—	—	—	134
46. Происхождение ворожбы на лопаткѣ	—	—	—	—	—	—	—	135
47. Названія пальцевъ	—	—	—	—	—	—	—	136
48. Пальцы воры	—	—	—	—	—	—	—	137
49. Преданіе о переселеніи Хонгодоровъ изъ Монголіи въ южную Сибирь	—	—	—	—	—	—	—	138
50. Другой вариантъ о переселеніи племени Хонгодоровъ	—	—	—	—	—	—	—	139
51. Оле-олекчинъ (алтайская сказка)	—	—	—	—	—	—	—	140
Примѣчанія	—	—	—	—	—	—	—	141
Алфавитный указатель собственныхъ именъ	—	—	—	—	—	—	—	142
Предметный указатель	—	—	—	—	—	—	—	143

Большая часть сказокъ въ этомъ сборникѣ, а именно сказки: «Старикъ Хоредой», «Старикъ Уханай», «Дѣвица Тэдэкъ - ногокъ-абаха», «Старуха Хурхэнъ», «Му-монто», «Гарьюлай-моргонъ», «Ханъ-гужиръ» и «Охотникъ», всего 8 сказокъ, записаны Н. М. Хангаловымъ *) въ Балаганскомъ вѣдомствѣ; къ этому собранію присоединены двѣ сказки: «Старикъ и волкъ» и «Водяная старуха», записанныя г. Большаковымъ у бурятъ въ окрестностяхъ сел. Долгокычъ въ Забайкальи, одна сказка «Боръ-ху» и легенда о Элгэсынъ-гелонгѣ, записанныя г. Палкинымъ у олетовъ въ городѣ Хобдо, бурятская легенда объ открытіи огня, записанная г. З—домъ у селенгинскихъ бурятъ, бурятское повѣрье о птицѣ оляпкѣ и преданіе о переселеніи рода Хонгодоръ изъ Монголіи въ Сибирь, сообщенныя П. П. Баторовымъ и миссіонеромъ о. Н. Затопляевымъ. Кромѣ того здѣсь-же помѣщена одна алтайская сказка, т. е. переведенная съ тюркскаго языка и записанная г. Палкинымъ подъ именемъ Оле-олекчинъ. Когда уже часть этихъ матеріаловъ была напечатана, получено было еще два новыхъ дополненія сказокъ, одно изъ Балаганскаго вѣдомства отъ неутомимаго Н. М. Хангалова, другое изъ Аларскаго вѣдомства отъ о. Н. И. Затопляева, который собираетъ сказки при помощи П. П. Баторова. И то и другое помѣщается въ этомъ-же выпускѣ.

Средства на изданіе этого выпуска получены отъ чл. Отдѣла А. Д. Старцева.

---

*) Г. Хангаловъ авторъ статьи «Зэгэтэ-аба, облава на звѣрей у древнихъ бурятъ», помѣщ. въ «Извѣстіяхъ» Отдѣла, т. XIX, в. 3, и въ сотрудничествѣ съ г. Агапитовымъ авторъ статьи: «Матеріалы для изученія шаманства въ Сибири», «Извѣстія» Отдѣла т. XIV, в. 1 и 2.

БУРЯТСКІЯ СКАЗКИ,

записанныя Н. М. Хангаловымъ и другими.

1. Старикъ и волкъ.

Въ давнее время жилъ былъ богатый и умный старикъ, который все зналъ, что есть на умѣ у людей, птицъ и звѣрей. Вотъ однажды молится волкъ Богу со слезами и просить дать ему что-нибудь поѣсть. Сжалился Богъ надъ волкомъ и позволилъ ему съѣсть бѣлоухаго барана у богатаго старика. Но старикъ узналъ это и заперъ барана на ночь въ юрту. Не нашелъ волкъ въ стадѣ бѣлоухаго барана и снова на завтра просить у Бога что-нибудь поѣсть. Богъ позволилъ ему съѣсть бѣлую кобылу съ черной головой и хвостомъ у того-же старика. Но старикъ опять узналъ разговоръ Бога съ волкомъ и заперъ кобылу въ сарай около юрты; проискалъ волкъ цѣлую ночь бѣлую кобылу въ табунѣ и на завтра снова молится Богу. Позволилъ Богъ съѣсть у того-же старика три черныя коровы съ бѣлыми хребтами. Но старикъ снова узналъ разговоръ Бога съ волкомъ и спряталъ коровъ въ сарай около юрты, а волкъ снова бесполезно проискалъ цѣлую ночь коровъ въ стадѣ. На четвертый день Богъ позволилъ волку съѣсть самого старика. Узналъ это старикъ и сильно перепугался. Въ это время у одного знакомаго ему человѣка была свадьба. Вотъ старикъ и думаетъ: «Поѣду я на свадьбу. Тамъ будетъ много людей. Если волкъ придетъ ночью меня ѣсть, его увидятъ и убьютъ». Рѣшивъ такъ, онъ велѣлъ работнику запереть трехъ коней и поѣхалъ. Бдутъ они и видятъ, по дорогѣ, идетъ красивая дѣвушка, вотъ старикъ и спрашиваетъ: «Отъ чего ты пѣшкомъ идешь?» А дѣвица ему отвѣчаетъ: «Была я на дѣвичьей свадьбѣ, поѣхала домой, да и упала съ лошади.

Идти домой пѣшкомъ далеко, я и иду на эту свадьбу, потому что здѣсь мой отецъ». «Садись со мной!» говоритъ старикъ. Дѣвушка сѣла въ повозку и они поѣхали. Когда пріѣхали на свадьбу, молодые ребята отворили старику двери повозки, смотрятъ, а оттуда выскочилъ волкъ; заглянули въ повозку, а тамъ отъ старика однѣ только кости остались. Ну, и конецъ!

Запис. отъ бурятъ. Ив. Льв. Большаковымъ, въ сел. Долгокычъ, Заб. обл.

2. Старикъ Хоредой.

Въ прежнее счастливое время жилъ старикъ Хоредой*), имѣвшій 20 черныхъ барановъ, которые паслись на неистощимыхъ лугахъ. Кромѣ того онъ имѣлъ двухъ черныхъ коней. Одинъ изъ нихъ былъ хорошимъ бѣгунцомъ и считался лучшей лошадыю, а другой бѣгалъ плохо и считался плохой. Хоредой жилъ счастливо, ни въ чемъ не нуждался и всего было у него вдоволь. Случилось однажды, что у него изъ двадцати черныхъ овецъ оягнилась одна овца и принесла ему бѣлаго ягненка — барашка. Вотъ прилетѣли двѣ вороны и выклевали у ягненка глаза, а сами улетѣли. Разсердился старикъ на воронъ, сѣлъ на бѣгунца, догналъ ихъ, выкололъ у каждой по одному глазу и вставилъ ягненку, послѣ чего тотъ сталъ видѣть также, какъ и прежде. А вороны тѣмъ временемъ полетѣли къ Эсэгэ-малану**).

*) Хотя въ рукописи г. Хангалова, приславшаго эту сказку, написано Хоредой, но написано вѣроятно по ошибкѣ, потому что такого слова нѣтъ, а есть или харадай или горидай. Первое значитъ «завистливый», второе «надежный и способный». Больше къ содержанію сказки идетъ послѣднее значеніе въ смыслѣ умный. И. Подгорбунскій.

**) Эсэгэ-маланъ, или Эсэгэ-маланъ-тенгри значитъ «плѣшивый отецъ». Въ образѣ его буряты олицетворяютъ небесный сводъ и представляютъ его живымъ и личнымъ божествомъ, живущимъ на небѣ. Въ нашихъ сказкахъ онъ является то какъ доброе божество, то какъ злое, какъ напр., въ этой сказкѣ, посылающее людямъ разныя испытанія. Кромѣ того въ сказкѣ о Му-монто онъ является распорядителемъ грома, которымъ и поражаетъ или ослушниковъ его воли или неуважающихъ его. Наконецъ изъ той-же сказки видно, что ему приносятся жертвы за новорожденныхъ. Послѣдній членъ его имени, — тенгри переводятъ обыкновенно словомъ «небо». Но пере-

жаловаться на старика, что онъ-де у нихъ выкололъ по глазу, догнавъ ихъ на своемъ быстромъ бѣгунцѣ. Разсердился Эсэгэ-маланъ на старика и послалъ девять волковъ съѣсть у него хорошаго бѣгунца. Но старикъ узналъ объ этомъ и спряталъ бѣгунца, а на мѣсто его привязалъ худаго коня. Пришли ночью волки и съѣли худаго, а хорошаго по ошибкѣ оставили, цѣлымъ. Когда волки ушли, старикъ съѣлъ на хорошаго бѣгунца и скоро догналъ ихъ, потому что послѣ бды они не могли скоро бѣжать. Затѣмъ онъ снялъ съ нихъ шкуры, оставилъ только немного около хвоста, а самъ воротился домой. Тѣмъ временемъ волки пришли къ Эсэгэ-малану и жалуются, что старикъ снялъ съ нихъ шкуры, послѣ того какъ они по ошибкѣ съѣли у него вмѣсто хорошаго коня худаго. Тогда Эсэгэ-маланъ призвалъ девять шулма *) и приказалъ имъ привести Хоредоя къ нему. Пришли девять шулма къ старику и никакъ не могутъ попасть въ юрту, потому что онъ узналъ объ этомъ и заперъ всѣ выходы на улицу, оставивъ только небольшія щели, чтобы видно было, что дѣлается въ юртѣ. Ходятъ девять шулма около юрты и заглядываютъ въ щели. А у старика ужъ все готово. Въ ожиданіи ихъ онъ набралъ помету и вскипятилъ его въ котлѣ. Когда девять шулма начали заглядывать въ щели, онъ взялъ изъ котла горячаго помету и давай брызгать имъ черезъ щели въ глаза девяти шулма. Такъ и ошпарилъ имъ глаза и лица. Девять шулма не могли попасть въ двери юрты. Воротились девять шулма къ Эсэгэ-малану и жалуются, что старикъ ошпарилъ ихъ. Сильно разсердился Эсэгэ-маланъ на Хоредоя, что онъ не слушаетъ его приказаній и обижаетъ его пословъ,

водъ этотъ невѣренъ, потому что для обозначенія матеріальнаго неба у монголовъ и бурятъ есть слово окторхой. Слово-же тенгри употребляется для означенія лучезарнаго божества свѣта. Дѣло въ томъ, что выраженіе это созвучно, а можетъ быть и происходитъ отъ санскритскаго deva. А это послѣднее произошло отъ корня div, свѣтить, блистать (отсюда русское день, лат. dies и deus). Слѣд. первоначально имъ обозначались лучезарныя божества свѣта и добра т. е. живыя существа, а не матеріальное небо. *И. Подгорбунскій.*

*) Словомъ шулмусъ или шулма называются злые духи, враждебные человѣку и старающіеся ему постоянно вредить; названіе это, кажется, употребляется вообще для обозначенія злаго духа. *И. Подгорбунскій.*

сѣлъ на облако и самъ полетѣлъ къ Хоредою, чтобы убить его громомъ. Узнавъ объ томъ, старикъ какъ можно скорѣе приготовилъ девять котловъ тарасуна*), поймалъ большого бѣлаго барана и, приготовивъ все необходимое для жертвоприношенія, вышелъ на улицу и сталъ ожидать Эсэгэ-малана. Когда Эсэгэ-маланъ прилетѣлъ на облакъ и увидѣлъ, что Хоредой приготовился сдѣлать ему жертвоприношеніе, гнѣвъ его прошелъ и онъ, опустившись на землю, спросилъ его: «Зачѣмъ ты вынулъ по одному глазу у двухъ вороновъ?» Хоредой отвѣчалъ, что вороны выклевали глаза у его ягненка, котораго онъ намѣренъ былъ принести ему, Эсэгэ-малану, въ жертву, а потому онъ и взялъ у каждаго изъ нихъ по глазу и вставилъ своему ягненку. Тогда Эсэгэ-маланъ спросилъ: «А почему ты снялъ кожу съ девяти волковъ, которыхъ я послалъ, чтобы съѣсть твою лошадь?» — Я сдѣлалъ это потому, отвѣчалъ Хоредой, что они не съѣли хорошаго коня, котораго ты послалъ ихъ съѣсть, а съѣли худаго». «А почему ты ошпарилъ лица девяти шулма, которыхъ я послалъ привести тебя?» спросилъ Эсэгэ-маланъ. «Я потому сдѣлалъ это, отвѣчалъ старикъ, что они не входили въ юрту черезъ дверь, а смотрѣли въ щели». Удовольствовавшись этими отвѣтами, Эсэгэ-маланъ простилъ старика, принялъ его жертвоприношеніе и воротился на небо, а старикъ воротился домой и сталъ жить счастливо по прежнему. А дальше: анхужи ашта, бурханда тушэ.

Записана г. Хангаловымъ у бурятъ Балаганскаго вѣдомства.

3) Старикъ Уханай.

Жилъ былъ старикъ Уханай, имѣвшій маленькую бѣлую юрту, въ которой жилъ самъ и его семейство, и многочисленное стадо бѣлыхъ коровъ, пасшихся на неистощимыхъ и вѣчно цвѣтущихъ лугахъ и расплодившихся въ такомъ огромномъ количествѣ,

*) Тарасуномъ называется вино, приготовляемое изъ кислаго молока.

что Уханай давно потерялъ имъ счетъ, а изъ молока ихъ накопилъ курунгу*) съ озеро. У Уханая была жена по имени Сэскэлъ, а отъ нея сынъ — Дабхальжиханъ и дочь — Дагда, ходившіе за отцовскимъ стадомъ и оберегавшіе его день и ночь. Однажды Уханай заснулъ и спалъ трои сутокъ крѣпкимъ сномъ, и снится ему, будто пришелъ какой-то непобѣдимый воинъ, пролилъ его курунгу съ озеро величиной, сломалъ и опустошилъ бѣлую юрту, побѣдилъ и убилъ его сына, а тѣло его сжегъ на кострѣ, угналъ его многочисленное стадо бѣлыхъ коровъ и увелъ его жену Сэскэлъ и дочь Дагда, такъ что онъ остался одинъ безо всего въ сломанной бѣлой юртѣ. Проснувшись, Уханай увидѣлъ, что дѣйствительно сломана его бѣлая юрта, въ которой онъ спалъ, убить его единственный сынъ Дабхальжиханъ, угнано его многочисленное стадо бѣлыхъ коровъ, опрокинута и пролита его курунгу съ озеро величиной и похищены жена Сэскэлъ и дочь Дагда, а онъ остался одинъ въ сломанной юртѣ. Долго плакалъ старикъ, жалѣя семейство и стада, наконецъ послѣ девяти сутокъ успокоился и пошелъ странствовать по бѣлу свѣту, куда глаза глядятъ. Шелъ онъ, шелъ и нашелъ бѣлую безъ мяса лопатку, нашелъ и говорить: «все, что найдено на землѣ хорошаго, пригодится мнѣ». Затѣмъ, поднявъ лопатку, онъ разбилъ себѣ носъ и, вымазавъ ее кровью, чтобы она казалась какъ-бы съ мясомъ, пошелъ дальше. По дорогѣ онъ зашелъ къ одному челоѣву. Тотъ и спрашиваетъ его: «Ты откуда, старикъ, какъ тебя зовутъ и куда идешь?» — «Зовутъ меня Уханаемъ, отвѣчалъ онъ, мѣстожителство мое на южной сторонѣ, а иду я странствовать по бѣлу свѣту». Послѣ этого старикъ остался пожить здѣсь и все время, пока жилъ, никогда не разставался съ своей лопаткой; пойдетъ на улицу или куда-нибудь и лопатку съ собой ташить. Видитъ это хозяинъ и спрашиваетъ: «Отъ чего ты постоянно таскаешь съ собой лопатку? Положилъ-бы ее въ нашъ котелъ, она и сварится съ нашимъ мясомъ». — «Положить-то я, пожалуй, положу, отвѣчалъ старикъ, да боюсь, какъ-бы

*) Такъ называется сосудъ, въ который сливаютъ молоко.

вашъ котелъ не съѣлъ ее. Тогда я останусь безъ мяса». «Нашъ котелъ не ѣстъ мясо, возразилъ хозяинъ, а если съѣстъ, то возьми за это нашъ котелъ». Согласился старикъ, положилъ въ котелъ лопатку и ждетъ, скоро-ли она сварится. Когда стали вынимать сварившееся мясо, смотреть, а лопатка обмылась въ водѣ и стала совершенно бѣлой. Вотъ старикъ и говоритъ хозяину: «Говорилъ я тебѣ, что вашъ котелъ съѣстъ мое мясо! Что я теперь буду дѣлать безъ мяса? Давайте теперь вашъ котелъ». Нечего дѣлать, отдалъ хозяинъ старику котелъ, хотя и подивился, какимъ образомъ котелъ, который прежде ничего не ѣлъ, теперь вдругъ съѣлъ стариково мясо. А старикъ тѣмъ временемъ забралъ котелъ и пошелъ дальше. Шелъ, шелъ и пришелъ къ другому человѣку. Тотъ принялъ его съ радостію, какъ дорогаго гостя, и спрашиваетъ: «Какъ тебя зовутъ, съ какой стороны и куда идешь»? «Зовутъ меня Уханаемъ, отвѣчалъ старикъ, жилъ я на южной сторонѣ, а теперь иду странствовать по-бѣлу свѣту». Оставшись у этого человѣка, Уханай, какъ и прежде, повсюду началъ таскать съ собой котелъ. Вотъ хозяинъ и спрашиваетъ: «Отчего ты постоянно таскаешь котелъ съ собою? Поставилъ-бы его съ нашими, онъ тамъ и простойтъ до завтра, не потеряется». Нѣтъ! не поставлю, отвѣчалъ старикъ; пожалуй, ночью вашъ скотъ сломаетъ его, тогда я и останусь безъ котла и мясо не въ чемъ будетъ варить». Тогда хозяинъ и говоритъ ему: «У меня есть черный баранъ. Если котелъ твой сломается ночью, я отдамъ тебѣ за него этого барана». Старикъ согласился и поставилъ свой котелъ съ котлами хозяина; затѣмъ, когда все заснуло, онъ тихоньво подошелъ къ котлу и сломалъ его, а самъ легъ и заснулъ. Смотрятъ утромъ, у старика котелъ лежитъ сломанный, а онъ требуетъ за котелъ барана, приговаривая: «Говорилъ я вамъ вчера, что сломаютъ мой котелъ! Давайте теперь мнѣ за него барана». Нечего дѣлать, отдалъ хозяинъ чернаго барана, а старикъ пошелъ дальше. По дорогѣ зашелъ къ третьему человѣку, который тоже принялъ его, какъ дорогаго гостя, а старикъ опять, куда

ни пойдеть, повсюду тащить за собою черного барана. Вотъ хозяинъ и говорить ему: «Отпусти, старикъ, своего барана съ нашими, тамъ никуда со двора не потеряется». А старикъ: «Боюсь!» говорить. «Какъ-бы ночью ваши бараны не съѣли моего? Тогда я и останусь безъ барана». «Хорошо», говорить хозяинъ; «если наши бараны съѣдятъ твоего, то ты возьми за него моихъ двадцать бѣлыхъ барановъ»! Старикъ согласился и отпустилъ своего черного барана съ хозяйскими въ овчарню. Когда ночью всѣ уснули, онъ осторожно вышелъ на улицу, пробрался въ овчарню, закололъ своего черного барана и кровью его выпачкалъ хозяйскихъ барановъ, а шкуру разрѣзалъ и лоскутки повѣсилъ на ихъ рогахъ. Затѣмъ воротился въ юрту и легъ спать. Смотрять на утро, всѣ хозяйскіе бараны въ крови, а на рогахъ ихъ висятъ куски шкуры отъ черного старикова барана. Тогда Уханай и говорить хозяину: «Говорилъ я, что твои бараны съѣдятъ моего! смотри, всѣ они въ крови, а на рогахъ висятъ лоскутки кожи отъ моего барана. Давай-же теперь своихъ барановъ»! Нечего дѣлать, отдалъ хозяинъ Уханаю барановъ, а тотъ пошелъ съ ними дальше. Пришелъ на одно ровное мѣсто и давай ихъ рѣзать. Зарѣзалъ всѣхъ и мясо сложилъ въ одну кучу, отъ чего тутъ образовался мясной бугоръ, а отъ крови небольшой ручей. Кончивъ колоть ихъ, Уханай пошелъ дальше, встрѣтилъ по дорогѣ двухъ человѣкъ въ волчьихъ дохахъ и говорить имъ, что на пути видѣлъ мясной бугоръ и ручей крови. Тѣ отвѣчаютъ, что тамъ нѣтъ и никогда не было ни мясной горы, ни ручья. Старикъ стоитъ на своемъ и говорить, что есть, а тѣ не поддаются и говорятъ, что нѣтъ. Спорили, спорили и побились объ закладъ, причемъ встрѣчные обѣщали отдать дохи*), если проспорять. Пошли, смотреть и дѣйствительно на пути лежитъ мясной бугоръ, а около него ручей крови. Тогда Уханай взялъ у нихъ волчьи дохи и пошелъ дальше. Шелъ, шелъ и пришелъ къ одному человѣку, у котораго было двѣ взрослыхъ дочери. Заходить въ юрту; хозяинъ встрѣтилъ его, какъ дорогаго гостя.

*) Доха, сибирское выраженіе: шуба шерстью вверхъ.

Затѣмъ началъ спрашивать, какъ его зовутъ, гдѣ живетъ и куда идетъ. Старикъ отвѣчалъ, что зовутъ его Уханаемъ, жилъ онъ на южной сторонѣ, а теперь идетъ странствовать по бѣлу свѣту. После этого старикъ остался ночевать и по прежнему началъ таскать съ собой волчьи дохи, куда-бы-то ни пошелъ. Вотъ хозяинъ и спрашиваетъ: «Отъ чего ты постоянно таскаешь съ собою дохи? положи ихъ съ нашими, никто не возьметъ!» «Твои дочери изрѣжутъ, пожалуй, мои дохи на заплатки, тогда я и останусь безъ нихъ!» отвѣтилъ старикъ. «Если изрѣжутъ, говоритъ хозяинъ, такъ я отдамъ ихъ за тебя замужъ». Согласился старикъ и положилъ свои дохи съ хозяйскими. Когда всѣ уснули, онъ тихонько разрѣзалъ свои дохи на лоскутки и положилъ ихъ около хозяйскихъ дочерей. Смотрятъ на утро и видятъ, что стариковы дохи лежатъ изрѣзанныя около хозяйскихъ дочерей. А старикъ говоритъ: «Говорилъ я вамъ, что изрѣжутъ мои дохи. Вотъ и изрѣзали. Давай теперь мнѣ твоихъ дочерей!» Нечего дѣлать, отдалъ хозяинъ за старика своихъ дочерей, послѣ чего тотъ, поживъ нѣсколько времени у тестя, уѣхалъ домой, выстроилъ заново свою бѣлую юрту и сталъ по прежнему жить счастливо. Но счастье его продолжалось недолго, потому что молодыя жены не любили его. Однажды онъ накурили изъ курунги котель тарасуну, котораго старикъ напился до пьяна и началъ пѣть пѣсню, въ которой подробно описалъ свою прежнюю счастливую жизнь, нашествіе непобѣдимаго воина, похищеніе послѣднимъ его жены, дѣтей и стадъ. Потомъ перешелъ къ своему странствованію и описалъ какъ онъ нашелъ лопатку, какъ обманомъ вымѣнялъ на нее котель, на котель — чернаго барана, на чернаго барана — двадцать бѣлыхъ барановъ, на двадцать бѣлыхъ барановъ двѣ волчьи дохи, а на нихъ — двухъ своихъ женъ; какъ, благодаря своей ловкости, онъ сдѣлался по прежнему богатъ и добылъ двухъ молодыхъ женъ! Услышавъ это, жены разсердились и вылили на голову старика горячій бозо, послѣ чего онъ умеръ. Тогда они сказали: «Мы побѣдили нашего врага!» тѣло его сожгли на кострѣ, забрали все

его имущество, переѣхали къ своему отцу и стали жить здѣсь счастливо, рассказавъ отцу, какъ онъ былъ обманутъ старикомъ. Послѣ того анхужи анта, бурхаяда тушэ.

Записана г. Хангаловымъ у бурятъ
Балаганскаго вѣдомства.

4) Водяная старуха.

Въ давнее время, когда большія горы, которыя теперь видите, были небольшими холмами (тологой), а деревья кустарниками (бургаганъ), жилъ одинъ человѣкъ, у котораго было двѣ юрты, двѣ жены и одинъ сынъ. Человѣкъ этотъ былъ очень богатъ: имѣлъ много верблюдовъ, табуны скота, а баранамъ и счетъ потерялъ. Онъ постоянно и лѣтомъ, и весной, и осенью и зимой жилъ на одномъ мѣстѣ, никуда не перекочевывая. Вотъ однажды осенью погналъ онъ свои табуны на водной. Подошли табуны къ водѣ, около нея ходятъ, а не пьютъ. Удивился человѣкъ, подѣхалъ къ водѣ и ударилъ по ней укрюкомъ. Смотрить, а за укрюкъ ухватилась толстая старая женщина и говорить ему: «Я тебя съѣмъ!»! «Не ѣшь меня», отвѣчалъ онъ, «у меня есть восемнадцатилѣтній сынъ, ты лучше его съѣшь». «А гдѣ я его возьму»? спросила женщина. «Завтра я его пошлю туда, гдѣ восходитъ солнце, тамъ ты его и дожидай», сказалъ человѣкъ. Тогда женщина отпустила укрюкъ и говорить человѣку: «Смотри, не обмани! Если обманешь, я съѣмъ весь твой скотъ и тебя». На завтра чуть только начало свѣтать, человѣкъ собралъ табуны, поймалъ восьминогаго пѣго-рыжаго коня и говорить сыну: «Ты осѣдай этого коня и поѣзжай туда, гдѣ восходитъ солнце; тамъ посмотри хорошенько мѣсто, я хочу перекочевать туда». Осѣдалъ сынъ коня, напился чаю, сѣлъ и поѣхалъ. Вотъ конь и говорить ему человѣческимъ голосомъ: «Ты, парень, туда не ѣзди, хотя тебя и послалъ отецъ. Тамъ есть толстая старая женщина; старуха эта тебя съѣстъ». «Если отецъ послалъ, то нельзя не ѣхать», отвѣчалъ па-

рень. «Такъ ты вотъ что сдѣлай!»! говоритъ конь. «Теперь старуха эта тебя дожидаетея, двѣ золотыя лодышки вверхъ кидаетъ. Когда мы подѣдемъ къ ней близко, я буду бѣгать рысью; ты скажи ей: «Старуха! кидай выше лодышки!»! затѣмъ лови ихъ и я побѣгу назадъ». Парень такъ и сдѣлалъ. Когда подѣхалъ близко къ старухѣ, онъ и кричитъ ей: «Выше, выше, старуха, кидай лодышки!»! Старуха подбросила лодышки. Парень поймалъ ихъ и побѣжалъ; старуха вско-чила, да за нимъ съ большимъ ножомъ. Бѣжали, бѣжали, старуха совсѣмъ нагнала парня, ударила ножомъ и отсѣкла у коня двѣ ноги. Побѣжалъ конь на шести ногахъ, а старуха съѣла ноги, да опять за ними. Бѣжали, бѣжали, старуха опять нагнала парня, ударила ножомъ и отсѣкла у коня двѣ ноги. Побѣжалъ конь на четырехъ ногахъ, а старуха съѣла ноги и гонится за ними. Отсѣкла еще двѣ ноги, конь побѣжалъ на двухъ. Догнала опять старуха парня и отсѣкла двѣ послѣднія ноги. Тогда конь превратился въ большое толстое дерево, а парень влѣзъ на его верхушку. Подбѣжала старуха, начала дерево ножомъ рубить. Рубила, рубила, цѣлыхъ два дня рубила, наконецъ дерево рухнуло, схватила старуха парня, да и говоритъ: «Смотри-ка, какой бойкій! убѣжать хотѣлъ! Пойдемъ-ка вмѣстѣ пѣшкомъ». Пошли. Приходятъ въ одну падь. Течетъ въ ней рѣчка, а около рѣчки юрта изъ сѣна (убусунэй гырѣ) сдѣлана. Старуха вошла въ юрту, развела огонь и говоритъ парню: «Поди въ лѣсъ, принеси палку! я изъ нея роженъ сдѣлаю, потомъ мясо будемъ жарить». Посмотрѣлъ парень, мяса въ юртѣ нигдѣ нѣтъ и догадался, что старуха его хочетъ жарить. Пошелъ въ лѣсъ — плачетъ, и палку не беретъ и назадъ нейдетъ. Ходилъ, ходилъ, смотреть — стоитъ красно-пестрый порозъ и говоритъ ему человѣческимъ голосомъ: «Ты чего, парень, плачешь»? «Заполонила меня старая толстая женщина», отвѣчаетъ парень. «За палкой послала, хочетъ изъ нея роженъ сдѣлать и мясо жарить. Посмотрѣлъ я въ юртѣ, мяса никакого нѣтъ. Полагаю, что старуха меня хочетъ заколотъ и мое мясо изжарить». «Поди въ юрту, сказали порозъ, и

проси у старухи ножикъ, — говори: «Мамка, мамка, дай мнѣ ножикъ, я палку срублю!»! Затѣмъ возьми ножикъ и иди сюда». Выпросилъ парень ножикъ и пришелъ назадъ. Вотъ порозъ и говоритъ: «Сядись на меня». Сѣлъ парень на пороза и они побѣжали. Долго ждала старуха парня, наконецъ вышла изъ юрты и начала смотрѣть. Посмотрѣла на сѣверъ и на югъ — нѣтъ, посмотрѣла на лѣво — нѣтъ, посмотрѣла на право, а онъ ужъ за двумя горами на третью поднимается. Подобрала старуха полы у шубы, за поясъ заткнула и побѣжала въ догонку. Совсѣмъ ужъ догонять начала. Вотъ порозъ и говоритъ парню: «Возьми обѣими руками старухинъ ножъ за концы и перегни его черезъ правое колѣно!»! Лишь только парень сдѣлалъ это, какъ старуха упала на землю и схватилась за правое колѣно. Побѣжали дальше. Бѣгутъ, а старуха оправилась и снова за ними. Совсѣмъ догонять начала. Вотъ порозъ и говоритъ парню: «Перегни ножъ черезъ лѣвое колѣно!»! Перегнулъ парень ножъ, упала старуха, а они побѣжали дальше. Бѣжали, бѣжали, старуха опять нагоняетъ ихъ. «Переломи ножъ, говоритъ порозъ, и брось обломки въ разныя стороны!»! Переломилъ парень ножъ, смотритъ, и старуха перервалась на двое да тутъ и померла. Пересталъ порозъ бѣжать, шагомъ пошелъ. Вотъ прѣехали они въ одну падь, подѣхали къ водѣ, порозъ остановился и говоритъ: «Теперь ты меня заколи, оснимай кожу, а голову отрѣжь и положи рогами на сѣверъ, а носомъ на югъ. Мясо можешь разрѣзать и съѣсть, а кожей одѣться». Жалко стало парню пороза, заплакалъ даже. Но порозъ снова велитъ разрѣзать себя. Тогда парень зарѣзалъ пороза, оснималъ шкуру, отрѣзалъ голову, набѣлелъ досыта мяса, завернулся въ шкуру и заснулъ. Пробудился на завтра, когда вошло солнце, глядитъ — лежитъ въ новой юртѣ, подъ лисьимъ одѣяломъ, а около огня сидитъ красивая женщина, чай варитъ. Вышелъ изъ юрты, у столба стоитъ пѣгый рыжій восьминогій конь; кругомъ насутся многочисленные стада, а около него стоятъ работники и ждутъ приказаній. Удивился парень, вошелъ въ юрту и спрашиваетъ женщину: «Чье это хозяйство?»

А она ему въ отвѣтъ: «Все это твое». Подивился парень, наѣлся и напился чаю, осѣдлалъ коня и поѣхалъ къ отцу. Входитъ въ юрту старшей матери, глядь, а они обѣ отца бьютъ; одна сидитъ у него на ногахъ, другая на головѣ, да приговариваютъ: «Куда парня отправилъ»? При видѣ его матери отпустили старика, но онъ не встаетъ, до смерти забили. Похоронилъ парень отца на одномъ мысу, забралъ матерей и хозяйство, перекочевалъ къ своей юртѣ, да тамъ и теперь живетъ. Не взывайте! Конецъ.

Записана И. Л. Большаковымъ. у бурятъ въ сел. Долгокычъ Заб. обл.

5) Дѣвица Тэбэкъ-ногонъ-абаха.

Въ прежнее счастливое время жилъ нѣкто Ногонъ-хонгоръ съ женою Ногонъ-гохонъ. Они жили въ красивомъ дворцѣ, имѣли множество подданныхъ и многочисленныя стада скота, которыя паслись на плодородныхъ лугахъ. У нихъ была дочь по имени Тэбэкъ-ногонъ-абаха, отличавшаяся необыкновенною красотою и умомъ, такъ что красивѣе ея не было на свѣтѣ; она жила въ отдѣльномъ отъ родителей дворцѣ, окруженная многочисленными служанками. Однажды Тэбэкъ-ногонъ-абаха приказала своимъ служанкамъ расчесать и заплести въ косы свои волосы. Десять служанокъ встало съ правой стороны и двадцать служанокъ встало съ лѣвой стороны; начали чесать и заплетать ея волосы и едва окончили эту работу въ продолженіи сутокъ. Въ это время они вычесали изъ ея головы вошь, величиною съ человѣческую голову. Дѣвица не велѣла ее убивать, а стала кормить. Сначала она посадила ее на ладонь и кормила 10 дней, послѣ чего вошь выросла съ быка. Потомъ посадила ее на колѣни и кормила 20 дней. По прошествіи этого времени вошь сдѣлалась величиною съ изюбря *). Тогда она отпустила ее на высокую и крутую гору, на которой отъ крутизны не держится снѣгъ и

*) Изюбрь, олень, *Cervus maral*.

скатывается внизъ и на вершину которой не можетъ долетѣть птица сорока, и сказала при этомъ: «Тотъ, кто первый узнаетъ про эту вошь и сдѣлаетъ ей жертвоприношеніе, будетъ моимъ мужемъ»! Но долго никто не зналъ объ этомъ и не шелъ ее сватать, наконецъ приходитъ 58-ми-головый Тангиль-шара-мангатхай, узнавшій секретъ случайно.

У Тэбэкъ-ногонъ-абаха была одна служанка, которая постоянно ходила за водой къ морю. Служанка эта знала, что однажды десять служанокъ чесали ей голову съ правой стороны и двадцать служанокъ чесали съ лѣвой стороны и вычесали вошь, которую она кормила десять дней на ладоняхъ и двадцать дней на колѣняхъ и отпустила на высокую гору, сказавъ при томъ, тотъ будетъ ея мужемъ, кто узнаетъ о существованіи этой вши и принесетъ ей жертву. Вотъ пошла она однажды за водой и встрѣтилась съ 58-головымъ Тангиль-шара мангатхаемъ*), который вышелъ изъ такого густаго лѣсу, что въ него не проползетъ змѣя, ни пробѣжитъ росомаха. Увидѣвъ Тангиль-шара-мангатхай служанку и спрашиваетъ, что слышала она новаго и что подѣлываетъ дѣвица Тэбэкъ-ногонъ-абахай? Тогда служанка со страху рассказала ему про вошь, которую дѣвица Тэбэкъ-ногонъ-абаха выкормила и обратила въ изюбря и прибавила при этомъ, что тотъ, кто первый узнаетъ объ ней и сдѣлаетъ ей жертвоприношеніе, будетъ мужемъ ея госпожи. Затѣмъ, зачерпнувъ воды, она воротилась домой. А мангатхай, выслушавъ ея рассказъ, приходитъ къ Тэбэкъ-ногонъ-абахай и говоритъ, что онъ первый узналъ про изюбря, живущаго на вершинѣ высокой крутой горы, что это не изюбрь, а вошь, которую она кормила 10 дней на ладони и 20 дней на колѣняхъ, и что онъ первый сдѣлалъ жертвоприношеніе

*) Мангатхай тоже, что мангысь или мангусъ монгольское, джелбегенъ алтайское и ракша санскр. Этимъ именемъ называются громадныя и прожорливыя чудовища, которыя могутъ проглатывать цѣлыя царства, не говоря уже объ отдѣльныхъ людяхъ. Они обладаютъ громаднымъ тѣломъ и множествомъ головъ. Число послѣднихъ бываетъ различно, то 7, то 58 и т. д. Они напоминаютъ собою чудовищныхъ змѣй русскихъ сказокъ.

и пришелъ просить ее за себя замужъ, но дѣвица отвѣтила ему: «У насъ нѣтъ обыкновенія такъ вдругъ выходить замужъ. Ты теперь иди домой и черезъ три дня по обычаю нашему пріѣзжай свататься за меня и привози араки*) и мяса; потомъ я выйду за тебя и ты можешь тогда увезти меня съ собою». Выслушавъ этотъ отвѣтъ, 58-годовалый Тангиль-шара мангатхай обрадовался и пошелъ домой; нѣкоторые его головы отъ радости пѣли пѣсни, другія разговаривали о свадьбѣ, третьи говорили сказки, четвертыя курили табакъ. Дѣвица жемчужнымъ временемъ ушла за море и скрылась тамъ отъ него. На третій день пріѣзжаетъ мангатхай съ мясомъ и виномъ, останавливается около дворца Ногонъ-хонгора и кричитъ ему: «Выходи ко мнѣ на встрѣчу! я пріѣхалъ сватать твою дочь!» Но старикъ отвѣчалъ: «Я не могу выйти, потому что болѣнъ и лежу у очага». Тогда Тангиль-шара-мангатхай закричалъ женѣ Ногонъ-хонгора: «Выходи! я пріѣхалъ сватать твою дочь!» Но старуха отвѣчала: «Я не могу выйти, потому что больна и лежу у очага». Послѣ этого онъ поѣхалъ ко дворцу дѣвицы Тэбэкъ-ногонъ-абаха и кричитъ: «Выходи! я пріѣхалъ сватать тебя!» Но ему отвѣчали, что дѣвицы нѣтъ дома. Разсердился мангатхай, съѣлъ мясо, выпилъ вино, вошелъ во дворецъ и спрашиваетъ, куда дѣвалась его невеста? Служанки отвѣчали, что она убѣжала спрятаться отъ него за море. Тангиль-шара-мангатхай отправился за ней въ погоню. Пріѣхалъ къ морю и видитъ, что она сидитъ на другомъ его берегу. Вотъ онъ и спрашиваетъ: «Какъ ты переправилась на ту сторону?» А она ему въ отвѣтъ: «Я, говоритъ, взяла камень съ южной горы величиною съ жеребенка и привязала его къ передней сторонѣ подола, потомъ взяла камень съ сѣверной стороны величиною съ теленка и привязала его къ задней сторонѣ подола, да такъ и переплыла». Выслушавъ это, Тангиль-шара-мангатхай поспѣшно сходилъ за камнями, привязалъ ихъ къ себѣ и поплылъ. Когда онъ былъ на срединѣ моря, дѣвица махнула чернымъ платкомъ, отчего подулъ вѣтеръ съ кровавымъ

*) Араки — вино.

дождемъ, потомъ пошелъ каменный градъ, который пробилъ ему всѣ 58 головъ и онъ умеръ. Затѣмъ, когда волны выбросили его тѣло на берегъ, она сожгла его на кострѣ и кости разбросала на всѣ четыре стороны. Послѣ этого она воротилась домой, рассказала родителямъ, какъ побѣдила чудовище, и начала жить по-прежнему счастливо. А затѣмъ анхужиашта, бурханда тушэ.

Записана г. Хангаловымъ у бурятъ
Балаг. вѣд.

6) Старуха Хэрхэнъ.

Жила была старуха Хэрхэнъ, у которой былъ красный быкъ съ бѣлымъ пятномъ на лбу. Захотѣлось старухѣ заколоть этого быка и она начала кормить его. Кормила три года, послѣ чего быкъ сильно разжирѣлъ. Тогда старуха заколола его и начала ждать гостей. Но никто къ ней не шелъ. Не дождавшись никого, она сама пошла искать гостей. Идетъ по дорогѣ и видитъ сороку. Подошла и говорить: «Пойдемъ ко мнѣ въ гости, я тебя угощу!» «А чѣмъ ты угостишь меня?» говоритъ сорока. — «Я угощу тебя мясомъ убитаго быка, котораго кормила три года!» отвѣтила старуха Хэрхэнъ и спрашиваетъ сороку: «Ты какое мясо больше любишь?» Сорока говоритъ: «Я люблю клевать рубецъ». Выслушавъ этотъ отвѣтъ, старуха Хэрхэнъ сильно разсердилась, схватила комъ черной земли и, бросивъ въ сороку, сказала: «Въшь вотъ черную землю!» Потомъ она пошла дальше, по дорогѣ встрѣтила ворону и просить ее къ себѣ въ гости. Ворона соглашается и спрашиваетъ: «Чѣмъ угостишь меня?» Старуха отвѣчаетъ: «Я накормлю тебя мясомъ краснаго быка, котораго кормила три года и недавно заколола!» и спрашиваетъ: «Ты какое мясо больше любишь?» «Я люблю сырое мясо, отвѣчала ворона, особенно уважаю глаза!» Старуха Хэрхэнъ опять сильно разсердилась, схватила комъ черной земли и, бросивъ въ ворону, сказала: «Вотъ въшь черную землю!» Затѣмъ она пошла дальше и встрѣтилась

отдала. Мангатхай разсердился, проглотилъ одну корову и собаку у старухи, а затѣмъ положилъ старуху Хэрхэнъ въ мѣшокъ и пошелъ домой. Пришедши домой, онъ повѣсилъ ее надъ очагомъ и сказалъ дѣтямъ, чтобы они къ его приходу сварили мясо старухи, а самъ ушелъ. Послѣ его ухода старуха Хэрхэнъ и говоритъ его семи сыновьямъ: «Выпустите меня изъ мѣшка! Я вамъ сдѣлаю по стрѣлѣ!» «А какъ намъ сдѣлать это?» спрашиваютъ тѣ. — «Подайте мнѣ ножикъ, я разрѣжу мѣшокъ и выйду», говоритъ старуха. Дѣти, недолго думая, подали ей ножикъ, послѣ чего она разрѣзала мѣшокъ, вылѣзла изъ него и говоритъ: «Ложитесь всѣ спать! Кто первый заснетъ, тому первому я и сдѣлаю стрѣлку». Дѣти улеглись на постели и захрапѣли. Тогда старуха Хэрхэнъ всѣмъ имъ отрубила головы, вынула желудки, наполнила ихъ кровью и привязала себѣ подъ мышки, а мясо разрѣзала на куски и сварила въ котлѣ. Головы же убитыхъ сложила рядомъ и прикрыла одѣяломъ, оставивъ немного на виду. Когда мясо сварилось, она вынула его изъ котла, положила въ корзины, а послѣднія поставила около очага. Затѣмъ она вырыла подъ стѣной юрты на улицу яму и легла въ нее. Черезъ нѣсколько времени воротился семиголовый мангатхай и увидѣвъ, что мясо готово, похвалилъ дѣтей. А самъ и не замѣчаетъ, что это мясо — мясо его дѣтей. Затѣмъ онъ подошелъ къ мясу, отрѣзалъ отъ него кусокъ и съѣлъ. Въ это время по тѣлу его пробѣжала дрожь. Думая, что это произошло отъ того, что онъ началъ ѣсть не бросивши мяса огню, онъ отрѣзалъ и бросилъ кусокъ въ огонь, потомъ отрѣзалъ и съѣлъ самъ, послѣ чего у него сильно забилося сердце. Мангатхай подумалъ, что это произошло отъ того, что онъ не бросилъ мяса онгонамъ. Отрѣзавъ кусокъ, онъ бросилъ его онгонамъ, потомъ отрѣзалъ кусокъ отъ сердца и съѣлъ, но сердце у него забилося еще сильнѣе прежняго. Мангатхай пришелъ въ удивленіе и рѣшилъ, что сердце его бьется отъ того, что онъ ѣстъ одинъ, не разбудивъ дѣтей. Послѣ этого онъ крикнулъ, чтобы дѣти вставали и садились съ нимъ ѣсть

мясо. Но дѣти не встали. Тогда онъ крикнулъ вторично. Но и на тотъ крикъ дѣти не встали. Разсердившись, онъ подошелъ къ постели и сбросилъ одѣяло. Но вмѣсто дѣтей съ постели покатились только ихъ головы. Тогда только мангатхай догадался, что старуха перехитрила его и начинаетъ звать ее. «Хитрая перехитрила меня! Гдѣ ты старуха, Хэрхэнъ»? А старуха отзывается съ улицы: «здѣсь»! Выбѣжалъ мангатхай на улицу; искалъ, искалъ старуху и снова кричить: «Гдѣ ты, старуха Хэрхэнъ»? А она отзывается въ юртѣ: «здѣсь»! Мангатхай прибѣжалъ въ юрту и началъ здѣсь искать старуху. Искалъ, искалъ, никакъ не можетъ найти и снова кричить: «Гдѣ ты, старуха Хэрхэнъ»? А она опять отзывается на улицѣ: «здѣсь»! Долго бѣгалъ мангатхай изъ юрты на улицу и съ улицы въ юрту, пока наконецъ не провалился въ вырытую старухой яму. Тогда только онъ догадался, отчего онъ долго не могъ найти старуху Хэрхэнъ. А старуха тѣмъ временемъ, пока онъ раздумывалъ, выскочила изъ ямы и побѣжала. Вышелъ мангатхай изъ юрты, смотритъ, а старуха ужъ далеко отъ него бѣжитъ. Пустился онъ за ней въ догонку, желая поймать ее и отомстить за дѣтей, но какъ-то долго не могъ догнать, такъ что старуха Хэрхэнъ добѣжала до черного моря (хара-далай) и побѣжала по льду. Когда мангатхай началъ ее совсѣмъ нагонять, она вылила на ледъ кровь изъ одного желудка. Мангатхай говоритъ: «Не оставлю кровь своего сына пролитою на льду»! началъ лизать ее и приморозилъ одинъ языкъ ко льду. Приморозилъ и кричитъ старухѣ Хэрхэнъ, чтобы она рубила между языкомъ и льдомъ. А старуха подошла да и отрубила ему одну голову. Послѣ этого снова пустилась бѣжать. Мангатхай за ней. Тогда старуха Хэрхэнъ разлила кровь изъ втораго желудка, которую тотъ началъ лизать и снова приморозилъ языкъ, послѣ чего старуха опять отрубила ему одну голову и дѣлала тоже самое до тѣхъ поръ, пока не отрубила ему всѣ головы, и онъ умеръ. Тогда старуха Хэрхэнъ сказала: «Я побѣдила непобѣдимаго воина»! собрала въ одну кучу семь головъ и трупъ мангатхая и сожгла на кострѣ. Послѣ

этого она воротилась домой и зажила счастливо по прежнему. А дальше ан-хужи ашта, бурханду туше.

Записана г. Хангаловымъ у бурятъ Балаганскаго вѣдомства.

7) Т е н е х о н ь.

Жилъ былъ нѣкто Тенехонъ, который имѣлъ большаго быка съ бѣлымъ пятномъ на лбу. Кормилъ онъ этого быка три года; за это время быкъ такъ разжирѣлъ, что едва ходилъ. Тенехонъ закололъ своего быка, жирнаго мяса много вышло, и сталъ онъ это мясо ѣсть. Когда онъ варилъ большое ребро, то ѣлъ, вытягиваясь, и не могъ всего съѣсть, а когда малое ребро варилъ, то ѣлъ, присѣдая, и не могъ всего съѣсть.

Тогда Тенехонъ пошелъ искать человѣка, который помогъ-бы ему ѣсть мясо заколотатаго быка. Идя по дорогѣ, встрѣтилъ Тенехонъ ворона и рассказываетъ ему — что вотъ онъ три года кормилъ своего быка съ бѣлымъ пятномъ на лбу, и потомъ его закололъ, а теперь ищетъ, кто-бы помогъ ему съѣсть мясо. Онъ приглашаетъ ворона къ себѣ ѣсть мясо; воронъ соглашается. Тенехонъ спрашиваетъ ворона: «Ты что будешь ѣсть»? Воронъ отвѣчаетъ: «Буду клевать глаза». Тогда Тенехонъ разсердился на него и крикнулъ: «Ѣшь голову отца!» и бросилъ въ него черной землей.

Послѣ этого Тенехонъ пошелъ далѣе и встрѣтилъ на дорогѣ сороку; онъ и ей началъ рассказывать, какъ онъ кормилъ три года быка съ бѣлымъ пятномъ на лбу, а потомъ закололъ, а теперь ищетъ товарища, кто-бы ему помогъ съѣсть мясо. Приглашаетъ къ себѣ сороку. Сорока согласилась идти къ нему ѣсть мясо. Тогда Тенехонъ спрашиваетъ сороку: «Ты что будешь ѣсть»? Сорока отвѣчаетъ: «Буду рубецъ клевать!» Тенехонъ разсердился на сороку, сказалъ: «Ѣшь голову отца!» и бросилъ въ нее черную землю.

Послѣ этого Тѣнехонъ отправился далѣе, встрѣтилъ семиголо-
ваго мангатхая и рассказалъ ему, какъ онъ три года кормилъ
быка съ бѣлымъ пятномъ на лбу, и потомъ закололъ, какъ много
жирнаго мяса получилъ и что теперь ищетъ товарища, кто-бы ему
помогъ мясо съѣсть. Тенехонъ приглашаетъ къ себѣ семиголового ман-
гатхая. Мангатхай согласился идти. Приходятъ Тѣнехонъ съ мангат-
хаемъ домой, а дверь въ домъ была мала, не можетъ въ нее семи-
головый мангатхай пройти. Мангатхай сѣлъ снаружи дома, а Тенехонъ
вошелъ въ домъ и сталъ бросать Мангахтаю мясо на улицу. Бросить
жирнаго мяса, Мангахтай его проглотить и кричить: «Еще бросай!
я не сытъ!» Тѣнехонъ все бросалъ, да бросалъ, Мангатхай все про-
глатывалъ да проглатывалъ, и наконецъ Тѣнехонъ все мясо ему
выбросалъ, а мангатхай все кричить: «Еще бросай! я не сытъ!»
Тенехонъ тогда изнутри дома отвѣчаетъ: «Все мясо выбросалъ,
больше нѣтъ». Тогда семиголовый мангатхай разсердился на Тѣне-
хона, что онъ его къ себѣ пригласилъ, а до сыта не накормилъ;
поймалъ Тѣнехона, положилъ его въ свой мѣшокъ, понесъ домой и
говорить: «Я тебя самага съѣмъ, коли ты меня къ себѣ пригла-
силъ да не могъ накормить». Принесъ семиголовый мангатхай до-
мой Тѣнехона въ мѣшокъ и говорить своимъ семи сыновьямъ: «Вотъ
я вамъ принесъ на обѣдъ!» Повѣсилъ мѣшокъ съ Тѣнехономъ надъ
огнемъ и говорить своимъ семи сыновьямъ: «Я ухожу, а вы послѣ меня
его заколите, мясо сварите, а потомъ меня ждите!» и ушелъ на охоту.

Тѣнехонъ, вися надъ огнемъ въ мѣшокъ, отъ сильнаго жара
началъ мочиться, а семеро сыновей мангатхая говорятъ: «Это вѣрно
сало каплетъ!» и начали это сало пить. Потомъ Тѣнехонъ говорить
семерымъ сыновьямъ Мангатхая: «Если вы меня изъ мѣшка вы-
пустите, я каждому изъ васъ по стрѣлѣ и по луку сдѣлаю». Тогда
семь сыновей семиголового Мангатхая взяли ножикъ, разрѣзали мѣ-
шокъ и выпустили Тенехона.

Вылѣзши изъ мѣшка, Тѣнехонъ началъ придумывать, какъ-бы
ему убить семерыхъ сыновей семиголового мангатхая. Онъ имъ го-

ворить: «Ложитесь, всё семь на постель и старайтесь заснуть; кто первый из вас заснет, тому я первому стрѣлу сдѣлаю, кто вторымъ, второму, а кто послѣднимъ, тому и стрѣлу послѣднему буду дѣлать». Тогда семь сыновей семиголоваго мангатхая послали постель и легли спать.

Когда всё они заснули, Тенехонъ взялъ топоръ, отрубилъ головы всѣмъ семерымъ сыновьямъ семиголоваго мангатхая, мясо ихъ разрѣзалъ на куски и сварилъ въ котлѣ, а когда сварилось, разложилъ его въ семь корзинъ и поставилъ семь корзинъ вокругъ очага, а семь головъ мангатхаевыхъ сыновей положилъ на постели и покрылъ ихъ всѣхъ одѣяломъ, кровь всѣхъ семи сыновей семиголоваго Мангатхая онъ влилъ въ ихъ семь желудковъ и каждый желудокъ привязалъ къ своей шеѣ. Послѣ этого вырылъ онъ яму и проходъ подъ стѣной дома на улицу, и выходы изъ ямы закрылъ такъ, чтобы не было замѣтно. Залезъ Тенехонъ въ эту яму и лежать въ ней, ждетъ, когда вернется домой семиголовый мангатхай.

Черезъ нѣсколько времени семиголовый мангатхай воротился, увидалъ, что мясо сварено, сложено въ корзины и поставлено вокругъ огня. Онъ подошелъ къ первой корзинѣ и говоритъ: «Дѣти мои мясо сварили и въ корзины сложили, и ждутъ теперь меня!» Потомъ говоритъ: «Что это, какъ у меня сердце бьется! буду я ѣсть сердце!» и началъ ѣсть сердце. Ёсть и дѣтямъ кричитъ: «Вставайте дѣти! ѣшьте мясо!» Не встаютъ его семь сыновей. Тогда семиголовый мангатхай подходитъ къ постели и сдергиваетъ со спящихъ одѣяло, чтобы ихъ разбудить; тогда всё головы его дѣтей раскатились въ разныя стороны; семиголовый Мангатхай тогда сказалъ: «Хитрецъ меня перехитрилъ и грѣшникъ меня перегрѣшилъ!» и началъ звать Тенехона: «Тенехонъ, гдѣ ты»? А Тенехонъ крикнулъ на улицѣ: «ой!» Семиголовый мангатхай выходитъ, на улицу и, не видя его, опять зоветъ: «Тенехонъ, гдѣ ты»? Тенехонъ въ домъ крикнулъ — «ой!» Воротился мангатхай въ домъ и началъ вездѣ искать Тенехона, но не могъ найти. Опять зоветъ Тенехона: «Тенехонъ, гдѣ

ты»? Тёнехонъ опять на улицѣ крикнулъ: «ой»! Тогда мангатхай выбѣжалъ на улицу и нашелъ выходъ изъ ямы, но въ это время Тёнехонъ выскочилъ изъ ямы и побѣжалъ по льду желтаго моря, держа въ рукахъ топоръ. Семиголовый мангатхай за нимъ бѣжитъ и уже догоняетъ его. Тогда Тёнехонъ вылилъ кровь изъ одного желудка на ледъ. Семиголовый мангатхай говоритъ: «Кровь своего сына не оставлю я на льду»! и началъ лизать кровь на льду языкомъ. Языкъ у него примерзъ ко льду. Мангатхай и кричитъ: «Тёнехонъ, руби топоромъ между льдомъ и языкомъ»! Тёнехонъ, взявъ да одну голову мангатхая и отрубилъ, а самъ побѣжалъ дальше. Семиголовый мангатхай безъ одной головы, только съ шестью головами погнался за Тёнехономъ и сталъ его догонять. Тёнехонъ опять вылилъ кровь изъ одного желудка на ледъ. А семиголовый мангатхай опять началъ пролитую кровь языкомъ лизать и языкъ у него опять примерзъ ко льду. Семиголовый мангатхай кричитъ Тёнехону: «Руби топоромъ между языкомъ и льдомъ»! Тёнехонъ отрубилъ ему одну голову и побѣжалъ дальше. Семиголовый мангатхай безъ двухъ головъ только съ пятью головами побѣжалъ опять догонять Тёнехона. Когда онъ сталъ догонять, Тёнехонъ изъ третьего желудка вылилъ кровь; семиголовый мангатхай опять сталъ ее лизать языкомъ, опять языкъ примерзъ ко льду и онъ кричитъ Тёнехону: «Руби топоромъ между языкомъ и льдомъ»! Тёнехонъ еще одну голову отрубилъ у мангатхая, и побѣжалъ далѣе. Такимъ образомъ Тёнехонъ одну за другой отрубилъ семиголовому мангатхаю всѣ его семь головъ убилъ и мангатхая, собралъ дровъ и сжегъ его тѣло, а пепель развѣялъ по воздуху на всѣ стороны. Послѣ этого Тёнехонъ сталъ жить счастливо.

Записана г. Хангаловымъ у бурятъ Балаганскаго вѣдомства.

8) Му-монто.

Въ прежнее счастливое время жилъ царь Гондолъ, который имѣлъ очень красивый дворецъ высотой до неба. Двери его были изъ перламутра, а колоды, полы и потолки изъ чистаго серебра. Внутри дворца въ каждомъ углу висѣло по образу, а по стѣнамъ были развѣшаны портреты царей. У царя было двѣ жены красивыхъ, а отъ нихъ онъ имѣлъ по сыну. Отъ старшей жены сынъ назывался Му-монто, а отъ младшей Алтынъ-сэгсэ. Первый былъ дуракъ, второй красивъ и уменъ. Сына старшей жены царь не любилъ, а потому одѣвалъ его въ худое платье, давалъ въ руки желѣзный арканъ и посылалъ пѣшкомъ пасти овецъ, сына-же младшей жены Алтынъ-сэгсэ любилъ, а потому одѣвалъ его въ хорошія и царскія одежды, давалъ ему золотой арканъ и посылалъ на конѣ пасти табуны лошадей.

Однажды Му-монто, угнавъ овецъ на пастбище, заснулъ. Долго-ли, коротко-ли онъ спалъ, не знаю; — если узнаете, скажите мнѣ! — но только, когда пробудился, увидѣлъ большое пламя, которое кружилось вихремъ до неба. Когда пламя приблизилось къ нему, внутри его онъ увидалъ колесо, которое вертѣлось и бросалось въ разныя стороны, но никакъ не могло вырваться изъ пламени. Тогда Му-монто, не долго думая, поймалъ колесо своимъ длиннымъ желѣзнымъ арканомъ и выбросилъ изъ пламени, послѣ чего колесо обратилось въ красиваго молодаго человѣка, который сѣлъ, поджавъ ноги, и говорить Му-монто: «Иди сюда, мой добрый спаситель! Ты спасъ меня отъ вѣрной смерти и я не знаю, чѣмъ тебѣ отплатить!» Му-монто подошелъ къ нему, поздоровался и спрашиваетъ: «Чей ты сынъ»? — «Я-царь Мого-ханъ», отвѣчалъ тотъ. «Веду войну съ царемъ Галта-мого-ханомъ, который побѣдилъ меня и, окруживъ огненнымъ вихремъ, пустилъ. Я девяносто сутокъ вертѣлся въ огненномъ пламени и горѣлъ. Ты избавилъ меня отъ огня. Скажи же и ты, чей ты сынъ и какъ зовутъ твоего отца»? — «Я сынъ царя

Гондола», отвѣчалъ Му-монто. Тогда Мого-ханъ говорить Му-монто: «Такъ какъ ты оказалъ мнѣ большую услугу, то пріѣзжай когда-нибудь ко мнѣ въ гости!» Му-монто согласился и обѣщалъ какъ-нибудь пріѣхать. Послѣ этого оба новые друзья разстались и разъѣхались въ разные стороны. Когда Му-монто воротился домой, онъ все случившееся разсказалъ матери и попросилъ у нея позволенія ѣхать къ Мого-хану. Та долго не соглашалась отпустить его въ далекія и неизвѣстныя страны, но наконецъ отпустила, снабдивъ хлѣбомъ, сдѣланнымъ на молокѣ двухъ барановъ. Послѣ этого, простившись съ матерью, Му-монто отправился въ дорогу. Долго шелъ по горамъ, долинамъ и широкимъ степямъ, много перешелъ онъ непроходимыхъ болотъ, рѣкъ, морей и широкихъ океановъ, пока не износились его сапоги. Тогда онъ пошелъ босикомъ и шелъ до тѣхъ поръ, пока на ногахъ не стерлось мясо до костей. Пошелъ на колѣняхъ и на нихъ стеръ мясо до костей. Пошелъ на четверенькахъ, стеръ мясо на ладоняхъ. Тогда онъ легъ на землю и покатился, какъ колесо. Долго катился онъ такимъ образомъ, пока не прикатился къ одному дому. Войдя въ него, онъ спросилъ: «Далеко-ли до царя Мого-хана, котораго я спасъ отъ смерти»? Хозяинъ отвѣчалъ, что недалеко и что онъ подданный этого хана. Послѣ этого онъ пригласилъ Му-монто въ домъ и угостилъ его чѣмъ могъ. Здѣсь Му-монто немного отдохнулъ и оправился отъ дороги, а хозяинъ посоветовалъ ему, чего просить у хана. «Когда ты придешь къ нему, говорилъ онъ, то онъ предложитъ тебѣ половину подданныхъ и золота и серебра. Ты скажи: мнѣ не нужно золото, которое я не умѣю считать, и подданныхъ, которыми не могу управлять. А уступи мнѣ лучше царевну Агу-ногонъ, которая у тебя находится на постели за 10 занавѣсками». Въ это время отъ хана пріѣхала карета, запряженная тремя парами лошадей, въ которую Му-монто сѣлъ и поѣхалъ къ ожидавшему его Мого-хану. Мого-ханъ провелъ его во дворецъ, гдѣ они гуляли девять сутокъ, по прошествіи которыхъ Му-монто сталъ собираться домой. Тогда его хозяинъ и говорить: «Возьми у

меня половину моихъ подданныхъ, а также половину золота и серебра». — «Мнѣ не нужно твоихъ подданныхъ, которыми я не умѣю управлять, отвѣчалъ Му-монто, и не нужно половину твоего золота, которое я не умѣю считать, а лучше отдай мнѣ царевну Агу-ногонъ, которая будетъ моимъ путеводителемъ и наставникомъ». — «Ты говоришь то, чего нельзя говорить», сказалъ Мого-ханъ, «и просишь невозможнаго! Но такъ какъ ты спасъ мнѣ жизнь, то нечего дѣлать! Дамъ тебѣ, чего желаешь, потому что ты спасъ меня отъ вѣрной смерти!»! Послѣ этого онъ далъ ему синеватую птичку, завернутую въ золотой платокъ и благословилъ ихъ супружество. Затѣмъ далъ желтаго щенка и сказалъ: «Когда пойдете подъ березами, щенокъ поймаетъ вамъ тетерю, которую вы можете ѣсть. Когда пойдете подъ соснами, онъ поймаетъ вамъ сокола. Его тоже можно съѣсть. Вотъ вашъ кормилецъ!»! Выслушавъ слова хана, Му-монто положилъ птичку за пазуху и отправился въ обратный путь. Долго-ли шелъ Му-монто назадъ, не знаю; знаю только, что желтый щенокъ ничего ему не поймалъ, за что онъ убилъ его и легъ спать. Проснулся утромъ и видитъ, что лежитъ на хорошей мягкой постели, въ хорошемъ дворцѣ за 70 занавѣсками, а около него лежитъ красивая женщина. Въ испугъ Му-монто соскочилъ съ кровати, напялилъ на себя свою телячью шубу, опоясался веревочнымъ поясомъ и давай бѣжать изъ дворца. Выйдя на улицу, онъ увидѣлъ красивый городъ и большой базаръ. Пошелъ онъ по базару и давай у торговекъ калачи отбирать да ѣсть. Потомъ отправился бродить по городу. Бродилъ, бродилъ, наконецъ настала ночь и онъ не знаетъ, куда голову приклонить, потому что никто его ночевать не пускаетъ. Забрался въ конюшню, но лошади стали его кусать и лягать, такъ что онъ долженъ былъ уйти; пошелъ къ собакамъ, еще хуже, пошелъ къ свиньямъ, еще того хуже. Нечего дѣлать, пошелъ искать дворецъ, въ которомъ ночевалъ предыдущую ночь. Долго искалъ, наконецъ нашелъ. Вошелъ и спрашиваетъ, нельзя-ли ему тутъ ночевать. «Можно!»! сказали ему, и онъ легъ гдѣ то въ углу. Про-

снулся утромъ, видитъ, опять лежить на той-же кровати и съ той-же женщиной. Онъ опять хотѣлъ бѣжать, совсѣмъ ужъ шубу схватилъ, но женщина вырвала ее и бросила въ печь. Сгорѣла телячья шуба. Му-монто остался одинъ пепель. Тогда Му-монто и говорить женщинѣ: «Будьте добры, не шутите со мной!» Но женщина успокоила его, назвалась его женою и прибавила: «Такъ какъ съ того времени ты сталъ моимъ мужемъ и царемъ этого богатаго царства и города, то ты долженъ одѣться въ царскія одежды. Послѣ этого Му-монто сдѣлался царемъ. Вотъ пошелъ онъ однажды пѣшкомъ гулять по городу и идетъ мимо базара. Увидѣли его торговки да и говорятъ: «Смотрите-ка, вѣдь это тотъ парень, который у насъ калачи отбиралъ!» на что другія возражали: «Нѣтъ, это нашъ царь!»

Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ къ Му-монто его братъ Алтанъ-сэгсэ, который выѣхалъ изъ дому посмотреть отцовскіе табуны и нечаянно увидѣлъ богатый городъ. Онъ захватилъ узнать, кто тутъ царемъ и ему сказали, что царемъ этого города сынъ царя Гондола Монто-ханъ. Му-монто принялъ брата ласково и братья долго между собою разговаривали. Послѣ этого Алтанъ-сэгсэ уѣхалъ домой и рассказалъ своему отцу, что онъ видѣлъ брата, что тотъ сдѣлался царемъ, женившись на дочери Мого-хана, имѣетъ теперь собственный дворецъ и богатый городъ и т. д. Выслушавъ этотъ рассказъ, царь Гондолъ позавидовалъ сыну и рѣшился его погубить. Черезъ нѣсколько времени онъ послалъ къ нему своихъ людей и пригласилъ его пріѣхать къ себѣ. Му-монто пріѣхалъ. Отецъ принялъ его вѣжливо и началъ спрашивать, какъ онъ сдѣлался царемъ. Затѣмъ, выслушавъ его рассказъ, онъ и говорить ему: «Когда мой отецъ, а твой дѣдъ умеръ, я далъ ему бѣлаго коня и сѣдло. Ни то, ни другое онъ съ того свѣта еще не прислалъ. Прошу тебя, сѣзди на тотъ свѣтъ, выпроси у него коня и сѣдло и привези мнѣ!» Му-монто согласился, а потомъ, увидѣвшись съ матерью, пріѣхалъ домой и передалъ женѣ порученіе отца. Прекрасная Агу-ногонъ-хатунъ

успокоила его и обѣщала показать ему дорогу въ царство мертвыхъ. На слѣдующій день она дала ему такое наставленіе: «Иди на сѣверъ. На дорогѣ увидишь большой черный камень. Ты подними его и крикни: «пойди сюда»! Тогда тебѣ на встрѣчу выйдетъ большая лисица и скажетъ: «держись за хвостъ»! потомъ иди за ней, куда она тебя поведетъ, и ты придешь въ царство мертвыхъ». Му-монто такъ и сдѣлалъ. Пошелъ на сѣверъ, встрѣтилъ черный камень, поднялъ его и крикнулъ: поиди сюда! Въ это время изъ ямы вылезла лисица и сказала: «Держись за хвостъ»! Му-монто взялся за хвостъ и они пошли. Шли долго, наконецъ очутились на томъ свѣтѣ, гдѣ тоже были свои солнце, луна и звѣзды. Сначала они встрѣтили табунъ лошадей, которыя паслись на голомъ камнѣ, но были очень жирны. Потомъ увидѣли табуны домашнихъ животныхъ, которыя паслись на травѣ вышиной въ колѣно, но были сухи и не могли ходить, а падали. Дальше замѣтили нѣсколько женщинъ, которыя были соединены ртами (сшиты?) и не могли говорить. Му-монто спросилъ, почему они такъ соединены, но лисица сказала: «Когда придемъ, спроси у дѣдушки»! и пошла дальше. Идутъ и видятъ большой котелъ съ кипящей смолой, а въ немъ чиновниковъ и шамановъ. Когда Му-монто спросилъ отъ причинъ этого, лисица опять сказала тоже и повела его дальше. По дорогѣ они встрѣтили связанныхъ за ноги и за руки мужчинъ, потомъ голыхъ женщинъ, обнимающихъ суковатые полѣна; дальше увидѣли женщинъ, которыя ничего, повидимому, не имѣя, жили въ довольствѣ и наконецъ женщинъ, которыя все имѣли, но почти умирали отъ голоду, а наконецъ пришли къ дѣду Му-монто. Тогда Му-монто говоритъ ему: «Мой отецъ, а твой сынъ царь Гондолъ послалъ меня выпросить у тебя ту лошадь съ сѣдломъ, которую онъ далъ тебѣ, когда ты отправлялся изъ царства живыхъ въ царство мертвыхъ». Дѣду на это сказалъ: «Друга не прогонишь, черезъ печь не перескочишь»! и пошелъ со внукомъ къ выходу изъ царства мертвыхъ. Когда они пришли къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли двѣ женщины, изъ которыхъ

одна ничего не имѣла, а жила въ довольствѣ, другая-же все имѣла, но чуть не умирала отъ голоду. Му-монто и спрашиваетъ дѣдушку: «Почему одна женщина, ничего не имѣя, живетъ въ довольствѣ, а другая на оборотъ»? Тогда дѣдъ отвѣчалъ ему: «Первая женщина была небогата въ странѣ живыхъ, но все, что имѣла, подавала нуждающимся, а потому теперь и не нуждается ни въ чемъ, сидитъ же здѣсь за одинъ малый грѣхъ. Вторая-же была скупая, хотя была богата, а все говорила: у меня ничего нѣтъ! хоть съ голоду умирай! За это она теперь и страдаетъ голодомъ и курить вмѣсто табаку пепелъ». Пошли дальше и пришли къ тому мѣсту, гдѣ голыя женщины обнимали полѣнья. Му-монто и спрашиваетъ: «Отчего эти женщины такъ страдаютъ»? Дѣдъ отвѣчалъ: «Въ странѣ живыхъ онѣ не были вѣрны супружескимъ обязанностямъ, а вели нехорошую жизнь». Пошли дальше и пришли къ людямъ, связаннымъ за ноги и за руки. Опять Му-монто спрашиваетъ дѣда: «За что они такъ страдаютъ»? — «За то, отвѣчалъ дѣдъ, что въ странѣ живыхъ они занимались воровствомъ». Пошли дальше и пришли къ тому мѣсту, гдѣ кипѣли въ котлѣ со смолой чиновники и шаманы. «Почему они кипятъ въ котлѣ»? спросилъ Му-монто. Дѣдъ отвѣчалъ: «Чиновники за то, что тѣснили бѣдныхъ, брали большія взятки и судили неправильно, а шаманы за то, что не исполняли своихъ обязанностей, брали за труды большія деньги, нарочно пугали людей, чтобы выманить побольше, а иногда шаманили съ тою же цѣлю, зная, что больные, надъ которыми они будутъ шаманить, не выздоровѣютъ». Послѣ этого они пошли дальше и пришли къ тому мѣсту, гдѣ нѣсколько женщинъ были соединены между собою губами и языками. При видѣ ихъ Му-монто спросилъ дѣда: «За что связаны эти женщины»? Дѣдъ отвѣчалъ: «За то, что въ странѣ живыхъ занимались клязами, ссорили людей между собою, клеветали на честныхъ людей и льстили изъ за своей личной пользы». Послѣ этого они пришли къ домашнимъ животнымъ, которые паслись на обильныхъ пастбищахъ, но были тощи. Когда Му-монто

спросилъ дѣда о причинѣ этого, тотъ отвѣчалъ: «Ихъ заморили въ странѣ живыхъ нерадивые хозяева, такъ что они и до сихъ поръ не могутъ поправиться». Когда онъ тотъ-же вопросъ предложилъ о животныхъ, пасшихся на каменистой почвѣ, но бывшихъ тучными, дѣдъ отвѣчалъ, что они принадлежали прилежнымъ хозяевамъ, которые кормили ихъ хорошо, а потому они и въ страну мертвыхъ пришли тучными. Разговаривая такъ, они вышли изъ страны мертвыхъ и пришли въ страну живыхъ. Тогда дѣдъ отдалъ Му-монто коня съ сѣдломъ и сказалъ: «Отведи своему отцу этого коня и скажи, что онъ самъ скоро придетъ ко мнѣ». Послѣ этихъ словъ онъ исчезъ, а Му-монто привелъ къ отцу бѣлаго коня и передалъ слова дѣда. Царь Гондолъ отъ этихъ словъ пришелъ въ большой страхъ, но поблагодарилъ сына за то, что тотъ исполнилъ его порученіе, а потомъ и говорить ему: «Когда ты былъ еще маленькимъ, я дѣлалъ жертвоприношеніе Эсэгэ-малану большимъ бѣлымъ бараномъ и девятью звѣриными шкурами. Сходи къ Эсэгэ-малану и выпроси у него моего барана и девять шкуръ!» Му-монто согласился и поѣхалъ домой. Когда онъ разсказалъ о новомъ порученіи отца женѣ, та его успокоила и обѣщала помочь подняться на небо. На другой день Му-монто собрался въ путь. Тогда жена привязала ему къ плечу три мотка красныхъ шелковыхъ нитокъ и таинственной силой заставила его подниматься на небо. Поднимался онъ цѣлыхъ три мѣсяца и наконецъ долетѣлъ до дворца Эсэгэ-малана. Вошелъ во дворецъ, сдѣлавъ земной поклонъ и говорить Эсэгэ-малану: «Меня послалъ къ тебѣ отецъ мой царь Гондолъ съ слѣдующимъ порученіемъ. Когда я былъ еще маленькимъ, то по обрядамъ нашей вѣры, мой отецъ царь Гондолъ принесъ тебѣ въ жертву большого бѣлаго барана и девять звѣриныхъ шкуръ. Все это онъ проситъ теперь обратно». Въ отвѣтъ на это Эсэгэ-маланъ сказалъ, что черезъ три дня пошлетъ ему требуемыя вещи, а Му-монто пошелъ съ неба обратно. Спускается съ неба и видитъ, что Эсэгэ-маланъ ударилъ громомъ въ его отца, послѣ чего ничего не осталось. Осталась только

его мать, которая сидѣла на бугрѣ живая и невредимая. Тогда Му-монто сходилъ за матерью, привезъ ее къ себѣ, да и донынѣ живеть счастливо съ своею прекрасною женой. А потомъ анхужи-ашта, бурханда туше.

Записана г. Хангаловымъ у бурятъ
Балаганскаго вѣдомства.

9) Гарьюлай-моргонъ.

Въ прежнее счастливое время, жили братъ да сестра. Брата звали Гарьюлай-моргонъ, а сестру Агу-ногонъ-абаха. Они жили очень богато и счастливо, имѣли красивый четырехугольный дворецъ вышиною до неба; ихъ многочисленныя стада домашнихъ животныхъ паслись на сѣверной сторонѣ, на вѣчно зеленѣющихъ неистощимыхъ пастбищахъ, а подданные жили на южной сторонѣ, наслаждаясь богатствомъ, которое съ каждымъ днемъ увеличивалось. Вотъ однажды Гарьюлай-моргонъ и говоритъ своей сестрѣ: «Надоѣло мнѣ ѣсть мясо домашнихъ животныхъ и захотѣлось поѣсть мяса звѣрей. Поѣду на охоту!» Сестра Агу-ногонъ-абаха согласилась отпустить брата на охоту и сказала, что и ей надоѣло мясо домашнихъ животныхъ и захотѣлось дичины. Тогда Гарьюлай-моргонъ затрубилъ въ рогъ, призывая своего тоненькаго рыжаго коня, пасшагося на сѣверной сторонѣ въ мѣстности Алтай. Заслышавъ призывъ хозяина, тоненькій рыжій конь прибѣжалъ, остановился около серебрянаго столба, къ которому привязываютъ поводья и заржалъ серебристо-звонкимъ голосомъ, вызывая хозяина. Гарьюлай-моргонъ вышелъ изъ дворца, вынесъ чисто-серебряную узду, поймалъ ею тоненькаго рыжаго коня и привязалъ его за шелковые поводья къ серебряному столбу. Потомъ вынесъ изъ дворца шелковый потникъ и чисто-серебряное сѣдло, и положилъ подлѣ серебрянаго столба. Отвязавъ поводья отъ столба, положилъ на коня шелковой потникъ и осѣдлалъ его чисто-серебрянымъ сѣдломъ. Послѣ этого Гарьюлай сказалъ: «Теперь окончено приготовленіе

коня»! Красно-шелковые поводья привязалъ къ серебряному столбу, а самъ вошелъ во дворецъ, чтобы одѣться. Онъ подпоясалъ на себя чисто-серебряный колчанъ со стрѣлами и лукомъ и сказалъ: «Я совершенно готовъ»! Тогда сестра его Агу-ногонъ-абаха поставила столъ, а на него вкусныя кушанья. Гарьюлай ѣстъ кушанья до сыта. Выйдя изъ за стола и простившись съ сестрой, Гарьюлай выходитъ на улицу, быстрыми шагами подходитъ къ серебряному столбу, отвязываетъ красно-шелковые поводья, садится на коня и уѣзжаетъ охотиться на возвышенное мѣсто Алтай. Въ первый и второй день онъ ничего не убилъ, даже не видѣлъ ни одного звѣря. На третій день встрѣтился съ мангатхаемъ. Когда встрѣтились, мангатхай и спрашиваетъ: «Кто это сзади тебя? твоя душа или-же душа твоего коня»? Гарьюлай-моргонъ оглянулся, а мангатхай тѣмъ временемъ проглотилъ его цѣликомъ. Осталась только его одежда, колчанъ со стрѣлами да лукъ. Тогда тоненькій рыжій конь Гарьюлай-моргона поспѣшно схватилъ одежду, колчанъ со стрѣлами и лукъ и побѣжалъ. Мангатхай погнался за нимъ, но не могъ догнать. Прибѣжавъ домой, конь заржалъ серебристо-тонкимъ голо-сомъ, вызывая дѣвицу Агу-ногонъ-абаха. Последняя, заслышавъ его ржаніе, вышла на улицу и начала его расспрашивать, гдѣ онъ оставилъ брата, что съ нимъ случилось и кѣмъ онъ убитъ. Тогда тоненькій рыжій конь отвѣчалъ ей: «Мы охотились на возвышенности Алтай. Въ первый и во второй день ничего не убили, на третій встрѣтились съ мангатхаемъ. Последний попросилъ твоего брата посмотрѣть назадъ и обманомъ проглотилъ его». Затѣмъ конь разсказалъ, какъ онъ убѣжалъ отъ мангатхая, который хотѣлъ проглотить и его. Послѣ этого дѣвица Агу-ногонъ-абаха взяла одежду своего брата, колчанъ со стрѣлами и лукъ, ушла во дворецъ и долго тамъ плакала. Затѣмъ сняла съ себя свою одежду, нарядилась въ одежду брата, подпоясалась его ремнемъ съ колчаномъ, стрѣлами и лукомъ и поѣхала на возвышенное мѣсто Алтай, чтобы отомстить

мангатхаю за смерть брата. Мангатхай былъ тамъ-же и охотился на звѣрей. Встрѣтившись съ нимъ, она спросила его: «Кто сзиди тебя? Твоя-ли душа или душа твоего коня»? Мангатхай оглянулся, а она въ это время взяла стрѣлу изъ серебрянаго колчана и выстрѣлила въ мангатхая; мангатхай упалъ по лѣвую сторону своего коня и умеръ. Конь мангатхая хотѣлъ было убѣжать, но дѣвица схватила его за поводья и удержала. Затѣмъ, отдавъ поводья мангатхаева коня своему коню, чтобъ онъ держалъ ихъ зубамъ, дѣвица Агу-ногонъ-абаха распоролла мангатхаю животъ и начала тамъ искать кости брата. Долго искала она, но не нашла ихъ. Распоролла мангатхаю грудь, но и тамъ нѣтъ ихъ. Наконецъ тоненькій рыжій конь сказалъ ей: «Ты разрѣжь большой палецъ правой руки, тамъ найдешь кости брата. Въ другихъ-же мѣстахъ не найдешь, такъ какъ кости хорошихъ людей всегда бываютъ въ правой рукѣ». Тогда дѣвица разрѣзала большой палецъ правой руки и нашла совершенно уже голыя кости брата. Она завернула ихъ въ черный шелковый платокъ, убила мангатхаева коня, сожгла ихъ обоихъ, мангатхая и его коня, на кострѣ и кости разбросала въ разныя стороны, чтобы они не воскресли. Послѣ этого она привезла кости брата домой, положила ихъ на столъ, а сама поѣхала за водой, которую начерпала изъ трехъ ключей. Затѣмъ въ десяти тайгахъ набрала вереску, а въ шестидесяти тайгахъ набрала пихтовой коры. Верескъ, привезенный изъ десяти таегъ, и пихтовую кору изъ шестидесяти таегъ дѣвица Агу-ногонъ-абаха положила въ воду, взятую изъ трехъ ключей, этою водою вымыла кости брата, завернула ихъ въ четырехцвѣтный шелкъ и положила на столъ. Потомъ поѣхала въ сѣверную сторону, гдѣ паслись ея многочисленныя табуны; тамъ она поймала одну большую кобылу съ золотисто-желтой шерстью. Она привела кобылу домой, взяла кости своего брата, и поѣхала къ горѣ Ангай, ведя за собой золотисто-желтую кобылу. Приѣхавъ къ горѣ Ангай, она принесла золотисто-желтую кобылу ей въ жертву, прося гору раскрыться, чтобы въ недрахъ

ея положить кости своего брата. Гора, принявъ жертвоприношеніе, раскрылась. Агу-ногонъ-абаха положила въ нее кости своего брата. Принявъ въ себя кости, гора Ангай вновь закрылась. Возвратившись домой и отпустивъ тоненькаго рыжаго коня, Агу-ногонъ-абаха вошла въ свой домъ и начала оплакивать своего единственного брата, который умеръ отъ хитрости мангатхая. Она плачетъ и рыдаетъ, опуская голову, и смѣется, смотря вверхъ. Оплакивая брата, она говорила: «Осталась я одна! Нѣтъ у меня единственного моего брата, некому теперь защитить меня отъ враговъ! Теперь можетъ меня обидить всякій прохожій и похитить мои стада! Или ихъ поклюютъ сорока и ворона»!

Долго плакала она такъ, наконецъ надумала ѣхать въ опасный путь, чтобы найти средство воскресить своего брата. Она собралась ѣхать къ Эсэгэ-малану сватать за себя его трехъ дочерей, которыя могли воскрешать мертвыхъ и обогащать бѣдныхъ по желанію, думая при помощи ихъ оживить брата. Она придумала обмануть Эсэгэ-малана и его прекрасныхъ дочерей.

Агу-ногонъ-абаха вышла на улицу и затрубила въ рогъ; заслышавъ эти звуки, конь ея брата прибѣжалъ домой и остановился у серебрянаго столба. Тогда Агу-ногонъ-абаха взнуздала его чисто-серебряною уздой, осѣдлала его чисто-серебрянымъ сѣдломъ и привязала къ серебряному столбу за красно-шелковые поводья. Потомъ вошла во дворецъ, надѣла на себя наилучшія одежды своего брата, а сверху надѣла черный желѣзный доспѣхъ, который надѣвалъ ея братъ во время войны; поверхъ этого опоясалась ремнемъ съ серебрянымъ колчаномъ стрѣлами и лукомъ. Потомъ поставила столъ, на него поставила вкусныя кушанья; (она поѣла ихъ), какъ воронъ поклевалъ, какъ волкъ поглоталъ. Потомъ она вынимаетъ серебряную трубку и кисеть и курить табакъ. Потомъ выходитъ на улицу, отвязываетъ отъ серебрянаго столба красно-шелковые поводья; сѣвъ на коня, она думаетъ волчью думу и сердце ея становится какъ камень передъ опасностью. Потомъ

она поѣхала къ югу по направленію къ Эсэгэ - малань-тэнгери. Теперь Агу-ногонь-абаха совершенно похожа на ея брата въ его одеждахъ; никто бы не узналъ, что она дѣвица, а не мужчина.

Послѣ долгой и утомительной ѣзды, она увидѣла женщину съ красными губами, которая варила чай и переливала его изъ одного котла въ другой. Не доѣзжая до нея, тоненькій рыжій конь говорить Агу-ногонь абаха: «Когда женщина будетъ угощать тебя чаемъ, ты не пей! Она отравитъ тебя!»! Дѣйствительно, когда они подъѣхали къ женщинѣ, которая варила чай и переливала изъ одного котла въ другой, эта женщина говоритъ дѣвицѣ Агу ногонь-абаха: «Ты ѣдешь въ далекую и неизвѣстную страну, гдѣ будешь терпѣть голодъ; выпей хоть одну чашку чаю!»! Агу - ногонь - абаха взяла чашку, но не пьетъ, а начинаетъ курить и разговаривать, а когда красогубая женщина отвернулась, она взяла чашку и вылила на нее, отъ чего та умерла. Тогда Агу-ногонь-абаха тѣло ея сожгла на кострѣ, а кости разбросала во всѣ четыре стороны. Сдѣлавъ это, она сѣла на коня и поѣхала дальше. Ёдутъ и видятъ чернаго медвѣдя, который раскапывалъ муравейникъ. Вотъ рыжій конь и говорить: «Ужели мы будемъ объѣзжать его? Лучше возьми его за уши и отбрось въ сторону!»! Агу-ногонь-абаха взяла медвѣдя за уши и бросила его въ сторону; отъ сильного удара о землю всѣ ребра у медвѣдя переломались и онъ умеръ. Она собрала деревьевъ, сожгла на нихъ медвѣдя и остатки его разбросала на всѣ четыре стороны. Послѣ этого она поѣхала дальше. Ёдетъ и слышитъ, что кто-то за ними гонится. Она обернулась и увидѣла, что ее догоняетъ царь муравейника Билтагарь-хара-шургальжанъ и проситъ ее остановиться. Она остановилась и подождала его. Догнавъ ее, царь муравейника Билтагарь-хара-шургальжанъ начинаетъ ее благодарить и говорить: «Ты побѣдила моего непобѣдимаго врага, который постоянно съѣдалъ моихъ подданныхъ и раззорялъ ихъ города. Теперь мои подданные освободились отъ своего злѣйшаго врага, котораго я нѣсколько лѣтъ не могъ побѣдить. Если съ тобою случится онае-

ность или какое нибудь затрудненіе, то призови меня, я буду тебѣ помогать!»! Сказавъ это, онъ воротился домой, а Агу-ногонъ абаха поѣхала дальше и подѣхала къ высокой горѣ, вершина которой была выше облаковъ. Когда она начала подниматься на нее, то увидѣла кучу человѣческихъ и конскихъ костей, которыя повсюду валялись въ безпорядкѣ. Нѣкоторыя были стары, другія — свѣжи. Тогда она слѣзла съ коня, взяла сначала человѣческія кости и начала ихъ сравнивать со своими. Всѣ онѣ оказались длиннѣе и шире ея костей. Потомъ взяла конскія кости, но и онѣ оказались длиннѣе и шире костей ея коня. Тогда она горько заплакала и сказала: «Здѣсь умирали люди, которые были больше и сильнѣе меня. Приведется, можетъ быть, и мнѣ умереть и оставить здѣсь мои кости! Можетъ быть, и мои кости будутъ валяться здѣсь между этими костями! И зачѣмъ только я пріѣхала въ такую дальнюю сторону? Лучше было остаться дома, чѣмъ здѣсь умирать!»! Конь говоритъ ей: «Я попробую заскочить на вершину этой горы. Ты только умѣй удержаться на мнѣ и, смотри, не упади!»! Послѣ этого они отѣхали на разстояніе трехдневнаго пути и побѣжали. Добѣжавъ до горы, конь скакнулъ и заскочилъ на вершину горы, только копытомъ правой задней ноги задѣлъ о камень. Агу-ногонъ-абаха говоритъ своему коню: «Ты заскочилъ на вершину горы, но зачѣмъ ты задѣлъ копытомъ задней правой ноги о камень? Неужели ты не могъ безъ этого заскочить на вершину этой горы»? Тогда тоненькій рыжій конь отвѣчаетъ ей: «Такую высокую гору, на которую немогло подняться столько людей и столько коней умерло, кости которыхъ ты видѣла при подошвѣ горы, нельзя перескочить безъ знака. Это грѣшно! Я нарочно задѣлъ копытомъ о камень».

Послѣ этого они поѣхали далѣе. На вершинѣ этой горы она нашла живую воду (монхонъ-хара уха). Она слѣзаетъ съ коня, подходит къ живой водѣ и пьетъ ее, послѣ чего дѣлается въ три раза красивѣе и сильнѣе прежняго. Потомъ она напоила коня, отъ чего тотъ тоже сдѣлался въ три раза сильнѣе и быстрѣе на бѣгу

Затѣмъ она взяла этой живой воды и бросила ее внизъ подъ гору, гдѣ лежали кости, отъ чего люди и кони ожили и начали благодарить Агу-ногонъ-абаха, обѣщая ей въ случаѣ нужды свою помощь. «Когда случится съ тобой опасность или непреодолимое затрудненіе, позови насъ и мы пріѣдемъ къ тебѣ, такъ какъ ты первый поднялся на эту гору и воскресилъ насъ». Сказавъ эти слова, воскресшіе люди съ крикомъ и шумомъ уѣхали въ разныя стороны по домамъ. Набравъ живой воды, она поѣхала дальше и на дорогѣ увидѣла трехъ умиравшихъ отъ голоду и усталости юношей. Тогда она побрызгала на нихъ живою водою, отъ чего они ожили и начали благодарить ее и обѣщать свою помощь: «Когда будетъ нужно, то ты только призови насъ трехъ сильныхъ юношей и мы поѣдемъ и поможемъ тебѣ хоть видимо, хоть не видимо». Затѣмъ Агу-ногонъ-абаха поѣхала дальше и по дорогѣ заѣхала въ одинъ домъ. Въ домѣ было три дѣвицы, изъ которыхъ одна плакала, другая пѣсни пѣла, а третья смѣялась. Когда Агу-ногонъ-абаха спросила ихъ, что это значитъ, они отвѣчали, что отецъ проигралъ ихъ царю-рыбѣ Абарга-загахану, который намѣренъ ихъ съѣсть. «Сегодня онъ съѣстъ меня», говоритъ плачущая дѣвица. «Завтра меня», говоритъ поющая дѣвица. «А послѣзавтра меня», говоритъ смѣющаяся, и всѣ три начали упрашивать ее спасти ихъ. Агу-ногонъ-абаха согласилась и спросила: «Съ какой стороны придетъ Абарга-загаханъ»? «Съ юго-восточной», отвѣчали дѣвицы. Тогда она пошла въ юго-восточную сторону и сѣла на бугоръ. Царь-рыба является съ юго-восточной стороны и медленно приближается къ бугру. Агу-ногонъ-абаха выстрѣлила въ царя-рыбу; стрѣла прошла сквозь нея и царь-рыба умерла отъ мѣтко пущенной стрѣлы. Агу-ногонъ-абаха сожгла царь-рыбу на кострѣ, сгорѣвшія кости разбросала на всѣ четыре стороны, пришла къ тѣмъ тремъ дѣвицамъ и говоритъ: «Я убила вашего врага». Дѣвицы благодарятъ и говорятъ: «Если съ тобой случится опасность или будешь въ затрудненіи, позови насъ, мы пріѣдемъ и поможемъ тебѣ»! И дѣвицы эти ушли.

Агу-ногонъ-абаха ѳдетъ далѣе. На дорогѣ лежитъ умирающая желтая собака. Когда Агу-ногонъ-абаха спросила, отъ чего она умираетъ, собака отвѣчала: «Когда я шла сюда, на дорогѣ стояла одна женщина, которая варила чай и переливала его изъ одного котла въ другой; я по незнанію немного выпила этого чаю и отравилась».

Агу-ногонъ абаха капнула на нее немного живой воды; собака выздоровѣла и начала благодарить, обѣщая ей свою помощь: «Когда тебѣ нужно будетъ меня, ты крикни: Гуниръ-шара-нохой! и я прибѣгу и помогу тебѣ». Разставшись съ собакой, Агу-ногонъ-абаха поѣхала дальше и наконецъ послѣ долгой и утомительной ѳзды пріѣхала къ высокому дворцу Эсэгэ-малана. Она привязала коня за красно-шелковыя поводья къ серебряному столбу, у котораго уже были привязаны двѣ лошади и вошла во дворецъ, поздоровалась съ Эсэгэ-маланомъ и объявила, что она пріѣхала сватать его дочерей. Въ это время тамъ уже сидѣли два молодыхъ человѣка, тоже пріѣхавшіе сватать дочерей хозяина. Тогда Эсэгэ-маланъ спросилъ Агу-ногонъ-абаха, какъ ее зовутъ и съ какой она стороны. Она отвѣчала, что пріѣхала съ сѣверной стороны, а зовутъ ее Гарьюлай-моргономъ. Послѣ этого Эсэгэ-маланъ угостилъ всѣхъ трехъ жениховъ и они остались у него ночевать въ ожиданіи, кого онъ выберетъ зятемъ. Вотъ на утро онъ и говоритъ женихамъ: «Надо попробовать, кто изъ васъ сильнѣе, и позабавиться!» Тогда женихи вышли на улицу и начали бороться. Приходитъ очередь и до Агу-ногонъ-абаха, но она никакъ не можетъ выдумать отговорки, чтобы не бороться, а бороться боится, потому что ее могутъ узнать. Тогда она обратилась за совѣтомъ къ своему коню и тотъ научилъ ее призвать одного изъ трехъ сильныхъ юношей, которые видимо или невидимо обѣщались помочь ей. Агу-ногонъ-абаха такъ и сдѣлала; призвала одного изъ трехъ сильныхъ юношей, чтобы онъ невидимо помогъ ей. Юноша невидимо явился и, когда началась борьба, она осталась побѣдительницей. Агу-ногонъ-абаха говоритъ Эсэгэ-малану: «Первая побѣда за мной!» и Эсэгэ-маланъ

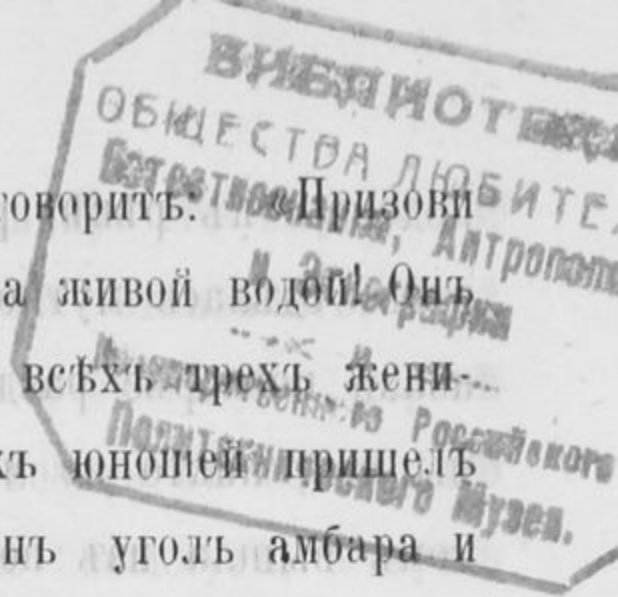

рѣшилъ за нее отдать своихъ дочерей. Но предварительно онъ захотѣлъ посоветоваться съ шаманкой. Пошаманивъ, шаманка и говоритъ Эсэгэ-малану: «Ты по ошибкѣ хочешь отдать своихъ дочерей не мужчинѣ, а женщинѣ!» Эсэгэ-маланъ удивился и рѣшилъ сдѣлать новое испытаніе, чтобы убѣдиться въ справедливости словъ шаманки. Съ этою цѣлію онъ заставилъ жениховъ стрѣлять въ мѣту. Тогда Агу-ногонъ-абаха призвала другого изъ сильныхъ юношей; юноша невидимо пришелъ и помогъ ей; Агу-ногонъ-абаха выстрѣлила и попала, двое другихъ жениховъ не попали. Агу-ногонъ-абаха говоритъ: «Вторая побѣда за мною». Затѣмъ Эсэгэ-маланъ началъ поить жениховъ виномъ, думая, что если Агу-ногонъ-абаха женщина, то она опьянѣетъ скорѣе всѣхъ. Но послѣдняя по совѣту коня обвязалась поводомъ, а конецъ его незамѣтно спустила въ чашку съ виномъ, которое за нее и выпилъ конь. Когда всѣ опьянѣли, Агу-ногонъ-абаха была совершенно трезва. Эсэгэ-маланъ удивился и рѣшилъ, что Агу-ногонъ-абаха мужчина и что шаманка ошиблась. Но на другое утро все-таки назначилъ новое испытаніе, которое должно было состоять въ бѣгѣ, думая, что если Агу-ногонъ-абаха женщина, то конь ея прибѣжитъ къ мѣтѣ послѣдній. Узнавъ объ этомъ, Агу-ногонъ-абаха идетъ советоваться къ своему коню; рыжій конь лежитъ пьяный. Вскорѣ онъ оправился и всталъ. Агу-ногонъ-абаха спрашиваетъ: «Что мы будемъ дѣлать?» Рыжій конь говоритъ: «Призови собаку Гуниръ-шара, которую ты вылѣчила на дорогѣ. Она мнѣ поможетъ въ бѣгѣ бѣжать». Гуниръ-шара невидимо помогла рыжему коню выбѣжать напередъ и тогда всѣ говорятъ, что Гарьюлай-моргонъ мужчина, а не женщина. Шаманка пошаманила и говоритъ, это не мужчина, а женщина. Эсэгэ-маланъ рѣшилъ сдѣлать новое испытаніе. Эсэгэ-маланъ говоритъ: «У меня есть три амбара; въ каждомъ амбарѣ запертъ медвѣдь; нужно этихъ трехъ молодыхъ людей запереть въ амбары съ медвѣдами. Если Гарьюлай-моргонъ женщина, то медвѣдь его задавитъ, если мужчина, то нѣтъ». Агу-ногонъ-абаха идетъ къ своему коню

и просить его совѣта. Тоненькій рыжій конь говоритъ: «Призови одного изъ трехъ юношей, котораго ты оживила живой водой. Онъ невидимо придетъ и поможетъ тебѣ». Посадили всѣхъ трехъ жениховъ въ амбары съ медвѣдями. Одинъ изъ трехъ юношей пришелъ невидимо, взялъ медвѣдя за ухо, поднялъ одинъ уголь амбара и сунулъ подъ него медвѣдя, который тутъ и умеръ; Агу-ногонъ-абаха вышла изъ амбара невредимой, а изъ двухъ другихъ амбаровъ вынули тѣла двухъ задавленныхъ жениховъ. Всѣ тутъ стоявшіе говорятъ: «Этотъ мужчина, а не женщина»! Шаманка пошаманила и говоритъ: «Эсэгэ-маланъ по ошибкѣ хочетъ выдать дочерей за женщину»!

Эсэгэ-маланъ велѣлъ раздѣть задавленныхъ жениховъ и осмотрѣть, кто они: мужчины или женщины. Ихъ осмотрѣли и узнали, что они мужчины. Старшая дочь Эсэгэ-малана плюнула на нихъ и перешагнула; средняя дочь плюнула и перешагнула, и младшая плюнула и перешагнула. Молодые люди ожили.

Эсэгэ-маланъ не знаетъ, что дѣлать, какъ узнать: Гарьюлай-моргонъ женщина или мужчина? Всѣ испытанія исполнены и Гарьюлай-моргонъ оказывается мужчиной, а шаманка говоритъ, что женщина. На другое утро Эсэгэ-маланъ говоритъ тремъ женихамъ: «Нужно испытать, кто изъ васъ хорошо плаваетъ и далѣе ныряетъ». Агу-ногонъ-абаха выходитъ изъ дворца, идетъ къ своему коню и говоритъ: «Что теперь будемъ дѣлать? Теперь узнаютъ меня, что я женщина, а не мужчина. Насъ заставляютъ купаться, чтобъ узнать, кто лучше плаваетъ и далѣе ныряетъ». Тоненькій рыжій конь говоритъ ей: «Когда пойдешь купаться, поведи меня, будто поить хочешь. Когда мы придемъ къ рѣкѣ, я сдѣлаю сильный туманъ; въ это время раздѣнься и войди въ воду и тогда можешь плавать и нырять. Потомъ, когда выйдешь изъ воды, поскорѣе одѣнься, пока не разсѣялся туманъ». Агу-ногонъ-абаха возвращается во дворецъ и садится рядомъ съ женихами». По полудни пошли купаться; Агу-ногонъ-абаха беретъ коня и ведетъ его, будто на водопой; когда

подошли къ рѣкѣ, рыжій конь нарочно упалъ въ воду, которая отъ этого сдѣлась мутною; потомъ онъ сдѣлалъ туманъ. Агу-ногонъ-абаха поскорѣе раздѣлась и бросилась въ воду и начала плавать и нырять; никто не могъ лучше ея плавать и далѣе ея нырять. Потомъ вышла изъ воды и поскорѣе одѣлась, пока не разсѣялся туманъ. Тогда всѣ бывшіе съ ней говорятъ: «Гарьюлай-моргонъ мужчина, а не женщина, потому что лучше всѣхъ плаваетъ и далѣе всѣхъ ныряетъ». Пришли во дворецъ и говорятъ Эсэгэ-малану, что шаманка ошиблась. Шаманка пошаманила и говоритъ, что Эсэгэ-маланъ выдаетъ дочерей за женщину, которая его обманываетъ. Эсэгэ-маланъ придумываетъ новое испытаніе.

На другое утро Эсэгэ-маланъ говоритъ тремъ женихамъ: «Раздѣлите мнѣ смѣшанное въ одной посудинѣ красное и бѣлое просо, чтобы красное просо было въ одной посудинѣ, а бѣлое въ другой». Агу-ногонъ-абаха выходитъ изъ дворца къ своему коню и спрашиваетъ его. Тоненькій рыжій конь говоритъ: «Призови на помощь муравьиного царя Билтагаръ-хара-шургальжана; онъ тебѣ поможетъ раздѣлить просо на двѣ посудыны!» Выслушавъ совѣтъ, Агу-ногонъ-абаха пошла во дворецъ и сидитъ тамъ съ другими женихами. Эсэгэ-маланъ велѣлъ принести три посудыны, всыпать во всѣ три и красного и бѣлаго проса вмѣстѣ и поставить посудыны передъ женихами, чтобы раздѣлили красное и бѣлое просо, красное чтобы было отдѣльно и бѣлое чтобы было отдѣльно. Тогда Агу-ногонъ-абаха позвала на помощь муравьиного царя Билтагаръ-хара-шургальжана, который немедленно явился со своими подданными и они невидимо раздѣлили красное просо отъ бѣлаго, красное стало въ одной посудинѣ, а бѣлое въ другой. А двое другихъ жениховъ не могли раздѣлить просо и уѣхали домой.

Послѣ этого Эсэгэ-маланъ не могъ уже придумать ни какого новаго испытанія и рѣшилъ выдать своихъ дочерей за Гарьюлай-моргона. Онъ призвалъ ихъ и сказалъ, что выдаетъ ихъ замужъ. Дочери согласились выйти за Гарьюлай-моргона. Тогда онъ пред-

ложилъ своимъ дочерямъ взять съ собою половину его имущества, подданныхъ, скота, золота и серебра, но дочери отказались; онѣ сказали, что дорога очень дальняя, что люди и скотъ въ дорогѣ утомятся, что золото и серебро нужно будетъ возить съ собой, что съ ними много хлопотъ, что ничего этого не возмуть, а пусть отецъ дастъ имъ одинъ серебряный ковшикъ, такъ какъ съ помощью его можно достать какое угодно кушанье и напитокъ. Эсэгэ-маланъ согласился и позволилъ имъ взять съ собой серебряный ковшикъ, который постоянно хранился у трехъ дочерей Эсэгэ-малана; съ помощью его они готовили себѣ пищу. Сдѣлали свадьбу, на которой долго пировали, едва, едва на девятый день гости разъѣхались. Послѣ свадьбы Агу-ногонъ-абаха говорить Эсэгэ-малану: «Теперь пора мнѣ ѣхать домой; я давно выѣхалъ изъ дому, не знаю, какъ безъ меня живутъ мои подданные, не обидѣли-ли ихъ кто-нибудь, не угнали-ли кто мой скотъ. Кто имѣетъ родину, тотъ долженъ торонится къ родинѣ, кто имѣетъ домъ, тотъ заботится о домашнихъ!»! Когда все было готово къ отъѣзду, Агу-ногонъ-абаха выѣхала съ тремя женами изъ дома Эсэгэ-малана; Эсэгэ-маланъ провожалъ ихъ въ продолженіи трехъ сутокъ, потомъ простился съ ними и уѣхалъ домой. Агу-ногонъ-абаха продолжаетъ свой путь далѣе съ тремя своими женами; когда они остановились на ночлегъ, три дочери Эсэгэ-малана съ помощью серебрянаго ковшика сдѣлали превкусное кушанье. Всѣ наѣлись досыта и легли спать около костра. Когда Агу-ногонъ-абаха заснула, три дочери Эсэгэ-малана совѣтуются, какъ-бы ее испытать и говорятъ: «Положимъ на грудь Гарьюлай-моргона огонь. Если Гарьюлай-моргонъ-женщина, то онъ вскрикнетъ и вскочитъ отъ боли; если онъ мужчина, то отброситъ огонь въ сторону, повернется на другой бокъ и снова заснетъ».

Онѣ положили на грудь Агу-ногонъ-абаха огонь; она отбросила его въ сторону, повернулась на другой бокъ и захрапѣла пуще прежняго. Три дочери Эсэгэ-малана говорятъ: «Онъ мужчина, а не женщина». Легли спать и заснули. На другой день поѣхали дальше

и прїѣхали въ мѣсто, гдѣ водилось множество лягушекъ; тутъ приходится имъ ночевать; остановились, поѣли съ помощью серебрянаго ковша и легли спать. Какъ прежде Агу-ногонъ-абаха захрапѣла; три дочери Эсэгэ-малана говорятъ: «Нужно испытать Гарьюлай-моргона. Положимъ ему на спину лягушку; если онъ женщина, то испугается и крикнетъ, если онъ мужчина, то выброситъ лягушку и снова заснетъ». Три дочери Эсэгэ-малана поймали нѣсколько лягушекъ и положили ихъ на спину Гарьюлай-моргона. Агу-ногонъ-абаха однѣхъ лягушекъ выбросила, а другихъ подъ собой раздавила, повернулась на другой бокъ и спитъ по прежнему. Три дочери Эсэгэ-малана говорятъ: «Онъ мужчина, а не женщина! Но отчего онъ съ нами не играетъ, не ласкаетъ насъ и отчего голосъ его временами похожъ на женскій»? Такъ разсуждая, они заснули. На другое утро встали рано, поѣли съ помощью серебрянаго ковшика и поѣхали дальше. Къ вечеру прїѣхали на мѣсто, гдѣ множество змѣй ползало; тутъ приходится имъ ночевать; они остановились, поѣли и легли спать; Агу-ногонъ-абаха, какъ всегда, прежде всѣхъ заснула и захрапѣла. Три дочери Эсэгэ-малана говорятъ: «Не обманываетъ-ли онъ насъ? Нужно его испытать. Положимъ ему на шею змѣю; если онъ мужчина, то онъ выброситъ ее и снова заснетъ, а если женщина, то вскрикнетъ и соскочитъ съ постели». Вотъ три дочери Эсэгэ-малана поймали змѣю и положили на шею Агу-ногонъ-абаха; она выбросила змѣю и снова заснула. Три дочери Эсэгэ-малана говорятъ: «Онъ мужчина, а не женщина, но отъ чего онъ съ нами не играетъ и насъ не ласкаетъ? Для чего онъ на насъ женился? Скоро-ли мы прїѣдемъ къ нему домой, гдѣ будемъ жить съ нимъ»? Такъ разговаривая, онѣ заснули. На другое утро встали рано и поѣхали дальше. Днемъ они ѣхали впередъ, а вечеромъ останавливались ночевать; такимъ образомъ они прїѣхали къ живой водѣ, сами выпили живой воды и коней напоили, кони сдѣлались сильнѣе и быстрѣе прежнихъ и сами они сдѣлались сильнѣе и красивѣе. У живой воды они ночевали, на другой день съ большимъ трудомъ спустились подъ гору и поѣхали далѣе.

Агу-ногонъ-абаха говоритъ тремъ дочерямъ Эсэгэ-малана: «Я поѣду впередъ, чтобы домъ привести въ порядокъ и встрѣтить васъ, а вы поѣзжайте по моимъ слѣдамъ. Гдѣ я сѣлаю кругъ, тамъ ночуйте, гдѣ сѣлаю черточку по дорогѣ, тамъ проѣзжайте по этой черточкѣ!»! Агу-ногонъ-абаха уѣхала впередъ и пріѣхала домой; всѣ подданные и дворецъ ея стоятъ благополучно. Она немедленно поѣхала на сѣверную сторону, гдѣ паслись ея многочисленные табуны; поймала большую бѣлую кобылу и привела домой; ведя за собой бѣлую кобылу, поѣхала она къ горѣ Ангай, пріѣхавши, принесла бѣлую кобылу въ жертву горѣ Ангай и просила ее, чтобы она открылась и позволила ей взять кости брата Гарьюлай-моргона. Гора приняла жертву и раскрылась, Агу-ногонъ-абаха взяла кости своего брата; послѣ того гора Ангай снова закрылась. Агу-ногонъ-абаха возвращается домой, снимаетъ съ коня сѣдло и потникъ, а коня привязываетъ къ серебряному столбу. Потомъ входитъ во дворецъ и кладетъ въ немъ кости своего брата. Вносить сѣдло и потникъ и кладетъ ихъ на правой сторонѣ очага; шелковый потникъ стелетъ, а чисто-серебряное сѣдло кладетъ въ изголовье. На эту постель она укладываетъ поблѣвшіе отъ времени кости Гарьюлай-моргона.

Потомъ она пишетъ на бумагѣ, что она сдѣлала и бумагу привязываетъ къ гривѣ тоненькаго рыжаго коня, а сама убѣгаетъ въ лѣсъ, скрываясь отъ гнѣва трехъ дочерей Эсэгэ-малана, которыхъ она обманомъ привезла для того, чтобы воскресить своего единственного брата. Она обратилась въ зайца, чтобы прятаться въ дуплахъ. Пріѣхали три дочери Эсэгэ-малана ко дворцу Гарьюлай-моргона и ждутъ, скоро-ли выйдетъ встрѣчать ихъ мужъ; они видятъ, у серебрянаго столба стоитъ привязанный тоненькій рыжій конь безъ сѣдла, но не могутъ дожидаться встрѣчи и входятъ во дворецъ, гдѣ никого не находятъ; только на правой сторонѣ очага лежатъ давно поблѣвшія человѣческія кости. Три дочери Эсэгэ-малана говорятъ: «Насъ обманула хитрая женщина и привезла къ

умершему человеку, кости котораго вотъ лежать здѣсь около очага». Потомъ двѣ старшія дочери Эсэгэ-малана говорятъ: «Поѣдѣте обратно домой! Что будемъ дѣлать у умершаго человека, за котораго мы вышли замужъ!» Младшая сестра говоритъ: «Какъ мы поѣдемъ домой, пріѣхавши въ такую дальнюю сторону? Что скажемъ родителямъ? Что насъ обманомъ привезли къ покойнику? или скажемъ, что мы не хотѣли жить здѣсь? Или-же скажемъ, что насъ прогнали отсюда? Такъ какъ мы можемъ воскрешать мертвыхъ людей, не лучше-ли намъ воскресить мертваго? Воскресимъ и увидимъ, что намъ дѣлать».

Тогда старшая сестра три раза плюнула на лежащія кости, три раза перешагнула чрезъ нихъ и три раза ударила ихъ чернымъ шелковымъ платкомъ; кости Гарьюлай-моргона соединились между собою и покрылись жилами. Потомъ средняя сестра три раза плюнула на кости, три раза перешагнула черезъ нихъ и три раза ударила чернымъ шелковымъ платкомъ; кости Гарьюлай-моргона покрылись мясомъ и онъ лежалъ, какъ спящій человекъ; три дочери Эсэгэ-малана залюбовались на красоту Гарьюлай-моргона и говорятъ: «Отчего такой красивый молодой человекъ умеръ? Кто-же была та женщина, которая насъ обманула»? Наконецъ младшая сестра три раза плюнула, три раза перешагнула черезъ Гарьюлай-моргона и три раза ударила его чернымъ шелковымъ платкомъ; тогда Гарьюлай-моргонъ ожилъ и поднялся; поглаживая волосы, онъ говоритъ: «Какъ я долго и крѣпко спалъ!» Потомъ онъ всталъ, поздоровался съ тремя дочерьми Эсэгэ-малана и спросилъ ихъ: откуда онъ и какъ ихъ зовутъ? Тѣ говорятъ: «Мы три дочери Эсэгэ-малана и пріѣхали недавно. Ты былъ мертвый и кости твои уже побѣлѣли отъ времени. Мы оживили тебя». Гарьюлай-моргонъ не повѣрилъ имъ; онъ вышелъ изъ дворца и видитъ, что его конь стоитъ привязанный къ серебряному столбу. Тоненькій рыжій конь, увидѣвъ своего хозяина, заржалъ тонко-серебристымъ голосомъ. Гарьюлай-моргонъ подходитъ къ своему коню, гладитъ его и находитъ въ гривѣ коня привязанную

бумагу, читаетъ ее и узнаетъ все, что сдѣлала его сестра, какъ она убила Мангатхая, какъ похоронила его въ горѣ Ангай, какъ вые-
вatala за него трехъ дочерей Эсэгэ-малана. Онъ спрашиваетъ у коня:
«Гдѣ моя сестра Агу-ногонъ-абаха»? Рыжій конь говоритъ: «Твоя
сестра, обратившись въ зайца, убѣжала въ лѣсъ, чтобы спрятаться
тамъ отъ трехъ дочерей Эсэгэ-малана, которыя, узнавши ея обманъ,
могутъ сильно разсердиться». Гарьюлай-моргонъ говоритъ коню:
«Поскорѣе поѣдемъ отыскивать Агу-ногонъ-абаха»! Тоненькій рыжій
конь говоритъ ему: «Твоя сестра спряталась очень далеко и теперь
ее не найти. Проживи сначала съ тремя твоими женами трои сутки;
иначе они могутъ вернуться домой. Черезъ три дня поѣдемъ отыски-
вать твою сестру, а теперь я сильно усталъ». Гарьюлай-моргонъ
отпустилъ своего коня на три дня на свободу, а самъ вошелъ во
дворецъ. Три дочери Эсэгэ-малана съ помощью серебрянаго ковша
приготовили превкусное кушанье. Вечеромъ легли спать за семи-
десятью занавѣсами на мягкой постели.

На четвертый день Гарьюлай-моргонъ собирается на охоту и
отыскивать свою сестру. Онъ выходитъ изъ дворца и зоветъ своего
тоненькаго рыжаго коня; услышавъ призывъ хозяина, конь прибѣ-
гаетъ и становится у серебрянаго столба. Гарьюлай-моргонъ одѣ-
вается, прощается съ женами и уѣзжаетъ на охоту. Цѣлый день онъ
ищетъ свою сестру и не можетъ найти; къ вечеру, не убивши ничего,
пріѣзжаетъ домой, отпускаетъ коня и входитъ во дворецъ; три мо-
лодыя жены встрѣчаютъ его и спрашиваютъ, что онъ убилъ на
охотѣ. Гарьюлай-моргонъ говоритъ своимъ тремъ молодымъ женамъ,
что онъ цѣлый день охотился и ничего не могъ убить. Поѣвши съ
помощью серебрянаго ковша, легли спать. На другой день Гарьюлай-
моргонъ опять собирается на охоту; онъ выходитъ изъ дворца и
видитъ, тоненькій рыжій конь давно стоитъ около серебрянаго столба
и ждетъ своего хозяина. Гарьюлай-моргонъ ловитъ коня чисто серебря-
ною уздою, сѣдлаетъ его чисто серебрянымъ сѣдломъ, одѣвается,
прощается съ молодыми женами и уѣзжаетъ на охоту, чтобы оты-
скать свою единственную сестру, которую наканунѣ не могъ найти.

Гарьюлай-моргонъ цѣлый день отыскиваетъ свою сестру по лѣсу и не можетъ найти; къ вечеру возвращается домой печальный и ничего не убивши. Приѣхавъ домой, отпускаетъ коня, а самъ входитъ во дворецъ, гдѣ его встрѣчаютъ три молодыя жены и спрашиваютъ, отчего онъ возвратился такой печальный. Гарьюлай-моргонъ говоритъ, что отъ того, что онъ ничего не убилъ во время охоты. Три молодыя жены повѣрили ему.

На третье утро Гарьюлай-моргонъ всталъ рано и поѣхалъ на охоту. Ёдетъ онъ по лѣсу и видитъ, подъ деревомъ лежитъ заяцъ и лежа дремлетъ. Рыжій конь говоритъ Гарьюлай-моргону: «Вотъ твоя сестра сидитъ подъ деревомъ и дремлетъ»!

Гарьюлай-моргонъ слезаетъ съ коня, подкрадывается къ зайцу и ловить его; заяцъ никакъ не можетъ вырваться изъ рукъ Гарьюлай-моргона и наконецъ обращается въ дѣвицу Агу-ногонъ-абаха. Долго братъ съ сестрою разговаривали о томъ, что было во время разлуки, потомъ Гарьюлай-моргонъ говоритъ сестрѣ: «Теперь поѣдемъ домой и будемъ жить вмѣстѣ»! Агу-ногонъ-абаха не соглашается ѣхать домой, боится трехъ дочерей Эсэгэ-малана, которыхъ она обманула. Но Гарьюлай-моргонъ уговорилъ ее.

Когда они приѣхали домой, три молодыя жены Гарьюлай-моргона узнали своего прежняго мужа и говорятъ: «Правду сказала шаманка, что Эсэгэ-маланъ выдаетъ своихъ дочерей за женщину». Три дочери Эсэгэ-малана помирились съ Агу-ногонъ-абаха и жили съ ней мирно. Гарьюлай-моргонъ выстроилъ своей сестрѣ особый красивый дворецъ, а три молодыя жены брата подарили ей серебряный ковшикъ, съ помощью котораго можно достать какое угодно кушанье и напитокъ. Гарьюлай-моргонъ собралъ всѣхъ своихъ подданныхъ и сдѣлалъ большой пиръ, который продолжался девять дней; едва-едва гости разъѣхались на десятый день, всѣ были очень довольны угощеніемъ и хвалили умъ и красоту молодыхъ женъ своего царя. Гарьюлай-моргонъ счастливо жилъ со своими тремя прекрасными и молодыми женами, отъ которыхъ имѣлъ много дѣтей. Такъ анхужи-ашта-бурханда-туше.

Записана г. Хангаловымъ у бурятъ
Балаг. вѣд.

10) Алтанъ-сэсэкъ и его сестра Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха.

Давно, давно жили старикъ со старухой. Старикъ было отъ роду 70 лѣтъ, а старухѣ 60. У нихъ было двое дѣтей: старшая дочь, которую звали Эрмэльжинъ - гохонъ - абаха и младшій сынъ, котораго звали Алтанъ-сэсэкъ. Они жили счастливо въ обширномъ и красивомъ дворцѣ и ни въ чемъ не нуждались. Только у старика старуха была злая и завистливая, постоянно ворчала на дѣтей, хотя дѣти были скромны и послушны. Однажды Алтанъ-сэсэкъ спрашиваетъ у своей сестры Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха, что это бѣгаетъ въ лѣсу взадъ и впередъ, и въ сѣверной сторонѣ и въ южной сторонѣ? какія-такія это животныя? Тогда Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха говоритъ брату: «Взадъ и впередъ бѣгаютъ въ лѣсу и къ сѣверу отъ насъ и къ югу отъ насъ это звѣри, которыхъ убиваютъ только хорошіе люди, а худые только смотрятъ имъ вслѣдъ и убивать ихъ не могутъ». Алтанъ-сэсэкъ спрашиваетъ: «Какъ ихъ убиваютъ хорошіе люди»? «Ихъ убиваютъ стрѣлами изъ лука», говоритъ сестра. Алтанъ-сэсэкъ уговариваетъ сестру сдѣлать ему лукъ и стрѣлу, которыми убиваютъ звѣрей. По просьбѣ брата Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха сдѣлала брату лукъ изъ тоненькаго прутика, а стрѣлу изъ лучины. Отдавая ихъ брату, она ему сказала: «Если ты хорошій мужчина, то убьешь звѣрей, а если нѣтъ, то только будешь смотрѣть на нихъ сзади, какъ они будутъ убѣгать!» Алтанъ-сэсэкъ, взявши у сестры лукъ и стрѣлы, отправился на охоту въ лѣсъ. Долго онъ охотился и убилъ такое множество звѣрей, что не въ состояніи былъ сразу принести всѣхъ звѣрей домой, половину звѣрей оставилъ въ лѣсу и только потомъ принесъ остальную добычу. Отецъ его сильно обрадовался, что первая охота сына удалась и убито множество звѣрей; онъ приказалъ своей дочери Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха приготовить мясо. Она отдѣлила годное къ пищѣ въ пищу, а шкуры отдала выдѣлать; изъ мяса убитыхъ звѣрей приготовила вкусное кушанье, которое всѣ ѣли и наѣлись до сыта. А войско и подданные 70 лѣт-

няго старика говорили между собою: «Сынъ нашего царя будетъ хорошимъ и непобѣдимымъ богатыремъ!»! Алтанъ-сэсэкъ продолжалъ заниматься охотой и каждый разъ убивалъ множество звѣрей.

Въ одно утро съ восточной стороны пріѣхали четыре неизвѣстныхъ всадника, которые, не доѣзжая до дворца, остановились. Семидесятилѣтній старикъ послалъ на встрѣчу имъ войско узнать, кто они такіе, откуда пріѣхали, съ войною или съ миромъ. Посланное войско спросило у всадниковъ, откуда они и куда ѣдутъ? Четыре всадника отвѣтили: «Мы пріѣхали съ восточной стороны по приказанію своего царя Шажага-баяна, у котораго единственная дочь Саксага-гохонъ-абаха выходитъ за мужъ; передъ свадьбой будетъ сдѣлано гулянье, на которое Саксага-гохонъ-абаха приглашаетъ дочь вашего царя Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха, такъ какъ она обѣщалась пріѣхать на свадьбу». Тогда посланное войско вмѣстѣ съ четырьмя всадниками возвратилось во дворецъ своего царя. Семидесятилѣтнему старику доложили, что подданные царя Шажага-баяна пріѣхали пригласить Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха на свадебную пирушку. Семидесятилѣтній старикъ позволилъ посламъ царя Шажага-баяна войти во дворецъ. Войдя во дворецъ, они сказали царю, что они посланы отъ царя Шажага-баяна звать на свадебный пиръ царевну Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха, которая обѣщалась быть на свадьбѣ у Саксага-гохонъ-абаха. Спросили у Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха, желаетъ-ли она исполнить свое обѣщаніе. Та согласилась и четыре посланные отъ царя Шажага-баяна уѣхали.

Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха начала собираться на свадьбу; подъ низъ надѣла бѣлую шелковую одежду, потомъ надѣла синюю шелковую одежду, сверхъ этой красную шелковую одежду, а поверхъ всего черную шелковую одежду. Когда она окончила одѣваться, войско поймало тонкую бѣлую лошадь, осѣдлала ее серебрянымъ сѣдломъ, обуздали серебряною уздою и шелковымъ поводомъ привязали къ бронзово-серебряному столбу.

Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха выходитъ на улицу, чтобы ѣхать на свадьбу; за ней выходитъ братъ ея Алтанъ-сэсэкъ. Она говоритъ ему: «Будь безъ меня поосторожнѣе! Я замѣтила, что наши родители таятъ отъ насъ какое-то намѣреніе». Сказавъ это, она простилась съ братомъ, сѣла на коня и поѣхала на пирушку царя Шажага баяна. Приѣхавъ туда, она прямо заѣхала къ царевнѣ Саксага-гохонъ-абаха, которая встрѣтила свою подругу съ неописанною радостью и стала угощать ее превкусными кушаньями; собравшійся народъ, увидѣвъ Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха, удивлялся ея красотѣ и ея ловкости въ ѣздѣ. Когда весь народъ собрался, обѣ царевны Саксага-гохонъ-абаха и Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха съ другими приглашенными подругами пошли на гулянку; весь собравшійся народъ не могъ наглядѣться на красоту царевны Эрмэльжинъ-гохонъ и надивиться ея уму; не было никого, кто-бы могъ съ нею соперничать.

Когда дѣвица Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха уѣхала къ царю Шажага-баяну, 60 лѣтняя старуха-царица говоритъ своему мужу 70 лѣтнему старику: «Теперь убьемъ своего сына Алтанъ-сэсэка! если онъ вырастетъ большой, онъ не будетъ намъ подчиняться». Семи-десятилѣтній старикъ царь отказывается убить своего единственнаго сына. 60 лѣтняя старуха говоритъ своему мужу: «Если ты не убьешь своего сына, то я удавлюсь!» Съ этими словами она схватила волосяную веревку и побѣжала въ лѣсъ, чтобы тамъ удавиться. 70 лѣтній старикъ пошелъ за нею въ лѣсъ и началъ упрашивать ее возвратиться; но старуха не хочетъ возвратиться, пока старикъ не согласится убить своего сына. Тогда 70 лѣтній старикъ согласился убить своего сына, и 60 лѣтняя старуха возвратилась домой.

Пришедши домой во дворецъ, 70 лѣтній старикъ-царь спрашиваетъ у своей жены царицы: «Какимъ образомъ убьемъ нашего сына? Онъ сильнѣе насъ обоихъ и не имѣетъ по близости противника съ равною силою».

60 лѣтняя старуха-царица говоритъ своему мужу: «Мы убьемъ нашего сына обманомъ. Я приготовлю 20 котловъ тарасуну и сварю

мясо двухъ барановъ; потомъ еще приготовлю два котла крѣпкаго тарасуну съ сильнѣйшимъ ядомъ, отъ котораго нашъ сынъ умретъ. Когда пригласимъ его, то скажемъ ему, что мы хотимъ гулять. Послѣ этого я принесу 20 котловъ тарасуна и мы выпьемъ ихъ втроемъ; отъ выпитаго вина сынъ нашъ опьянѣетъ; тогда я принесу приготовленный ядъ и онъ его выпьетъ; если онъ первую чашку подастъ тебѣ, чтобъ ты выпилъ, ты ему скажи, чтобъ онъ побрызгалъ и выпилъ-бы самъ. Тогда онъ побрызгаетъ, выпьетъ и умретъ».

60 лѣтняя старуха приготовила 20 котловъ тарасуна и сварила мясо двухъ барановъ; потомъ приготовила и сильнѣйшій ядъ, которымъ хотѣла отправить своего единственного сына. Когда все было готово, старуха-царица говорить своему мужу: «Призови своего сына»! 70 лѣтній старикъ призвалъ своего сына Алтанъ-сэсэка во дворецъ. 60 лѣтняя старуха-царица говорить своему мужу 70 лѣтнему старику-царю и своему сыну Алтанъ-сэсэку: «Мы никогда не гуляемъ, какъ люди! Отчего намъ сегодня и не погулять-бы не много и не повеселиться? Наши дѣти довольно выросли, безъ насъ управляютъ хозяйствомъ и подданными, а потому погуляемте сегодня и повеселимся»! Сказавъ это, она принесла приготовленные ею 20 котловъ тарасуна и мясо двухъ барановъ. 70 лѣтній старикъ и 60 лѣтняя старуха съ сыномъ своимъ Алтанъ-сэсэкомъ начали пить принесенный тарасунъ изъ 20 котловъ и ѣсть мясо двухъ барановъ; когда они кончили 20 котловъ тарасуна и мясо двухъ барановъ, Алтанъ-сэсэкъ сдѣлался пьянымъ и заплакалъ. «Отецъ и мать»! сказалъ онъ. «Я предчувствую худое! что-то у меня сильно бьется сердце»! 60 лѣтняя старуха успокоила своего сына, принесла приготовленный для него ядъ, подала ему и сказала: «Вотъ это твой пай! ты его долженъ выпить»! Алтанъ-сэсэкъ взялъ ядъ у своей матери, вылилъ весь въ одну чашку и подаль своему отцу, чтобы тотъ попробовалъ. 70 лѣтній старикъ говорить своему сыну: «Свой пай ты выпей самъ, побрызгавъ на огонь»! Алтанъ-сэсэкъ

побрызгалъ яду на огонь и выпилъ всю чашку; выпивъ, упалъ мертвымъ.

Когда Алтанъ-сэсэкъ умеръ, 70 лѣтній старикъ и 60 лѣтняя старуха говорятъ другъ другу: «Наша хитрая дочь уѣхала на пиръ царя Шажага-баяна и намъ удалось безъ нея убить сына, а если-бы она была дома, то не позволила-бы этого сдѣлать». Потомъ они сдѣлали большую бочку и положили въ нее тѣло Алтанъ-сэсэка, бочку оковали желѣзными обручами, чтобы не разбилась отъ морскихъ волнъ, и бросили ее въ море, думая, что ее оттуда никто не достанетъ.

Дѣвицѣ Эрмельжинъ-гохонъ-абаха на пиру царя Шажага-баяна не было весело; она замѣтила, что у нея передергиваются жилы сзади на спинѣ и спереди отъ головы до ногъ; когда она спросила у стариковъ и старухъ, что это значитъ, одинъ изъ стариковъ сказалъ ей, что если передергиваетъ спинныя жилы, это значитъ, что случится несчастье надъ дальними родственниками, а если передергиваются жилы передней стороны, то случится несчастье съ родными изъ семейства. Эрмельжинъ-гохонъ-абаха, не ожидая окончанія пира, уѣхала домой; дома ее встрѣтили 70 лѣтній старикъ отецъ и 60 лѣтняя старуха мать; они вышли къ ней на встрѣчу на улицу и спрашиваютъ, какъ она гуляла и было-ли ей весело на пиру царя Шажага-баяна? Эрмельжинъ-гохонъ-абаха сказала, что ей было очень весело, но что она уѣхала до окончанія пира, соскучившись безъ брата. Она входитъ во дворецъ, не находитъ брата и спрашиваетъ у родителей: Гдѣ братъ Алтанъ-сэсэкъ? Родители сказали, что братъ ея ушелъ на охоту и съ тѣхъ поръ не возвращался домой.

Эрмельжинъ-гохонъ-абаха выходитъ на улицу и спрашиваетъ у стражей: «Гдѣ мой братъ Алтанъ сэсэкъ»? Стражи говорятъ: «Твой братъ послѣ твоего отъѣзда не выходилъ на улицу; мы не видали его». Тогда Эрмельжинъ-гохонъ-абаха возвращается во дворецъ и допытываетъ родителей, куда они дѣвали ея брата. Долго

они молчали, но наконецъ сказали, что они своего сына Алтанъ-сэсэка убили, заковали въ бочку и бросили въ море. Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха заплакала. Потомъ она собрала всѣхъ подданныхъ своего отца и спросила ихъ, не знаетъ-ли кто средства воскресить убитого Алтанъ-сэсэка. Народъ отвѣчалъ, что никто изъ нихъ такого средства не знаетъ; только одинъ старикъ сказалъ, что когда онъ былъ молодъ, то отъ стариковъ слыхалъ, что три дочери Эсэгэ-маланъ-тэнгира однѣ только могутъ воскрешать мертвыхъ людей. Тогда Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха отпустила всѣхъ подданныхъ своего отца, а сама начала собираться въ далекий путь къ тремъ дочерямъ Эсэгэ-маланъ-тэнгира. Надѣла она на себя одежду своего брата и отправилась въ путь. Долго шла Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха, наконецъ въ одной пади увидала она трехъ сивыхъ лошадей; лошади эти были Эсэгэ-маланъ-тэнгира; онѣ бѣгали въ пади съ ея вершины до устья, играя между собой. Дѣвица Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха обратилась въ большую муху и сѣла подъ гривой самой большой лошади, которая, почувствовавъ муху, начала сильно бѣгать и встряхивать сильно гривой, чтобы избавиться отъ нея; наконецъ она спрашиваетъ муху: «Что ты хочешь сдѣлать, добро или зло? не мучь, поскорѣе дѣлай то-ли, другое-ли!»! Тогда дѣвица Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха, превратившаяся въ муху, говоритъ лошади: «Я тебя не убью и добра тебѣ не сдѣлаю. Я иду къ тремъ дочерямъ Эсэгэ-маланъ-тэнгира; слышала я, что онѣ мертвыхъ воскрешаютъ и бѣдныхъ дѣлаютъ богатыми; а мои родители убили моего младшаго брата. Вотъ и иду я къ дочерямъ Эсэгэ-маланъ-тэнгира, чтобы воскресили онѣ моего брата. Вы мнѣ въ этомъ дѣлѣ помогите!»! Три сивыя лошади Эсэгэ-маланъ-тэнгира спрашиваютъ Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха: «Гдѣ твой убитый братъ»? Она отвѣчаетъ тремъ сивымъ лошадямъ: «Когда моего брата убили, его заложили въ бочку и бросили въ море; на днѣ моря лежитъ мой убитый братъ въ бочкѣ».

Три лошади Эсэгэ-маланъ-тэнгира пошли съ дѣвицей Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха къ морю, чтобы искать въ немъ бочку съ ея убитымъ братомъ. Сначала въ море пошла самая большая сивая лошадь; она нашла бочку на днѣ моря, взяла ее въ зубы и поплыла съ ней къ берегу, но на половинѣ дороги она выпустила изъ зубовъ бочку и къ берегу приплыла одна безъ бочки. Послѣ этого въ море пошла средняя лошадь; она нашла бочку на днѣ моря, взяла ее въ зубы и приплыла къ берегу, но у самого берега выпустила бочку, а сама пустая выплыла на берегъ. Тогда самая меньшая сивая лошадь пошла въ море и вытащила бочку на берегъ; бочку разбили и изъ нея вышли кости Алтанъ-сэсэка.

Дѣвица Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха собрала всѣ кости своего брата и на этихъ-же трехъ сивыхъ лошадяхъ повезла похоронить въ горѣ Анга-уланъ; приѣхавъ къ горѣ Анга-уланъ, дѣвица Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха начала молиться этой горѣ: «Гора моя Анга-уланъ, откройся мнѣ! Я хочу похоронить кости своего брата Алтанъ-сэсэка въ такое мѣсто, гдѣ-бы въ лѣтніе жары онѣ не потѣли и въ зимній холодъ не мерзли!» Гора Анга-уланъ, услышавъ молитву Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха, открылась ей; дѣвица похоронила кости своего брата и гора снова закрылась.

Три сивыя лошади Эсэгэ-маланъ-тэнгира сказали дѣвицѣ Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха, что онѣ не могутъ воскресить ея умершаго брата, что воскрешать мертвыхъ и бѣдныхъ дѣлать богатыми могутъ только три дочери Эсэгэ-маланъ-тэнгира. «Если хочешь воскресить брата, сказали они ей, то увези домой трехъ дочерей Эсэгэ-маланъ-тэнгира. Скоро три дочери Эсэгэ-маланъ-тэнгира поѣдутъ въ гости; когда наступитъ время имъ ѣхать, ты насъ запряги въ телегу и подѣзжай къ дворцамъ трехъ дочерей Эсэгэ-маланъ-тэнгира; онѣ выйдутъ изъ дворцовъ и сядутъ въ телегу; тогда ты подѣзжай къ себѣ домой».

Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха приняла совѣтъ лошадей. Когда дочерямъ Эсэгэ-маланъ-тэнгира наступило время ѣхать въ гости, она

запрягла трехъ сивыхъ лошадей въ телегу и подъѣхала къ дворцамъ. Когда три дочери Эсэгэ-маланъ-тэнгира увидѣли, что телега, запряженная тремя сивыми лошадьми ихъ отца, подъѣхала къ ихъ дворцамъ, подумали, что это отецъ послалъ имъ лошадей, чтобы ѣхать въ гости, одѣлись, вышли изъ дворцовъ и сѣли въ телегу. Тогда дѣвица Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха поѣхала домой такъ скоро и быстро, что три дочери Эсэгэ-маланъ-тэнгира не могли выскочить изъ телеги, хотя и поняли, что онѣ обмануты.

Когда Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха проѣхала большую половину дороги, она сказала тремъ дочерямъ Эсэгэ-маланъ-тэнгира: «Я везу васъ не въ гости, а къ себѣ домой, чтобы на васъ жениться. А я самъ изъ дальней восточной стороны, сынъ 70 лѣтняго старика и 60 лѣтней старухи; меня зовутъ Алтанъ-сэсэкъ». Три дочери Эсэгэ-маланъ-тэнгира согласились выйти за мужъ за Алтанъ-сэсэка и поѣхали съ нимъ далѣе.

Дорогой Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха говоритъ тремъ дочерямъ Эсэгэ-маланъ-тэнгира: «Вы поѣзжайте моимъ слѣдомъ; гдѣ будетъ проведена черта, по ней направляйте свой путь! гдѣ будетъ сдѣланъ кругъ, тамъ ночуйте!» Сказавъ это, она сама уѣхала впередъ.

Пріѣхавши домой, она отправилась къ горѣ Анга-уланъ; она опять помолилась горѣ, чтобъ гора открылась, чтобы взять кости брата. Анга-уланъ, услышавъ ея молитву, снова открылась. Дѣвица Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха взяла кости своего брата и поѣхала домой. Пріѣхавъ домой, она выстроила прекрасный дворецъ высокою до неба и положила въ немъ кости своего брата въ порядкѣ, въ какомъ онѣ лежали въ живомъ тѣлѣ; потомъ сняла съ себя шубу и закрыла кости; всѣ свои поступки описала и записку положила надъ дверью, а сама, обратившись въ зайца, уѣжала въ великій лѣсъ.

Три дочери Эсэгэ-маланъ-тэнгира пріѣхали, вошли во дворецъ, увидѣли голыя человѣческія кости, покрытыя шубой, сильно удивились и говорятъ: «Кто-же по пріѣздѣ убилъ его и кости по-

крылъ шубою? На взглядъ онъ имѣеть царственный видъ. Воскресить-ли намъ его или нѣтъ? Или же уѣхать обратно домой? Если уѣдемъ, то что дома скажемъ? Скажемъ-ли, что сами пріѣхали или же, что насъ прогнали»? И рѣшили они воскресить лежащаго мертваго человѣка. Съ этой цѣлью старшая дочь Эсэгэ-маланъ-тэнгира плюнула на лежащія кости и перешагнула черезъ нихъ; тогда всѣ кости соединились между собою жилами. Потомъ средняя дочь Эсэгэ-маланъ-тэнгира тоже по примѣру старшей сестры плюнула и перешагнула черезъ кости; тогда всѣ кости обтянулись тѣломъ. Алтанъ-сэсэкъ лежитъ, какъ снящій человѣкъ. Послѣ этого младшая дочь Эсэгэ-маланъ-тэнгира тоже плюнула и перешагнула черезъ Алтанъ-сэсэка. Онъ ожилъ; сѣвши, онъ поправилъ волосы и говоритъ: «Какъ я долго спалъ»!

Алтанъ-сэсэкъ всталъ, поздоровался съ тремя дочерьми Эсэгэ-маланъ-тэнгира и принялъ ихъ, какъ дорогихъ гостей; выйдя на улицу онъ увидѣлъ трехъ сивыхъ лошадей Эсэгэ-маланъ-тэнгира, запряженныхъ въ телегу и привязанныхъ къ столбу; онъ узналъ ихъ и снова вошелъ во дворецъ. Три дочери Эсэгэ-маланъ-тэнгира говорятъ ему: «Ты привезъ насъ въ свой домъ, чтобы жениться на насъ. Чѣмъ же теперь будешь насъ кормить?»

Алтанъ-сэсэкъ далъ тремъ дочерямъ Эсэгэ-маланъ-тэнгира все нужное для приготовленія пищи и онѣ приготовили превкусное кушанье, которое всѣ ѣли. Трехъ сивыхъ лошадей Эсэгэ-маланъ-тэнгира Алтанъ-сэсэкъ отпустилъ пасться.

Однажды, выходя на улицу, Алтанъ-сэсэкъ увидѣлъ бумагу, положенную его сестрой Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха надъ дверью. Онъ взялъ эту бумагу и читалъ ее въ продолженіи трехъ сутокъ не отдыхая; едва, едва прочиталъ. Окончивъ чтеніе, Алтанъ-сэсэкъ собрался на охоту и поѣхалъ отыскивать свою сестру, которая обратилась въ зайца и убѣжала въ лѣсъ. Охотясь въ лѣсу, Алтанъ-сэсэкъ едва нашелъ сестру. Около одного пня, сидя, дремалъ одинъ старенькій заяцъ; въ немъ Алтанъ-сэсэкъ узналъ свою сестру. Онъ

осторожно подкрался и поймалъ дремавшего зайца; положивъ его на правое колѣно, онъ началъ ласкать его и гладить, а потомъ, положивъ на лѣвое колѣно, тоже ласкалъ и гладилъ, послѣ чего Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха снова обратилась въ человѣка. Долго они между собою разговаривали.

Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха, боясь трехъ дочерей Эсэгэ-маланъ-тэнгира, не поѣхала въ домъ своего брата, а выстроила себѣ въ лѣсу особый дворецъ и стала въ немъ жить. Братъ ея Алтанъ-сэсэкъ поѣхалъ охотиться на звѣрей; убивши множество дичи, онъ на обратномъ пути заѣхалъ къ своей сестрѣ, отдалъ ей половину убитыхъ звѣрей, а другую половину увезъ своимъ тремъ женамъ, съ которыми жилъ.

Алтанъ-сэсэкъ каждый разъ уѣзжалъ на охоту на долгое время и возвращался съ половиною добычи, а другую половину отдавалъ своей сестрѣ. Три его жены замѣтили это и уговорились слѣдить за нимъ, чтобы узнать, гдѣ онъ такъ долго бываетъ во время охоты. Однажды, когда Алтанъ-сэсэкъ поѣхалъ на охоту, три жены его не замѣтно пришили къ спинѣ его клубокъ шелка и по разматывавшемуся шелку пошли слѣдить за нимъ. Алтанъ-сэсэкъ заѣхалъ сначала къ своей сестрѣ, отъ нея поѣхалъ далѣе на охоту. Три его жены пошли по шелку и пришли къ дворцу Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха. Они зашли къ ней; Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха угостила ихъ; послѣ разговоровъ младшая жена Алтанъ-сэсэка предложила играть дѣвицѣ Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха. «Будемте играть, глотая горсть иголокъ!» сказала она. Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха предложила первой начать игру младшей дочери Алтанъ-сэсэка; та начала глотать иголки и выплевывать ихъ обратно; послѣ этого была очередь Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха. Она проглотила горсть иголокъ, подавилась и умерла. Три жены Алтанъ-сэсэка возвратились домой.

Алтанъ-сэсэкъ, возвращаясь съ охоты, заѣхалъ къ своей сестрѣ; нашедши сестру лежащею, онъ думалъ, что она спитъ, но не могъ ее разбудить. Увидѣвъ, что сестра его умерла, онъ сдѣлалъ гробъ

и положилъ въ него свою сестру Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха; потомъ поймалъ большого черного изюбря, выдолбилъ ему рогъ и положилъ туда гробъ своей сестры, потомъ пустилъ изюбря на свободу. Похоронивъ сестру, онъ пріѣхалъ домой къ своимъ тремъ женамъ.

Отпущенный на волю большой черный изюбрь, испугавшись, побѣжалъ по лѣсу и бѣгалъ въ продолженіи трехъ годовъ. Къ концу этихъ лѣтъ онъ измучился и остановился около дома одного бѣднаго старика, жившаго со старухой. Старикъ рубилъ дрова внѣ своего дома. Когда онъ увидѣлъ остановившагося изюбря, онъ кликнулъ свою старуху: «Выходи скорѣе, старуха, ко мнѣ! Къ намъ привезли много дровъ». Старуха выходитъ изъ дома и видитъ изюбря, на рогъ котораго стоитъ гробъ. Старикъ со старухой подходятъ къ изюбрю; изюбрь говоритъ имъ: «На мои рога что-то привязали и я въ продолженіи трехъ годовъ никакъ не могъ избавиться отъ привязаннаго. Избавьте меня отъ этой ноши, пожалуйста!»

Старикъ, рассчитывая убить изюбря и съѣсть его мясо, подошелъ къ нему съ топоромъ и ударилъ его въ лобъ; тогда гробъ, выдолбленный въ рогахъ изюбря, упалъ на землю. Изюбрь поблагодарилъ старика за то, что наконецъ избавилъ его отъ ноши, которую онъ носилъ на своихъ рогахъ въ продолженіи трехъ годовъ, и невредимо убѣжалъ въ лѣсъ. Старикъ былъ сильно раздосадованъ, что гробъ прежде времени упалъ съ роговъ изюбря; а то бы онъ убилъ изюбря и съѣлъ его вкусное мясо. Разсердившись, онъ началъ топтать гробъ ногами, приговаривая: «Разбейся и изломайся!» Гробъ разбился и изъ него вышла дѣвица Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха. Она ожила вслѣдствіе того, что когда изюбрь въ продолженіи трехъ годовъ бѣгалъ по лѣсамъ и горамъ, то всѣ иголки вытряслись изъ ея горла. Увидѣвъ ее, старикъ со старухой упали безъ чувствъ. Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха говоритъ: «Гдѣ вы были, что не видывали человѣка! развѣ вы изъ земли вышли?» Потомъ она ударила ихъ рукавомъ и они ожили.

Пришедши въ чувство, старикъ со старухой начали кланяться ей и просить ее: «Не губи насъ! Мы не виноваты передъ тобою!» Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха осталась жить со старикомъ и старухой.

Въ это время сынъ царя Хартаганъ-хана Харжи-муя былъ со своимъ человѣкомъ на охотѣ около дома старика и остановился у него, чтобы сварить мясо убитыхъ звѣрей и съѣсть. Харжи-муя и его человѣкъ, заглядѣвши на невиданную красоту дѣвицы Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха, позабыли о сваренномъ мясѣ и о томъ, что имъ нужно ѣхать.

Царь Хартаганъ-ханъ не могъ дожидаться своего сына, поѣхалъ его розыскивать и нашелъ его у старика со старухой. Царь Хартаганъ-ханъ, стоя на улицѣ, крикнулъ своему сыну, чтобы онъ выходилъ ѣхать домой. Харжи-муя вышелъ на зовъ отца; отецъ спрашиваетъ сына, отчего онъ такъ долго засидѣлся въ домѣ старика со старухой. Харжи-муя говоритъ ему, что тутъ есть одна красивая дѣвица, на которую онъ заглядѣлся и потому такъ долго засидѣлся. Царь Хартаганъ вошелъ въ домъ посмотрѣть на необыкновенную красавицу и когда увидѣлъ дѣвицу Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха, упалъ безъ чувствъ. Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха ударила его рукавомъ и оживила. Царь Хартаганъ-ханъ уѣхалъ домой, а сынъ его Харжи-муя остался у старика со старухой и безотлучно жилъ у нихъ. Потомъ онъ вернулся къ своему отцу и сказалъ ему, что онъ желаетъ жениться на дѣвицѣ Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха.

Царь Хартаганъ-ханъ согласился и поѣхалъ сватать за своего сына Харжи-муя дѣвицу Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха. Дѣвица Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха согласилась выйти за мужъ за Харжи-муя, сына царя Хартаганъ-хана. Устроили сватовство, а черезъ нѣкоторое время сдѣлали и пышную свадьбу. Черезъ годъ послѣ свадьбы Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха, жена Харжи-муя, родила сына, прекраснаго мальчика. Они жили счастливо.

Однажды жену Харжи-муя Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха пригласила къ себѣ на вечеринку дочь царя Шажага-баяна Саксага-гохонъ-

абаха; жена Харжи-муя, отдавъ своего сына одной старухѣ, поѣхала на вечеринку дочери царя Шажага-баяна. Въ это время Алтанъ-сэсэкъ былъ на охотѣ; возвращаясь съ охоты, онъ случайно проѣзжалъ мимо одного царскаго дворца (Хартаганъ-хана) и слышитъ пѣсню, которую поетъ одна старуха, держа на рукахъ мальчика; она пѣла: «Внукъ царя Хартаганъ-хана, сынъ Харжи-муя! Мать твоя Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха, а братъ твоей матери Алтанъ-сэсэкъ»!

Алтанъ-сэсэкъ, услышавъ пѣсню старухи, зашелъ во дворецъ и спрашиваетъ у старухи, куда ушли хозяева дворца. Старуха отвѣчаетъ, что они уѣхали на вечеринку къ дочери царя Шажага-баяна. Алтанъ-сэсэкъ, оставивъ дворецъ, прямо поѣхалъ на эту вечеринку, гдѣ и увидѣлъ свою сестру Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха. Проходя мимо своей сестры, Алтанъ-сэсэкъ будто случайно уронилъ свой золотой перстень передъ ней. Она подняла перстень и вышла за братомъ на улицу. Тамъ она ему сказала: «Когда я умерла, то ты меня похоронилъ на рогахъ изюбря безъ коня и оставилъ, чтобъ меня съѣли волки и собаки. Когда ты умеръ, я тебя похоронила въ горѣ Анга-уланъ и сколько мнѣ было труда воскресить тебя; мнѣ пришлось обманомъ привезти трехъ дочерей Эсэгэ-маланъ-тэнгира, на которыхъ ты женился».

Алтанъ-сэсэкъ съ этой вечеринки вмѣстѣ съ сестрою и ея мужемъ Харжи-муя поѣхалъ въ ихъ дворецъ, а потомъ взялъ сестру Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха къ себѣ домой и снова сдѣлали свадебный пиръ, на которомъ гуляли девять сутокъ и едва, едва разошлись по домамъ; гостей было великое множество. Послѣ этого всѣ живутъ счастливо.

Записана г. Хангаловымъ у бурятъ
Балаг. вѣд.

---

11) Ханъ-гужиръ.

Въ прежнее счастливое время жилъ былъ царь Богдоръ, которому было 70 лѣтъ, а женѣ его 60. Они не имѣли дѣтей, кото-

рыхъ могли-бы воспитывать и ласкать на колѣняхъ. Но за то у нихъ были многочисленныя стада скота, которыя паслись на сѣверной сторонѣ и по склону высокой горы, на неистощимыхъ пастбищахъ, и множество было подданныхъ; эти послѣдніе, которымъ царь давно потерялъ счетъ, — такъ ихъ было много, — жили по южной сторонѣ горы на плодороднѣйшихъ мѣстахъ и не знали ни нужды, ни горя. Однажды царь отправился посмотрѣть своихъ подданныхъ и табуны скота, которыхъ онъ давно не видалъ и которые за это время расплодились вдвое; когда онъ увидѣлъ свои табуны, онъ погрузился въ глубокую думу: «Кто будетъ обладать послѣ моей смерти моими богатствами, которыя я пріобрѣлъ съ такимъ трудомъ?» При этой мысли царь горько заплакалъ, что у него нѣтъ дѣтей. Грустный и разстроенный воротился онъ домой, а царица его спрашиваетъ: «Почему ты такой грустный и задумчивый?» Царь успокоилъ ее, сказавъ, что все нашелъ благополучнымъ, а стада умножились вдвое противъ прежняго, но задумался онъ о томъ, кто будетъ наследовать послѣ его смерти его богатства. Тогда царица сказала, что она беременна уже три мѣсяца. Услышавъ эти слова, царь сильно обрадовался, началъ смѣяться и гладить свои волосы, потомъ съ апетитомъ поѣлъ приготовленныя кушанья и отдохнулъ послѣ этого. Также весело провели царь и царица и остальные 7 мѣсяцевъ въ ожиданіи сына. Наконецъ по прошествіи 10 мѣсяцевъ около полуночи у нихъ родился сынъ, который сей-же часъ началъ плакать и звать отца и мать. Верхняя часть тѣловища у новорожденного была изъ чистаго золота, нижняя изъ чистаго серебра, въ правой рукѣ онъ держалъ знакъ побѣды надъ врагами, а въ лѣвой — знакъ звѣрей. Знаки эти означали, что онъ будетъ непобѣдимымъ воиномъ и неутомимымъ охотникомъ. Но въ многочисленныхъ табунахъ царя Богдора не было того коня, на которомъ могъ-бы ѣздить новорожденный и не было той одежды, которую онъ могъ-бы надѣвать. Конь гнѣдой масти, на которомъ онъ будетъ ѣздить, быстрый, какъ стрѣла и легкій, какъ облако, и одежды, которыя онъ долженъ бу-

дети носить, находились въ девяти чугунныхъ горахъ. Новорожденный росъ не по днямъ, а по часамъ. Черезъ день онъ не могъ помѣститься въ шкурѣ одногодвалаго барана и насытиться молокомъ отъ одной коровы. Черезъ два дня онъ не могъ уже помѣститься въ шкурѣ одногодвалаго бычка и насытиться молокомъ двухъ коровъ. На третій день царь приготовилъ съ озеро вина и бугоръ мяса и созвалъ всѣхъ подданныхъ гулять и радоваться съ нимъ. Когда всѣ собрались, царь взялъ лучшія части вина и мяса и, положивъ впереди остальнаго угощенія, сказалъ: «Кто съѣстъ это мясо и выпьетъ это вино, тотъ и пусть дастъ имя новорожденному». Долго никто не выходилъ изъ толпы, наконецъ вышелъ одинъ тоненькій претоненькій старикъ съ бородою до земли. Онъ выпилъ вино, съѣлъ мясо и далъ новорожденному имя: Ханъ-гужиръ. Послѣ этого старикъ удалился, а всѣ подданные начали пить и гулять. Гуляли девять сутокъ, только на десятые едва разошлись по домамъ.

Много-ли, мало-ли прошло времени, но наконецъ привелось посылать за конемъ для Ханъ-гужира. Конь этотъ находился въ девяти чугунныхъ горахъ. Ъхать туда могъ только одинъ дядя царя Богдора, Зотонъ-хара, потому что только у него одного былъ конь, который могъ пробѣжать это пространство. Посовѣтовались съ старикомъ, давшимъ имя Ханъ-гужиру, и тотъ сказалъ, что Зотонъ-хара долженъ взять съ собою 9 черныхъ барановъ и 9 котловъ тарасуна, а когда пріѣдетъ къ горамъ, то побрызгать тарасуномъ сначала хозяевамъ девяти чугунныхъ горъ, а потомъ духамъ, сопровождавшимъ его, со словами: «Это моимъ добрымъ друзьямъ, спутникамъ во время долгаго пути, впереди сидящимъ и сзади караулящимъ!» и бросить нѣсколько кусковъ мяса. Выслушавъ это наставленіе, Зотонъ-хара поѣхалъ къ 9 чугуннымъ горамъ, но пріѣздя туда совершилъ жертвоприношеніе и увидѣлъ гнѣдаго коня, который съѣлъ всю траву на девяти чугунныхъ горахъ и спускался съ горы внизъ. Зотонъ-хара хотѣлъ поймать его, но конь побѣжалъ. Зотонъ-хара погнался за нимъ и они три раза оббѣжали землю.

Наконецъ конь бросилъ дядѣ Зотонъ-хара одну стрѣлу и сказалъ: «Стрѣлай въ меня! Если стрѣла попадетъ въ концы моихъ четырехъ копытъ, то ты свой; если не свой, то стрѣла воротится въ колчанъ». Зотонъ-хара выстрѣлилъ и стрѣла попала коню въ концы четырехъ копытъ, послѣ чего тотъ остановился, а Зотонъ-хара поймалъ его и привелъ ко дворцу царя Богдора. Когда дядя Зотонъ-хара подъѣхалъ ко дворцу, молодой царевичъ Ханъ-гужиръ выбѣжалъ изъ дворца къ нему на встрѣчу, взялъ отъ него коня, на которомъ было уже положено и сѣдло, и привѣшаны оружіе и одежда, и привязалъ коня къ золотому столбу. Потомъ Ханъ-гужиръ сталъ просить родителей отпустить его искать свою невѣсту. Царь Богдоръ говоритъ своему сыну: «Твоя невѣста дочь царя Гули. Нѣтъ ея красивѣе на этой землѣ! когда она выходитъ изъ дворца ночью, то отъ красоты ея дѣлается свѣтло, какъ днемъ, и люди встаютъ съ постелей, думая, что солнце взошло и насталъ день. Вотъ твоя невѣста! Зовутъ ее Гонокъ-гохонъ-духэ. Поѣзжай прямо къ царю Гули»!

Ханъ-гужиръ надѣлъ на себя свои одежды, надѣлъ боевые доспѣхи, взялъ лукъ и колчанъ со стрѣлами, простился съ родителями, сѣлъ на коня и поѣхалъ. Родители вышли проводить своего сына и увидѣли только около золотого столба, гдѣ былъ привязанъ конь, горсть пыли и за девятью горами красную кисть шапки; больше ничего уже не увидѣли и сказали: «Едва-ли кто имѣетъ такого сына, какъ мы»!

Долго ѣхалъ онъ, наконецъ увидѣлъ на краю неба два большихъ дворца, принадлежавшіе Гули-хану. Въ одномъ жилъ онъ самъ, въ другомъ его дочь. Ханъ-гужиръ подъѣхалъ къ дворцу, въ которомъ жила Гонокъ-гохонъ-духэ, слѣзъ съ коня, привязалъ его къ бронзовому столбу, вошелъ внутрь его и, поздоровавшись съ хозяйкой, сѣлъ на правой сторонѣ. Гонокъ-гохонъ-духэ начала его угощать и, съ цѣлію испытать его, положила въ золотую чашку отравленнаго кушанья и подала ему. Но Ханъ-гужиръ прежде чѣмъ

ѣсть, обмочилъ въ кушанье палецъ и, когда тотъ почернѣлъ отъ яду, онъ спросилъ царевну, зачѣмъ она его испытываетъ? или она хочетъ надъ нимъ смѣяться? Потомъ онъ сказалъ ей, что онъ пріѣхалъ свататься на ней, что она его суженая, назначена ему богами. Гонокъ-гохонъ-духэ дала Ханъ-гужиру слово сдѣлаться его женою и послала его просить согласія ея отца. Ханъ-гужиръ поѣхалъ къ царю Гули и, войдя въ его дворецъ, сказалъ: «Здорово, батюшка, тесть!» «Я не знаю тебя», отвѣчалъ Гули-ханъ, «и не могу отдать свою дочь за перваго встрѣчнаго!» Тогда Ханъ-гужиръ сказалъ: «Я сынъ царя Богдора. Зовутъ меня Ханъ-гужиръ. Отецъ мой сказалъ мнѣ, что когда вы были молоды, однажды на охотѣ вы дали обѣщаніе породниться (стать зятьями), и чтобы скрѣпить этотъ договоръ, размѣнялись мясомъ, зажареннымъ на рожнѣ и вы оба съѣли это мясо». Тогда царь Гули сказалъ: «Это правда, мы условились стать зятьями и я могу отдать за тебя за мужъ мою дочь Гонокъ-гохонъ, но сначала ты побѣди чудовище Тальянъ-шара-мангатхая съ пятидесятью восьмью головами, который меня раззоряетъ, угоняя и поѣдая мой скотъ и моихъ подданныхъ». Ханъ-гужиръ согласился поѣхать и убить Тальянъ-шара-мангатхая, вышелъ изъ дворца, сѣлъ на коня и поѣхалъ къ царевнѣ Гонокъ-гохонъ. Царевна спросила его, что сказалъ ея отецъ. Ханъ-гужиръ сказалъ: «Твой отецъ царь Гули соглашается отдать тебя за меня замужъ, но сначала просить убить его врага пятидесяти восьми-голового Тальянъ-шара-мангатхая, который раззоряетъ его, и я согласился ѣхать». Тогда Гонокъ-гохонъ говоритъ своему жениху: «Побѣдить Тальянъ-шара-мангатхая нельзя! силою онъ не уступаетъ всѣмъ плечистымъ силачамъ, въ стрѣльбѣ не уступаетъ лучшимъ стрѣлкамъ. Не лучше-ли тебѣ возвратиться домой, чѣмъ рисковать жизнью ради меня? Ты вездѣ найдешь себѣ невѣсту!» Ханъ-гужиръ сказалъ ей: «Мущина не долженъ отказываться отъ своего намѣренія, подобно тому, какъ женщины не оставляютъ выкроенное не сшитымъ».

Сказавъ это, онъ простился съ своей невѣстой и поѣхалъ. По дорогѣ онъ спросилъ у подданныхъ царя Гули: «Откуда къ вамъ приходитъ чудовище Тальянъ-шара-мангатхай, который угоняетъ скотъ и поѣдаетъ подданныхъ царя Гули»? Подданные царя Гули сказали, что чудовище Тальянъ-шара-мангатхай выходитъ изъ желтаго моря, передъ выходомъ его на желтомъ морѣ поднимаются волны и пѣнится желтая пѣна». Тогда Ханъ-гужиръ поѣхалъ къ желтому морю и тамъ спрятался, ожидая выхода чудовища.

Желтое море волнуется и пѣнится желтою пѣною; изъ моря выходитъ Тальянъ-шара-мангатхай и съ нимъ его желтая собака Гуниръ, которая за три версты чуетъ по запаху и лааетъ. Выходитъ также изъ моря большая птица и выходитъ коршунъ, которые тоже чуютъ, когда есть впереди опасность для мангатхая. Тальянъ-шара-мангатхай несетъ на плечѣ топоръ, впереди его бѣжитъ его желтая собака, надъ нимъ летаютъ большая птица и коршунъ; всѣ пятьдесятъ восемь головъ чудовища заняты: нѣкоторые изъ нихъ разговаривали, другія пѣли пѣсни, третьи курили, а прочія загадывали другъ другу загадки. Такъ шло чудовище! Желтая собака Гуниръ, которая чуетъ опасность на разстояніи трехъ верстъ, залаяла, поджимая хвостъ и не даетъ мангатхаю идти впередъ. Мангатхай разсердился, сказалъ: «И безъ этой собаки могу жить!» и разрубилъ желтую собаку на куски. Идетъ далѣе, обѣ птицы не даютъ ему идти впередъ, останавливая его на каждомъ шагѣ. Мангатхай сильно разсердился и разрубилъ ихъ на куски. Идетъ далѣе, оставшись безъ вѣрныхъ друзей.

Тогда Ханъ-гужиръ выходитъ изъ засады, стрѣляетъ изъ лука и при этомъ говоритъ: «Если я счастливъ, то эта стрѣла отсѣчетъ всѣ пятьдесятъ восемь головъ Тальянъ-шара-мангатхая; если я несчастливъ, то не заденетъ его и пролетитъ мимо». Пущенная стрѣла летитъ со страшнымъ свистомъ и отсѣкаетъ всѣ пятьдесятъ восемь головъ чудовища. Тальянъ-шара-мангатхай падаетъ мертвымъ. Ханъ-гужиръ подъѣзжаетъ къ чудовищу и говоритъ: «Я побѣдилъ

непобѣдимаго врага!»! Ханъ-гужиръ склалъ огромный костеръ, сжегъ на немъ тѣло мангатхая, сгорѣвшія кости лопатой разбросалъ на всѣ четыре стороны. Вернулся къ своей невѣстѣ и сказалъ ей, что онъ побѣдилъ непобѣдимаго Тальянъ-шара-мангатхая. Она обрадовалась, угостила его наилучшимъ кушаньемъ и велѣла ѣхать къ ея отцу царю Гули.

Ханъ-гужиръ пріѣхалъ ко дворцу царя Гули, привязалъ коня къ бронзовому столбу, а самъ вошелъ во дворецъ, поздоровался съ своимъ тестемъ царемъ Гули и сказалъ ему: «Я побѣдилъ твоего непобѣдимаго врага Тальянъ-шара-мангатхая! Теперь отдай за меня замужъ твою дочь Гонокъ-гохонъ!»! Царь Гули сказалъ: «Я радъ отдать за тебя дочь, но зять мой не откажется сдѣлать мнѣ еще одну услугу?» Ханъ-гужиръ согласился и царь Гули сказалъ: «Я прежде выростилъ одну собаку; она давно потерялась, но по слухамъ лежитъ на южной сторонѣ. Эту собаку приведи мнѣ на цѣпи!» Ханъ-гужиръ простился съ своимъ тестемъ и поѣхалъ къ своей невѣстѣ Гонокъ-гохонъ; онъ сказалъ ей, что царь Гули велѣлъ ему привести потерянную собаку, которая по слухамъ лежитъ на южной сторонѣ. Царевна Гонокъ-гохонъ говоритъ своему жениху: «Эта собака есть покровитель этой мѣстности; никто на этой землѣ не можетъ побѣдить ее, всѣхъ, кто только приближается къ ней на разстояніе трехъ верстъ, она проглатываетъ цѣликомъ. Лучше поѣзжай домой! Найдется другая, лучше меня, невѣста! ради меня не стоитъ тебѣ рисковать жизнью!»! Но Ханъ-гужиръ не согласился съ нею и сказалъ: «Неприлично мушинѣ отказываться отъ своего слова!»! Тогда царевна Гонокъ-гохонъ сказала своему жениху: «Прежде, чѣмъ ѣхать къ собакѣ Гуниръ, обратись за совѣтомъ къ девяносто девяти небеснымъ кузнецамъ; они сдѣлаютъ тебѣ всѣ нужныя вещи». Тогда Ханъ-гужиръ простился съ своей невѣстой и поѣхалъ къ девяносто девяти небеснымъ кузнецамъ. Онъ заказалъ имъ желѣзный обручъ, цѣпь и желѣзный треногъ для собаки. Кузнецы скоро сковали эти вещи и, передавая ихъ Ханъ-гужиру, дали ему совѣтъ:

«Ты подходи къ собакѣ Гунирь тогда, когда она спитъ. Когда она спитъ дѣйствительно, то закрываетъ правый глазъ и изъ правой стороны рта бѣжитъ пѣна; когда она не спитъ, а только притворяется спящей, то закрываетъ лѣвый глазъ и пѣна бѣжитъ изъ лѣвой стороны рта». Поблагодаривъ девяносто девять небесныхъ кузнецовъ за совѣтъ и за труды, Ханъ-гужиръ поѣхалъ въ южную сторону, гдѣ находится собака Гунирь. Приѣхавъ, онъ видитъ передъ собою необыкновенно большую собаку, которая лежитъ, будто спитъ, но закрытъ только одинъ лѣвый глазъ и съ лѣвой стороны рта бѣжитъ пѣна. Ханъ гужиръ обратился соловьемъ и, летая надъ собакой Гунирь, началъ пѣть. Убаюканная пѣсней соловья, собака Гунирь начала дремать и наконецъ заснула крѣпкимъ сномъ, закрыла правый глазъ и изъ правой стороны рта потекла пѣна. Тогда Ханъ-гужиръ спустился на землю около собаки и обратился снова человѣкомъ, надѣлъ на морду собаки крѣпкій желѣзный обручъ, на шею крѣпкую цѣпь и на ноги желѣзный треногъ, потомъ пнулъ собаку Гунирь ногою три раза. Собака Гунирь пробудилась отъ крѣпкаго сна, стала биться и рваться, но ничего не могла сдѣлать и обратилась къ Ханъ-гужиру съ вопросами: «Кто ты? какъ тебя зовутъ? Если ты хочешь убить меня, то сейчасъ-же убей меня! Если не хочешь убить, то освободи меня и скажи, что тебѣ отъ меня нужно»? Тогда онъ сказалъ: «Меня зовутъ Ханъ-гужиръ; я не думаю убить тебя, а только царь Гули велѣлъ мнѣ привести тебя къ нему. Пойдешь-ли со мной къ царю Гули»? Собака Гунирь согласилась. Ханъ-гужиръ снялъ съ нея желѣзный треногъ, сѣлъ на коня и повелъ на цѣпяхъ собаку Гунирь къ царю Гули. Прямо приѣхалъ къ царскому дворцу и крикнулъ, чтобы царь Гули сейчасъ-же выходилъ взять отъ него свою собаку. Царь Гули вышелъ изъ дворца и, увидя собаку, отъ испугу упалъ безъ чувствъ. Ханъ-гужиръ привелъ царя въ чувство и царь сталъ просить его какъ можно скорѣе отвести собаку туда, откуда онъ ее привелъ. Ханъ-гужиръ снялъ съ собаки желѣзный обручъ и далъ ей половину скота; наѣвшись, со-

бака Гунирь сказала: «Въ первый разъ въ жизни я наѣлась до сыта»! Ханъ-гужиръ снялъ цѣпь съ шеи собаки и отпустилъ ее, чтобы она пошла на свое старое мѣсто. Собака Гунирь сказала Ханъ-гужиру: «Будемъ теперь добрыми друзьями! Если тебѣ будетъ угрожать опасность, то призови меня, я тебѣ помогу! а если мнѣ будетъ предстоять опасность, то я тебя призову»! Собака Гунирь побѣжала на старое мѣсто.

Ханъ-гужиръ входитъ во дворецъ и говоритъ царю Гули: «Теперь отдай за меня замужъ твою дочь»! Царь Гули сказалъ: «Я радъ за тебя отдать свою дочь, но прежде ты исполни еще одну мою просьбу»! Ханъ-гужиръ согласился и царь Гули говоритъ: «Я хочу быть старшимъ лекаремъ Эсэгэ-маланъ-тэнгира; чтобы сдѣлаться имъ, говорятъ, нужно имѣть одно перо птицы Ханъ-хэрэгдэ. Достань мнѣ одно перо»! Ханъ-гужиръ поѣхалъ ко дворцу царевны. Царевна спросила: «Что сказалъ тебѣ мой отецъ»? Ханъ-гужиръ говоритъ: «Онъ велѣлъ достать одно перо отъ птицы Ханъ-хэрэгдэ». Царевна говоритъ своему жениху сквозь слезы: «Мой отецъ нарочно посылаетъ тебя въ опасныя поѣздки. Лучше возвратись назадъ къ своимъ отцу съ матерью, которые давно ждутъ тебя! Ты найдешь себѣ невѣсту лучше меня»! Ханъ-гужиръ не согласился съ своей невѣстой, простился съ нею и отправился въ далекій путь доставать перо птицы Ханъ-хэрэгдэ. Долго онъ ѣхалъ и доѣхалъ до желтаго моря; недалеко отъ моря на соснѣ сидятъ три молодыя птицы и плачутъ; подѣхавши къ дереву, Ханъ-гужиръ спрашиваетъ ихъ, почему онѣ плачутъ и чьи онѣ дѣти. Три молодыя птицы говорятъ: «Мы дѣти птицы Ханъ-хэрэгдэ; нашъ отецъ три года воевалъ съ двадцатипятиголовою змѣею Хорто-шарта; въ концѣ трехъ годовъ двадцатипятиголовый змѣй побѣдилъ нашего отца; тогда онъ съѣлъ шесть нашихъ старшихъ братьевъ и сегодня насъ троихъ съѣстъ». Ханъ-гужиръ спросилъ: «Гдѣ живетъ этотъ двадцатипятиголовый змѣй и откуда онъ приходитъ»? Они сказали: «Змѣй живетъ на днѣ желтаго моря. Когда онъ выходитъ изъ моря, передъ

этимъ оно страшно волнуется и пѣнится бѣлою пѣной, потомъ начинаетъ пѣниться желтою пѣною; послѣ желтой пѣны изъ моря выходитъ змѣй, съѣдаетъ насъ, потомъ опять уходитъ въ море. Тогда море перестаетъ волноваться».

Ханъ-гужиръ поѣхалъ къ морю, обратился въ золотую березу и растеть, кудрявыми листьями бросаетъ на море прохладную тѣнь; тысяча птицъ гнѣздятся на вѣтвяхъ золотой березы и поютъ пѣсни. Желтое море волнуется и далеко выходитъ изъ береговъ, золотая береза крѣпко держится противъ волны; потомъ море пѣнится бѣлою пѣною, пѣнится желтою пѣною и изъ моря выходитъ двадцатипятиголовый змѣй. Нѣкоторыя головы говорятъ: «Скоро съѣдимъ послѣднихъ трехъ сыновей птицы Ханъ-хэрэгдэ!» Другія говорятъ: «Прежде на берегу не было золотой березы! Откуда она взялась? Не сдѣлаетъ-ли намъ вреда»? Остальныя говорятъ: «Что можетъ намъ сдѣлать береза! Отъ прибыли никогда худо не бываетъ»! Когда змѣй поравнялся съ березой, Ханъ-гужиръ принялъ человѣческій видъ и выстрѣлилъ въ змѣю изъ лука. Стрѣла отскла змѣю всѣ двадцать пять головъ. Умирая, змѣй бросилъ на Ханъ-гужира черную кровь величиною съ клеща. Ханъ-гужиръ сѣлъ на гнѣдаго коня и пустился бѣжать, но черная кровь змѣи гонится за нимъ. Они три раза обѣжали вокругъ земли и черная кровь догнала Ханъ-гужира и прилипла къ лѣвой щекѣ. Ханъ-гужиръ упалъ на землю; гнѣдой конь говоритъ ему: «Призови на помощь собаку Гуниръ, она поможетъ тебѣ»! Ханъ-гужиръ позвалъ собаку Гуниръ и умеръ. Гнѣдой конь караулитъ своего хозяина и оберегаетъ его тѣло отъ поруганія.

Прибѣжала собака Гуниръ и спрашиваетъ, отчего умеръ Ханъ-гужиръ. Гнѣдой конь разсказалъ собакѣ Гуниръ, какъ приключилась смерть Ханъ-гужиру. Собака Гуниръ говоритъ: «За хорошаго друга я сама умру и тѣмъ возвращу ему жизнь»! Потомъ она еще сказала коню: «Когда твой хозяинъ Ханъ-гужиръ оживетъ, то пусть похоронитъ меня въ такомъ мѣстѣ, гдѣ въ лѣтніе дни не потвѣютъ

и вѣтъ прохлада отъ душистыхъ деревьевъ съ золотыми листьями и гдѣ въ зимніе морозы не мерзнуть и золотые лучи солнца грѣютъ, на мѣстѣ, которое называется тридцать теплыхъ бугровъ и три черныхъ озера. На этихъ тридцати теплыхъ буграхъ, у этихъ трехъ черныхъ озеръ долженъ похоронить меня твой хозяинъ!»! Сказавъ это, собака Гуниръ цѣликомъ проглотила Ханъ-гужира. Ханъ-гужиръ лежитъ въ желудкѣ собаки Гунира. Когда собака Гунира почувствовала, что ея желудокъ высосалъ черную ядовитую кровь изъ Ханъ-гужира, она отрыгнула его и сама упала мертвой отъ яда черной крови двадцатипятиголовой змѣи. Ханъ-гужиръ, отрыгнутый собакою Гуниромъ, встаетъ на ноги. Гнѣдой конь говоритъ ему: «Тебя оживила собака Гуниръ, а сама умерла. Она просила тебя похоронить ее на тридцати теплыхъ буграхъ у трехъ черныхъ озеръ, гдѣ лѣтомъ не потѣютъ и зимою не мерзнуть».

Въ это время прилетаетъ птица Ханъ-хэрэгдэ, благодарить Ханъ-гужира за спасеніе дѣтей и предлагаетъ ему свою дружбу: «Если тебѣ будетъ угрожать опасность, то призови меня, я приду и помогу тебѣ; если мнѣ будетъ угрожать опасность, я тебя призову»! Ханъ-гужиръ принялъ дружбу птицы Ханъ-хэрэгдэ и говоритъ: «Мнѣ нужно одно перо изъ твоихъ крыльевъ». Птица Ханъ-хэрэгдэ выдернула одно перо изъ крыла и подала ему. Потомъ она сказала Ханъ-гужиру: «Я похороню собаку Гуниръ на тридцати теплыхъ буграхъ у трехъ черныхъ озеръ», положила собаку Гуниръ на свои крылья, простилась съ Ханъ-гужиромъ и полетѣла въ сказанное мѣсто.

Ханъ-гужиръ поѣхалъ съ перомъ птицы Ханъ-хэрэгдэ обратно. Приѣхавъ къ дворцу царя Гули, Ханъ-гужиръ крикнулъ: «Выходи царь Гули! получи перо птицы Ханъ-хэрэгдэ»! Царь Гули вышелъ изъ дворца, увидѣлъ перо, чуть, чуть не упалъ безъ чувствъ и говоритъ: «Пожалуста положи его куда-нибудь»! Тогда Ханъ-гужиръ прислонилъ перо къ южной сторонѣ дворца; царскій дворецъ пошатнулся къ сѣверу и едва держится. Взявши, положилъ на сѣ-

верную сторону; дворець пошатнулся къ югу и едва держится. Царь Гули просить Ханъ-гужира отвезти перо куда нибудь подальше. Тогда Ханъ-гужиръ перегнулъ перо нѣсколько разъ, положилъ въ свой карманъ и говоритъ царю Гули: «Если одного пера такъ боишься, то зачѣмъ меня посылалъ»? Потомъ говоритъ ему: «Теперь отдай за меня твою дочь»? —

Царь Гули говоритъ: «Я съ радостью отдамъ за тебя мою дочь, но исполни еще одну мою просьбу!» Ханъ-гужиръ согласился и царь Гули говоритъ: «Я теперь сильно кашляю. Говорятъ въ печени царя Наранъ-гэрэлъ есть желтое масло величиною съ бабку. Кто ѣстъ это масло, тотъ выздоравливаетъ отъ кашля и болѣе никогда не будетъ кашлять. Убей царя Наранъ-гэрэла и привези мнѣ это масло». Ханъ-гужиръ согласился. Онъ поѣхалъ къ царевнѣ Гонокъ-гохонъ. Царевна спрашиваетъ, почему онъ задумчивъ. Ханъ-гужиръ рассказалъ ей, что царь Гули посылаетъ его къ царю Наранъ-гэрэлу добыть масло изъ его печени. Царевна совѣтуетъ ему отказаться отъ поѣздки къ непобѣдимому Наранъ-гэрэлу. «Лучше возвратись къ своимъ родителямъ, которые объ тебѣ тоскуютъ и не могутъ тебя дожидаться. Откажись отъ меня! Ты найдешь невѣсту лучше, чѣмъ я!» —

Ханъ-гужиръ не послушался своей невѣсты и поѣхалъ за масломъ изъ печени царя Наранъ-гэрэла. Ёдетъ и видитъ, на дорогѣ лежитъ человѣкъ, у котораго верхняя часть тѣла цѣлая съ мясомъ, а нижняя безъ мяса, совершенно голыя кости. Ханъ-гужиръ подѣхалъ къ нему. Лежащій человѣкъ чуть-чуть приподнялся и спрашиваетъ: «Какъ тебя зовутъ? Чей сынъ? куда ѣдешь»? Тотъ отвѣчаетъ: «Зовутъ меня Ханъ-гужиръ, а моего отца царь Богдоръ. Ёду къ царю Наранъ-гэрэлу, чтобы взять изъ его печени масло величиною съ бабку». Потомъ Ханъ-гужиръ спросилъ лежащаго человека: «Какъ тебя зовутъ? и зачѣмъ ты тутъ лежишь»? Лежащій человѣкъ отвѣчаетъ: «Меня зовутъ Хоходой-моргонъ. Я воевалъ съ царемъ Наранъ-гэрэломъ въ продолженіи трехъ годовъ. Нѣсколько разъ

я билъ въ царя Наранъ-гэрэла громомъ и молніей, но ничего не могъ сдѣлать. Онъ не побѣдимъ. Возвратись лучше домой; ты еще очень молодъ и не можешь воевать съ сильнымъ Наранъ-гэрэломъ. Мнѣ тоже прежде люди совѣтовали не воевать съ царемъ Наранъ-гэрэломъ, но я не послушался и вотъ я лежу едва живой!» Ханъ-гужиръ сказалъ Хоходой-моргону, что не можетъ возвратиться и поѣхалъ впередъ. Онъ самъ обратился въ нищаго, коня обратилъ въ костлявую клячу, потники и сѣдло въ лохмотья и поѣхалъ къ Наранъ-гэрэлу. Пріѣхавъ къ царю Наранъ-гэрэлу, спрашиваетъ его, не найметъ-ли онъ его въ пастухи телятъ. Ханъ-гужиръ сказалъ, что платы онъ не потребуетъ, а только пусть позволятъ ему питаться курунгой и этимъ онъ будетъ доволенъ. Ханъ-гужиръ пасетъ телятъ царя Наранъ-гэрэла.

Однажды царь спрашиваетъ у своего телячьего пастуха: «Не видалъ-ли ты лежащаго на дорогѣ Хоходой-моргона? Во время битвы съ нимъ я ударилъ его волшебнымъ ножомъ; онъ упалъ на землю, но падая выдернулъ изъ моей руки мой волшебный ножъ и положилъ подъ себя. Боясь подойти къ нему, чтобъ онъ не убилъ меня этимъ ножомъ, я уѣхалъ домой. Принеси мнѣ отъ Хоходой-моргона мой волшебный ножъ! Только нужно его взять обманомъ; иначе онъ ножа не дастъ, а убьетъ тебя этимъ ножомъ, какъ только узнаетъ, что ты отъ меня посланъ».

Ханъ-гужиръ согласился и поѣхалъ за ножомъ къ Хоходой-моргону. Дорогой онъ обратился въ прежняго молодца и пріѣхалъ къ Хоходой-моргону. Хоходой-моргонъ лежитъ чуть живой. Ханъ-гужиръ проситъ у него волшебный ножикъ царя Наранъ-гэрэла. Хоходой-моргонъ узналъ Ханъ-гужира, подалъ ему волшебный ножикъ и говоритъ: «Убей царя этимъ ножомъ!» Взявъ ножикъ, Ханъ-гужиръ уѣхалъ обратно къ царю Наранъ-гэрэлу; пріѣхавъ къ его дворцу, крикнулъ: «Выходи царь отецъ! возьми волшебный ножикъ, который послалъ тебѣ Хоходой-моргонъ!» Царь, увидѣвши свой волшебный ножикъ, сильно обрадовался и говоритъ Ханъ-гужиру: «От-

дамъ тебѣ половину моего имущества, золота и серебра и подданныхъ!»! Какъ только онъ протянулъ руку за ножомъ, Ханъ-гужиръ изъ всей силы ударилъ царя Наранъ-гэрэла волшебнымъ ножомъ и разсѣкъ его отъ головы до ногъ. Царь еще удержался на ногахъ и разрѣзъ скоро началъ срастаться и заживать, но Ханъ-гужиръ подскочилъ сзади и ударилъ его снова; тогда только царь Наранъ-гэрэль упалъ, разрѣзанный пополамъ. Ханъ-гужиръ разсѣкъ печень, взялъ изъ середины ея желтое масло величиною съ бабку и съ масломъ и волшебнымъ ножомъ поѣхалъ домой.

Ханъ-гужиръ доѣхалъ до Хоходой-моргона. Хоходой-моргонъ лежить уже мертвый. Ханъ-гужиръ досталъ желтое масло и капнулъ нѣсколько капель на Хоходой моргона. Хоходой-моргонъ ожилъ, поблагодарилъ Ханъ-гужира и предложилъ ему дружбу: «Если кому-нибудь изъ насъ будетъ угрожать опасность, то мы будемъ призывать другъ друга на помощь!»! Ханъ-гужиръ и Хоходой-моргонъ сдѣлались друзьями. Хоходой-моргонъ сѣлъ на облако и поднялся на небо съ страшными громовыми ударами.

Ханъ-гужиръ приѣхалъ къ царю Гули, привязалъ коня къ бронзовому столбу, самъ вошелъ во дворецъ и говоритъ царю: «Я привезъ тебѣ желтое масло изъ печени царя Наранъ-гэрэла! Теперь отдай за меня твою дочь за мужъ!»! Царь Гули говоритъ: «Съ радостью отдамъ, только еще разъ услуги мнѣ!»! Ханъ-гужиръ согласился и царь Гули говоритъ: «Каждый годъ я приношу жертву Эсэгэ-маланъ-тэнгиру. Отъ этихъ жертвоприношеній я совсѣмъ раззорился. Поднимись на небо и вытребуй у него всѣ мои расходы за всѣ прежніе года!»! Тогда Ханъ-гужиръ сильно разсердился на царя и сказалъ ему: «Какъ мы смѣемъ требовать отъ создателя расходы на жертвоприношенія!»! Въ сильномъ гнѣвѣ онъ ударилъ царя Гули волшебнымъ ножомъ и убилъ его, тѣло его сжегъ на кострѣ и кости разбросалъ на всѣ четыре стороны. Когда гнѣвъ его прошелъ, онъ пожалѣлъ царя, но воскресить его было уже нельзя, потому что хотя у Ханъ-гужира и было желтое масло изъ печени царя

Наранъ - гэрэла и стоило - бы капнуть имъ на мертвое тѣло и царь воскресъ-бы, но это могло совершиться только въ томъ случаѣ, еслибъ Ханъ-гужиръ не сожегъ тѣло и не разбросалъ кости на всѣ стороны.

Ханъ-гужиръ поѣхалъ къ своей невѣстѣ Гонокъ-гохонъ и сказалъ ей, что онъ убилъ ея отца. Оба долго плакали, наконецъ царица говоритъ: «Слезамъ не воскресить! Не лучше-ли подумать, что намъ дѣлать»? Оба рѣшили поѣхать со всѣмъ дворомъ, скотомъ и подданными къ отцу Ханъ-гужира. Царица-гонокъ велѣла всѣмъ подданнымъ черезъ три дня быть готовыми, а пастухамъ велѣла, чтобъ въ три дня былъ собранъ весь скотъ. Черезъ три дня царица Гонокъ-гохонъ съ своимъ женихомъ Ханъ-гужиромъ и со всѣмъ народомъ отправилась въ путь.

Ханъ-гужиръ говоритъ своей невѣстѣ: «Я въ теченіи трехъ лѣтъ не спалъ и лягу спать! Вы поѣзжайте прямо! если будетъ опасность, ты разбуди меня, свое золотое шило воткни мнѣ въ правый бокъ; тогда только разбудишь меня, иначе не разбудишь»! Послѣ этихъ словъ Ханъ-гужиръ легъ спать. Царица Гонокъ-гохонъ и ея люди ѣдутъ далѣе; на девятый день увидѣли громадное чудовище, которое налетѣло и похитило у нихъ половину скота и подданныхъ и улетѣло. Царица Гонокъ-гохонъ никакъ не можетъ разбудить своего жениха и заплакала; слеза ея нечаянно попала въ ухо Ханъ-гужира и онъ проснулся. Тогда царица Гонокъ-гохонъ рассказала ему, что на нихъ, въ то время, какъ онъ спалъ, налетѣло какое-то чудовище, которое то становилось похоже на птицу, то на человѣка, и, похитивъ половину ихъ подданныхъ и скота, улетѣло. «Вонъ онъ летитъ»! сказала она и показала на горизонтѣ черное пятно. Ханъ-гужиръ взялъ лукъ и стрѣлу и выстрѣлилъ въ догонку улетѣвшему чудовищу, и самъ поѣхалъ за своей стрѣлой, а невѣстѣ своей велѣлъ ждать своего возвращенія на одномъ мѣстѣ.

Ханъ-гужиръ ѣдетъ вслѣдъ за своей стрѣлой, которая гналась за чудовищемъ, и пріѣзжаетъ къ тому мѣсту, гдѣ неботи земля

сходятся и расходятся. Ласточки, пытающіяся перелетѣть на ту сторону, падаютъ тутъ разсѣченныя на двое, одна половина падаетъ на этой сторонѣ, другая на той; стрѣла Ханъ-гужира перелетѣла за чудовищемъ на ту сторону. Ханъ-гужиръ остановился и думаетъ, какъ понасть на ту сторону. Гнѣдой конь говоритъ ему: «Я перескачу, ты только умѣй держаться на мнѣ». Ханъ-гужиръ отъѣхалъ на суточное разстояніе и потомъ гнѣдой конь смаху перескочилъ на ту сторону. Небо и земля, сходясь, отсѣкли только конецъ хвоста гнѣдаго коня. Ханъ-гужиръ ѣдетъ далѣе и видитъ дворецъ. Онъ привязалъ коня къ серебряному столбу, вошелъ во дворецъ и спросилъ перваго встрѣчнаго, чей это дворецъ. Ему сказали, что въ этомъ дворцѣ живутъ четыре брата со вдовою матерью. Ханъ-гужиръ спросилъ, куда они уѣхали. Ему сказали, что они уѣхали похоронить свою мать, которую убила неизвѣстная стрѣла. Ханъ-гужиръ просилъ показать ему неизвѣстную стрѣлу. Когда ему показали ее, онъ узналъ свою стрѣлу и положилъ ее обратно въ свой колчанъ. Выйдя изъ дворца, онъ нашелъ своихъ подданныхъ и свой скотъ, которые были похищены матерью четырехъ братьевъ. Въ это время пріѣхали четыре брата, дѣти вдовы. Ханъ-гужиръ сказалъ имъ, что ихъ мать похитила его подданныхъ и его скотъ, что стрѣла, убившая ихъ мать, его стрѣла, что онъ стрѣлялъ въ ихъ мать, поѣхалъ за стрѣлой и пріѣхалъ къ ихъ дворцу, и спросилъ ихъ, уступятъ ли ему добровольно похищенное или хотятъ воевать съ нимъ. Четыре брата не согласились добровольно уступить похищенное и начали воевать. Первымъ вышелъ на войну старшій изъ четырехъ братьевъ; Ханъ-гужиръ скоро побѣдилъ его; тогда вышелъ второй братъ, потомъ третій, потомъ четвертый; Ханъ-гужиръ скоро побѣдилъ всѣхъ четырехъ братьевъ, тѣла ихъ сжегъ на кострѣ, остатки разбросалъ на всѣ четыре стороны. Потомъ взялъ всѣхъ своихъ подданныхъ и свой скотъ, похищенные матерью четырехъ братьевъ, а также забралъ все добро этихъ четырехъ братьевъ и поѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ невѣсту Гонокъ-гохонъ.

На половинѣ дороги Ханъ-гужиръ встрѣтилъ двухъ молодыхъ людей, которые крупной рысью проѣхали мимо, не останавливаясь. Ханъ-гужиръ остановилъ ихъ и спросилъ, какъ ихъ зовутъ, чьи они дѣти и куда они ѣдутъ. Молодые люди сказали: «Мы дѣти царя Богдора, ѣдемъ искать своего брата Ханъ-гужира, который по словамъ нашихъ родителей уѣхалъ къ царю Гули сватать царевну Гонокъ-гохонъ, но съ тѣхъ поръ прошло девять лѣтъ, а онъ еще не возвращался. Наши родители день и ночь плачутъ о немъ, намъ не даютъ покоя, просятъ, чтобъ мы отыскали его, либо узнали, живъ онъ или мертвъ!» Ханъ-гужиръ сказалъ имъ, что онъ не видалъ и не слыхалъ о Ханъ-гужирѣ.

Двое молодыхъ людей уѣхали далѣе. Ханъ-гужиръ досталъ бумагу и написалъ на ней: «Я сынъ царя Богдора Ханъ-гужиръ». Эту записку онъ привязалъ къ стрѣлѣ, выстрѣлилъ и сказалъ: «Если они дѣйствительно мои братья, то они поймаютъ мою стрѣлу на лету и прочтутъ записку; если они чужіе, то стрѣла убьетъ ихъ и возвратится ко мнѣ». Молодые люди поймали стрѣлу на лету и прочитали записку и узнали, что человекъ, котораго они встрѣтили, ихъ братъ Ханъ-гужиръ. Они возвратились къ своему брату; взявши за правыя руки другъ друга, они крѣпко прижали другъ друга къ богатырскимъ грудямъ. Потомъ всѣ три брата поѣхали къ тому мѣсту, гдѣ Ханъ-гужиръ оставилъ Гонокъ-гохонъ. Они нашли, что съ ней не случилось ни какого несчастія. Она встрѣтила ихъ съ радостью, накормила лучшими кушаньями, напоила лучшими напитками. На этомъ мѣстѣ они отдохнули три сутки и поѣхали далѣе. Престарѣлые царь и царица выѣхали за три версты встрѣтить своего сына Ханъ-гужира и его невесту Гонокъ-гохонъ и были очень обрадованы ихъ пріѣздомъ. Пріѣхавъ домой, всѣхъ подданныхъ поселили на хорошихъ плодородныхъ мѣстахъ, на которыхъ они стали наслаждаться счастьемъ; скотъ поставили на богатыя травами пастбища, на которыхъ онъ сталъ жирѣть и расплодился до несмѣтнаго количества. Размѣстивъ и устроивъ подданныхъ и скотъ, сдѣлали

свадьбу и пирь. Всѣ подданные гуляли на царскомъ пиру девять сутокъ, не зная, когда день и когда ночь, на десятыя сутки едва разошлись по домамъ и принялись за прежнія дѣла. Ханъ-гужиръ выстроилъ себѣ красивѣйшій дворецъ рядомъ съ отцовскимъ и переселился въ него съ своей женою Гонокъ-гохонъ, сдѣлался ханомъ вмѣсто отца, который по старости лѣтъ уступилъ ему престолъ, и жилъ счастливо. Два младшихъ брата съ помощью старшаго Ханъ-гужира сдѣлались могущественными ханами въ двухъ богатѣйшихъ царствахъ и женились на царевнахъ, самыхъ красивыхъ въ свѣтѣ, посаѣ Гонокъ-гохонъ. Всѣ живутъ счастливо въ своихъ царствахъ.

Записана г. Хангаловымъ у бурятъ
Балаг. вѣд.

12) О х о т н и к ъ.

Въ прежнее счастливое время жилъ одинъ охотникъ, который никогда не дѣлалъ промаховъ и не приходилъ домой съ пустыми руками. Вотъ однажды, пробывъ цѣлый день на охотѣ, онъ не нашелъ ни птицы, ни звѣря и измученный легъ въ лѣсу спать. Спать и видитъ во снѣ будто вокругъ него падаетъ желтый и синій туманъ. Проснулся и видитъ, что это дѣйствительно наступаетъ желтый и синій туманъ. Въ испугѣ онъ хотѣлъ стрѣлять, но изъ тумана послышался ему человѣческій голосъ: «Не стрѣлай въ меня, я тебѣ не причиню зла!» Затѣмъ туманъ обратился въ желтаго съ пестрыми крыльями змѣя, который сказалъ: «Вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ я веду войну съ желтымъ крылатымъ змѣемъ и не могу его побѣдить. Пособи мнѣ!» Когда охотникъ согласился, змѣй повелъ его къ тому мѣсту, гдѣ будетъ происходить битва и говорить: «Когда мы начнемъ воевать, то три раза поднимемся къ небу и три раза спустимся на землю. Въ четвертый разъ онъ побѣдитъ меня и будетъ вверху, а я внизу; въ это время я поворочу къ тебѣ его голову и ты стрѣлай въ его единственный глазъ величиною съ

чашку, который у него находится по срединѣ лба». Разговаривая такъ, они дошли до дому змѣя, ночевали тамъ, а утромъ рано змѣй спряталъ охотника въ неглубокую яму.

Черезъ нѣсколько времени прилетѣлъ желтый змѣй и кричить желтому змѣю съ пестрыми крыльями: «выходи скорѣе!» Тотъ вышелъ и началась битва. Противники три раза поднялись къ небу и три раза опустились. Когда поднялись четвертый разъ, желтый змѣй съ пестрыми крыльями былъ побѣжденъ и находился внизу, а желтый змѣй былъ на верху; тогда желтый змѣй съ пестрыми крыльями поворотилъ голову противника къ охотнику; послѣдній выстрѣлилъ, попалъ въ глазъ и убилъ его. Тогда на землю палъ желтый ядовитый туманъ, отъ котораго засохли всѣ деревья и подохли звѣри. Охотникъ-же спасся благодаря тому, что желтый змѣй съ пестрыми крыльями прикрылъ его своими крыльями и продержалъ подъ ними три дня, пока туманъ разсѣялся. Послѣ этого онъ говоритъ охотнику: «Мы побѣдили моего врага, который причинялъ много бѣдъ на земли, проглатывая ежедневно по три звѣря и поѣдая огненныхъ змѣевъ, моихъ подданныхъ. Безъ тебя онъ убилъ-бы меня, съѣлъ-бы моихъ престарѣлыхъ родителей и истребилъ-бы всѣхъ огненныхъ змѣевъ. По этому я хочу тебя отблагодарить. Пойдемъ ко мнѣ! Ты увидишь мой дворецъ, моихъ родителей и огненныхъ змѣевъ». Охотникъ согласился и они спустились въ глубокую яму (могонъ-ишенъ) подъ землей, на стѣнахъ которой блестѣли многочисленные драгоценные камни, и на полу лежало множество желтыхъ змѣй, свернувшихся кольцами. Пройдя множество комнатъ, они пришли наконецъ къ очагу, у котораго сидѣли два желтыхъ змѣя съ пестрыми крыльями, родители змѣя. Когда послѣдній разсказалъ имъ, какъ охотникъ спасъ его отъ смерти, тѣ поблагодарили его и предложили въ награду или научить его 70 языкамъ, чтобы онъ могъ понимать языкъ птицъ, звѣрей и рыбъ и даже травъ и деревьевъ или дать столько золота и серебра, сколько онъ захочетъ. Охотникъ попросилъ научить его 70 языкамъ. Змѣи стали

его отговаривать, но онъ настоялъ на своемъ. Тогда они научили его 70 языкамъ, сказавъ при этомъ, что если онъ проговорится кому-либо объ этомъ знаніи, то немедленно умретъ. Затѣмъ охотникъ вышелъ изъ царства змѣй и отправился домой.

Идетъ и слышитъ и понимаетъ разговоры, которые ведутъ между собой звѣри и птицы. У одного озера мыши и птицы говорятъ, что въ этотъ день съ восточной стороны полетитъ огненный змѣй, который все поглотитъ на своемъ пути. Что будемъ дѣлать? Не долго думая охотникъ снялъ свою одежду, надѣлъ ее на пень и подпоясалъ, а самъ залѣзъ въ озеро, приставилъ къ рту трубку и дышетъ чрезъ нее. Долго сидѣлъ онъ тамъ, наконецъ увидѣлъ, что съ востока летитъ огненный змѣй, за которымъ все горитъ. Когда змѣй подлетѣлъ къ нему близко, онъ пустилъ въ него стрѣлу, которая пролетѣла насквозь и вышибла у него сердце и легкія. Но передъ смертю змѣй увидалъ пень, одѣтый въ одежды охотника и думая, что это самъ охотникъ, обвился вокругъ его и сожегъ и самъ умеръ. Тогда охотникъ вышелъ изъ воды и сжегъ трупъ змѣя. Въ это время прилетѣлъ желтый змѣй съ пестрыми крыльями и говоритъ: «Ты убилъ моего лучшаго друга, который леталъ на войну съ черными змѣями!» Но дѣлать было нечего. Оплакавъ друга, змѣй возобновилъ сгорѣвшія одежды охотника и улетѣлъ, а тотъ пошелъ дальше. Идетъ мимо дома богатаго человѣка и слышитъ, что собака лаетъ: «Къ намъ не ходи! хозяинъ нашъ сильно скупой. Тебя не накормить!» Идетъ мимо дома бѣднаго человѣка, а собака лаетъ: «Хозяинъ нашъ добрый; заходи, онъ убьетъ чернаго барана и тебя накормитъ!» Зашелъ охотникъ. Бѣднякъ принялъ его съ радостію, зарѣзалъ чернаго барана и накормилъ гостя. Гость бросилъ кусокъ собакѣ; собака визжитъ: «Добрый гость угостилъ меня! цѣлую ночь буду караулить домъ!» Послѣ этого они легли спать. Вѣтъ ночью пришли волки и воютъ: «Мы пришли съѣсть единственнаго коня у бѣднаго человѣка!» А собака имъ въ отвѣтъ: «Смотрите, я буду лаять громко, разбужу хозяина и гостя и они васъ прогонятъ! хо-

заяинъ у насъ добрый. Идите, лучше, ѣшьте жирную кобылу у богатаго! Сегодня у насъ ночеваль добрый гость и накормилъ меня досыта и я цѣлую ночь должна караулить и лаять!»! Тогда волки пошли къ богатому и воютъ: «Мы пришли ѣсть жирную кобылу!»! А собаки отвѣчаютъ: «Хозяинъ нашъ скупой, насъ не кормить. Съѣшьте у него самую жирную сѣрую кобылу, а остатки мы доѣдимъ»! Послѣ этого волки задавили и съѣли кобылу. На другое утро, когда хозяинъ и гость проснулись, хозяинъ снова его угостилъ и накормилъ досыта собаку. Послѣ этого гость попрощался и пошелъ. Идетъ, а собака бѣднаго человѣка лаетъ ему: «У богатаго есть одинъ двухгодовалый бычокъ, въ которомъ все счастье богача. Если кто купитъ этого бычка, тотъ будетъ счастливъ». Бѣднякъ пошелъ къ богачу и началъ торговать у него двухгодовалаго бычка. Богачъ согласился продать и они пошли выбирать его. Пришли, а собака бѣднаго лаетъ на одного бычка и говорить: «Вотъ этотъ»! Взялъ бѣднякъ бычка и повелъ къ себѣ, но узнавъ дорогой, что счастье богача не пошло съ бычкомъ, а осталось на дворѣ у богатаго около столба, сказалъ: «Видно не легко взять счастье у богатаго»! и отпустилъ бычка. Послѣ этого онъ пошелъ домой. Подходить къ дому и слышитъ, — старая собака лаетъ: «Нашъ хозяинъ идетъ»! А молодая спрашиваетъ: «Гдѣ онъ»? Потомъ обѣ подбѣжали къ нему, ласкаются и говорятъ: «Гдѣ ты такъ долго былъ? Безъ тебѣ насъ хозяйка плохо кормила и часто била»!

Вотъ однажды, когда охотникъ легъ спать съ женой, изъ подъ юрты вышли двѣ мыши и говорятъ: «Какъ-бы намъ выпить молока изъ молочнаго озера»? Одна мышка говоритъ: «Ты держи меня крѣпче зубами за хвостъ, а я поѣмъ молока, потомъ тебя подержу»! Такъ и сдѣлали. Одна наѣлась досыта и выходитъ изъ молочнаго озера; идетъ другая и говоритъ: «Ты теперь наѣлась досыта, смотри, держи меня крѣпче, не отпусти»! Какъ-то выпустила хвостъ; та упала въ молочное озеро и начала тонуть. Мышка бѣгаетъ около молока и плачетъ: «Какъ теперь безъ жены я выкормлю своихъ дѣ-

тей»? Въ это время охотникъ, слышавшій всѣ разговоры мышей, разсмѣялся, потомъ всталъ и вытащилъ мышъ изъ курунгу^{*)}). Но когда затѣмъ онъ снова легъ на постель, жена начала его спрашивать: «Надъ чемъ ты смѣялся и какъ узналъ, что мышъ попала въ молоко»? Мужъ отвѣчалъ, что смѣялся онъ потому, что вспомнилъ прежнюю жизнь, а мышъ, вытащилъ совершенно случайно. Жена не вѣритъ и пристаётъ къ нему съ новыми вопросами. Долго онъ крѣпился, наконецъ сказалъ: «Если я скажу тебѣ правду, то умру»! Жена опять не вѣритъ и пристаётъ еще больше. Тогда мужъ говоритъ: «Хорошо, я скажу тебѣ правду, только ты приготовь все къ моимъ похоронамъ»! Затѣмъ онъ приказалъ принести колчанъ со стрѣлами и лукъ и повѣсить ихъ въ юртѣ на хойморъ-тэнги^{**)}), выгнать девять котловъ тарасуну и поставить около хойморъ-тэнги, принести и повѣсить тамъ-же его лучшую шубу, поймать и привязать къ столбу гнѣдую кобылу на заколъ для угощенія гостей и привести бѣлаго барана. Жена все это приготовила и говоритъ: «Ну, теперь все готово! Говори»! Мужъ отвѣчалъ: «Сегодня ужъ поздно. Расскажу тебѣ все завтра утромъ, а сегодня переночую еще въ послѣдній разъ дома»! На другое утро онъ всталъ очень рано и вышелъ изъ юрты. Подходить къ овчарнѣ и слышать, — овцы и бараны разговариваютъ между собою: «Вотъ идетъ нашъ добрый хозяинъ, который хочетъ умереть по желанію своей жены! Отъ чего онъ не заставитъ ее молчать? Вчера поймали нашего большого барана, который показывалъ намъ дорогу и водилъ по хорошимъ мѣстамъ. Не найти намъ безъ него дорогу и приведется когда-нибудь заплутаться»! Затѣмъ онъ подошелъ къ табуну коней и слышитъ ихъ разговоръ: «Вотъ идетъ нашъ добрый хозяинъ, который хочетъ умереть по желанію своей жены! Отчего онъ не заставитъ ее молчать? Вчера поймали, чтобы убить, нашу большую

*) Курунгу—кадь, въ которую сливаютъ молоко и въ которой оно киснетъ.

**) Хойморъ—мѣсто въ юртѣ противъ дверей.

кобылу, которая постоянно указывала намъ дорогу, говорила, тутъ нѣтъ волковъ, тутъ нѣтъ грязи и водила къ хорошимъ травамъ; а теперь насъ задавить волкъ, либо попадемъ въ грязь и пропадемъ. Теперь безъ нея будетъ намъ худо. Отъ чего-бы хозяину не остаться жить, а на мѣсто его не умереть его женѣ? Тогда на ея похороны и убили-бы ея сѣрую кобылу, которая очень зла и постоянно насъ лягаетъ». Послѣ этого охотникъ пошелъ въ юрту; по пути онъ проходилъ мимо двора, въ которомъ стоялъ рогатый скотъ. Въ это время его порозъ согналъ всѣхъ коровъ въ одинъ уголъ, мотаетъ головой и говоритъ: «Хозяинъ мой не можетъ управиться съ одной женой, а я вотъ имѣю много женъ да управляюсь съ ними»! Наконецъ онъ прошелъ въ юрту. Тамъ лежать его двѣ собаки и ругаются между собою. Старая собака говоритъ: «Я ужъ стара и скоро умру вслѣдъ за хозяиномъ, такъ что хозяйка не успѣетъ меня и побить»! А молодая отвѣчаетъ: «И я тоже скоро умру, такъ что и меня она не успѣетъ побить»! Разговаривая такъ, собаки начали драться между собою и охотникъ выгналъ ихъ изъ юрты. Въ это время жена снова начала приставать къ нему съ вопросами и ругать его. Тогда охотникъ разсердился и убилъ ее. Потомъ отпустилъ гнѣдную кобылу и бѣлаго барана, а на похороны убили сѣрую кобылу. Потомъ онъ женился и сталъ жить счастливо.

Записана г. Хангаловымъ у бурятъ
Балаганскаго вѣд.

13) Б о р ь - х у.

Жила старуха со внучкомъ, котораго звали Борь-ху. Вотъ однажды царь того царства, гдѣ жилъ Борь-ху, сдѣлалъ объявленіе, что кто справится съ одурѣлымъ тигромъ, за того онъ выдастъ свою дочь. Много собралось охотниковъ на царскій зовъ. Пришелъ и Борь-ху. Выпустили тигра изъ клѣтки; куда тигръ бросится, тамъ и дають ему дорогу. Не испугался только одинъ Борь-ху и, схвативъ тигра, разорвалъ ему челюсти. Однако царь не исполнилъ обѣ-

щанія и не только не выдалъ за побѣдителя свою дочь, но не позволилъ ему даже жить въ своемъ царствѣ, потому что Борь-ху не имѣлъ богатырскаго вида. Нечего дѣлать, взялъ Борь-ху свою бабушку, свой аилъ*) и отправился въ путь. Долго шелъ онъ, наконецъ остановился около дома одного богатаго чиновника и выпросилъ позволеніе жить у него, говоря, что онъ будетъ питаться костями, выбрасываемыми на улицу. Черезъ нѣсколько времени онъ пошелъ на охоту. Долго бродилъ онъ, никого не видя, наконецъ встрѣтилъ на дорогѣ человѣка съ лукомъ и стрѣлами. Борь-ху подошелъ къ нему и спросилъ, что онъ дѣлаетъ? Тотъ посмотрѣлъ вверхъ и говоритъ: «Видишь подъ небесами летаетъ змѣй». Борь-ху посмотрѣлъ, но ничего не могъ увидѣть. А человѣкъ между тѣмъ натянулъ лукъ и пустилъ стрѣлу, послѣ чего къ ногамъ ихъ дѣйствительно упалъ змѣй, перестрѣленный пополамъ. Послѣ этого они подружились, назвались братьями и пошли дальше. Идутъ и видятъ на берегу моря стоитъ человѣкъ, который то нагнется, то выпрямится. Спросили, что онъ дѣлаетъ? А тотъ имъ въ отвѣтъ: «Проглатываю воду изъ моря и снова выпускаю». Затѣмъ они всѣ трое подружились, назвались братьями и пошли дальше. Черезъ нѣсколько времени остановились на берегу моря, построили здѣсь домъ и стали жить всѣ трое. Ежедневно двое ходили на охоту, а одинъ оставался дома готовить пищу. Вотъ, однажды, когда дома остался самый младшій изъ нихъ, изъ моря вышли три дѣвушки, вошли въ домъ, двѣ изъ нихъ схватили и пригнули къ землѣ хозяина, а третья унесла сваренное мясо. Нечего дѣлать, онъ снова сварилъ мясо, а когда пришли остальные, то рассказалъ имъ о случившемся. На завтра остался караулить домъ Борь-ху. Когда онъ сварилъ мясо, изъ моря снова вышли дѣвицы и вошли въ домъ. Борь-ху спрятался, а они забрали мясо и хотѣли идти домой, но никакъ не могли отворить двери, которыя приперъ коломъ Борь-ху. Тогда Борь-ху сказалъ, что они его плѣнницы и должны сдѣлаться женами его и

*) Аилъ—юрта.

его товарищей. Послѣ этого охотники стали ходить на охоту уже всѣ трое. Вотъ однажды когда они ушли, изъ за моря отъ одного царя пришла колдунья, чтобы украсть для него самую красивую изъ ихъ женъ. Но въ первый разъ она ничего не могла сдѣлать, а только научила ихъ просить мужей сдѣлать имъ плотки, говоря, что на нихъ хорошо кататься по морю. На завтра мужья сдѣлали плотки и ушли. Въ это время приплыла колдунья и начала съ ними играть и плавать по морю и во время этого плаванія увезла жену Боръ-ху, какъ самую красивую. Когда охотники воротились домой, оставшіяся жены сказали, что жена Боръ-ху утонула. Боръ-ху попросилъ своего младшаго брата выпить море; тотъ исполнилъ его просьбу, но на днѣ моря не оказалось его жены. Тогда жены его братьевъ сказали, что жену его украла колдунья. Боръ-ху попросилъ другаго дальнзоркаго брата посмотриѣть въ ту сторону. Тотъ посмотриѣлъ и сказалъ, что его жена сидитъ на колѣняхъ у царя. Боръ-ху перешелъ море, убилъ царя, взялъ жену и пошелъ обратно. А когда за нимъ погнался сынъ убитаго съ большимъ войскомъ, то Боръ-ху попросилъ брата, выпившаго море, выпустить воду и войско потонуло. Послѣ этого всѣ трое разошлись въ разныя стороны. Боръ-ху поселился около одного богатаго тушемюля (чиновника) и самъ скоро разбогатѣлъ. Тушемюль сталъ ему завидовать и рѣшилъ его погубить. Еще до этого времени у него родились однѣ только дѣвочки. Вотъ онъ сталъ дѣлать вклады въ монастыри и духовные сказали ему, что у него родится сынъ. Тушемюль передалъ объ этомъ Боръ-ху, а послѣдній, посмотриѣвъ на руку жены тушемюля, сказалъ, что у него родится дочь. Поспорили и побились объ закладъ, что если родится дочь, то онъ отдастъ ее за сына Боръ-ху, а если сынъ, то обезглавить. Но Боръ-ху не дождался развязки и умеръ, а у тушемюля родилась дочь. При этомъ уговорѣ былъ еще другой тушемюль. Вотъ однажды этотъ тушемюль и рассказалъ сыну Боръ-ху объ уговорѣ его отца съ тушемюдемъ, отцомъ родившейся дѣвочки. А послѣдній узналъ

объ этомъ и началъ предлагать свидѣтелю 30 ланъ серебра, чтобы онъ передалъ ихъ сыну Боръ-ху и просилъ его отказаться отъ его дочери, но сынъ Боръ-ху не отказался, а пошелъ свататься. Тушемюль потребовалъ съ него 100 ланъ серебра и 100 золота. Дочь услышала объ этомъ требованіи отца и начала просить отдать ее за сына Боръ-ху. Отецъ разсердился и послалъ ее домой. Но она успѣла увидѣться съ женихомъ и сказала ему, что достанетъ и золота и серебра, только велѣла приходить къ ней вечеромъ. Затѣмъ она выпросила эти деньги у младшаго брата; а Боръ-ху въ ожиданіи вечера встрѣтился съ однимъ пріятелемъ, который напоилъ его и выпросивъ все, пошелъ за деньгами къ невѣстѣ Боръ-ху. Когда вошелъ, та его спросила: «Ты зачѣмъ»? А онъ думалъ, что она все узнала, со страху убилъ ее и утащилъ деньги. Тушемюль узнавъ о смерти дочери, началъ розыскивать, кто ее убилъ. Въ это время сынъ его разсказалъ, что онъ давалъ деньги сестрѣ для сына Боръ-ху. Его схватили и начали пытаться. Но въ это время опять явился прежній тушемюль и оправдалъ его, а первый тушемюль долженъ былъ отдать за сына Боръ-ху другую дочь.

Записана г. Палкинымъ въ г. Кобдо,
въ Монголіи.

14) Старикъ съ дочерью.

Давно, давно жилъ одинъ бѣдный старикъ, у котораго была одна очень умная и красивая дочь. Старикъ съ дочерью жилъ въ царствѣ царя Хартаганъ-хана. Однажды царь Хартаганъ-ханъ послалъ двухъ быстрыхъ пословъ съ приказаніемъ, чтобы на слѣдующій день самъ старикъ пришелъ къ нему. Два быстрые посла царя пріѣхали къ старику и говорятъ ему: «Царь Хартаганъ-ханъ приказалъ, чтобы ты завтра пріѣхалъ къ нему!»! Сказавъ это, быстрые послы уѣхали обратно.

На другой день старикъ отправляется къ царю Хартаганъ-хану. Царь говоритъ ему: «Иди въ лѣсъ и узнай тамъ, сколько

лѣтъ медвѣдю, а потомъ скажи мнѣ»! Старикъ приходитъ домой очень печальный и испуганный и говоритъ своей дочери: «Царь Хартаганъ-ханъ приказалъ мнѣ узнать, сколько лѣтъ медвѣдю и сказать ему».

Дочь говоритъ старику отцу: «Ложись и спи»! Когда старикъ легъ спать, дочь начала прясть шерсть и выпряла два клубка величиною съ человѣческую голову. На другое утро она разбудила старика и на обоихъ плечахъ его пришила два клубка шерсти; потомъ говоритъ отцу: «Когда придешь къ берлогу медвѣдя, сядь и сиди, пока медвѣдь не выйдетъ».

Старикъ пошелъ въ лѣсъ и сѣлъ на берлогу медвѣдя. Медвѣдь, выйдя изъ берлоги, увидѣлъ старика и трехъ человѣкъ, испугался и говоритъ: «Живу на землѣ семьдесятъ семь лѣтъ, не видывалъ человѣка съ тремя головами»! Сказавъ это, онъ обратно убѣжалъ въ берлогу. Старикъ приходитъ домой и говоритъ своей дочери, что медвѣдь сказалъ себѣ семьдесятъ семь лѣтъ и что онъ не видывалъ человѣка съ тремя головами. Дочь говоритъ отцу: «Иди теперь къ царю Хартаганъ-хану и скажи ему, что медвѣдю семьдесятъ семь лѣтъ». Старикъ пошелъ къ царю Хартаганъ-хану и сказалъ ему, что медвѣдю семьдесятъ семь лѣтъ. Царь Хартаганъ отпустилъ старика домой.

На другой день царь Хартаганъ-ханъ опять посылаетъ за старикомъ двухъ быстрыхъ пословъ съ приказаніемъ, чтобы старикъ завтра пришелъ къ нему. Два быстрые посла пріѣхали и сказали старику: «Царь Хартаганъ-ханъ приказалъ, чтобъ ты завтра пришелъ къ нему»! Потомъ они уѣхали обратно. На другое утро старикъ приходитъ къ царю Хартаганъ-хану. Царь приказываетъ старику: «Иди и сосчитай сколько въ лѣсу и въ тайгѣ деревьевъ и потомъ скажи мнѣ»!

Старикъ приходитъ домой очень печальный и испуганный. Какъ сосчитать, сколько деревьевъ въ лѣсу и въ тайгѣ? Придя домой, говоритъ дочери: «Царь Хартаганъ-ханъ приказалъ мнѣ сосчи-

тать, сколько всѣхъ деревьевъ въ лѣсу и тайгѣ, а потомъ сказать ему». Тогда дочь его говоритъ: «Ложись и спи»! Когда старикъ легъ спать, дочь приготовила изъ смѣтаны, масла и хлѣба прекрасный бѣнъ; на другое утро она разбудила отца, отдала ему приготовленный бѣнъ и говоритъ: «Иди въ лѣсъ, положи этотъ бѣнъ на тропинкѣ зайца и послушай, что онъ будетъ говорить во время ѣды».

Старикъ пришелъ въ лѣсъ, розыскалъ заячью тропинку, положилъ на нее бѣнъ, а самъ легъ и лежитъ. Въ это время прибѣгаетъ заяцъ, начинаетъ ѣсть положенный бѣнъ и говоритъ: «Въ лѣсу много тысячъ деревьевъ, въ тайгѣ пятьдесятъ тысячъ деревьевъ, а такой вкусной пищи я не ѣдалъ»! Тогда старикъ приходитъ домой и пересказываетъ своей дочери слова зайца. Дочь его говоритъ: «Иди и скажи царю Хартаганъ-хану»! Старикъ приходитъ къ царю Хартаганъ-хану и говоритъ ему: «Въ лѣсу много тысячъ деревьевъ, а въ тайгѣ пятьдесятъ тысячъ деревьевъ». Царь Хартаганъ-ханъ говоритъ старику: «Иди домой»!

На другой день царь Хартаганъ-ханъ опять посылаетъ двухъ быстрыхъ пословъ за старикомъ, чтобы онъ на другой день пришелъ къ нему. Два быстрые посла пріѣхали къ старику и говорятъ ему: «Царь Хартаганъ-ханъ приказалъ, чтобы ты завтра пришелъ къ нему». Потомъ они уѣхали обратно.

Старикъ на другой день приходитъ къ царю Хартаганъ-хану. Царь приказываетъ: «Завтра приходи ко мнѣ! Ни днемъ и ни ночью не приходи, верхомъ на конѣ не пріѣзжай и пѣшкомъ не приходи! По дорогѣ не пріѣзжай и не иди! И когда ко мнѣ придешь, не стой ни на улицѣ, ни во дворѣ»! Старикъ приходитъ домой очень опечаленный и испуганный, и говоритъ дочери: «Царь Хартаганъ-ханъ приказалъ мнѣ завтра придти къ нему не днемъ и не ночью, не верхомъ на конѣ и не пѣшкомъ, по дорогѣ не ѣхать и не идти, и когда приду, ни на улицѣ и ни во дворѣ не стоять». Дочь говоритъ старику: «Ложись и спи»! Старикъ легъ спать. На другое

утро рано дочь разбудила старика и говоритъ: «Поѣзжай къ царю Хартаганъ-хану на жеребой кобылѣ, не ѣзди по дорогѣ, а между дорогами (харгунъ-даланъ); когда пріѣдешь, то встань на порогѣ». Старикъ пріѣзжаетъ къ царю Хартаганъ-хану. Царь, увидѣвъ его, говоритъ: «Я тебѣ приказалъ, не приходи ни днемъ и ни ночью!»! Старикъ отвѣчаетъ царю: «Но ты не говорилъ: не приходи утромъ!»! Царь Хартаганъ-ханъ говоритъ старику: «Я тебѣ приказалъ придти ко мнѣ не верхомъ на конѣ и не пѣшкомъ!»! Старикъ говоритъ: «Я пріѣхалъ на жеребой кобылѣ». Царь Хартаганъ-ханъ говоритъ: «Я тебѣ приказалъ не ѣхать по дорогѣ». Старикъ говоритъ: «Я пріѣхалъ между дорогами» (харгунъ-даланъ). Царь Хартаганъ говоритъ: «Я тебѣ приказалъ по пріѣздѣ не стоять ни на улицѣ, ни во дворцѣ». Старикъ говоритъ: «Но не приказалъ не стоять на порогѣ»!

Потомъ царь Хартаганъ-ханъ говоритъ старику: «Завтра сдѣлай мнѣ веревку изъ пепла и принеси!»! Послѣ этого отпустилъ старика домой. Старикъ приходитъ домой очень печальный и испуганный. Какъ сдѣлать изъ пепла веревку? Придя домой, говоритъ дочери: «Царь Хартаганъ-ханъ приказалъ мнѣ завтра сдѣлать изъ пепла веревку и принести ему». Дочь говоритъ старику: «Ложись и спи!»! Когда старикъ легъ спать, дочь его начала дѣлать изъ соломѣ веревку. На другое утро разбудила старика и говоритъ ему: «Вотъ отнеси эту веревку! Когда придешь во дворъ царя Хартаганъ-хана, эту веревку положи и сожги, а потомъ скажи царю, что принесть веревку изъ пепла». Старикъ пришелъ къ царю Хартаганъ-хану, положилъ соломенную веревку на дворѣ и сжегъ ее, потомъ вошелъ во дворецъ и говоритъ царю: «Принесть веревку изъ пепла». Царь Хартаганъ-ханъ выходитъ изъ дворца и смотритъ, на дворѣ его лежитъ веревка изъ пепла. Онъ говоритъ старику: «Я завтра пріѣду къ тебѣ, а ты къ моему пріѣзду выдой быка, изъ молока его приготовь ильгинъ-таракъ» *).

*) Таракъ—простокваша.

Старикъ приходитъ домой очень печальный и испуганный. Какъ подоить быка, какъ приготовить изъ его молока ильгинъ-тарахъ? Придя домой, онъ передаетъ дочери слова царя. Дочь говоритъ старику: «Ложись и спи! а утромъ проснешься, не вставай, лежи въ постели»! На другой день царь Хартаганъ-ханъ ѣдетъ къ старику. Дочь, увидя царя, побѣжала на улицу; бѣгаетъ и собираетъ щепки. Царь Хартаганъ-ханъ подѣхалъ къ дочери старика и спрашиваетъ: «Для чего собираешь щепки такъ торопливо»? Дочь старика отвѣчаетъ царю Хартаганъ-хану: «Отецъ мой родилъ сына. Я хочу приготовить булынь». Тогда царь Хартаганъ-ханъ спрашиваетъ: «Развѣ мужчины родятъ сыновей»? Дочь старика говоритъ: «Развѣ можно доить быка и изъ молока его приготовить ильгинъ-тарахъ»? Тогда царь Хартаганъ-ханъ уѣхалъ обратно домой.

У царя Хартаганъ-хана былъ одинъ сынъ Харжи-мина. Царь женилъ его на дочери старика. Когда дѣлали свадьбу, то царь Хартаганъ-ханъ приготовилъ мяса съ бугоръ и вина, какъ озеро воды. На свадьбѣ Харжи-мина гуляли въ продолженіи девяти сутокъ и едва, едва разошлись по домамъ.

Однажды царь Хартаганъ-ханъ съ сыномъ уѣхалъ на охоту. Дорогой онъ говоритъ сыну Харжи-мина: «Тяни коня за хвостъ»! Харжи-мина схватилъ коня за хвостъ и тянетъ. Царь Хартаганъ-ханъ говоритъ своему сыну Харжи-мина: «Ты дуракъ»! и началъ бить его. Поѣхали далѣе. Царь Хартаганъ-ханъ говоритъ своему сыну: «Котлуемъ деревянный котелъ»! Харжи-мина соскочилъ съ телеги, началъ рубить дерево и, сваливъ его, началъ выдалбливать котелъ. Царь Хартаганъ-ханъ сильно разсердился на сына Харжи-мина и началъ его бить.

Царь Хартаганъ-ханъ съ сыномъ возвратились домой. Харжи-мина говоритъ своей женѣ: «Отецъ мой помѣшался въ умѣ отъ старости лѣтъ. Когда мы ѣхали на охоту, онъ билъ меня два раза. Въ первый разъ онъ сказалъ: тяни коня за хвостъ! Когда я началъ тянуть, онъ сталъ меня бить, говоря, что я дуракъ. Во вто-

рой разъ онъ сказалъ: Котлуетъ деревянный котелъ! А когда я срубилъ дерево и началъ долбить, онъ меня опять началъ бить». Жена говорить своему мужу Харжи мина: «Въ первый разъ царь велѣлъ тебѣ тянуть возжи, а во второй велѣлъ приготовить кушанье для ѣды. А ты не понялъ, дуракъ, за то тебя царь и билъ».

Потомъ царь Хартаганъ-ханъ уѣхалъ къ царю Шажинъ-номонъ-хану, съ которымъ хотѣлъ состязаться своимъ умомъ и испытать его. Когда царь Хартаганъ-ханъ пріѣхалъ къ царю Шажинъ-номонъ-хану, то оба они начали говорить другъ съ другомъ. Царь Хартаганъ-ханъ не могъ устоять противъ царя Шажинъ-номонъ-хана и не могъ разгадать его загадки. Тогда Шажинъ-номонъ-ханъ заперъ царя Хартаганъ-хана въ темницу. Царь Хартаганъ-ханъ посылаетъ двухъ быстрыхъ пословъ и говорить имъ: «Скажите моей невѣстѣ, что я лежу покрытый выдровымъ одѣяломъ и на соболиной перинѣ и прошу ее послать золотыя ножницы, двухъ барановъ заколотъ, сто овецъ пригнать съ шерстью и сто овецъ пригнать безъ шерсти». Два быстрыхъ посла пріѣхали къ Харжи-мина, сыну Хартаганъ-хана и говорятъ ему: «Отецъ твой царь Хартаганъ-ханъ приказалъ сказать, что онъ лежитъ покрытый выдровымъ одѣяломъ на соболиной перинѣ и просилъ послать золотыя ножницы, заколотъ два барана, пригнать сто овецъ съ шерстью и сто овецъ безъ шерсти».

Харжи-мина приказалъ убить двухъ барановъ и стричь шерсть со ста овецъ, потомъ пошелъ сказать своей женѣ слова отца. Жена выслушала его и говорить: «Ты, дуракъ не понимаешь! Отецъ твой сидитъ въ тюрьмѣ; выдровое одѣяло значитъ небо; соболиная перина означаетъ землю; заколотъ двухъ барановъ значитъ убить посланныхъ двухъ быстрыхъ пословъ; привезти золотыя ножницы значитъ, чтобъ я сама къ нему пріѣхала; сто овецъ съ шерстью значитъ сто вооруженныхъ человѣкъ; а сто овецъ безъ шерсти значитъ сто невооруженныхъ человѣкъ». Потомъ она сказала своему мужу: «Прикажи своимъ людямъ поскорѣ убить двухъ быстрыхъ пословъ, вооружить сто человѣкъ и еще ста человѣкамъ безъ ору-

жия приготовиться ѣхать!»! Харжи-мина приказалъ убить двухъ быстрыхъ пословъ, приготовить сто вооруженныхъ человекъ и сто человекъ безъ оружія. Когда все это было готово, Харжи-мина съ женою и съ людьми поѣхали къ царю Шажинъ-номонъ-хану. Приѣхавъ къ царю Шажинъ-номонъ-хану, они освободили царя Хартаганъ-хана изъ темницы. Потомъ жена Харжи мина начала говорить съ царемъ Шажинъ-номонъ-ханомъ; царь не могъ разгадать словъ жены Харжи-мина. Тогда самого царя Шажинъ-номонъ-хана заперли въ темницу. Послѣ этого царь Хартаганъ-ханъ съ сыномъ, невѣсткою и съ людьми возвратился домой. Теперь они живутъ счастливо.

Записана г. Хангаловымъ у бурятъ
Балаг. вѣд.

15) Желтосѣрый волкъ и лисица-самка *).

Давно прежде жила лисица, у нея были маленькая козочка, ягненокъ-баранъ и теленокъ - порозъ (бычекъ); жили они у нея въ небольшомъ хлѣву. Когда лисица-самка уходила въ лѣсъ траву рвать и цвѣты собирать, то козочка, ягненокъ-баранъ и теленокъ-порозъ крѣпко на крѣпко въ хлѣву затворялись и изнутри крѣпко на крѣпко дверь запирали. Уходя, лисица строго на строго имъ приказывала, никому кромѣ нея дверей не отпирать. Когда лисица приходила домой съ цвѣтами и травой, то козленочекъ-коза, ягненокъ-баранъ и теленочекъ-порозъ отпирали и впускали ее; она давала имъ травы и цвѣты и они ихъ ѣли. Однажды лисица-самка ушла рвать траву и цвѣты, а козочка, ягненокъ и теленокъ заперлись въ хлѣву. Лисица рвала траву и цвѣты и пѣла пѣсню: «Козленочекъ мой коза, ягненокъ мой баранъ, теленочекъ мой порозъ будутъ эту травку и цвѣты жевать и ѣсть». Подслушавъ эту пѣсню желтосѣрый волкъ и приходитъ къ хлѣву, чтобы съѣсть козленка, ягненка и теленка у лисицы-самки. У двери въ хлѣвъ волкъ

*) Въ текстѣ: унугу изи; унугу—«лисица», изи—«женщина», «баба», въ примѣненіи къ животнымъ «самка».

говорить: «Козленочекъ-коза, ягненочекъ-баранъ, теленочекъ-порозъ! отворите дверь! я, ваша мать, пришла, много травы и цвѣтовъ принесла».

Когда козленочекъ-коза, ягненочекъ-баранъ, теленочекъ-порозъ услышали голосъ волка, они ему сказали: «Голосъ твой толстый, ты не наша мать, у нашей матери голосъ тоненькій да протяжный». Потомъ они выглянули въ щелку и говорятъ: «Ты сѣрый, а наша мать желтенькая».

Волкъ пошелъ и покатался на желтой глинь, а потомъ опять приходитъ и говоритъ тоненькимъ протяжнымъ голосомъ: «Отворите дверь! я, ваша мать, пришла, много цвѣтовъ и травы принесла»!

Тогда козленочекъ-коза, ягненочекъ-баранъ, теленочекъ-порозъ говорятъ: «Ты покажи намъ свои зубы»! Волкъ оскалилъ свои зубы и показываетъ. Козленочекъ-коза, ягненочекъ-баранъ и теленочекъ-порозъ говорятъ. «Зубы нашей матери маленькія, а твои слишкомъ длинны и толсты! ты не наша мать, а волкъ! Иди къ желтому морю; тамъ на берегу, увязнувши въ грязи, лежитъ соловой жеребенокъ; его съѣшь»!

Волкъ отправился къ желтому морю, увидалъ тамъ соловаго жеребенка и говоритъ ему: «Я тебя съѣмъ»!

Тогда соловой жеребенокъ говоритъ: «Если хочешь меня съѣсть, такъ ѣшь, только прежде вытащи меня изъ грязи, а то у меня въ грязи душа будетъ мучиться».

Волкъ вытащилъ соловаго жеребенка изъ грязи на сухой берегъ и говоритъ: «Теперь я тебя съѣмъ»!

Соловой жеребенокъ говоритъ: «Если хочешь меня съѣсть, такъ ѣшь, только вычисти меня прежде отъ грязи; тебѣ ѣсть лучше будетъ, а душа моя будетъ безъ грязи ходить». Волкъ вычистилъ соловаго жеребенка отъ грязи и жеребенокъ сталъ высокій и поправился не много. Волкъ опять говоритъ: «Теперь я тебя съѣмъ»! Соловой жеребенокъ говоритъ: «Если хочешь съѣсть, то ѣшь, только прочитай, что у меня на задней ногѣ написано, потомъ съѣшь»! Волкъ сталъ смотрѣть, что написано у соловаго жеребенка на задней ногѣ.

Въ это время соловой жеребенокъ изъ всей силы лягнулъ волка, волкъ и упалъ замертво, а соловой жеребенокъ убѣжалъ въ свой табунъ.

Когда волкъ очнулся, онъ ушелъ на высокую гору и говоритъ себѣ: «Зачѣмъ я не съѣлъ соловаго жеребенка, а по его просьбѣ вытащилъ его изъ грязи? ну хотя-бы изъ грязи вытащилъ, такъ зачѣмъ я сталъ его чистить? ну хотя-бы и вычистилъ грязь, зачѣмъ я пошелъ къ задней ногѣ соловаго жеребенка и сталъ смотрѣть, что у него на ногахъ написано? пушай-бы я грамотный былъ!»! Такъ говорилъ волкъ и билъ своей головой о камень. Билъ, билъ да и убился.

Записана г. Хангаловымъ у бурятъ
Балаганскаго вѣд.

16) Хинхуна-багинъ.

Давно прежде жилъ былъ одинъ бѣдный человекъ Хинхуна; онъ сѣялъ картошку. Съ нѣкотораго времени картошка стала убывать, кто-то по ночамъ кралъ у него картошку. Хинхуна не могъ никакъ узнать, кто его картошку крадетъ; началъ по ночамъ караулить, чтобы поймать вора. Въ одну ночь онъ замѣтилъ, что кто-то вырываетъ картофель; онъ тихонько подкрался и поймалъ; оказалось, что воруетъ картошку лисица-самка (унугу-изи). Хинхуна началъ жестоко бить лисицу. Тогда лисица говоритъ ему: «Не бей меня, отпусти! Я тебя женю на царской дочери и ты будешь богатъ»! Тогда Хинхуна пересталъ бить лисицу-самку, взялъ съ нея обѣщаніе и отпустилъ ее; лисица убѣжала. Черезъ нѣсколько времени приходитъ эта лисица къ Хартаганъ-хану и проситъ у хана безмѣнъ. Хартаганъ-ханъ спрашиваетъ: «Зачѣмъ тебѣ безмѣнъ»? Лисица говоритъ: «Безмѣнъ проситъ богачъ Хинхуна, который счетъ потерялъ деньгамъ золотымъ и серебрянымъ, а теперь хочетъ узнать, сколько вѣсятъ его деньги». Тогда Хартаганъ-ханъ далъ лисицѣ безмѣнъ; получивши отъ него безмѣнъ, лисица унесла его домой и

потомъ начала этотъ безмѣнъ таскать по камнямъ и по песку, чтобы безмѣнъ сильно истерся. Когда безмѣнъ сильно потерся, тогда лиса приносить его къ Хартаганъ-хану и отдаетъ обратно. Хартаганъ-ханъ, увидавши свой безмѣнъ, спрашиваетъ лису: «Отчего это безмѣнъ такъ истерся и отъ чего вы его долго держали»? Лисица отвѣчаетъ, что безмѣнъ истерся отъ того, что богачъ Хинхуна вѣсилъ имъ свое золото, а долго не возвращали оттого, что только что успѣли перевѣшать, раньше не могли кончить.

Тогда Хартаганъ-ханъ удивился богатству Хинхуна, у котораго такъ много серебра и золота. Послѣ этого лисица-самка говорить Хартаганъ-хану, что Хинхуна-богачъ желаетъ сватать у хана дочь. Царь Хартаганъ-ханъ согласился и назначилъ время, когда богачу Хинхунаю прѣхать къ нему свататься къ его дочери. Лисица ушла домой. Къ назначенному времени Хартаганъ-ханъ приготовился принимать богача Хинхуна. Лисица пришла къ Хинхунаю, чтобы идти съ нимъ къ царю сватать дочь, а у Хинхуна одежды хорошей нѣтъ, шуба у него вся въ дырахъ да заплатахъ. Лисица набрала въ полѣ самыхъ яркихъ цвѣтовъ, чтобы издали казалось точно серебро и золото блеститъ, и утыкала этими цвѣтами всю его шубу, а къ подолу камней навязала, и со всей другой его одеждой тоже сдѣлала, и научаетъ Хинхуна: «Когда мы поплывемъ къ царю Хартаганъ-хану по морю въ лодкѣ, то приставая къ берегу на глубокомъ мѣстѣ я лодку опрокину; ты съ себя одежду сбрось, чтобы она утонула, а самъ нагашемъ останься». Послѣ этого лисица съ Хинхунаемъ пошли къ царю, пришли къ морю, сѣли въ лодку и поплыли. Народъ Хартаганъ-хана стоялъ на берегу и смотрѣлъ, какъ лисица-самка плыла съ Хинхунаемъ по морю; издали народу одежда Хинхуна показалась какъ будто изъ золота и серебра сдѣлана и все подданные хана удивлялись и говорили, какая красивая шуба у богача Хинхуна. Когда лисица приближалась къ берегу, на глубокомъ мѣстѣ она какъ будто нечаянно опрокинула лодку, сама выплыла на берегъ; Хинхунай началъ нарочно около лодки въ водѣ ба-

рахтаться и въ это время снялъ съ себя всю одежду, которая и ушла на дно моря, а самъ остался нагишемъ. Тогда его на лодкѣ вытащили на берегъ. Царь Хартаганъ-ханъ надѣлъ на богача Хинхуная свою лучшую одежду и увезъ ихъ обоихъ съ лисицей домой къ себѣ. Здѣсь стали ихъ угощать, а лисица все время плакала и говорила, что очень дорогая одежда утонула у Хинхуная.

Послѣ этого богачъ Хинхунай просваталъ дочь Хартаганъ-хана; условились на счетъ калыма и когда быть сватѣбѣ. Погулявши у хана, поѣхали домой. Лисица опять ушла въ лѣсъ и въ лѣсу встрѣтила девять волковъ. Она имъ говоритъ: «У царя Хартагана въ амбарѣ много жирнаго мяса лежитъ; пойдете его ѣсть!» Всѣ девять волковъ согласились и пошли съ лисицей. Когда они пришли къ Хартаганъ-хану, лисица отперла амбаръ съ мясомъ и впустила туда волковъ, сама двери за ними заперла и пошла къ хану, говоритъ ему: «Вашъ зять богачъ Хинхуна, зная, что у васъ много разнаго скота, много золота и серебра, вамъ въ подарокъ ихъ не посылаетъ, — а если надо, то пришлетъ, — а посылаетъ онъ вамъ въ подарокъ девять волковъ». Хартаганъ-ханъ повѣрилъ лисицѣ-самкѣ и обрадовался; онъ думалъ, что волки ручные, отперъ дверь амбара, чтобы посмотрѣть на волковъ, а они всѣ повыскакали въ дверь и убѣжали въ лѣсъ.

Послѣ этого лисица опять ушла въ лѣсъ, встрѣтила тамъ девять лисицъ и сказала имъ тоже, что волкамъ, обманула и ихъ, привела ихъ на дворъ къ Хартаганъ-хану и заперла въ амбарѣ. А сама говоритъ Хартаганъ-хану: «Вашъ зять вмѣсто скота послалъ вамъ въ подарокъ девять лисицъ». Царь Хартаганъ сильно обрадовался; онъ подумалъ, что всѣ девять лисицъ ручныя, отперъ амбаръ, чтобы посмотрѣть ихъ; въ это время всѣ девять лисицъ повыскакивали изъ амбара и убѣжали въ лѣсъ.

Послѣ этого, когда приблизился срокъ свадьбы, лисица задумала обмануть Тэмэ-уланъ-хана, взяла съ собой Хинхуная и пошла съ нимъ къ хану. Идя по дорогѣ, они встрѣтили множество верблюдовъ съ пастухами; пастухи и верблюды были Тэмэ-уланъ-хана. Лисица-

самка говорить пастухамъ: «Скоро придетъ большое войско воевать съ твоимъ царемъ; если ты скажешь, что ты пастухъ Тэмэ-уланъ-хана, тебя убьютъ и верблюдовъ угонять, а если ты скажешь, что ты пастухъ богача Хинхуна, то тебя не тронуть». Пастухъ испугался и обѣщаль говорить, что онъ пастухъ Хинхуна. Пошла лиса дальше и встрѣтили они табуны лошадей съ табунщикомъ; ему они сказали тоже самое, что верблюжьему пастуху и табунщикъ обѣщался говорить, что онъ табунщикъ богача Хинхуна. Послѣ этого пошли они дальше и встрѣтили стадо коровъ съ пастухомъ, которому тоже сказали, что идетъ большое войско; пастухъ также испугался и согласился говорить, что онъ пастухъ богача Хинхуна; дальше встрѣтили они овечьего пастуха, которому тоже сказали, что говорили пастухамъ верблюжьему, коровьему и табунщику; тогда пастухъ овечій тоже испугался и согласился говорить, что онъ пастухъ богача Хинхуна.

Послѣ этого лисица съ Хинхунаемъ пошли къ самому царю Тэмэ - уланъ - хану и ему сказали, что скоро придетъ большое войско и все его царство завоюетъ, что съ этимъ войскомъ трудно будетъ воевать. Тогда царь Тэмэ-уланъ-ханъ сильно испугался и спрашиваетъ у лисицы-самки, что нужно сдѣлать, чтобы побѣдить это войско. Лисица-самка говоритъ ему, если ханъ хочетъ избавиться отъ этого войска, то вотъ что слѣдуетъ сдѣлать. Пусть ханъ спрячется, а своему войску и слугамъ прикажетъ говорить, что это войско и слуги богача Хинхуна. «Кромѣ того приготовьте побольше мяса и вина и всего прочаго, какъ будто у васъ въ домѣ свадьба; когда войско придетъ, то ханъ спрячется, а я съ Хинхунаемъ все войско угостимъ и пьяными напоимъ; тогда пьяныхъ всѣхъ ихъ можно убить». Царь Тэмэ-уланъ-ханъ на все на это согласился.

Ханъ приказаль приготовить много мяса, вина и всего прочаго и сказать своимъ подданнымъ и слугамъ, чтобы всѣ они говорили, что хозяинъ у нихъ богачъ Хинхунай и что у ихъ хозяина свадьба.

Когда все приготовили, тогда ханъ Тэмэ-уланъ съ женою и сыномъ спрятались въ сѣно.

Хозяевами остались лисица-самка съ Хинхунаемъ; когда царь Хартаганъ-ханъ ѣхалъ со свадебнымъ поѣздомъ, то по дорогѣ они встрѣтили пастуховъ съ верблюдами, съ конскими табунами, съ ко-
ровами и съ овцами; они этихъ пастуховъ спрашивали, чьи они пастухи; все пастухи отвѣчали, что они пастухи богача Хинхуная.

Когда свадебные гости пріѣхали къ дому, то ихъ лисица-самка съ Хинхунаемъ встрѣтили и угостили. На другой день устроили свадьбу.

Въ тотъ день лисица-самка начинаетъ плакать и горевать; тогда Хартаганъ-ханъ спрашиваетъ, отчего она плачетъ и горюетъ. Лисица ему отвѣчаетъ: «Вашъ зять еще-бы богаче былъ, если-бы не шулмусы (черти)! съ нѣкоторыхъ поръ шулмусы здѣсь поселились и съѣдаютъ и людей и скотъ». Хартаганъ-ханъ спрашиваетъ у лисицы, какъ избавиться отъ этихъ шулмусовъ. Лисица говоритъ: «Можно-бы избавиться отъ этихъ шулмусовъ, если-бы вокругъ сѣна поставить воору-
женныхъ людей, а сѣно со всехъ сторонъ поджечь; если шулмусы въ образѣ людей изъ сѣна выскочатъ, то ихъ надо поскорѣе хватать и назадъ въ огонь бросать, тогда они сгорятъ».

По указанію лисицы царь вокругъ сѣна, въ которомъ спря-
тался Тэмэ-уланъ-ханъ съ своей женой и сыномъ, поставилъ воору-
женныхъ людей и приказалъ сѣно со всехъ сторонъ поджечь. Когда сѣно подожгли, изъ него выскочилъ Тэмэ-уланъ-ханъ съ женою и сыномъ, но вооруженные люди ихъ поймали, побили и снова въ огонь бросили; тамъ они и сгорѣли. Послѣ этого царь Хартаганъ-ханъ погулялъ на свадьбѣ у богача Хинхуная и уѣхалъ домой, и дочь свою оставилъ у Хинхуная. Такъ изъ прежняго бѣдняка Хин-
хунай сдѣлался богачемъ и царемъ вмѣсто убитого царя Тэмэ-уланъ-
хана и живетъ теперь счастливо съ помощью лисицы-самки.

Записана г. Хангаловымъ у бурятъ
Балаганскаго вѣд.

17) Бохонъ-хобунъ*).

Давно прежде жилъ нѣкто Бохонъ-хобунъ, который имѣлъ бѣлаго бычка, какъ вошь и маленькую тележку, въ которую онъ запрягалъ бѣлаго бычка. Однажды Бохонъ-хобунъ своего бѣлаго бычка, какъ вошь, запрегъ въ свою тележку и поѣхалъ на охоту. Бохонъ-хобунъ ѣдетъ и видитъ на дорогѣ лежатъ ножницы. Бохонъ-хобунъ поднимаетъ ножницы, кладетъ на свою тележку и говоритъ: «всякая вещь богатство»! ѣдетъ онъ дальше, видитъ на дорогѣ лежить лягушка; Бохонъ-хобунъ поднимаетъ лягушку, кладетъ на свою тележку и говоритъ: «всякая вещь богатство»! ѣдетъ онъ далѣе; на дорогѣ лежить змѣя. Бохонъ-хобунъ поднялъ змѣю, положилъ на свою тележку и говоритъ: «всякая вещь богатство»! ѣдетъ онъ далѣе; видитъ на дорогѣ лежить кобылье мѣсто (намтаханъ, дѣтское мѣсто); Бохонъ-хобунъ поднялъ его, положилъ къ себѣ на тележку и говоритъ: «всякая вещь богатство»! ѣдетъ Бохонъ-хобунъ дальше, видитъ на дорогѣ лежить молотокъ; онъ кладетъ молотокъ на свою тележку и говоритъ: «всякая вещь богатство»! ѣдетъ дальше; на дорогѣ лежатъ два яйца степной курицы; Бохонъ-хобунъ кладетъ ихъ на свою тележку и говоритъ: «всякая вещь богатство»! ѣдетъ Бохонъ-хобунъ дальше, на дорогѣ лежить два куста боярки да шиповника; онъ поднялъ ихъ; положилъ на свою тележку и говоритъ: «всякая вещь богатство»!

Пріѣзжаетъ Бохонъ хобунъ къ дому мангатхая и заходитъ въ домъ; взялъ онъ кобылье мѣсто и положилъ подъ порогомъ, а молотокъ положилъ надъ дверью. Лягушку онъ положилъ въ таракъ, а змѣю положилъ въ курунгу. Ножницы онъ положилъ въ постель; также и кусты боярки и шиповника, а два яйца степной курицы зарылъ въ пепелъ на очагѣ. Послѣ этого Бохонъ-хобунъ спрятался подъ кроватью мангатхая, лежитъ и ждетъ, когда мангатхай придетъ.

*) Бохонъ-хобунъ, «вошь—молодецъ».

Въ скоромъ времени приходитъ самъ мангатхай. Входя въ домъ, мангатхай говоритъ: «Фу, фу, какъ здѣсь воняетъ! земляныя лягушки и жуки были у меня». Послѣ этого мангатхай хотѣлъ напиться таракана, началъ пить; оттуда выскакиваетъ лягушка. Мангатхай испугался и говоритъ: «Что за чудо и хитрость творится!»! Потомъ мангатхай хочетъ пить курунгу, подходитъ къ посудѣ и хочетъ пить; оттуда его ужалилъ змѣй; онъ испугался и говоритъ: «Что за чудо и хитрость творится!»! Послѣ этого мангатхай хочетъ лечь на постель; только легъ, какъ снизу его укололи ножницы и кусты боярки и шиповника; онъ выскакиваетъ съ постели и кричитъ: «Что за чудо и хитрость творятся!»!

Мангатхай подходитъ къ очагу и хочетъ развести огонь. Началъ онъ огонь раздувать, а въ это время два яйца степной курицы лопаются и бросаютъ ему въ глаза горячій пепелъ и жидкость. Мангатхай совсѣмъ ослѣпъ. Тогда мангатхай хотѣлъ выйти на улицу; подошелъ къ порогу, наступилъ на кобылье мѣсто, поскользнулся и упалъ; въ это время на голову мангатхая упалъ молотокъ и разбилъ ему голову. Такъ мангатхай и пропалъ.

Послѣ смерти мангатхая въ его домѣ сталъ жить Бохонъ-хобунъ.

Записана г. Хангаловымъ у бурятъ

Балаганскаго вѣд.

18) Дѣвица Хонхинуръ *).

Давнымъ давно, жила на свѣтѣ дѣвица Хонхинуръ, у которой было двадцать-семь погремушекъ. Она жила на берегу золотого озера на мѣстности кочковатой.

Однажды къ дѣвицѣ Хонхинуръ пришла лисица-самка и говоритъ, что ее звали на свадьбу къ Хартаганъ-хану, а потому она проситъ у Хонхинуръ ея двадцать-семь погремушекъ. Дѣвица Хонхинуръ не дала своихъ погремушекъ лисицѣ. Тогда лисица-самка

*) Хонхинуръ, «ботало», «ширкунецъ».

говорить ей: «Я приду черезъ три дня; если ты и тогда не дашь мнѣ своихъ погремушекъ, то я возьму въ ротъ твое золотое озеро и растопчу своими копытами твою кочковатую землю!» И ушла.

Послѣ этого сидитъ дѣвица Хонхинуръ и плачетъ. Летѣли двѣ лебеди, слышатъ они плачь дѣвицы Хонхинуръ и спрашиваютъ: «Отчего ты дѣвица Хонхинуръ плачешь!» Дѣвица Хонхинуръ говоритъ лебедямъ: «Приходила ко мнѣ лисица, просила у меня моихъ двадцать семь погремушекъ надѣть на свадьбу къ Хартаганъ-хану; я не дала своихъ погремушекъ. Тогда лисица сказала, что опять черезъ три дня придетъ и если я и тогда своихъ двадцать семь погремушекъ не отдамъ, лисица хотѣла мое золотое озеро въ свой ротъ забрать и мою кочковатую землю своими копытами растоптать».

Двѣ лебеди говорятъ дѣвицѣ Хонхинуръ: «Если черезъ три дня придетъ лисица-самка просить твоихъ двадцать семь погремушекъ, ты не отдавай ихъ; а если скажетъ, что возьметъ въ ротъ твое золотое озеро и растопчетъ землю, ты ей скажи: гдѣ у тебя ротъ взять мое золотое озеро и гдѣ твои копыта, чтобы растоптать кочковатую землю? Если спроситъ лисица, кто тебя научилъ такъ говорить, ты ей не говори!» Послѣ этого лебеди улетѣли къ югу.

Черезъ три дня приходитъ лисица-самка и говоритъ дѣвицѣ Хонхинуръ: «Теперь отдай мнѣ свои двадцать семь погремушекъ! а не отдашь, возьму въ ротъ твое золотое озеро и растопчу твою кочковатую землю!» Хонхинуръ говоритъ: «Не отдамъ тебѣ своихъ двадцать семь погремушекъ! Гдѣ у тебя ротъ взять мое золотое озеро и гдѣ у тебя копыта растоптать мою землю!» Лисица спрашиваетъ дѣвицу Хонхинуръ, кто ее научилъ такъ говорить. Хонхинуръ говоритъ: «Никто не училъ, сама говорю».

Лисица не повѣрила, начала допытываться, кто научилъ такъ говорить. Наконецъ Хонхинуръ не выдержала и сказала, что двѣ лебеди ее научили. Лисица спрашиваетъ, куда лебеди улетѣли. Дѣвица Хонхинуръ говоритъ: «Къ югу полетѣли». Лисица-самка ушла искать тѣхъ двухъ лебедей. Ходила она, ходила, наконецъ нашла

этихъ двухъ лебедей; сидятъ онѣ въ дуплѣ дерева; тутъ она ихъ поймала и начала сильно бить, приговаривая: «Зачѣмъ вы научили дѣвицу Хонхинхуръ!» Двѣ лебеди говорятъ: «Не бей насъ лисица! мы тебя на себѣ повеземъ, куда ты хочешь!» Лисица говоритъ: «Везите меня за море!» Лебеди согласились; лисица сѣла на одну лебедь и обѣ лебеди полетѣли; вотъ онѣ летятъ надъ чернымъ моремъ и та лебедь, на которой сидѣла лисица, начинаетъ встряхиваться. Лисица говоритъ: «Не уроните меня въ черное море!» Лебеди говорятъ: «Нѣтъ, не уронимъ!» Когда лебеди прилетѣли на самую середину черного моря, тогда они сбросили лисицу въ море, а сами полетѣли дальше.

Лисица-самка глотала, глотала воды и едва-едва выкарабкалась на берегъ; пошла на высокую гору, стала тамъ сушиться и думаетъ: «Зачѣмъ я повѣрила лебедямъ, когда на нихъ за море перелетала?»

Записана г. Хангаловымъ у бурятъ
Балаганскаго вѣд.

19) Гургулдаинъ-гурбунъ-сысынъ *)

Однажды шелъ дорогой одинъ человѣкъ. Встрѣтился съ другимъ человѣкомъ и спрашиваетъ его: «Кто ты?» Тотъ говоритъ: «Я называюсь Гургулдаинъ-гурбунъ-сысынъ. А ты кто?» «Я также Гургулдаинъ-гурбунъ-сысынъ называюсь. И такъ! будемъ друзьями!» Ставши друзьями, идутъ дальше. Идя дальше, опять встрѣтили человѣка и спрашиваютъ его: «Кто ты?» Опять говоритъ: «Я Гургулдаинъ-гурбунъ-сысынъ». «И такъ всѣ трое будемъ братьями!» Идутъ дальше дорогой. Идя дальше, входятъ во дворъ одного богатаго человѣка и убиваютъ кобылу. Взявши на одну варю (на одинъ котелъ) мяса, входятъ въ юрту и сидятъ. Самаго хозяина дома не было. Жена спрашиваетъ ихъ: «Откуда вы?» «Мы трехъ царей подданные, на разстаняхъ трехъ дорогъ встрѣтились». Жена намѣ-

*) Три Гургулдаева мудреца.

ребуется варить мясо; тогда они говорят, что у нихъ есть свое мясо. Мясо сварили; женщина эта обрадовалась и говоритъ: «Какъ ваше имя»? Одинъ говоритъ: «Показаннымъ (видѣннымъ) радующій». Второй говоритъ: «Потеряннымъ печалующій». А младшій говоритъ, что его имя «такъ и этакъ все равно». Наѣвшись, вышли и ушли. На завтра жена пошла смотрѣть кобылу и, посмотрѣвши, опечалилась.

Гургулдаинъ-гурбунъ-сысынъ идутъ трактовой дорогой; у всѣхъ троихъ одна сивая кобыла. Приходятъ на дворъ одного человѣка; дѣвушка сидитъ, доить корову. Они благословляютъ ее: «Да наполнится посуда доенымъ!» И спрашиваютъ дѣвушку: «Гдѣ мы привяжемъ коня»? Та отвѣчаетъ: «Зима и лѣто есть; въ любомъ мѣстѣ привяжите!» т. е. тутъ стоятъ сани и телега; около нихъ, гдѣ хотите, привяжите. Привязавши кобылу, входятъ въ юрту. Вошли, побѣлились (сагала т. е. попили немного поднесеннаго молока) и спрашиваютъ: «Гдѣ отецъ? гдѣ мать»? «Свою пищу ушли ѣсть въ чужомъ домѣ (т. е. отгащивать), чужую болѣзнь къ себѣ принести ушли» (т. е. напьются въ гостяхъ и на завтра будутъ хворать съ похмѣлья). За тѣмъ всѣ трое наѣлись и отправились дальше. Ушедши, расположились на юго-западѣ на одной горѣ, разложили огонь и ночуютъ. Потомъ посылаютъ самого младшаго просить у той дѣвушки котла, чтобъ сварить журавлиную шею и два яйца степной курицы (дрохвы). Дѣвушка говоритъ, что отецъ еще не держалъ, мать еще не оттерла бальянскій (абаканскій) котелъ. «Боюсь отца и мать дать котелъ, а вотъ у невестки котелъ готовый. Его возьмите!» Сдавшись дѣвушкѣ (т. е. признавши себя побѣжденными на словахъ), удалились. Отсюда идутъ дальше и ночуютъ въ одномъ мѣстѣ. Ночевавъ, утромъ встаютъ; кобыла оказывается украденной. Начинаютъ воровать. Старшій говоритъ: «Укралъ человѣкъ, у котораго балаганъ безъ потолка». Средній говоритъ, что взялъ горбатый человѣкъ, имѣющій безхвостую желтую собаку. Младшій-же говоритъ: «Укралъ человѣкъ Гухый по имени!» Идутъ по слѣдамъ и ищутъ. Ищутъ и находятъ такого человѣка. Обличая его въ воровствѣ, про-

сять кобылу. Тотъ отпирается. Тогда они его, не сознающагося, начинаютъ тѣснить: «Мы угадываемъ скрытое^{*)} и можемъ изрѣкать заклинанія. Отдай намъ кобылу!»! Не могли привести къ сознанию, рѣшаются жаловаться хану и отправляются къ нему. Ушедши къ царю, входятъ, садятся, здороваются и кланяются царю: «Мы скрытое угадываемъ и заклинанія изрѣкаемъ. Мы подданные трехъ царей, встрѣтились на разстаняхъ трехъ дорогъ». Тогда царь, чтобы испытать ихъ, запираетъ (ихъ) въ пустую юрту. Заперши, далъ имъ туда водки и одной овцы мясо, а по угламъ поставилъ подслушивателей, о чемъ де они будутъ разговаривать. Сидятъ, пьютъ и старшій говоритъ: «Царь-то царь, да смѣшанный царь!»! Средній говоритъ: «Мясо-то овечье мясо, да вкусъ-то собачій! Водка-то водка, да вкусъ крови человѣчьей». Тогда караульные входятъ къ царю и говорятъ, что такъ де они между собою разговариваютъ. Царь сердится и рѣшаетъ всѣмъ имъ троимъ снять голову; посылаетъ человека привести ихъ и тѣснить: «Почему вы меня смѣшаннымъ царемъ называете»? Тогда говорятъ ему: «У васъ мать навѣрно жива? у нея спросите!»! Приводятъ мать. «Почему я смѣшанный»? Мать говоритъ: «Когда я была молода, я нашла тебя отъ другаго человека». «Почему овечье мясо имѣетъ вкусъ собачій»? «Въ голодный годъ я доила собаку и кормила ягнятъ». «Водка почему имѣетъ вкусъ человѣчьей крови»? «Когда я взбалтывала брагу (курунгу), стерла руку и кровь изъ руки втекла въ курунгу; вотъ по этому водка и имѣетъ вкусъ человѣчьей крови». Потомъ царь отсѣкаетъ свиную голову и закапываетъ ее на востокъ, куриное яйцо закапываетъ на югъ и яманыю голову^{**)} на западъ. Потомъ ханъ спрашиваетъ этихъ трехъ Гургулдай-сысыновъ: «На восточной сторонѣ что находится»? «Съ кругленькимъ носомъ; носъ смотритъ вверхъ; на трехъ промерзаніяхъ (въ землѣ закопано) находится». «А что находится на югѣ»? «Кругленькое; внутри его птица, не

^{*)} Бутуйэ тахимда бурхэйэ намнахимда, «закрытое угадываемъ, скрытое узнаемъ».

^{**)} Яманъ «козелъ».

птица; скотина, не скотина; вотъ такіе и этакіе находятся». Отгадываютъ. «На западѣ что находится»? «Съ двумя рогами, двумя ушами, съ бородой подѣ рыломъ, на три аршина въ глубину закопано». И такъ все отгадали. Тогда царь говорить: «Вы правду сказали, что можете угадывать скрытое и изрѣкать важныя слова»! Отдаетъ имъ украденную кобылу. «И такъ отправляйтесь куда хотите».

Идутъ дальше. Идутъ, идутъ и идутъ, и заходятъ къ китайскому царю Гумэну. Входятъ, здороваются; устраивается бесѣда и угощаютъ ихъ. Царь китайскій Гумэнъ (Хитатъ-гумэнъ-ханъ) спрашиваетъ ихъ: «Гдѣ побывали»? Эти Гургулдаинъ-гурбунъ-сысынь говорятъ, что они ходили по всему свѣту. У царя китайскаго Гумэна умерла жена. Спрашиваетъ этихъ трехъ Гургулдаинъ-сысыновъ: «Ходя по всему свѣту, навѣрно видѣли хорошенькую дѣвушку»? Три Гургулдаинъ-сысына говорятъ, что красивѣе дочери Уинэй-убугуна умной Уинъ не встрѣчали. Дальше пошли.

Китайскій царь Гумэнъ послѣ нихъ отправляется къ дочери Уинэй-убугуна къ умной Уинъ, высватываетъ ее въ жены и привозитъ домой. Привезши домой, сдѣлалъ женой. Послѣ десяти лѣтъ совместной жизни, жена его умираетъ. Когда она умерла, собралъ весь свой народъ, приказалъ имъ стоять на улицѣ и караулить, хотъ пропадите де. Самъ-же царь лежитъ (постоянно) и обнимаетъ умершую жену. Народъ составляетъ совѣтъ, что это такое, что царь нашъ умершую жену обнимаетъ. Посылаютъ двухъ человѣкъ просить совѣта у Богдо-гысырь-хана. Два человѣка уходятъ въ Хонинъ-хотойское царство (Хонинъ-хотойнъ-оронъ) и не доходя на день до стоянки Богдо-гысыра, ложатся, кланяются. Тогда подданные Гысырь-хана, увидѣвши этихъ двухъ лежащихъ и молящихся людей, докладываютъ Абай-гысыру: «Какіе-то два человѣка смотрятъ въ вашу сторону»! Гысырь посылаетъ привести этихъ двухъ людей. Эти два человѣка приходятъ и уходятъ. Когда пришли, Гысырь спрашиваетъ: «Какого царя подданные»? Тѣ говорятъ, что они подданные китайскаго царя. «По какой нуждѣ пришли»? Тогда они

говорять: «У нашего царя умерла жена; онъ обнимаетъ ее и лежитъ на постели, весь же народъ собралъ и приказалъ находиться на улицѣ. Вотъ насъ и послалъ нашъ народъ просить вашего совѣта». «Я послѣ васъ прѣйду; я близко къ вамъ не пойду. На разстояніи дня (пути) останавлиюсь. Отправляйтесь домой!»! Отправился и остановился на разстояніи дня пути. Остановившись на разстояніи дня пути, посредствомъ чудодѣйственной силы оставилъ въ объятіяхъ китайскаго Гумэнь-хана совершенно черную собаку, а жену взялъ. И такъ китайскій царь лежитъ, обнимаетъ черную собаку, спитъ. Жену же народъ похоронилъ. Послѣ похоронъ народъ возвратился; китайскій царь Гумэнь пробудился, черную суку выбросилъ на улицу, и сказалъ: «Лежалъ, лежалъ, женился, женился и женился на черной сукѣ!»! Народъ весь разошелся.

Гургулдаинь-гурбунъ-сыныи идутъ дальше. Одинъ становится Булхаданъ, другой Ирхэнтхи (уланъ-хуриганъ) и послѣдній Шара-тэхэ.

Всѣмъ этимъ тремъ устраивается брызганье и кырыкъ. Первому Булхадану (онъ же и Будля) отправляется церемонія (булхаданъ-гхэхэ), когда ребенку будетъ три мѣсяца, но въ большинствѣ случаевъ, когда ребенокъ плачетъ. Тогда призываютъ какого-бы то ни было шамана; ни водки, ни тарасуна здѣсь не полагается. Колется козелъ и кромѣ его ни кто. Закалываетъ всякій умѣющій колоть по бурятски (пьяный шаманъ не допускается). Затѣмъ призванный шаманъ беретъ брюшину, дѣлаетъ въ ней ножомъ прорѣху и пропускаетъ въ нее ребенка три раза, обмазывая ребенка содержимымъ въ брюшинѣ. Затѣмъ ребенка обмываютъ водой. Брюшина эта потомъ жарится на угляхъ и затѣмъ дѣлится на семь частей, которыя и раздаются присутствующимъ на угощеніе, какъ и мясо. Если ребенокъ мальчикъ, колется тэхэ (козелъ-самецъ); если дѣвочка, колется ямануха.

Второму Ирхэнтхи справляется церемонія тогда, когда понадобится. Колется непременно баранъ. Хотя и здѣсь водки не пола-

гается, но по желанію хозяина можно послѣ отправленія церемоніи угощать его гостей. Во время отправленія этой необходимой церемоніи кто-нибудь изъ присутствующихъ долженъ отъ свареннаго мяса взять въ чашку шилу (жидкость, наваръ) и потихоньку поливать на огонь, бѣгая кругомъ него. На огонь сложены кости жертвеннаго животнаго для сожженія. Это отправляется на улицѣ. Въ то время, какъ на огонь поливается шилу (наваръ), шаманъ говоритъ:

Горхо наранъ дыргынъ-дэ

Орхо нарни туя-да гхудэлтэй

Дэлхэйнъ дэлэнгэйнъ

Дайдаинъ даланга га

Утуги убугутъ

Нютуга хамагаты

Тухэлинъ бутэлю

Торейнъ тохтебыть

Переводъ:

На сторонѣ восходящаго солнца,

Въ отсвѣтъ заходящаго солнца имѣющіе сидѣніе,

Изъ вымени земли,

Изъ затылочнаго жира вселенной,

Утужные*) старики,

Улусныя**) старухи,

Жертву принявъ,

Счастье ниспешите!

По окончаніи всего на березу вывѣшивается не ободранная голова животнаго. Въ обоихъ случаяхъ шаману за отправленіе обряда отдаются жиры (боимэнсэ долонъ шурмыгынъ гхабъ ибхо). Шкура поступаетъ въ пользу хозяина, а мясо съѣдается посѣтителями.

Запис. П. П. Баторовымъ въ Аларск.
вѣдомствѣ.

*) Утугъ—унавоженный сѣнокосъ.

**) Улусъ—бурятское селеніе.

20) Тэнгріинъ-хобунъ, Чингисъ-ханъ и Шудурманъ.

Изъ тысячи бурхановъ старшій былъ Махагаланъ - бурханъ. Махагаланъ, сдѣлавшись порозомъ сорока четырехъ тэнгріевъ, отправился обозрѣвать кругомъ (земли). Послѣ отхода его Эсэгэ-маланъ-тэнгри собираетъ сугланъ (сходку) изъ тысячи небесныхъ бурхановъ. Махагаланъ-бурхана не оказывается. Посылаетъ къ Махагалану. Махагалана дома нѣтъ (самого), а есть только одна (его) одежда. (Тогда) Эсэгэ-маланъ-тэнгри посылаетъ принести (эту) бурханову одежду. Приносятъ и отдаютъ одежду. Эсэгэ-маланъ-тэнгри велитъ одежду спрятать. Одежду спрятали. Махагаланъ, будучи (ставши) порозомъ, возвращается домой и не можетъ найти своей одежды. Осердившись на прочихъ бурхановъ, рождается теленкомъ отъ трех-годовалой телки (коровы) Эсэгэ-маланъ-тэнгрія. Младшій сынъ Эсэгэ-маланъ-тэнгрія (сказавъ): «Мой теленокъ»! (бухо мини) взялъ его (т. е. присвоилъ). Этотъ теленокъ, ставши большимъ, исчезъ (потерялся). Младшій сынъ Эсэгэ-маланъ-тэнгрія, не могши найти его, говоритъ отцу: «Теленокъ мой потерялся»! Эсэгэ-маланъ-тэнгри открываетъ книгу (законъ) и (смотритъ), видитъ и говоритъ: «Порозъ (бухо) твой ушелъ къ нижнимъ обитателямъ». Тогда сынъ говоритъ: «Отецъ! спустимся вмѣстѣ къ нижнему народу»! Эсэгэ-маланъ-тэнгри вмѣстѣ съ сыномъ спускаются къ нижнему народу и ищутъ пороза.

Народъ поклоняется порозу (бухо). Порозъ, промычавши на могилѣ умершаго человѣка, приводитъ его въ чувство (оживляетъ); промычавши на дворѣ бѣднаго человѣка, дѣлаетъ *) его богатымъ. Гонять пороза домой, порозъ домой идти не хочетъ. Оставивши пороза, отецъ съ сыномъ возносятся на небо. Поднявшись до половины, сынъ спускается внизъ и отецъ (также); до двухъ разъ поднимаются и до двухъ разъ спускаются **). На третій разъ отецъ

*) Въ текстѣ: сдѣлалъ.

**) Т. е. сынъ спускается, а за нимъ и отецъ.

читаетъ тарни *) и поднимаются. Опять сынъ поднявшись до половины, спускается внизъ, а за нимъ и отецъ. Разгибаетъ книгу (законъ) и видитъ въ книгѣ, что порозъ не хочетъ отпустить своего хозяина къ вышнимъ обитателямъ. Тогда сынъ говоритъ отцу: «Я съ кѣмъ здѣсь буду бесѣдовать»? «(Съ находящимся) прямо на западѣ, съ имѣющимъ триста воиновъ, двѣнадцать умныхъ людей, предводителя младшаго брата и дядю Тасъ-хара, съ Чингис-ханомъ **) будешь бесѣдовать, находясь въ его повиновеніи» (будешь слушающимъ его слова). Сынъ говоритъ: «Отецъ, что мнѣ дашь въ гостинцы»? Тогда отецъ говоритъ: «Выючную исхудалую (отъ голода) желтую собаку дамъ тебѣ» (волка). Сынъ беретъ собаку, навьючиваетъ. Отецъ-же, простившись съ сыномъ, возносится.

Сынъ отправляется прямо на югозападъ, идетъ три дня и три ночи; стало невыносимо жарко, не можетъ найти воды напиться. Сильно ударилъ плетью по землѣ, выпустилъ воду и напился. Навившись, идетъ дальше, а вода разливается за нимъ и становится море. Взобравшись на вершину горы Сымыръ, беретъ одинъ большой камень, бросаетъ, но не попадаетъ. Бросаетъ восемь разъ и все мимо. Бросивши въ девятый разъ, попадаетъ камнемъ какъ разъ въ пробитое мѣсто; вода перестала течь и образовалось море ***). Отсюда идетъ дальше, встрѣчается съ Чингисъ-ханомъ и бесѣдуетъ съ нимъ допозда. Чингисъ-ханъ спрашиваетъ: «Какія (есть) сокровища трехъ сторонъ»? Тогда (тэнгриевъ сынъ) говоритъ: «Трехъ сторонъ сокровища это: на сѣверо-западѣ огненная черная лисица (галта хара уныгынъ), на юго-востокѣ огненный черный козелъ (галта хара гуруганъ), на сѣверовостокѣ огненный черный медвѣдь (галта хара бабагай). Вотъ это трехъ сторонъ сокровища» (гурбунъ зунъ эрдени)! Чингисъ-ханъ говоритъ: «Завтра утромъ доставь мнѣ огненного чер-

*) Санскритск. слово: заклинаніе.

**) Шанханъ барунъ зуктэ гурбунъ зунъ хошушитэй арбунъ хоюръ сысынъ-хутэй хошулэкши дутэй Тасъ-хара абагатай Чингисъ-ханъ.

***). Тутъ, кажется, разумѣется Байкаль, а заткнувшій отверзстіе камень это Шаманскій камень въ истокѣ Ангары (Прим. о. Н. Затопляева).

наго козла» (гурана)! «Доставлю»! говорить. Въ полночь встаетъ, уходитъ и гонить огненного черного козла (гурана). Чингисъ-ханъ очень обрадовался. На слѣдующій вечеръ Чингисъ-ханъ говоритъ: «Завтра утромъ доставь мнѣ сѣверовосточнаго огненного черного медвѣдя»! Опять вставши въ полночь, приводитъ огненного черного медвѣдя и Чингисъ-ханъ сильно радуется. Опять (Чингисъ-ханъ) говоритъ: «Утромъ доставь мнѣ сѣверо-западную огненную лисицу»! (Опять) встаетъ въ полночь, отправляется и дорогой думаетъ: «Этотъ Чингисъ-ханъ меня испытываетъ»! Нашедши лисицу, отстрѣливаетъ напрочь хвостъ. Лисица, сдѣлавшись безсмертною, бѣгомъ — бѣгомъ побѣжала. Народъ Чингисъ-хана застрѣлить (ее) не можетъ. Предводитель младшій братъ прострѣливаетъ ее по срединѣ насквозь; кровь течетъ на обѣ стороны, а она бѣжитъ. Чингисъ-ханъ спрашиваетъ: «Подобно этой крови есть-ли такой красивый человѣкъ»? Тогда сынъ Эсэгэ-маланъ-тэнгрія говоритъ: «Еще краше этой крови красивый человѣкъ есть; это кровяного моря дочь, царя Шудурмана жена». Идутъ оттуда дальше, входятъ въ одну падь, стала поздняя ночь. И назвали падь «темной» (харанхуй голъ). Идутъ оттуда дальше, входятъ въ одну падь, начало свѣтать. Назвали падь «бѣлой» (саганъ голъ). Идутъ оттуда дальше, воетъ выучная исхудалая (отъ голода) собака. Назвали падь «воюющей» (улянхай голъ). Идутъ дальше, всѣ проголодались. Назвали падь «голодной» (улэнхэй голъ). Идя дальше, потеряли слѣдъ (слѣда не стало); потомъ увидѣли слѣдъ (лисицы) на одномъ камнѣ. Послѣ этого сынъ Эсэгэ-маланъ-тэнгрія гонится одинъ; нагоняетъ, приноситъ и отдаетъ (лисицу) Чингисъ-хану; тотъ сильно радуется.

Тогда царь (Чингисъ-ханъ) говоритъ: «Выйдемъ въ степь и сдѣлаемъ гулянку» (большой пиръ)! Тогда сынъ Эсэгэ-маланъ-тэнгрія говоритъ: «Сдѣлаемте изъ винограда (жимысь) пицу и будемъ пить»! Чингисъ-ханъ сильно удивился: «Что это за виноградная пища» (жимысь-идэнъ)? Спрашиваетъ двѣнадцать умныхъ (арбунъ-хоюръ-сысынъ-хунъ), что это за виноградная пища. Двѣнад-

цать умныхъ говорятъ: «Собирають шесть разныхъ цвѣтовъ, сидятъ котелъ (гонять тарасунъ) и это называютъ: виноградная пища»! Чингисъ-ханъ говоритъ: «Сдѣлайте виноградную пищу»! Народъ по указанію Тэнгріева сына выкуриваетъ виноградное вино (жимысь арьхи) и подаетъ Чингисъ-хану. Чингисъ-ханъ брызгаетъ на камень и говоритъ: «Въ чугунный кувшинъ влившаяся пища, Чингисъ-хану богомъ ниспосланная пища, омъ-мани-паты-мэ-хомъ» *). Послѣ этого и народъ, говоря такъ, пьетъ, произнося тѣ же слова. И такъ

*) Вотъ полный текстъ этой пѣсни, какъ ее поютъ старики во время гулянокъ въ Аларскомъ вѣдомствѣ:

Чингисханъ бурханай бутэгэнъ идэнъ
Тэрэ идэнъ турё-до зогхёдъ
Тумунъ адунъ тиргэнъ-де зогхёдъ
Гули танха-да гожогхонъ идэнъ
Голтэ бурханай бутэгэнъ идэнъ
Тэрэ идэнъ турё-до зогхёдъ
Тумунъ адунъ тиргэнъ-де зогхёдъ
Алтанъ танха-да атхарганъ идэнъ
Аха-бурханай бутэгэнъ идэнъ
Тэрэ идэнъ турё-до зогхёдъ
Алакъ адаганинь тиргэнъ-де зогхёдъ.

Переводъ:

Чингисхану богомъ ниспосланная пища!
Пища эта пристала (прилична, кстати, нужна) свадьбѣ,
Десять тысячъ скота пристало улусу!
Въ мѣдный кувшинъ текущая пища,
Живымъ богомъ ниспосланная пища!
Пища эта годна для свадьбы,
Тысяча скота пригодны лѣтнику!
Въ золотой кувшинъ вылившаяся пища,
Старшимъ богомъ ниспосланная пища!
Эта пища прилична свадьбѣ,
Пѣгій скотъ пригоденъ лѣтнику!

Слово тиргэнъ здѣсь переведено: «лѣтникъ». Тиргэнъ употребляется, какъ названіе лѣтниковъ, т. е. тѣхъ сельбищъ, куда буряты перекочевываютъ на лѣто. Собственно-же оно означаетъ то мѣсто, гдѣ въ лѣтникахъ собирается скотъ, въ большинствѣ случаевъ среди улуса. Въ лѣтникахъ у бурятъ нѣтъ особыхъ дворовъ для большаго скота и подоенныя коровы тотчасъ-же выпускаются на волю. Холостой скотъ и вовсе не вгоняется въ ограду. Вотъ онъ и собирается весь на ночлегъ въ одно какое-нибудь облюбованное имъ мѣсто въ своемъ лѣтнемъ улусѣ. Это и есть тиргэнъ. Сюда-же скотъ собирается въ жаръ днемъ и роетъ ногами. Яма, вырытая ногами скота, называется тирэ. Отсюда тиргэнъ. (Прим. о. Н. Затошяева).

дѣлаются пьяными день и ночь. Ходившіе по землѣ шесть небесныхъ бурхановъ, увидѣвъ этотъ пьяный народъ, сдѣлавши птицу, посылаютъ ее. Птица эта садится на то дерево, подъ которымъ лежитъ Чингисъ-ханъ. Ханъ бормочетъ: «Въ чугунный кувшинъ влившаяся пища, Чингисъ-хану ниспосланная пища! Омъ-мани-патья-мэ-хомъ!» Тогда птица улетаетъ и говоритъ бурханамъ говоренное Чингисъ-ханомъ. Боги эти тогда посылаютъ одного бурхана узнать, что это за народъ. Бурханъ этотъ приходитъ и видитъ все. Входитъ въ юрту, гдѣ выкуриваютъ вино и проситъ одну чашку вина. Ему подаютъ. Выпиваетъ и еще проситъ. Опять наливаютъ и подаютъ. Пилъ, пилъ и напился; опьянѣлъ. Не могли дожидаться этого бурхана прочіе бурханы и поднимаются на небо. Пока этотъ народъ былъ пьянъ, ихъ подслушивалъ сынъ черта (шулмаинъ - хобунъ). Приходитъ и говоритъ матери: «Насъ не поминаетъ ни одинъ человекъ». Тогда мать говоритъ: «Завтра этотъ народъ и насъ помянетъ». На завтра утромъ до восхода солнца мать помочилась въ воду (напитокъ), которую пилъ этотъ народъ; напившись мочи этой бабы, народъ началъ между собою ссориться, называя другъ друга чертомъ (шулма гэжи харалдажи). Богъ этотъ, тоже напившись мочи этой бабы, сталъ не чистымъ. Небесные пять бурхановъ поднялись на небо и говорятъ Эсэсэ-маланъ-тэнгрию: «Въ нижнихъ обителяхъ народъ пьянъ». Эсэгэ-маланъ-тэнгри читаетъ тарни (заклинаніе), чтобъ усыпить этотъ народъ. Народъ весь засыпаетъ, протрезвляется и перестаетъ пить вино.

Чингисъ-ханъ говоритъ тэнгриеву сыну: «Пойдемъ къ Шудурманъ-хану!» Тэнгриевъ сынъ говоритъ: «Достань изъ девяти падей вереску, очисти твое тѣло и я приму отъ тебя присягу» (приведу къ присягѣ). Чингисъ-ханъ очищаетъ тѣло. Тэнгриевъ сынъ ставитъ Чингисъ-хана въ воду и спрашиваетъ: «Отъ текущей воды слышишь-ли (слышалъ-ли), что кровяного моря дочь (шугу далайнъ бацаганъ), Шудурмана царя жена красавица?» «Да!» говоритъ Чингисъ-ханъ. Затѣмъ ставитъ его на огонь и спрашиваетъ: «Отъ этаго горящаго

огня слышалъ-ли»? «Да»! говорить царь. Взявши присягу съ Чингисъ-хана, тэнгриевъ сынъ говорить: «Нужно павлиново перо и нужно привести таежнаго дядю Тасъ-хара (таягайхи Тасъ-хара абагай). У Шудурмана царя войска нѣтъ; есть только у него ворчунья (проклинаящая) черная старуха (харалши-хара-хамага) и исхудалая желтая собака (хосохо-гури-шара-нохой), знающая за три года впередъ, и лающая. А ворчунья черная старуха, если начнетъ ворчать (ругаться), отваливаются глыбы отъ скалы». Чингисъ-ханъ посылаетъ одного посла къ дядѣ Тасъ-хара, чтобъ онъ пришелъ и принесъ павлиново перо (тоготъ-шубуни-удэ). Посоль этотъ говорить дядѣ Тасъ-хара: «Перо птицы тасъ просить пришелъ я»! Дядя Тасъ-хара не можетъ понять, какая это птица тасъ*). Удивляясь, убиваетъ сороку и отдаетъ перо посланнику. Тотъ приноситъ и отдаетъ царю. Взявши перо, Чингисъ-ханъ осердился на дядю Тасъ-хара: «Я говорилъ, чтобъ онъ самъ пришелъ и принесъ павлинье перо, а онъ послалъ мнѣ сорочье перо»! Посылаетъ четырехъ чело-вѣкъ выкопать восьмидесяти-саженную яму и бросить въ нее дядю Тасъ-хара. Приходятъ эти четыре посланныхъ, выкапываютъ восьмидесяти-саженную яму и бросаютъ въ нее дядю Тасъ-хара. Тэнгриевъ сынъ (тэнгриинъ хобунъ) спрашиваетъ: «Всѣ-ли готовы»? Ему отвѣчаютъ, что все приготовили. «И такъ отправляются къ царю Шудурману и идутъ три дня. Тэнгриевъ сынъ спрашиваетъ: «Куда дѣвался дядя Тасъ-хара»? Тогда Чингисъ-ханъ говорить: «Дядю Тасъ-хара я бросилъ въ восьмидесяти-саженную яму». «За что ты его бросилъ»? говорить тэнгриевъ сынъ. Тогда царь говорить: «Я звалъ его, чтобъ онъ пришелъ и принесъ мнѣ павлинье перо, а онъ мнѣ послалъ сорочье». Тэнгриевъ сынъ говорить: «Приведите дядю Тасъ-хара, такъ какъ кромѣ Тасъ-хара никто не можетъ убить ту ворчунью черную старуху»! Въ скоромъ времени четыре посла приносятъ Тасъ-хара едва живаго. Тэнгриевъ сынъ спрашиваетъ дядю Тасъ-хара, такъ какъ кромѣ Тасъ-хара никто не можетъ убить ту

*) Тасъ, *Gyps himalayensis*.

ворчунью черную старуху»! Въ скоромъ времени четыре посла приносятъ Тасъ-хара едва живаго. Тэнгриевъ сынъ спрашиваетъ дядю Тасъ-хара: «Тебя за что посадили» (бросили)? Тогда дядя Тасъ-хара говоритъ: «Чингисъ-ханъ послалъ ко мнѣ одного посла, который просилъ у меня перо птицы тасъ. Такой птицы тасъ въ тайгѣ нѣтъ и я, не могши понять, послалъ ему сорочье перо. Чингисъ-ханъ осердился (на это) и послалъ четырехъ человѣкъ, чтобъ бросили меня въ яму». Тогда тэнгриевъ сынъ спрашиваетъ Чингисъ-хана: «Вы, спросивши дядю, бросили его въ яму»? Царь говоритъ: «Нѣтъ». «Почему-же вы, ни слова не спросивши, бросили въ яму»? говоритъ тэнгриевъ сынъ. «Виновать»! говоритъ царь.

Шудурманова исхудалая желтая собака начинаетъ лаять, ругательница черная старуха начинаетъ ругаться. Ругаясь, вѣбгаетъ на гору, и не можетъ ругаться. Тэнгриевъ сынъ вмѣстѣ съ дядей Тасъ-хара скрадываютъ ее, ругательницу черную старуху. (Тэнгриевъ сынъ) говоритъ дядѣ Тасъ-хара: «Стрѣлай ей въ вѣки двухъ глазъ въ колѣняхъ»! Тасъ-хара прострѣливаетъ (хэтэ-харбошгэжи) вѣки двухъ глазъ въ колѣняхъ старухи *). Ругательница старуха ругается (проклинаятъ): «Стрѣлившій мнѣ въ два колѣнные глаза пусть будетъ безъ потомства и да отпадетъ у него большой палецъ»! Такъ ругаясь, падаетъ. Вдругъ у дяди Тасъ-хара отпадываетъ большой палецъ.

Идутъ отсюда дальше. По пути видятъ хребетъ, поросшій хорошимъ лѣсомъ. Царь и говоритъ: «На этомъ хребтѣ только царю и жить» (хорошо-бы царю жить)! Тогда тэнгриевъ сынъ говоритъ: «Идя къ хорошенькой женщинѣ, такихъ худыхъ словъ не говорятъ»!

Приходятъ на дворъ царя Шудурмана и зовутъ его. Царь выходитъ изъ дворца на крыльцо и говоритъ: «Меня не убивайте»!

*) У старухи было по одному глазу на каждомъ колѣнѣ. Тасъ-хара такъ направилъ стрѣлу, что она пролетѣла бокомъ къ тѣлу старухи и разомъ вырвала оба глаза. Хэтэ харбаху значитъ стрѣлять, принаравливая стрѣлу такъ, чтобы она коснулась предмета, служащаго цѣлью, по касательной линіи. (Прим. о. Н. Затопляева).

Тогда Чингисъ-ханъ говоритъ: «Не убьемъ»! Шудурманъ говоритъ: «Лисица хитра, женщина обманчива (уныгынъ жиктэй изы-хунъ мэхэтэй). И такъ застрѣлите меня»! Шудурмана царя застрѣливаютъ. Чингисъ-ханъ входитъ въ домъ, бесѣдуетъ съ женой и ночуетъ, а народъ находится на улицѣ и стережетъ. Когда ночью Чингисъ-ханъ заснулъ, жена Шудурманъ-хана ножницами перерѣзываетъ ему горло и Чингисъ-ханъ умираетъ. Жена-же эта убѣгаетъ.

Послѣ того, какъ народъ простоялъ на дворѣ трое сутокъ, предводитель младшій братъ (Хошулэкши-ду) входитъ въ домъ, живо возвращается оттуда и говоритъ: «Чингисъ-ханъ нашъ лежитъ мертвый». Народъ весь входитъ въ домъ и видитъ, что женщины нѣтъ, находятъ только (оставленную ею) записку. Читаютъ ее: женщина эта пишетъ: «Я дочь кровянаго моря и ушла въ кровяное море. За мной не приходите. Если придете, живыми не выйдете»! Такъ было написано.

Уложивши Чингисъ-хана въ повозку, увозятъ (домой). На мѣстѣ, которое понравилось хану, колеса повозки вошли въ землю. Народъ вытащить ихъ ни какъ не можетъ и хоронятъ тутъ царя. Пришедши оттуда домой, всѣ разошлись по разнымъ сторонамъ.

Тэнгриевъ сынъ ушелъ на гору Мундурга. Порозь, ставши потомъ человѣкомъ, женился на дочери Тайжи-хана, вмѣстѣ съ тэнгриевымъ сыномъ поселился на девяти холмахъ горы Мундурга и сталъ «отцомъ господиномъ порозомъ» (Бүхэ-ноенъ-бабай), а жена его «матерью госпожей Буданъ» (Буданъ-хатунъ-иби).

Записана о. Н. И. Затопляевымъ и
П. П. Баторовымъ въ Аларскомъ вѣд.

21) Жизнь Элгэсынъ-гелонга.

Жили старикъ со старухой, у которыхъ не было дѣтей. Вотъ однажды около ихъ аила выросъ цвѣтокъ цвѣта радуги, а изъ него выпалъ мальчикъ. Старикъ взялъ его, принесъ домой, и начали воспитывать. Мальчикъ ѣлъ одно только козье молоко и до семи лѣтъ

ничего не говорилъ, а когда игралъ, то изображалъ все духовныхъ или лицъ или духовные обряды. Однажды ѣхали тибетцы и остановились у старика ночевать. Ихъ было двадцать человекъ. Старшій изъ нихъ посмотрѣлъ на мальчика и говорить: «Это не простой ребенокъ! Будемъ замѣчать, что онъ будетъ дѣлать». Въ это время мальчикъ попросилъ мать подоить козъ. Мать подоила и вылила молоко въ котелъ, въ которомъ была вода. Замѣтивъ ошибку, она начала ругать себя, но мальчикъ подошелъ и дунулъ на жидкость, и вода отдѣлилась отъ молока. Затѣмъ онъ попросилъ отца достать съ божницы семь пшеничныхъ зернышекъ, бросилъ ихъ въ котелъ и въ котлѣ оказалось столько пшеницы, что все ѣли и не могли съѣсть. Послѣ этого онъ началъ проситься ѣхать съ ламами въ Тибетъ. О томъ же стали просить и странствующие ламы. Но родители не соглашались. Тогда мальчикъ сказалъ: «Время мое настало! Поцѣлуйте меня въ послѣдній разъ!» Родители поцѣловали. Тогда сдѣлался шумъ, какъ будто отъ сильнаго вѣтра, и родители увидѣли, что сынъ ихъ обратился въ птицу ангирь *); онъ улетѣлъ въ Тибетъ и сдѣлался тамъ хутухту (святымъ перерожденцемъ). Черезъ годъ онъ перевезъ туда же своихъ родителей, а когда они умерли, то похоронилъ ихъ въ сумѣ (храмѣ), причемъ изъ матери его произошли двадцать одна дара-экэ (женскія божества), а изъ отца ламайское духовенство. Затѣмъ онъ послалъ Хламъ-бурхана объѣхать землю и узнать, сколько на ней вѣрующихъ (т. е. буддистовъ) и невѣрующихъ. Хламъ-бурханъ донесъ, что невѣрующихъ меньше. Тогда Элгэсынъ-гэлонгъ послалъ его снова и велѣлъ научить людей употребленію огня, указать, что можно и что нельзя ѣсть и раздѣлить годъ на 12 мѣсяцевъ.

Записано г. Палкинымъ въ городѣ
Хобдо отъ монгола Мэнгуна.

---

*) Ангирь, по-русски турпанъ, красная утка (*Anas rutila*).

22) Д о н о й.

А.

Одинъ богатый, очень богатый Доной имѣлъ много скота и одну дочь. Когда дочь стала большой и нужно было отправляться къ мужу (въ домъ свекра), и когда пришло время играть (надхо), она говоритъ отцу: «Я буду играть золото-бѣло-шерстой кобылой»^{*)}. Дѣвушка играетъ. Отецъ не колетъ этой кобылы. Дочь, оскорбившись, бросается въ золотое озеро (алтанъ-нуръ) и тонетъ. Послѣ этого отецъ весь свой скотъ пригналъ на это озеро поить. Скотъ выпиваетъ все озеро. Когда озеро начало высыхать, изъ него вылетѣла дочь, обратившись въ птицу хухэй. Родители сильно плакали, а весь ихъ скотъ превратился въ дикихъ звѣрей. Съ тѣхъ поръ у нихъ ничего не стало (они предались сидѣнью), ни пищи, ни питья. Тогда (отецъ) спрашиваетъ жену: «Когда мы были богаты, не давала-ли кому-нибудь чего-нибудь? Сходи, принеси и поѣдимъ!» «Когда были богаты, никому ничего не давала, кромѣ печенки».

Записано о. Н. Н. Затопляевымъ и
П. П. Баторовымъ въ Аларскомъ вѣд.

Б.

Прежде жилъ нѣкто Доной, который былъ очень богатый и въ то же время очень скупой человѣкъ; онъ никогда никому ничего не давалъ и никого не кормилъ, даже и бѣдныхъ людей. Однажды къ Доною приходитъ богъ въ видѣ бѣднаго человѣка и проситъ накормить его. Тогда Доной сказалъ бѣдному человѣку, что у него ничего нѣтъ. Бѣдный человѣкъ говоритъ Доною: «У тебя много разнаго

^{*)} Надхо собственно значить играть въ какую-бы то ни было игру. По бурятскому обычаю наканунѣ отправки невесты къ мужу устраивается вечеринка, «наданъ» отъ надхо, «играть». На вечеринку собираются подруги невесты, родственники и другіе приглашенные гости и молодые люди. Здѣсь веселятся, пляшутъ «ехоръ» и другіе національные танцы. Для угощенія гостей по состоянію отца невесты закалываются разныя животныя. Это и разумѣется здѣсь; фразой: «я буду играть золото-бѣло-шерстой кобылой», дочь выразила просьбу къ отцу заколоть для ея вечеринки указанную кобылу. (Прим. о. Н. Затопляева).

скота». Доной говорить: «Это звѣри». Тогда богъ сказалъ Доною: «Пусть будутъ звѣри!» и ушелъ. Съ этого времени разный скотъ Доной началъ бѣгать, пугаться людей и не могли его загнать во дворъ. Когда гонялись за скотомъ, одинъ изъ семейства Доной бросилъ мутовкой, которой мѣшали таракъ*), попалъ въ скотъ и замаралъ ихъ таракомъ. Тогда весь скотъ Доной обратился въ оленей, изюбрей и сохатыхъ, а таракъ остался въ видѣ бѣлыхъ пятенъ на заднихъ частяхъ скота.

Записана г. Хангаловымъ у бурятъ
Балаг. вѣд.

23) К о с т ь «с э р ь».

Одинъ молодой человѣкъ пріѣхалъ въ одинъ домъ, хозяинъ котораго имѣлъ двухъ дочерей и вмѣстѣ съ ними воспитывалъ третью дѣвицу царскаго происхожденія. Молодой человѣкъ хотѣлъ взять за себя за мужъ царевну, но не зналъ какъ отличить ее отъ ея двухъ подругъ, потому что всѣ три были похожи одна на другую. Вотъ онъ закололъ барана, сварилъ баранье мясо и поднесъ дѣвицамъ. Одна выбрала себѣ бедро, другая «хуца» (курдюкъ), а третья т. е. царевна выбрала «сэръ», т. е. первый шейный позвонокъ. Молодой человѣкъ подумалъ: первыя двѣ дѣвицы жили въ обыкновенномъ быту, не были изнѣжены хорошими, вкусными кусками; эта же третья должно быть царскаго рода и все ѣла только вкусные сэры. И онъ выбралъ себѣ въ жены третью дѣвицу.

Записано Д. П. Першинымъ отъ бурятъ въ с. Каракасѣ въ Забайкальѣ.

24) Ц а р и ж и в о т н ы х ъ.

На землѣ шесть царей надъ всѣми животными (по бурятски эртэнчинъ жоргонъ зулэ):

*) Таракъ—сквашенное молоко.

1) Хуни ханъ.	Царь людей.
2) Шубуни ханъ Ханъ-хэрэгдэ-шубунъ.	Царь птицъ птица Ханъ-хэрэгдэ.
3) Анги ханъ Аргаланъ-зонъ.	Царь звѣрей Аргаланъ-зонъ.
4) Могонъ ханъ Абарга-мого.	Царь змѣй Абарга-змѣя.
5) Шурлгажини ханъ Шоро-те-менъ-шургалжинъ-ханъ.	Царь муравьевъ Шоро-теменъ-шургалжинъ-ханъ.
6) Загахани ханъ Абарга-эхэ-загаханъ.	Царь рыбъ великая рыба Абарга.

Летучая мышь (харьха-эрбэхэ) ни одному царю не подчиняется.

Записано г. Хангаловымъ у бурятъ въ Балаганскомъ вѣд.

---

25) В е р б л ю д ь.

Верблюдъ прежде былъ большая шаманка. Однажды она хотѣла испугать бога; для этого отрѣзала свои груди, приклеила ихъ на спинѣ, сдѣлалась верблюдомъ и въ этомъ видѣ явилась къ богу. Тогда богъ осердился и оставилъ ее навсегда верблюдомъ. Потому, что это былъ прежде человѣкъ, плачь верблюда похожъ на человѣческій.

Записано г. Хангаловымъ у бурятъ Балаганскаго вѣд.

---

26) М е д в ѣ д ь.

Медвѣдь прежде былъ царемъ; онъ хотѣлъ испугать одного идущаго по дорогѣ человѣка. Для этого онъ влезъ подъ мостъ; когда человѣкъ проходилъ по мосту, царь изъ подъ моста громко крикнулъ. Проходившій человѣкъ былъ самъ богъ; онъ сказалъ царю: «Останься медвѣдемъ! Будешь пугать людей въ лѣсу!» Тогда царь обратился въ медвѣдя и убѣжалъ въ лѣсъ.

Записано г. Хангаловымъ у бурятъ въ Балаганскомъ вѣд.

---

27) В о л к и.

Волковъ буряты называютъ тэнгэринъ нохо, «небесными собаками». Когда волки воютъ, это значить, что они у неба просятъ пищи и тогда небо (тэнгиръ) указываетъ имъ, у кого что съѣсть.

Записано г. Хангаловымъ у бурятъ
Балаганскаго вѣд.

28) С о б а к а.

Прежде собака ходила одна. Она начала искать съ кѣмъ-нибудь жить вмѣстѣ. Идя, встрѣтила волка, говорить ему: «Будемъ жить вмѣстѣ»? Волкъ соглашается; они стали жить вмѣстѣ. Въ одну ночь собака услышала въ лѣсу шорохъ и стала лаять. Тогда волкъ говорить: «Не лай, собака! придетъ медвѣдь, съѣстъ насъ». На другое утро собака оставила волка и ушла искать медвѣдя, думая, что медвѣдь сильнѣе волка. Встрѣчаетъ собака медвѣдя и говорить ему: «Будемъ жить вмѣстѣ»? Медвѣдь соглашается. Однажды ночью собака начинаетъ лаять. Медвѣдь говорить: «Не лай, собака! придетъ левъ, съѣстъ насъ». На другое утро собака оставила медвѣдя и ушла искать льва, думая, что левъ сильнѣе медвѣдя. Собака встрѣчаетъ льва и говорить ему: «Будемъ жить вмѣстѣ»? Левъ соглашается. Однажды ночью собака начала лаять. Левъ говорить: «Не лай, собака! придетъ человѣкъ съ синимъ желѣзомъ и убьетъ насъ». На другое утро собака оставила льва и ушла искать человека съ синимъ желѣзомъ, думая, что человѣкъ съ синимъ желѣзомъ сильнѣе льва. Собака встрѣчаетъ человека и говорить ему: «Будемъ жить вмѣстѣ»? Человѣкъ соглашается. Однажды ночью собака начинаетъ лаять, а человѣкъ встаетъ и говорить: усь, усь! Тогда собака подумала, что сильнѣе звѣря нѣтъ, какъ человѣкъ, который ничего не боится, а потому собака остается при человѣкѣ и до сихъ поръ.

Записано г. Хангаловымъ у бурятъ
Балаганскаго вѣд.

29) Царь птицъ Ханъ-хурдэ ханъ.

Царь птицъ (шубуни ханъ) женился на филинѣ (шара шубунъ). Приближается время нестись филину. Тогда онъ говоритъ царю птицъ Ханъ-хурдэ-шубуну: «Собери своихъ подданныхъ! На носсахъ ихъ хочу разрѣшиться отъ бремени!» Царь Ханъ-хурдэ собираетъ своихъ подданныхъ и просверливаетъ въ ихъ носсахъ дыры, связывая за нихъ (собирая). Посылаетъ за (ночной птицей) гуйбанга (сова). Она не является. И такъ посылаетъ до трехъ разъ. Послѣ третьяго посланья приходитъ. «Я посылалъ за тобой до трехъ разъ. Почему ты не пришла?» «Когда хожу днемъ, глаза ослѣпляются; когда хожу ночью, отсыриваютъ мои крылья. По этому долго не приходила. А за тѣмъ, когда я шла сюда, подземные жители дѣлали сугланъ (сходку); слушая ихъ, долго пробыла». «О чемъ они разсуждаютъ?» спрашиваетъ царь птицъ. «Будучи птицей Ханъ-хурдэ (царемъ птицъ), почему женился на совѣ? удивляясь, разсуждаютъ. Почему, ради желанія снестись на головахъ подданныхъ, онъ ихъ собралъ. Подчиняющійся тестю черный жукъ (хара сохо), подчиняющійся женщинѣ пестрый жукъ (ирэнъ-сохо)! такъ разсуждаютъ».

Услышавши это, Ханъ-хурдэ распустилъ своихъ подданныхъ. Отпустивши, Ханъ-хурдэ, возносясь, вошелъ на небо. Тогда Шара-шубунъ кричала, кричала и осталась. Съ тѣхъ поръ филинъ (шара шубунъ), летая, кричитъ до настоящаго времени. Отъ этого-же гуйбанга (осталась) одна между птицами съ непродырявленнымъ носомъ.

Записано о. Н. Затопляевымъ и П. П. Баторовымъ въ Аларск. вѣдомствѣ.

30) Ф и л и н ъ.

Филинъ прежде былъ невѣстою царя птицъ (Ханъ-хэрэгдэ-шубунъ). Каждую ночь филинъ по привычкѣ сталъ кричать; тогда царь птицъ оставилъ филина (шара-шубунъ).

Записано г. Хангаловымъ у бурятъ Балаганскаго вѣд.

31) Ласточка и пчела.

Нѣкогда на землѣ былъ летучій змѣй (нидхэ могой), поживавшій все живущее. Змѣй этотъ посылаетъ пчелу (зугэй) узнать, чье мясо на всей землѣ вкуснѣе. Пчела отправляется и встрѣчается съ ласточкой (харасагай). Ласточка спрашиваетъ у пчелы: «Чье мясо вкуснѣе»? «Человѣчье мясо вкуснѣе» (всякаго), отвѣчаетъ (та). «Какъ ты узнала»? «Устами и языкомъ». «Покажи языкъ!» говоритъ ласточка. Пчела, разинувши ротъ, показываетъ языкъ. Ласточка вдругъ вырвала его (языкъ).

И такъ пчела возвратилась къ змѣю безъ языка и не можетъ ничего сказать, (какъ только): гун'гыниэ ган'ганна. Змѣй не понимаетъ. Тогда пчела гонится за ласточкой. Ласточка улетаетъ къ бурхану и говоритъ: «Змѣй послалъ пчелу узнать, какое мясо во вселенной лучше. Я откусила ей языкъ, за что она и гоняется теперь за мной. Куда я теперь дѣваюсь»? Войди въ юрту человѣка и поселились въ зыбкѣ ребенка. «Въ зыбкѣ я упаду. Какъ я тамъ буду выводить дѣтей? Лучше я поселюсь на перекладинахъ столбовъ въ юртѣ». «Пусть будетъ такъ», говоритъ бурханъ. Когда ласточка хотѣла влетѣть въ юрту, гнавшаяся пчела вырвала у ней перья изъ середины хвоста. Поэтому теперь ласточка постоянно вьетъ гнѣзда и выводитъ дѣтей на перекладинахъ столбовъ въ юртахъ у бурятъ, и имѣетъ раздвоенный хвостъ *).

Записано о. Н. Затопляевымъ и П. П. Баторовымъ въ Аларскомъ вѣд.

32) Перепелка.

Птицы сдѣлали сугланъ (сходку) и выбрали журавля въ начальники. Тогда перепелка (будэнэ шубунъ) сказала: «Я не выбираю его! Журавль и ночью и днемъ постоянно кричитъ» (т. е. ни днемъ, ни ночью не даетъ покою) Журавль осердился и раздавилъ

*) А пчела не говоритъ, а только жужжитъ.

ей спину. Оттого она не может летать далеко. Тогда все птицы присудили, чтобъ онъ, посадивъ ее на спину, уносилъ домой и затѣмъ, возвращаясь назадъ, приносилъ-бы ее и что она будетъ ожидать его.

Записано о. Н. Затопляевымъ и П. П. Баторовымъ въ Аларскомъ вѣд.,

33) Турпанъ.

Птица турпанъ (по-бурятски ангирь)*) прежде была ламою. Одинъ лама, желая очистить свои грѣхи, переселился на высокую гору надъ моремъ. Сидя на горѣ, онъ читалъ священные книги въ продолженіи трехъ лѣтъ. Онъ пересталъ чувствовать голодъ, холодъ и жаръ. Однажды къ ламѣ приходитъ одинъ человѣкъ и говорить, что онъ ищетъ бога, что найдя его, онъ хочетъ ему помолиться. Тогда лама говорить: «Я сижу на этой горѣ и читаю священные книги въ продолженіи трехъ лѣтъ и до сихъ поръ не вижу бога. Ты тоже не увидишь бога!» Не вѣря словамъ ламы, этотъ человѣкъ сталъ допытываться: «Ты знаешь, гдѣ богъ. Укажи мнѣ!» Онъ упрашивалъ ламу до того, что надоѣлъ ламѣ; лама говорить ему: «Садись на коня верхомъ и съ этой горы прыгни въ море! Тогда увидишь тамъ бога!» Человѣкъ повѣрилъ ламѣ, сѣлъ верхомъ на коня и прыгнулъ въ море, но на пути былъ поднятъ вверхъ на небо. Тогда лама тоже прыгнулъ въ море, но на пути былъ обращенъ въ птицу турпана и улетѣлъ.

Записано г. Хангаловымъ у бурятъ Балаганскаго вѣд.

34) Бекасъ или барашекъ.

Когда барашекъ (харальжинъ) щебечетъ скоро и стремительно спускается, какъ-бы падаетъ на землю, аларскіе буряты говорятъ,

*) Красная утка, *Anas rutila*.

что онъ изъ зависти къ будэнэ (перепелкѣ) рѣшается на самоубійство, а затѣмъ, пожалѣвъ жизнь, снова поднимается вверхъ. Въ это время онъ будто-бы произноситъ слѣдующее:

Хонини шинэнъ харальжинъ ори хоюръ ундугутэ!

Хонини хоргогони шинэнъ будэнэ хоринъ дурбунъ ундугутэ?

Яхада тихыймыть? гэдъ

Модони узуръ мургужи!

Ухэнымъ ухэнымъ ухэнымъ!

Урдаганъ угунъ-со орожи!

Ухэнымъ ухэнымъ ухэнымъ!

Аминъ хяринъ аминъ хяринъ аминъ хяринъ!

П е р е в о д ъ:

(Я) съ овцу величиной барашекъ и (у меня) только два яйца!

Съ овечій хорголъ *) перепелка и о двадцати четырехъ яйцахъ?

Почему это такъ?

Объ вершину дерева ударюсь!

Пропаду, пропаду, пропаду!

Въ текущую воду войду!

Пропаду, пропаду, пропаду!

Жизнь жалко! жизнь жалко! жизнь жалко!

Записано о Н. Затопляевымъ и П. П.

Баторовымъ въ Аларскомъ вѣд.

35) К у к у ш к а.

Кукушка (хөхө шубунъ) прежде была распутная женщина. Богъ въ наказаніе обратилъ эту женщину въ птицу кукушку; вотъ почему кукушки не высиживаютъ своихъ яицъ.

Записано г. Хангаловымъ у бурятъ
Балаганскаго вѣд.

*) Разные виды скотскаго помета имѣютъ у монголовъ особыя названія. Коровій пометъ называется аргаль, овечій въ видѣ шариковъ, похожихъ на бобы, хорголъ.

36) О л я п к а.

У Аларскихъ бурятъ эта птица *) называется *хунила-харакшинъ*, что въ русскомъ переводѣ будетъ значить «похотливый чернышъ» **). Относительно этой птицы существуетъ слѣдующее бурятское повѣрье: въ перьяхъ ея заключается такая чарующая сила, что если кто владѣетъ этими перьями, ни какая женщина не устоитъ передъ владѣльцемъ ихъ. Но не всѣ перья этой птицы обладаютъ этой чарой, а только нѣкоторые. Чтобы добыть ихъ, нужно убить оляпку и надъ теплымъ трупомъ дать клятву, что не будешь знать въ жизни, что такое законная жена, что такое дѣти и вообще благо семейнаго счастья, дать клятву, что всѣмъ жертвуешь ради пріобрѣтенія этой чары. Затѣмъ, отеребивъ перья, нужно бросить ихъ въ рѣку; тѣ перья, которыя поплывутъ противъ теченія рѣки, и заключаютъ въ себѣ чудесную силу. Такимъ перомъ достаточно разъ коснуться женщины, чтобы завладѣть ею.

Записано П. П. Баторовымъ у бурятъ Аларскаго вѣд.

37) С о л б о н ъ.

Балаганскіе буряты посвящаютъ звѣздѣ Солбону (Зарницѣ) коураго коня. О Солбонѣ говорятъ, что онъ ѣздитъ верхомъ съ арканомъ. У Солбона есть свой табуныщикъ, котораго называютъ адуша ***) Токлокъ (иногда говорятъ адуша Токлокъ архинша ханже); табуныщику посвящаютъ чубараго коня. Этотъ табуныщикъ Солбона постоянно ѣздитъ за табунами. Когда весною балаганскіе буряты снимаютъ гривы и хвосты съ лошадей и пятаютъ молодыхъ жеребятъ, тогда они варятъ мясо, саламать (вареная смѣтана съ мукою) и готовятъ тарасунъ или вино. Тарасунъ или вино брызгаютъ

*) Cinclus.

**) Именемъ *каракшинъ* буряты называютъ коровъ черной масти. (Прим. П. П. Баторова).

***). Адуша «табуныщикъ».

Солбону и его табуныщику Токлоку, а мясо и саламать бросаютъ въ огонь; потомъ пьютъ и ѣдятъ.

Одинъ балаганскій бурятъ Буру Тармаевъ однажды встрѣтился съ табуныщикомъ Солбона Токлокомъ и Токлокъ ему сказалъ, что онъ хорошо смотритъ за табунами; тогда-же Токлокъ предсказалъ, что у одного бурята Хахина будетъ три табуна лошадей; въ то время у этого бурята была одна пѣгая кобыла; это предсказаніе сбылось. Впослѣдствіи у этого бурята Хахина дѣйствительно отъ одной пѣгой кобылы образовалось три табуна лошадей.

Записано г. Хангаловымъ у бурятъ Балаганскаго вѣд.

38) Хохосо-моргонъ.

По словамъ балаганскихъ бурятъ Хохосо-моргонъ былъ очень сильный человѣкъ (баторъ) и мѣтко стрѣлялъ изъ лука стрѣлою. Во время одной охоты Хохосо-моргонъ увидѣлъ трехъ оленей и погнался за ними; когда онъ началъ догонять ихъ, они поднялись на верхъ. Тогда Хохосо-моргонъ выстрѣлилъ въ нихъ изъ лука стрѣлою. Три оленя на небѣ сдѣлались созвѣздіемъ Оріонъ (по бурятски Гурба мараль); стрѣла тоже обратилась въ три звѣзды, которыя видны немного пониже.

Записано г. Хангаловымъ у бурятъ Балаганскаго вѣд.

39) Долонъ-ебегедъ.

По словамъ балаганскихъ бурятъ созвѣздіе Большая Медвѣдица (Долонъ-ёбегедъ^{*)}) есть верхнія части череповъ отъ семи кузнецовъ, которые были сыновья кузнеца Хожори (по-бурятски Хожори долонъ дархадъ). Семь сыновей Хожира были черными кузнецами; нынѣшніе черные кузнецы у бурятъ находятся подъ ихъ покровитель-

^{*)} Долонъ-ёбегедъ, «семь старцевъ».

ствомъ. Это сказаніе находится въ сказкѣ «Абай Гэсэръ-ханъ», который просилъ убить семь сыновей Хожира и изъ ихъ головъ приготовить семь чашекъ; изъ этихъ чашекъ онъ напоилъ до пьяна свою Манзанъ-гёрмё-ётёдё *). Она бросила эти чашки и онѣ сдѣлались семью звѣздами созвѣздія Долонъ-ёбёгёдъ.

Записано г. Хангаловымъ у бурятъ
Балаганскаго вѣд.

40) Млечный путь.

По словамъ бурятъ Млечный путь (по бурятски Тэнгэринъ оёдолъ) произошёлъ вслѣдствіе того, что Манзанъ-гёрмё-ётёдё, подливъ свое молоко, бросила его. Это брошенное молоко и стало Млечнымъ путемъ (Тэнгэринъ оёдолъ). Другіе говорятъ, это дорога, по которой небесные бурханы ѣздятъ и ходятъ.

Записано г. Хангаловымъ у бурятъ
Балаганскаго вѣд.

41) Затменіе луны.

У балаганскихъ бурятъ затменіе луны и солнца объясняется тѣмъ, что ихъ проглатываетъ Алха. По словамъ бурятъ Алха прежде былъ какой-то большой звѣрь или шидхырь **). Этотъ звѣрь или шидхырь проглотилъ луну и солнце; тогда на землѣ сдѣлалось темно. На небѣ бурханы собрались и отсѣкли Алхѣ половину тѣла; задняя часть тѣла упала на землю, а передняя часть тѣла осталась на небѣ. И теперь изрѣдка Алха проглатываетъ солнце и луну, которые потомъ снова выходятъ, такъ какъ у Алхи задняя часть отрублена. Когда Алха проглатывалъ солнце и луну, то будто-бы эти свѣтила говорили: «Земные люди, выручите!»! Вслѣдствіе этого

*) Ётёдё—старуха.

**) Шидхырь (шидхуръ)—злой духъ.

прежніе буряты во время затменія солнца и луны поднимали страш-
ный шумъ и кричали: «Алха таби»! по-русски «Отпусти, Алха»!

Записано г. Хангаловымъ у бурятъ
Балаганскаго вѣд.

42) Пятна на лунѣ.

Была одна дѣвушка; у ней была мачиха. Однажды (мачиха)
послала эту дѣвушку по воду. Не могши дождаться (ее), мачиха
вышла на улицу и начала кричать и ругаться: «Пусть тебя схва-
тятъ и возьмутъ солнце и луна»! Почерпнувши воды и поднявши
на плечи коромысло съ ведрами, отправилась. Не доходя до дому,
(видитъ), спускаются взапуски солнце и луна. Тогда дѣвушка схва-
тилась за дерево, за таловый кустъ. Солнцу, хотѣвшему взять,
луна говоритъ: «Ты днемъ ходишь, а я ночью хожу. Отдай мнѣ»!
И такъ отдало. Луна, вырвавъ съ деревомъ, взяла (дѣвушку). По
этому, если смотрѣть на луну, виднѣется дѣвушка съ ведрами, ко-
ромысломъ и деревомъ.

Записано о. Н. Затопляевымъ и П. П.
Баторовымъ у бурятъ Аларск. вѣд.

43) Повѣрье о землетрясеніи.

По словамъ балаганскихъ бурятъ земля стоитъ на большой
рыбѣ. Эта рыба стоитъ среди моря Мэлхэнт-дала. Когда эта рыба
перемѣняетъ положеніе, поворачивается на другой бокъ, тогда бы-
ваетъ землетрясеніе (по-бурятски газаръ хѣдѣлхѣ). Когда бываетъ
землетрясеніе, буряты берутъ около порога щепотку земли; эта земля
считается цѣлебною во время замедленія родовъ у женщинъ.

Записано г. Хангаловымъ у бурятъ
Балаганскаго вѣд.

44) Повѣрья о громѣ.

Одинъ человѣкъ ходилъ, ходилъ по лѣсу и заблудился. Заблудившись, онъ увидѣлъ лѣстницу отъ земли до неба. По этой лѣстницѣ онъ поднялся на небо и ходилъ тамъ. Видитъ серебряно-золотой дворецъ. Входитъ и видитъ, сидитъ сѣдой плѣшивый старикъ. Онъ ему кланяется. Старикъ спрашиваетъ: «Кто ты и откуда»? Тотъ (парень) разсказалъ ему всѣ свои похождения. Тогда старикъ говоритъ: «Будешь мнѣ служить и слушаться меня»? «Твое слово буду слушать. Скажи, кто ты»? «Я называюсь Эсэгэ-маланъ-тэнгри». Парень кланяется въ землю и говоритъ: «Твое приказаніе буду слушать»! И такъ парень поселился тутъ. Однажды Эсэгэ-маланъ-тэнгри говоритъ парню: «Не желаешь-ли посмотрѣть, что дѣлается на землѣ»? Тотъ соглашается, смотритъ въ щель небесной западни и видитъ, что какой-то человѣкъ изъ его стада укралъ овцу и тащитъ. Парень изъ имѣющихся тутъ въ ящикѣ круглыхъ и продолговатыхъ камней беретъ одинъ камень и бросаетъ имъ въ вора. Прошло долго-ли, коротко-ли, Эсэгэ-маланъ-тэнгри даетъ парню разрѣшеніе спуститься на землю. Спустившись, онъ узнаетъ, что былъ сильный небесный шумъ (тэнгри дугара), блисталъ небесный огонь и убило одного человѣка. Оказалось, что это совпало какъ разъ съ тѣмъ временемъ, когда парень бросилъ камнемъ въ вора. Отсюда буряты выводять, что громъ производитъ Эсэгэ-маланъ-тэнгри и прочіе тэнгри*). Эсэгэ-маланъ-тэнгри преслѣдуетъ шитхуровъ (злыхъ духовъ), бросая въ нихъ этими камнями (гromовыми стрѣлами, по-бурятски будэлъ). Но шитхуръ, какъ верткое существо, скрывается то въ человѣка, то въ животного, то въ дерево. Отъ этого и убивается громомъ то человѣкъ, то животное или разщепляется дерево. Иногда одновременно убиваются человѣкъ, животное и разщепляется дерево. Это значитъ, что брошенный Эсэгэ-

*) Шаманъ ворожитъ и узнаетъ, какимъ тэнгриемъ пущена стрѣла. Стрѣла эта можетъ причинять вредъ и потому ее нужно возвратить. Это устраивается на третій день. (Прим. о Н. Затопляева).

маланъ-тэнгриемъ камень поразилъ, преслѣдуя шихтура въ то время, какъ онъ перескакивалъ изъ человѣка въ животного, а оттуда въ дерево и т. д. Убитые громомъ не закапываются, а кладутся на лабазы (аранга) на мѣстѣ убіенія, а разщепанное дерево имѣетъ какое-то чудесное дѣйствіе и при какой-то повальной женской болѣзни изъ него устраивается дымокуръ. Если молнія ударитъ въ жилое помѣщеніе или вблизи его, то устраиваются особыя церемоніи; о нихъ говорится дэгдэхэ, «поднять», «возвратить», «вознести на небо».

Записано о. Н. Затопляевымъ и П. П.

Баторовымъ у бурятъ Аларск. вѣд.

45) Открытіе огня.

Когда боги создали людей, они создали также и все, что для нихъ нужно было, но не знали, какимъ образомъ добыть для человѣка огня. Это было извѣстно только ежу (по-бурятски заряй), который былъ тогда человѣкомъ. Тогда къ Заряю пришло много народа, въ томъ числѣ и много дѣвушекъ, и сталъ народъ просить Заряя, чтобы онъ сообщилъ секретъ. Но когда дѣвушки увидѣли невзрачнаго на видъ Заряя, стали смѣяться и убѣжали изъ юрты. Заряй разсердился и ничего не пожелалъ рассказать о добываніи огня. Когда всѣ разошлись, Заряй обратился къ своей женѣ и сказалъ: «Всѣ дѣвушки, которыя были здѣсь, да будутъ прокляты! самая лучшая изъ нихъ выйдетъ за самого худого мужика! Я хотѣлъ имъ рассказать о добываніи огня, а теперь не скажу». И тутъ же, взявши съ жены слово, что она ни кому не расскажетъ, сообщилъ ей, гдѣ можно найти желтый камень (кремень), какъ приготовить сталь (огниво) и какъ высѣчь огонь. Ястребъ, посланный богами, услышалъ его рассказъ и сообщилъ его богамъ. И людямъ стало извѣстно, какъ добывать огонь. Съ тѣхъ поръ потомки Заряя обращены въ ежей. У бурятъ же сохранилась пого-

ворка; когда хорошая дѣвушка выходитъ замужъ за худаго парня, говорятъ: «должно быть Зарай ее проклялъ».

Записано Л. Залькиндомъ у Селенгинскихъ бурятъ.

46) Происхожденіе ворожбы на лопаткѣ.

Шли три человѣка за законами. Одинъ Ултэй, одинъ Бурятай и одинъ Хамнагатай. Всѣ трое сговорились купаться. Пришедши на берегъ, снимаютъ одежду. Ултэй и говоритъ: «Будемте купаться съ книгами». Самъ-же Ултэй свой законъ положилъ въ камышъ, а тѣ двое вошли въ воду съ книгами. Когда купались, подмочили книги. Вышедши на берегъ, стали сушить. Сидя, суша, уснули. Когда уснули, пришла овца и съѣла обѣ книги. И такъ ставши безъ закона, стали съ шаманами. Поэтому и ворожатъ овечьей лопаткой. Ултэй ушелъ на юго-востокъ. Поэтому монголы имѣютъ письменный законъ, а буряты не имѣютъ*).

Записано о. Н. Затопляевымъ и П. П. Баторовымъ у бурятъ Аларск. вѣд.

47) Названія пальцевъ.

Обыкновенныя:

Дѣтскія:

Большой: эрхэ.

Б. барбадай.

Указательный: долѣборъ.

У. башинъ тулай.

Средній: дунда хурьганъ.

С. тохо тобши.

Безъимянный: нэрэ угэй хурьганъ.

Б. толи баторъ.

Мизинецъ: шигишкэ.

М. бишиханъ шишухэ.

Записано г. Хангаловымъ у бурятъ Балаганскаго вѣд.

Д ѣ т с к і я.

Б. бать бáринъ.

Б. бать балай.

У. бадынъ торинъ.

У. бадунъ толэй.

*) Упоминаемые здѣсь Ултэй, Бурятай и Хамнагатай, кажется, родоначальники: Ултэй монгольскій, Бурятай бурятскій, Хамнагатай тунгусскій. Тунгусовъ буряты называютъ въ ед. ч. Хамнагонъ, во множ. Хамнагатъ. (Прим. о. Н. Затопляева).

С. тойнь тохитурь. С. тобъ толэй или той тобшо.
Б. тохини баторь. Б. тухэнэй баторь.
М. бишаха шибушхэ шибушхэ *). М. бишаханъ шоходонъ.

Записано о. Н. Затопляевымъ у бурятъ Аларскаго вѣд.

Б. барбадай. Б. барбадай убугунъ **).
У. батынь толэй. У. батанъ тоглай.
С. тойхы тонши. С. тохонъ тобши.

Б. толи мыргынъ. Б. толи байсэ.
М. бичихынъ чинигэлдай. М. бишихэнъ шикшэудэй.

Записано С. М. Дудинымъ у Селенгинскихъ бурятъ. Записано Р. Номтоевымъ у Хоринскихъ бурятъ Верхнеуд. окр.

48) Пальцы вору.

ж.

Мизинецъ говорить: «Украдемъ у дяди красного годовика теленка» (уланъ бурунъ)! Безъимянный палецъ говорить: «Виноваты будемъ»! Средній говорить: «Наѣмся до пронасти и отпираться буду до посинѣнія»! И такъ три пальца: средній, указательный и большой согласились въ одномъ. Тогда и говорившій, что будемъ виноваты, тоже согласился. И такъ украли красного теленка, притащили и съѣли. Остатки спрятали на юртѣ у урхэ (дымоваго отверстія). Спрятанное съѣла сука. Пришелъ самъ дядя (абагай); съ начальникомъ пришелъ и спрашиваетъ: «Вы украли красного теленка»? Всѣ говорятъ: «Украли». «Остатки куда дѣвали»? Всѣ пятеро говорятъ: «Остатки спрятали на урхэ». Всѣ пришедшіе заходятъ на юрту смотрѣть; тамъ ничего не оказывается. Тогда опять спрашиваютъ: «Сказаннаго на урхэ нѣтъ. Куда дѣвали?»

«Спрятанное на урхэ сука съѣла».

«Сука, съѣвши, куда ушла?»

*) Шибушхэ шибушхэ произносится съ удареніемъ на у, и изъ двухъ у, которыя находятся въ этомъ выраженіи, первое у произносится протяжно. Произнося названіе мизинца, поднимаютъ правую руку и трясутъ мизинцемъ въ воздухъ. (Прим. о. Н. Затопляева).

**) Убугунъ — «старикъ».

«Въ дровяной лѣсъ за хозяиномъ убѣжала».

«А гдѣ этотъ дровяной лѣсъ?»

«Сгорѣлъ отъ огня во время пала» (туйморъ).

«А огонь гдѣ?»

«Ушедши на берегъ моря, погасъ, потухъ».

И такъ взысканіе прекратили и начальники возвратились.

Записано о. Н. Затопляевымъ и П. П.

Баторовымъ у бурятъ Аларск. вѣд.

Б.

Пять пальцевъ есть Старшій большой говорить: «Украдемте»!
Указательный говорить: «Ладно»! Средній говорить: «Наѣмся до
пропасти и отпираться буду до посинѣнія»! Безъимянный говорить:
«Виноваты будемъ»! А мизинецъ говорить: «Я разведу огонь изъ
щепокъ»! (Остальное все также, какъ и въ предыдущемъ вариантѣ).

Записано тѣми-же лицами тамъ-же.

В.

Бать балай хэлэ: хулуйэ! Бать-балай говорить: украдемъ!

Бодонъ толэй хэлэ: ягашіэ яхамда! Бодонъ-толэй говорить:
чтожъ? изволь!

Тойтоли хэлэ: хун-хара хорхоугэйль? Тойтоли говорить: а
насъ не увидятъ? (буквально «простой человекъ насъ не увидитъ»)?

Тотонэй баторъ хэлэ: зэмэзонхоръ болхоугэйль? Тотонэй-баторъ
говорить: виноваты не будемъ?

Бишиханъ шлютхѣ хэлэ: би айнымъ! Бишиханъ-шлютхэ го-
ворить: я боюсь?

Записано о. Н. Затопляевымъ въ Алар-
скомъ вѣд.

Г.

Барбадай говорить: «Украдемъ»!

Башинъ-тулай говорить: «Ладно»!

Тохо-тобши говорить: «Я, рысый человекъ, буду смотрѣть»!

Толи-баторъ говоритъ: «Досыта наѣдимтесь, до блѣдноты будемъ отпираться»!

Бишиханъ шушухэ говоритъ: «Я скажу» (буду доказывать).

Записано г. Хангаловымъ у бурятъ
Балаганскаго округа.

49) Преданіе о переселеніи Хонгодоровъ *) изъ Монголіи въ южную Сибирь.

Во время грознаго нашествія Галданъ-бошокто-хана на Халху одинъ изъ Хонгодоровъ нѣкто Бахакъ Ирбановъ служилъ при дворѣ Сянъ-хана и за какія то любовныя похождения свои въ семействѣ хана былъ присужденъ къ смертной казни, но за его прежнюю честную службу и какъ лучшаго богатыря въ войскѣ хана смертная казнь была ему замѣнена болѣе легкимъ наказаніемъ; вмѣсто отсѣченія головы ему отрубили большой палецъ на правой рукѣ. Вмѣсто отрубленнаго пальца Бахакъ вставилъ кость и могъ стрѣлять такъ-же хорошо, какъ будто у него былъ цѣлый палецъ. Но онъ не могъ забыть обиды, нанесенной ему ханомъ хотя и въ смягченной мѣрѣ; онъ рѣшился бѣжать изъ Монголіи при первомъ удобномъ случаѣ; подговоривъ своего дядю со стороны матери (нагаса), по имени Адая, который былъ Бадорхонскаго рода, вмѣстѣ съ 50 воинами, со всѣми семьями и скотомъ отправился въ предѣлы русскаго Бѣлаго царя (арынъ цаганъ ханъ-ду). Вскорѣ Сянъ-ханъ, узнавъ о побѣгѣ Бахака, снарядилъ въ погоню за нимъ громадное войско подъ предводительствомъ Сухоръ-ноина, противъ котораго ни какая сила не могла устоять. Зная силу Сухоръ-ноина, Бахакъ бѣжалъ не останавливаясь вплоть до земли нынѣшняго Аларскаго вѣдомства. Во время этой погони Сухоръ-ноинъ убивалъ всѣхъ, кто только ему попадался, не разбирая ни подданныхъ бурятъ русскаго царя, ни монгольскихъ перебѣжчиковъ. Дойдя до Алари Бахаку удалось скрыться отъ погони въ урочищѣ Баниъ-кѣртъ за рѣкою Бѣлой.

*) Хонгодоръ, Хонходоръ—поколѣніе сѣверныхъ добайкальскихъ бурятъ.

Сухоръ-ноинъ, потерявъ слѣдъ Бахака, погнался за другими бѣглецами. Когда онъ пріѣхалъ на гору Сорготѣнъ-хада, то сидѣвшая на ключѣ и мывшая лицо шаманка по имени Хоржинъ-тюби увидала ихъ и побѣжала, позабывъ на этомъ ключѣ свою шаманскую трость. Буряты по сіе время считаютъ ее покровительницею этого ключа; каждое лѣто они кропятъ на этомъ ключѣ въ честь шаманки тарасунъ, а въ старину даже устраивали таилганы. Ключъ и теперь существуетъ среди Аларской степи; онъ считается аршаномъ т. е. цѣлебною водою. Сухоръ-ноинъ догналъ эту шаманку за Харанутомъ въ мѣстности Зунъ-шикугуи («сто листовницъ») и убилъ ее. За тѣмъ преданіе гласитъ, что въ обратный путь Сухоръ-ноинъ въ лѣтнее время, когда цвѣли саранки, посредствомъ своего плѣби-шими (сверхъестественной силы) заморозилъ рѣку Ангару и по льду перешелъ на другую сторону около Балаганска; направившись вверхъ по Ангарѣ, встрѣтился въ Уляхѣ (гдѣ былъ Александровскій винокуренный заводъ, нынѣ центральная тюрьма) съ шаманомъ по имени Онхолъ-заринъ, предалъ его мучительной смерти и бросилъ въ Ангару. Послѣ цѣлаго дня пути вверхъ подлѣ Ангары Сухоръ-ноинъ остановился на ея берегу ночевать. Къ берегу ночью приплылъ трупъ убитого наканунѣ и брошеннаго въ рѣку шамана. Трупъ плылъ вверхъ по рѣкѣ и тѣмъ ознаменовалъ, что шаманъ будетъ мстить Сухоръ-ноину. Вслѣдствіе этой мести шамана и шаманки Сухоръ-ноинъ на другомъ берегу Байкала умеръ отъ болѣзни и войско его погибло отъ голода и холода, не дошедши до Монголіи.

Отдѣлавшись отъ Сухоръ-ноина, Бахакъ съ Адаемъ съ Байнъ-кѣра вернулись въ Аларскую степь. Намѣреваясь поселиться тутъ и желая узнать судьбу будущихъ своихъ потомковъ, оба пустили изъ лука по стрѣлѣ на самое дальнее разстояніе, не цѣлясь (хаймада). Пустивши стрѣлу, Бахакъ замѣтилъ, что его стрѣла упала на что-то мягкое, а Адай сказалъ, что его стрѣла спустилась на что-то твердое. Стрѣлы были пущены съ Сорготойской горы, и будто-бы долетѣли до Маидрянской горы (солидное разстояніе и для крупнов-

ской пушки). Стрѣла Бахака упала на сохатаго и на мѣстѣ убила его, почему Бахакъ сказалъ: «Потомки мои будутъ жить на этомъ мѣстѣ сыто и богато». А Адаева стрѣла упала на камень. Адай сказалъ: «Потомки мои будутъ жить бѣдно и будутъ голодать» *).

Записано П. П. Баторовымъ.

*) Преданіе это, записанное П. П. Баторовымъ, потомкомъ Бахака Ирбанова, сообщено намъ аларскимъ миссіонеромъ о. Затопляевымъ. Нынѣ потомки Бахака состоятъ въ 6—8 поколѣніи. Къ этому преданію въ дополненіе г. Баторовъ доставилъ копію съ двухъ указовъ, данныхъ Бахаку Ирбанову изъ Иркутской приказной избы; одинъ указъ данъ въ 1688, другой 1690. Копіи сняты повидимому въ концѣ прошлаго столѣтія.

Копія 1-я. Лѣта 7196 года июля 15 дня по указу великихъ государей царей и великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великия государыни благоверныя царевны и великия княжны Софіи Алексѣевны всеа великия и малыя и белыя Россіи самодержцевъ столникъ Алексей Сидоровичъ Синявинъ велелъ братскимъ ясашнымъ иноземцамъ Ирбанова роду Бахуку да Абуку Ирбановымъ, Анцоку Болхоеву, Халнику Богоеву сродники пятидесяти человѣкамъ для нынѣшнихъ воинскихъ вѣстей и по доезду, каковъ подали доездъ иркутские пятидесятникъ Анисимъ Михалевъ да городской толмачъ Михайло Епифановъ, кочевать имъ противъ ихъ Бахукова челобитья на прежней ихъ отводной землѣ по Белой реке въ урочище на Тайтурке, а братскимъ же ясашнымъ мужикамъ Хонходорскаго роду Бахулѣ, Амадуну, Етеку, Мулючену Мокотековымъ средники осми человѣкамъ для нынѣшнихъ-же воинскихъ вестей кочевать сними жъ Бахулкомъ и сродники жъ ихъ споволь летнимъ кочевьемъ, а насѣянные просой поля и санныя покосы имъ Хонходорсмъ Бахуке сродники осми человекамъ отъ ихъ Бахуковыхъ сродники конскихъ табуновъ и отъ рогатаго скота городить крепкими огородами, чтобъ отъ ихъ худой городбы впредь межъ ими какой ссоры не было бѣ. Справилъ Алексей Курдюмовъ.

Копія 2-я. Лѣта 7198 года октября 2 дня по указу великихъ государей і великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великия государыни благоверныя царевны и великия княжны Софіи Алексѣевны, всеа Великия и Малыя и Белья Россіи самодержцевъ память братскихъ мужиковъ шуленге Арбанова улуса Бахуке Арбанову: внынѣшнемъ во 198-мъ году явились вбегахъ многія мунгалскія выходцы въ мунгалскую землю, а ссобою отганивали у многихъ братскихъ мужиковъ конскія табуны, также и староплатежныя ясашныя братскія мужики другъ у друга отганиваютъ конныя жъ табуны и рогатой скоть и втомъ чинятъ межъ себя споры, и по указу великихъ государей тебе Бахуке ввоемъ улусе над прежними братскими староплатежными мужики и над новыми мунгалскими выходцами смотреть накрепко, чтобъ внихъ шатости и измѣны не было, а буде вкомъ почашь шатости и измену и тебе бѣ про то, приезжая, извѣщать въ Иркутске в приказной избе стольнику и воеводе Леонтыю Констан-

50) Другой вариант о переселении племени Хонгодорь*).

Былъ въ Монголіи какой-то ханъ Хайнъ-ханъ. Ханъ этотъ имѣлъ нѣсколько женъ, размѣщенныхъ по разнымъ комнатамъ. При входахъ то есть при окнахъ и дверяхъ этихъ помѣщеній насыпалось большое количество песку, чтобы видѣнъ былъ слѣдъ всякаго приходящаго сюда. Одинъ изъ баторовъ (богатырей) Бахакъ познакомился съ одной изъ женъ и ухитрился такъ, что входилъ во дворецъ, не оставляя слѣда на пескѣ. Онъ просто, кажется, подкупилъ караульнаго, который и переносилъ его черезъ песокъ. Но однажды какъ-то караульный оплошалъ и уронилъ Бахака; на пескѣ отпечатались знаки упавшаго; остался отпечатокъ зада человѣка и слѣды вбѣжавшаго къ хановой женѣ. На завтра смотритель дворца, обзрѣвая все, усмотрѣлъ эти слѣды. Начались допросы, чей де это слѣдъ, не медвѣдя-ли? Пришелъ самъ ханъ, потребовалъ всѣхъ подозреваемыхъ и заставлялъ ихъ примѣривать слѣды. Оказался виновнымъ Бахакъ. Тогда ханъ присудилъ отсѣчь ему голову. Услы-

тиновичу Кислянскому не молча жъ ни часа, а за кражи и за инныя воровства староплатежныхъ братскихъ мужиковъ и новыхъ мунгалскихъ выходцевъ смирять, смотря по ихъ винамъ бить батоги, а буде ты Бахукъ всвоемъ улусе надъ улусными своими людьми и над новыми мунгальскими выходцами смотрѣть и проводывать шатости и измены не учнешь и отъ воровства отъ кражи и отъ одгоновъ и отъ иныхъ задоровъ братскихъ людей и новыхъ мунгальскихъ выходцовъ унимать не учнежь же, а про шатость и про измену и про инныя ихъ воровства проведавъ, кто подлинно изъ иныхъ или ис твоего улуса известить въ Иркутске вприказной избе мимо тебя Бахуку, за то быть отъ великихъ государей враззореніи и вказни безо всякой пощады. Ксей памяти великихъ государей царей и великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великия государыни благоверныя царевны и великия княжны Софіи Алексѣвны всеа Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ печать земли сибирския города Иркутска, столникъ и воевода Леонтей Константиновичъ Кислянскій приложилъ.

А кто будетъ посланы служилыя люди за ясашнымъ сборомъ или для какихъ государевыхъ делъ и тебе бѣ давать имъ подводы безъ задержанія, такожь и улуснымъ своимъ людямъ приказывать, чтобъ давали подводы безъ задержанія и обиды бѣ кслужилымъ людямъ не делать. Справилъ Алексей Курдюмовъ.

*) Вариантъ это записанъ П. П. Баторовымъ со словъ бурята Аларскаго вѣдомства Тимофея Бабуева.

хавъ объ этомъ, Адай-хара бадорхонъ нагаса*) нятянулъ изъ окна лукъ со стрѣлою и говоритъ: «Только казни ханъ Бахака, я его самого тотчасъ - же прострѣлю!» Объ этомъ доложили хану и уговорили его не казнить Бахака, а только изгнать его изъ царства. Ханъ даетъ въ этомъ смыслѣ приказаніе (на бумагѣ). Бахакъ и Адай надѣляются по пятидесяти человѣкъ и имъ предоставляется право искать другое мѣстожительство, только не въ Монголіи. Приговоренные къ изгнанію удаляются въ наши предѣлы, которые, какъ говорятъ, были еще вольные; здѣсь не было еще ни одной души. Первые переселенцы бродили по всему пространству теперешнихъ вѣдомствъ Аларскаго, Китойскаго, Верхоленаго, Идинскаго и Кудинскаго, словомъ по всему Иркутскому и Балаганскому округамъ, перекочевывая со всѣмъ имуществомъ и всѣми людьми. Вскорѣ вслѣдъ за ними начали изъ Монголіи переселяться и другіе (Адай абягаръ Бахакъ барагаръ ошо олонъ хунъ амитанъ дахажи Ърэ), вѣроятно наслышавшись о хорошемъ житіи первыхъ невольныхъ переселенцевъ. По стеченіи народа начали размѣщаться по избраннымъ мѣстамъ. Бахакъ и Адай избрали Аларскія степи. Здѣсь-же съ ними поселились и нѣсколько изъ послѣ прибывшихъ. Прочіе расселились въ Тункъ и по разнымъ другимъ вѣдомствамъ. При усилившемся населеніи и послѣ покоренія Сибири при Убугу-ханѣ Аганъ-саганъ-ханѣ (кто былъ этотъ ханъ, объяснить не могутъ, предполагаютъ, что Петръ Великій) былъ назначенъ управляющимъ богатырь Бочхэ бухэинъ хубунъ. Обязанностью его было: орходайэ ухтахо гарходайэ дахахо (входящаго съ честью встрѣчать, выходящаго съ честью провожать). Онъ былъ кости Табяжинъ; это какой-то не настоящій Хонгодоръ. Потомки его жили въ Бажеевскомъ участкѣ вмѣстѣ съ потомками Косома, но всѣ вымерли; потомки-же Косома есть въ Аларѣ и сейчасъ (за Бажеемъ въ Шалотахъ Шарыпъ Шеглаевъ). Косомъ былъ Дуртунъ ягатай, «кости Дуртунъ», выдѣленной изъ кости Бадорхонъ. Что раздѣленіе старыхъ костей на новыя про-

*) Нагаса дядя по матери; Адай былъ дядя по матери Бахака.

изводилось время отъ времени, на это указываетъ и слѣдующее аларское преданіе. Когда Аларское вѣдомство размножилось, а жениться было не возможно въ своемъ вѣдомствѣ по малому въ немъ числу костей и такъ какъ лица одной кости считались въ родствѣ между собой, то стали брать женъ въ другихъ вѣдомствахъ. Потомъ дѣлили кости лѣтъ около сорока тому назадъ. Одинъ изъ инородцевъ Пахатей Балыковъ кости Хахта захотѣлъ жениться на дѣвушкѣ своей-же кости и началъ хлопотать о новомъ раздѣленіи костей, что и состоялось. Сохранилась по этому поводу пѣсня:

Балыэ пахатэй хубила

Хотогой добольжи хубила.

Хотогойтъ баягать хубила

Ашитай баягать айгла

Алтанъ зурхэнъ мэдэлсэ.

Аяхта дүхэй хэлсэ

Угаты-угаты ундынь байна

Уширатъ газарта зурхэнъ байна

Идэть-идэть баябо

Итыгылъ ябаганъ зурхайэ

Бурханъ адли гханайэ.

Т. е. «Балыка (сынъ) Пахатэй перемѣнился, ставши Хотогоемъ перемѣнился. Ставши Хотогоемъ переродился, бывши Ашита перемѣнился, золотымъ сердцемъ спознался, съ знатной дѣвицей сговорился, пивши, пивши упивался, встрѣтивши, влюбился, ѣвши, ѣвши, ввѣрился до того, что призналъ ее за божество».

У Бахака было три сына, старшій Анъ; отъ него Улаханскіе буряты; отъ средняго Харганайскіе, отъ младшаго Баймы тайшинскій родъ. Когда управлялъ аларцами Бочхэ, онъ отрѣзывалъ груди у роженицъ, а самихъ ребятъ жарилъ и ѣлъ. Никто не осмѣливался жаловаться на него, какъ на поставленнаго правительствомъ. Наконецъ, должно быть, всякое терпѣніе лопнуло; нашелся смѣлый человѣкъ кяхтинскій (куркатскій) Лута, который ходилъ въ иркут-

скій острогъ съ жалобой пѣшкомъ въ продранной сыромятной шубѣ. Тамъ онъ жаловался какому-то человѣку. Бочхэ былъ отстраненъ и на мѣсто его былъ поставленъ Бахакъ. Рода Бочхэ никого не осталось, потому что онъ сильно грѣшилъ.

О кости Болдой рассказываютъ слѣдующее преданіе. У Ашаты жила стряпка изъ кости Зунгара (Зунгаръ и Икинать были два родныхъ брата; эти два рода сейчасъ живутъ въ Балаганскомъ вѣдомствѣ). У этой стряпки родился незаконный сынъ отъ самаго Ашаты. Сыну этому дали имя Болдой. Отъ этого Болдоя и произошелъ незаконный родъ (кость) Болдоевскій; люди этого рода есть въ Халтѣ, въ Бурковскомъ и Куркатѣ.

Записано о. Н. Затопляевымъ и П. П. Баторовымъ въ Аларскомъ вѣд.

51) Оле-олекчинъ.

(Алтайская сказка)*).

Жилъ былъ одинъ человѣкъ. У него было три дочери. Меньшую онъ постоянно одѣвалъ въ мужскую одежду. Звали ее Олѣ-олекчинъ. Случилась у царя ихъ страны война. Вотъ царь и началъ созывать весь свой народъ идти на войну. Захотѣлось на войну и старшей дочери того человѣка. Долго отецъ уговаривалъ ее не ходить, но не могъ уговорить. Одѣлась парнемъ и поѣхала. Тогда отецъ ея, который былъ колдунъ, превратился въ чудовище и сталъ ей на дорогѣ. Увидавъ его, дѣвица струсила и воротилась домой. Тогда отправилась на войну вторая дочь, но увидѣвъ чудовище, тоже воротилась домой. Поѣхала третья дочь Олѣ-олекчинъ. Эта не испугалась чудовища, а погналась за нимъ. Оно ее и пропустило. Приѣхала она къ царю; царь поглядѣлъ на нее, да и говорить: «Ты очень молодъ и не можешь вынести военныхъ трудовъ! По-

*) Алтайцы тюрское племя, живущее въ Алтайскихъ горахъ въ предѣлахъ Томской губерніи; русскіе зовутъ ихъ неправильно калмыками.

жалуй, помрешь со страху». А самъ и не знаетъ, что это не царень, а дѣвица. Тогда она говоритъ: «Позволь мнѣ быть хоть конюхомъ»! Царь согласился и они поѣхали. Ыхали три мѣсяца. Но дорогой царь вспомнилъ, что забылъ дома перчатки и послалъ за ними пять человѣкъ. Просится съ ними ѣхать и дѣвица, но надъ ней только всѣ засмѣялись. Прошло два мѣсяца, какъ уѣхали посланные. Снова дѣвица просится ѣхать за перчатками. Царь согласился и она при помощи колдовства слетала за ними въ одинъ день. А царь, когда отправлялъ за перчатками, то обѣщалъ дать чинъ тому, кто привезетъ ихъ. Когда дѣвица привезла ему перчатки, царь по совѣту чиновниковъ не далъ ей чина, отговариваясь тѣмъ, что она молода и не опытна. Послѣ этого пошли дальше къ тому государству, которое намѣрены были воевать. Шли, шли и пришли къ ядовитому огненному болоту. Пришли и думаютъ, какъ-бы его переѣхать. Въ это время Олѣ-олекчинъ подходитъ къ своему коню и спрашиваетъ его, можетъ-ли онъ перескочить черезъ болото? Конь отвѣтилъ, что разъ одной ногой ему нужно будетъ опереться по срединѣ болота. Тогда она приготовила лѣкарство, чтобы залечить ногу, которую конь обожжетъ въ болотѣ, сѣла на него и перескочила на другую сторону. Потомъ, превратившись въ сороку, она сѣла на аилъ*) къ царю и слушаетъ, что будутъ говорить царь и царица. А они въ это время сидятъ и разсуждаютъ, что будетъ, если иностранный царь переѣдетъ чрезъ болото. Царь говоритъ, что тогда онъ поданныхъ и скоть превратитъ въ угли, богатыря своего Сохоръ-хоръ въ дерево, а самъ съ царицей превратится въ птичекъ. Подслушавъ разговоръ, Олѣ-олекчинъ при помощи колдовства сдѣлала многое множество войска. Увидѣвъ его, царь превратилъ все такъ, какъ говорилъ. Тогда Олѣ-олекчинъ наслала вѣтеръ, снѣгъ и туманъ, а у себя на ладони сдѣлала солнышко. Птички озябли и прилетѣли ей на ладонь. Тогда она поймала ихъ и посадила въ клетку. Затѣмъ дерево превратила въ верблюда, а угли сложила въ

*) Аилъ — юрта.

мѣшокъ и при помощи колдовства переѣхала на ту сторону болота къ своему царю. А онъ въ это время сидитъ, да все еще судитъ, какъ-бы переѣхать черезъ болото. Доложила она ему, что была на той сторонѣ у царя и онъ послалъ ему подарки: двухъ птичекъ, верблюдовъ и нѣсколько мѣшковъ углей. При этихъ словахъ всѣ засмѣялись, а она взяла мѣшки и вытрясла угли на полъ, послѣ чего они превратились въ скоть и людей. Затѣмъ она обратила птичекъ въ ихъ прежній видъ. Возненавидѣли послѣ этого Олѣ-олекчинъ чиновники и стали клеветать на нее царю, что она похвалялась отобрать у него царство. Царь испугался и началъ искать, какъ-бы ее погубить. Затѣмъ онъ призвалъ ее и началъ посылать привести изъ—за дальнихъ морей пороза. А у этого пороза рога были семьдесятъ семь сажень длины, на каждомъ рогѣ по семидесяти отростковъ, а на каждомъ отросткѣ по богатырю. «Если, говоритъ, не поѣдешь я отрублю тебѣ голову!» Задумалась Олѣ-олекчинъ и спрашиваетъ у своего коня: «Что дѣлать?» — «Посмотримъ, говоритъ конь, что дальше будетъ!» Поѣхали. Когда подѣхали къ порозу, видятъ, у него на каждомъ рогѣ по богатырю. Одни ужъ совсѣмъ засохли, другіе еще свѣжіе. Замѣтивъ ихъ, порозъ кинулся на нихъ, но Олѣ-олекчинъ поймала его за рога и такъ придавила его къ землѣ, что у пороза рога затрещали, и онъ сказалъ, что будетъ повиноваться ей. Тогда она проколола ему носъ, привела къ царю, оставила у дверей его аила, а сама уѣхала домой. Но царь такъ испугался, что боялся выглянуть изъ аила и велѣлъ рыть подземный ходъ, да послать къ Олѣ-олекчину, чтобы увела пороза обратно. Олѣ-олекчинъ разсердилась и говоритъ: «То самъ приведи, то уведи!» но пороза все-таки увела. Послѣ этого царя научили послать Олѣ-олекчинъ къ Эрликъ-хану*) просить у него аркыта**). Поѣхала Олѣ-олекчинъ. Вотъ дорогой конь и говоритъ ей: «За аркытъ Эрликъ-ханъ запроситъ меня; ты не жалѣй, отдавай. Я къ

*) Подъ именемъ Эрликъ-хана разумѣется существо, завѣдывающее адомъ и адскими мученіями.

**) Аркытомъ называется корыто, которое употребляется при винокурении.

тебѣ ворочусь». Такъ она и сдѣлала. Пріѣхала къ Эрликъ-хану и просить у него аркыть. Тогда Эрликъ-ханъ спрашиваетъ ее, сама она пріѣхала къ нему, или по приказанію. Дѣвица отвѣчала, что по приказанію. Послѣ этого Эрликъ-ханъ отдалъ аркыть, а взявъ его взялъ лошадь. Олѣ-олекчинъ поѣхала на другой. Дорогой ее догоняетъ прежняя лошадь и говоритъ: «Садись скорѣе на меня! за тобой гонится Эрликъ-ханъ». Дѣвица поскорѣе пересѣдла коней, взяла аркыть и отвезла его царю, а сама уѣхала домой. Въ это время приближалъ въ царскій аилъ Эрликъ-ханъ и ушелъ у дверей. Царь опять велѣлъ сдѣлать подземный ходъ и послать къ Олѣ-олекчинъ, чтобы отдала аркыть обратно. Дѣвица разсердилась, но все-таки пріѣхала и отдала аркыть Эрликъ-хану. Тогда царь захотѣлъ привлечь ее на свою сторону другимъ способомъ и предложилъ ей въ жены свою дочь. Но Олѣ-олекчинъ созналась, что она дѣвица. Тогда только царь узналъ ся полъ, извинился, что хотѣлъ ее погубить и взялъ себѣ въ дочери.

Записано г. Палкинымъ у алтайцевъ.

ПРИМѢЧАНІЯ*).

№ 2. *Старикъ Хоредой*. Сходная сказка записана г. Палкинымъ у дархатовъ въ долинѣ Тельгиръ-морина (Потанинъ, Очерки сѣверо-западной Монголіи, IV, № 153, стр. 517); Хоредою въ дархатской сказкѣ соотвѣтствуетъ Боролдзой—обогонъ; вмѣсто Эсэгэ-малана Ханъ-хормусты; вмѣсто девяти шулмусовъ семь чертей (долонъ читкуръ). Имя Бай-боролдзай или Бай-боролдай встрѣчается еще и при другой темѣ (Очерки, IV, № 111, стр. 379 и 381); это сирота, которому покровительствуетъ лисица и женить на ханской дочери. Въ «Очеркахъ», вып. II, прим., стр. 53 было указано, что послѣдняя тема находится въ болгарской сказкѣ о Воденичарѣ, и что книжное сказаніе монголовъ о ихъ предкѣ Бодончарѣ началомъ своимъ напоминаетъ сказки о сиротѣ. Хоредой въ другихъ бурятскихъ сказаніяхъ есть предокъ хоринскихъ бурятъ; онъ одинъ изъ трехъ братьевъ (Булагать, Икиритъ и Хоридой); будучи обдѣленъ старшими братьями при дѣлѣ имущей

*) Примѣчанія къ №№ 2—11 и №№ 14—51 принадлежатъ Г. Н. Потанину, примѣчаніе къ № 12 И. А. Подгорбунскому.

ства, онъ уходитъ въ безлюдное мѣсто, занимается охотой и становится мужемъ дѣвы- лебеди Алань-гоа (см. Памятн. книжка Иркутской губ. 1881 г., стр. 164—189). Въ отрывкѣ изъ пѣсни, помѣщенной въ той-же статьѣ, Хоридой названъ сыномъ женщины Аланьгоа. Вотъ текстъ этой пѣсни:

Хонъ щобунъ гарбултай

Хосунъ модонъ сэргэтей

Ширунъ сулъ эсэргэтей

Алунгъ гова эххэтей

Хоридой кгэчи кхунъ.

Авторъ замѣтки, въ которой помѣщенъ этотъ отрывокъ, переводитъ эти строки такъ: «У насъ былъ отецъ Хоридой (коралловый хвостъ), носившій фамилію лебедя и имѣвшій коновязь березовую, а мать -красавица Алунъ». По нашему мнѣнію переводъ сдѣланъ невѣрно; послѣднія три строки слѣдовало перевести такъ: Имѣющій отца Ширунъ-сула, имѣющій мать Алунъ-гову, Хоридоемъ называемый человекъ», т. е. Алунъ-гова въ пѣснѣ является матерью Хоридоя, а не женой, какъ понялъ авторъ. Выраженіе «коралловый хвостъ» можетъ относиться къ имени Ширунъ-сулъ, а не къ Хоридой. Однако ни то, ни другое отношеніе Алань-говы къ Хоридою не соотвѣтствуетъ монгольской лѣтописи Сананъ-сэцэна, въ которой эти имена также стоятъ рядомъ; у Сананъ-сэцэна Харитай не мужъ и не сынъ, а отецъ женщины Алань-гоа. О Бодончарѣ, предкѣ всего монгольскаго народа, лѣтопись рассказываетъ, что онъ былъ также одинъ изъ трехъ братьевъ (Белгунетей, Бугунетей и Бодончаръ), обиженъ ими при дѣлѣжѣ наслѣдства и подобно Хоридою, оставляетъ братьевъ и удаляется въ уединенное мѣсто, гдѣ одиноко занимается охотой. Такимъ образомъ у Сананъ-сэцэна бурятскому Хоридою соотвѣтствуетъ не Харитай, а Бодончаръ.

Хоридой косвенно является еще въ одной бурятской легендѣ. Потомокъ Хоридоя, нѣкто Хортонъ, принесъ въ бурятскую землю онгонъ Бөрто (Агапитовъ и Хангаловъ, Матеріалы для изученія шаманства, отд. оттискъ, Иркутскъ, 1883, стр. 78); это вѣроятно тотъ-же онгонъ, который въ «Очеркахъ сѣверо-западной Монголіи», IV, 120, приведенъ мною подъ именемъ Бурьтынъ; онъ есть родовой онгонъ поколѣнія Хангинъ, которое ведетъ свое начало отъ дѣвы—лебеди. Въ «Матеріалахъ» также сказано, что Бөрто есть онгонъ Хангинскаго поколѣнія, считающаго Хоридоя (Хоредоя) своимъ предкомъ. Буртѣ, какъ извѣстно, было имя жены Чингисъ-хана; эпизодъ о томъ, какъ Чингисъ-ханъ теряетъ ее и снова находитъ, не есть-ли отголосокъ темы объ Алань-говѣ, улетающей отъ Хоридоя подъ видомъ лебедя?

Бурятскій Хоридой обидѣлся на братьевъ за то, что они упрямые-ленныя всѣми тремя съобща звѣриныя шкуры раздѣлили безъ него; онъ оттолкнулъ ногой кучу шкуръ, отобранную для него, и ушелъ прочь отъ

братьевъ (Памят. кн. Ирк. г., 1881 г., стр. 168). Эта тема также сближает легенду о Хоридоѣ съ сказаніями о Чингисѣ; именно въ послѣднихъ называется о пинаніи ногой береговой земли; это была клятва заговорщиковъ противъ Чингисъ-хана (Oppert, Presbiter Iohannes, стр. 105); у зырянъ есть клятва посредствомъ разрушенія кочки на землѣ (Дневн. В. Латкина на Печорѣ, стр. 101); у вотяковъ мною записано преданіе о трехъ братьяхъ, которые пинали береговья кочки, чтобъ узнать, кому долженъ принадлежать участокъ земли. Младшій братъ схитрилъ, предварительно подевъ свою кочку; его кочка улетѣла дальше и онъ получилъ самый выгодный участокъ. (Очерки с. з. Монг., IV, 827). Въ такомъ видѣ эта тема дошла до Волги и до вятскаго края. Можетъ быть она была распространена и до Днѣпра, гдѣ мы имѣемъ преданіе о трехъ братьяхъ Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ и ихъ сестрѣ Лыбеди. По крайней мѣрѣ извѣстно, что легенда въ родѣ вотяцкой жила на берегахъ Днѣпра. Въ «Вѣстникѣ Европы», 1881, т. IV (іюль), стр. 402, въ статьѣ «На Днѣпровскихъ порогахъ» рассказана легенда о двухъ братьяхъ, кидавшихъ жеребій, кому остаться на мѣстѣ и поселиться, бросаніемъ камня черезъ рѣку. См. также Драгомановъ, Малорусскія преданія, Кіевъ, 1876, стр. 230 («Два камня Багатири»).

Въ индійской мифологіи иногда одно и тоже имя дается и герою и предмету, который этимъ героемъ приносится на землю. Такъ Mâtariçvan приносить на землю Agni, заключеннаго въ пещеру; въ другихъ случаяхъ самъ Agni называется Mâtariçvan'омъ. Говорится, что жрецы Angiras отыскали Agni въ пещерѣ, и опять Agni самъ называется Angiras (Kuhn, Herab. d. Feuers, стр. 5 и 7). Тоже встрѣчаемъ и въ сѣверо-азіатскихъ мифахъ; герою урянхайской сказки Ертене приносить Колду-бурхана (Оч., IV, 423); въ другихъ-же сказаніяхъ богатыри приносятъ эртене, «драгоценность» (Гэсэръ, Абатай и др.; Оч., IV, 333). Вѣроятно и въ бурятскомъ сказаніи Хортонъ (можетъ быть тоже, что и Хоридой или Харитай) и Бөрто одно и тоже. Въ якутскихъ сказаніяхъ Хоридой или Харитай является по нашему мнѣнію въ видѣ Аръ-тоенъ; у него жена лебедь (Хуба). Легенда о трехъ братьяхъ первоначальникахъ, изъ которыхъ одинъ обманываетъ другихъ, также есть у якутовъ (См. Изв. И. Р. Геогр. Общ., т. XX, 1884, в. 5, стр. 561). Карагаская легенда о трехъ братьяхъ-предкахъ, перессорившихся при закидываніи сѣти въ рѣку, приведена въ «Извѣстіяхъ» Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Г. О., т. XX, кн. 1, стр. 55.

О Хоридоѣ, предкѣ хоринцевъ см. также у Позднѣева, Образцы народной литературы, Спб., 1880, стр. 187 и 264.

№ 3. *Старикъ Уханай*. Сходный сюжетъ въ дархатской сказкѣ объ Андзынѣ-хурумчи, записанной г. Палкинымъ (Очерки с. з. Монголіи, IV, № 49, вар. 4, 6; стр. 244).

№ 5. *Дѣвица Тэбэкъ-ногонъ-абаха*. Выращиваемый червь встрѣчается въ одной персидской легендѣ и въ сагѣ о Рагнарѣ (см. ст. Либрехта: Die Ragnar Lodbroksage in Persien въ изданіи Вэнфея: Orient und Occident, t. I, 561).

Мѣсто о головахъ мангатхал, изъ которыхъ каждая что-нибудь дѣлала, одна говорила сказки, другая пѣла и т. п., ср. съ мѣстомъ въ собраніи Радлова (Radloff, Proben, I, 298, говорится о семиголовомъ Джельбегенѣ: одна голова камлаетъ, другая бунчить, третья курить; см. также Словарь алтайск. и аладагск. нарѣчій г. Вербицкаго, Казань, 1888 г. стр. 88) и съ индійскими рассказами о трехъ головахъ Висварупы (Viṣṇuvara); одна голова читаетъ Веду, другая пьетъ сому, третья пьетъ пространство, или въ другомъ вариантѣ одна пьетъ сому, другая ѣстъ рисъ (Revue d'hist. des relig., 1886, t. XIV, № 3).

№ 6. *Старуха Хэрхэнъ*. № 7. *Тенехонъ* въ рукописи Тонехонъ. Ср. у Радлова со сказкой о Тарданакѣ (Proben, I, 29).

№ 8. *Му-монто*. Эта сказка въ сокращеніи по записи г. Хангалова-же была напечатана въ Очеркахъ с. з. Монголіи, IV, № 136, стр. 486.

№ 9. *Гарюлай моргонъ*. Это вариантъ сказки, записанной г. Радловымъ у алтайцевъ (Proben, I, 12—28). Алтайская сказка изложена стихами. Богатырь въ ней называется Алтайнъ-сайнъ-саламъ; конь его Айкымъ-сайкымъ. Братъ ѣздитъ на охоту и кормить сестру; однажды на охотѣ онъ упалъ съ лошади, зашибся и умеръ. Конь прибѣжалъ къ юртѣ, гдѣ оставалась сестра убишагося богатыря. Сестра, увидѣвъ коня безъ всадника, заплакала. Конь склонилъ колѣни, она сѣла на него и поѣхала. Увидѣвъ въ степи мертвое тѣло брата, она взмолилась къ скалѣ, чтобъ она раскрылась. Скала разверзлась и сестра положила внутрь ея тѣло своего брата, послѣ чего камень вновь сомкнулся. Затѣмъ, одѣвшись въ платье брата и назвавшись его именемъ, она отправилась къ Кюнъ-хану (Солнце - царю); дорогой встрѣчаетъ толпу юношей, занимающихся стрѣльбой изъ лука; они приглашаютъ прибѣжавшаго богатыря принять участіе въ игрѣ; дѣвица стрѣляетъ, приговаривая къ стрѣлѣ, что не она ее пускаетъ, а Алтайнъ-сайнъ-саламъ; стрѣла долетѣла до самаго Кюнъ-кана. Онъ спрашиваетъ: «Кто это выстрѣлилъ»? Дѣвица отвѣчаетъ: «Алтайнъ-сайнъ-саламъ». Точно такую-же толпу стрѣльцовъ она встрѣтила и по дорогѣ къ Ай-кану (Мѣсяцу-царю); и здѣсь дѣвица стрѣляетъ отъ имени брата и стрѣла ея долетаетъ до Ай-кана. Дѣвица проситъ у каждаго хана по дочери замужъ за мнимаго Алтайнъ-сайнъ-салама; съ двумя невѣстами она ѣдетъ домой. Дорогой ханскія дочери начинаютъ догадываться, что товарищъ ихъ женщина, а не мужчина. Сестра Алтайнъ-сайнъ-салама, не доѣзжая до своего дома, уѣзжаетъ впередъ, вынимаетъ своего брата изъ скалы, кладетъ его въ его юртѣ, оставляетъ записку о томъ, что она сдѣлала, затѣмъ превращается въ зайца и убѣгаетъ въ кустарники. Двѣ

ханскія дочери прѣзжаютъ къ юртѣ Алтайнъ-сайнъ-салама, вызываютъ его, но не слыша отвѣта, входятъ въ юрту и находятъ мертвое тѣло. Они оживляютъ богатыря ударомъ плети, перешагиваніемъ черезъ него и скорбными причитаніями. Пробудившись отъ смерти и прочитавъ записку, Алтайнъ-сайнъ-саламъ вмѣстѣ съ женами ѣдетъ ловить зайца, подстрѣливаетъ его въ лапу и отдаетъ женамъ, чтобъ кормили и ухаживали за нимъ. Но заяцъ изгрызъ шубы у женъ Алтайнъ-сайнъ-салама и онѣ убили его. Тогда Алтайнъ-сайнъ-саламъ дѣлаетъ три ящика, вложенные одинъ въ другой, во внутренній кладетъ зайца и опускаетъ ящики въ море. Волны морскія относятъ ящики къ Ай-хану, лѣкаря котораго исцѣляютъ зайца и превращаютъ его въ дѣвицу.

Замѣчательно, что въ бурятской сказкѣ упоминается гора Алтай; гора Ангай можетъ быть Хангай. Повидимому и въ Алтай къ алтайцамъ и за Байкалъ къ бурятамъ эта сказка зашла отъ монголовъ, живущихъ между Алтаемъ и Хангаемъ.

Агу-ногонъ вырѣзываетъ своего брата изъ большого пальца мангатхая. Въ аварской сказкѣ Чилбикъ вырѣзываетъ изъ мизинца старухи—людовѣдки свою невѣсту (Сборн. свѣд. о кав. горцахъ, Тифлисъ, вып. II, ст. Айдемира Чиркеевскаго: «Аварск. народ. сказки», стр. 30).

Агу-ногонъ, оплакивая брата, рыдаетъ, опуская голову, и смѣется, смотря вверхъ. Ср. въ Запискахъ Имп. Археологическ. общ., т. XIV, Алтанъ-тобчи, стр. 13; и Оч., IV, 397.

Гору, подошва которой усыпана костями ср. съ горой, которую приходится переваливать шаману на пути къ Эрлику. См. Очерки, VI, 65.

Имя Гарьюлай-моргонъ ср. съ Курулай-бэргянь якутскихъ легендъ (Миддендорфъ, Путеш. на сѣв. и вост. Сибири, ч. II, отд. VI стр. 797). Моргонъ по-бурятски, мергенъ по-тюркски, бэргянь по-якутски, «стрѣлокъ» (Словарь алтайск. и аладаг. нарѣчій, о. Вербицкаго, 202; Böhrling, Jakutisch-deutsches Wörterbuch, 133).

Агу непонятное слово. Абаха (въ рукописи г. Хангалова написано различно, въ однихъ случаяхъ абаха, въ другихъ абахай) также бурятамъ неизвѣстно. У халхаскихъ монголовъ абагай «женщина», но сѣверные буряты знаютъ только кукшинъ, «старуха» и изы, «баба». Ногонъ значитъ «зеленый» и «травя» (зелень). Тотъ-же эпитетъ прилагается и къ одной дара-экэ: Ногонъ-дара-экэ.

10. *Алтынъ-сэсэкъ и его сестра Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха.*
Обѣ дѣвицы (въ сказкахъ № 9 и 10), Эрмэльжинъ и Агу-ногонъ, отыскиваютъ и воскрешаютъ погибшаго брата. Въ сказкѣ Хангавай (Оч., IV, 583) Мынгъ-кызъ воскрешаетъ своего брата Хангавай; за нею прибѣгаетъ съ мѣста гибели богатырскій конь, какъ и за бурятскими героинями; но сказка

рассказана иначе, а именно она повторяетъ мифъ объ Озирисѣ; Хангавай брошенъ своимъ противникомъ въ море; кости его разсыпались по дну морскому; Мынгъ-кызъ ловитъ ихъ сѣтями, и все ихъ находитъ за исключеніемъ одного сустава. Въ другой тюркской сказкѣ дѣвица Кубайко отыскиваетъ своего погибшаго брата въ подземномъ царствѣ, гдѣ владычествуютъ Ирль-ханъ, Талай-ханъ и Uzyt-chan (Kastren, Ethnologische Vorlesungen, St. Petersburg, 1857, s. 239—257). Эти странствія дѣвицъ соотвѣтствуютъ мистеріямъ шамана у постели больного, представляющимъ то поѣздку на небо, то поѣздку въ подземное царство.

Въ бурятской сказкѣ воскрешеніе совершаютъ три дочери Эсэгэ-маланъ-тэнгира. Въ другихъ монгольскихъ сказкахъ также встрѣчаются три дѣвицы, которыя воскрешаютъ погибшаго богатыря. См. Очерки, II, стр. 177 (три дѣвицы, по объясненію рассказчика, три дара-экэ: Цаганъ-дара-экэ, Ногонъ-дара-экэ и Наръ-ханджитъ).

Алтынъ-сэсэкъ значитъ: «золотой цвѣтокъ».

Гохонъ ср. съ формами кога, гоа, гова, хоа, ко, которыя придаются къ женскимъ именамъ въ сказкахъ (Аланъ-гоа или Аланъ-гова; Тебене-кога, Еджень-ко, Кубай-ко (Radloff, Proben, II, 386, 698; IV, 33). Хоа, гоа по-монгольски значитъ «красавица»; хого, «моралуха». По алтайски каракчы, каракшинъ, «красавица» (Вербицкій, Слов. алт. нарѣчій, Казань, 1887, стр. 129); керекшинъ «козуля» (Грамматика алт. яз., Казань, 1869, стр. 208); Каракшинъ также встрѣчается, какъ членъ женскаго имени (Очу-каракшинъ).

Хартаганъ ср. съ картага, «ястребъ». См. Словарь алтайск. и аладагск. нарѣчій о. Вербицкаго, Казань, 1887, стр. 131.

Шажага ср. съ шацгай, «сорока». Въ монгольскихъ сказкахъ встрѣчается Шацгай-ханъ.

II. Ханъ-гужиръ. Имя Гужиръ встрѣчается въ бурятскихъ шаманско-космогоническихъ легендахъ. См. въ статьѣ гг. Агапитова и Хангалова: «Матеріалы для изученія шаманства въ Сибири», («въ Извѣстіяхъ» Восточно-сибирскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общ., т. XIV, № 1—2 и отд. оттискъ, Иркутскъ, 1883. Гужиръ первоначально назывался Бохотэли; онъ былъ сынъ восточнаго тэнгэри, и первый изобрѣлъ кузницу, изъ-за которой вступилъ въ борьбу съ Бохо-муя, сыномъ западнаго тэнгэри, превратившимся въ быка и болѣе извѣстнымъ подъ именемъ Буха-ноина. Не имѣя возможности побѣдить противника, Бохо-тэли поднялся на небо (у гг. Агапитова и Хангалова: «сдѣлался небомъ») и женился на Гумъ-ногонъ-духэ, дочери западнаго тэнгэри, отъ которой имѣлъ четырехъ сыновей: 1) Эрлэнъ-хана, 2) Гэгэнъ-бурхана, 3) Дала ламу и 4) Ханъ-хута-бабая. Второй и третій сыновья иногда принимаются за одно лицо («Извѣстія», т. XIV, № 1—2, стр. 3; стлб. стр. 6). Въ другомъ мѣстѣ гг. Агапитовъ и Хангаловъ говорятъ, что Гэгэ-лама и

Далай-лама почитаются, какъ боги утренней и вечерней зари, а мать ихъ называется Тэмэ-ногонъ («Извѣстія», стр. 15 и 20; отд. отт. 41 и 54). Въ третьемъ мѣстѣ Гужиръ-тэнгэри, первый ковачъ желѣза, названъ отцомъ Бохо-тэли («Извѣстія», стр. 8; отд. отт. 21). Кромѣ того онъ-же повидимому упоминается подъ именемъ Гужиръ-саганъ-тэнгэри и занимаетъ четвертое мѣсто въ ряду девяти сыновей Оеръ-монхынъ-тэнгэри («Извѣстія», стр. 3; отд. отт. 7). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Монголіи звѣзда Зарница называется Гэгэнъ-бурханъ; Гэгэ-лама и Далай-лама повидимому означаютъ утреннюю и вечернюю Зарницу, въ связи съ которою находится очевидно и имя Гужиръ. Женское имя Тэмэнъ-ногонъ встрѣчается въ сказкѣ качинскихъ татаръ, записанной г. Адриановымъ; полное имя: Ногонъ-тэмэнъ-тэнгэрлеръ-кызъ, т. е. небесная дѣвица Ногонъ-тэмэнъ; она дочь Убиртыхъ-Хормозда и жена Хэрэкъ-кирвесь-хэмрэ-мэргена (Оч. с. з. Монголіи, IV, 611). Одна изъ женъ Гэсэръ-хана называлась Тумэнъ-джиргаланъ, а щить его назывался Тумэнъ-одунъ, что переводится: «10000 звѣздъ».

Нѣкоторыя мѣста сказки о Ханъ-гужирѣ представляютъ параллели съ дюрбютской сказкой объ Иринъ-сайнѣ (Очерки с. з. Монголіи, IV, № 134 и 135, стр. 427 и 429), съ русской объ Ерусланѣ Лазаревичѣ и съ монгольскимъ сказаніемъ о Гэсэръ-ханѣ. Эпизоду о томъ, какъ Зотонъ-хара ловить коня для Ханъ-гужира, соотвѣтствуютъ такіе-же эпизоды и въ упомянутыхъ выше трехъ сказаніяхъ; Иринъ-сайну ловить коня отцовскій пастухъ Ахъ-сахаль, Еруслану—отцовскій пастухъ Иванка; въ Гэсэрѣ этотъ эпизодъ рассказанъ коротко; онъ самъ себѣ ловить коня. Имя Зотонъ-хара сходно съ именемъ Гэсéroва дяди: въ монгольской редакціи Чотонъ-нойонъ, въ тунгусской Чотонъ-ака. Сказку о Ханъ-гужирѣ, собственно эпизодъ о его пребываніи у Гули-хана, можно принять за распространенный рассказъ о пребываніи Гэсэръ-хана на службѣ у одного изъ трехъ ширай-гольскихъ царей.

Хоходой-моргонъ, подобно Гужиру, встрѣчается въ ряду шаманско бурятскихъ божествъ. Онъ восьмой сынъ Оеръ-монхынъ-тэнгэри и считается хранителемъ громовыхъ камней у Эсэгэ-малана («Извѣстія», стр. 3, 7 и 9, отд. отт., 7, 18 и 24). У гг. Агапитова и Хангалова это имя встрѣчается подъ формами: Хоходо-моргонъ, Хухыдой-моргонъ и Хоходой-моргонъ. Въ сказаніяхъ алтайцевъ и сойотовъ Коготей-мэргеномъ или Когутей-мэргеномъ называется стрѣлокъ, которому приписывается погоня за тремя оленями т. е. за созвѣздіемъ Оріонъ; сѣверно-бурятскія сказанія того-же стрѣлка называютъ Сагатай (Оч. с. з. Монг., IV, 205 и 206).

Эпизодъ о Хоходой-моргонѣ находитъ себѣ параллель въ русской сказкѣ о Ерусланѣ; въ послѣдней рассказывается, что царь и отецъ Еруслана, ослѣпленные Данилой Бѣлымъ, посылаютъ Еруслана достать желчи изъ печени царя Огненнаго шита пламеннаго коня. Въ сказкѣ г. Хангалова по-

слѣднему соотвѣтствуетъ Наранъ-гэрэлъ (Солнечный лучъ или Солнечный блескъ). Ерусланъ дорогой наѣзжаетъ на поле, усыянное костями, среди котораго лежитъ голова богатыря Росланея. Росланей долго бился съ царемъ Огненнымъ щитомъ, но былъ побитъ имъ; подъ его головой лежитъ мечъ, единственное орудіе, которымъ можетъ быть убитъ царь Огненный щитъ. Ерусланъ сначала поступаетъ на службу къ царю, потомъ берется достать мечъ и получаетъ его отъ Росланея, при чемъ Росланей учитъ Еруслана ударить царя мечемъ только разъ, потому что отъ втораго удара царь снова оживетъ (Ровинскій, Народныя картинки, I, 61—64). Въ старинномъ вариантѣ Ундольскаго эпизода съ головой нѣтъ; вмѣсто того рассказывается, что Уруслану попасть въ царство Зеленаго царя, печень котораго нужно добыть, помогаетъ дѣвица, умѣющая обращаться въ птицу Хохотуня (Ровинскій, Народныя картинки, IV, 139).

Это сопоставленіе показываетъ, что имя Хохотунь-хоходой было крѣпче связано со сказкой, чѣмъ сюжеты, соединенные съ нимъ. Повидимому это имя придавалось какому-то предмету, о которомъ рассказывалось то какъ о дѣвахъ-птицахъ, то какъ о богатырѣ (или богатырской головѣ). Рядомъ съ Оріономъ, съ которымъ повидимому находится въ связи форма Хоходой, стоитъ созвѣздіе Плеяды (по-тюркски Ульгаръ или Улыкерь), которое часто представляется въ народныхъ умахъ, какъ стая птицъ. Нѣмецкія дѣвы—лебеди валькеріи упоминаются въ числѣ или девяти, или трехъ. Это опредѣленное число также указываетъ на какое-то созвѣздіе.

Пробужденіе отъ крѣпкаго сна, вызванное упавшей на лицо слезой жены, встрѣчается въ монгольской сказкѣ о Дзалута-мэргенѣ (Оч. с. з. Монголии, IV, 506). *).

Свадебный договоръ на охотѣ заключается также въ киргизской сказкѣ о Козу-курнечѣ и друг. (Radloff, Proben, I, 262; IV, 341) и кавказской о балкарцѣ-охотникѣ (Вс. Миллеръ, Осетинскіе этюды, ч. I, 151).

Имя Хужиръ встрѣчается у Рашидъ-эддина, II, 48. Это былъ искусный стрѣлокъ и повидимому герой былины, потому что Рашидъ-эддинъ говоритъ, что монголы за его искусство «составили ему похвалу».

Г. Потанинъ.

12. *Охотникъ*. Въ сказкѣ *Охотникъ* рассказъ о томъ, какъ хозяинъ огня богатаго бурята обѣщалъ сжечь юрту послѣдняго, имѣетъ вариантъ въ литвинскомъ и жмудскомъ разсказѣ. «Въ какомъ-то околдѣ, гласитъ послѣдній, жило двое хозяевъ. Жена одного постоянно ставила въ печь, въ даръ огню, горшокъ съ водою, а другая пренебрегала этимъ обычаемъ. Пер-

*) Въ валахской о Petru Firitchek (Аѳонас. Поэт. Возвр., т. II, стр. 588) и русской (ibid).

вой изъ нихъ случилось разъ подслушать на дворѣ слѣдующій разговоръ двухъ огней: «Ну, братъ, сказалъ одинъ огонь, на будущую ночь я истреблю свой очагъ и перенесу свое хозяйство на новое мѣсто, потому что я изсохъ здѣсь; мнѣ никогда не поставили еще и капли воды!» — «Какъ знаешь! отвѣчалъ другой, только на твоей печкѣ стоитъ взятая у насъ лоханка; не сожги ее, моя хозяйка—добрая!» Ночью вспыхнулъ у недоброй бабы пожаръ и истребилъ все до чиста; осталась на пепелищѣ только одна лохань (Аѳонасьевъ: Поэтич. возвр. слав. на прир., ч. II, стр. 47). Подобный-же рассказъ существуетъ въ Малороссіи, но тамъ причина гнѣва огня въ томъ, что одна баба заметала печь нечистою тряпичей (ibid, p. 47—48).

Далѣе вся эта сказка имѣетъ очень много варіантовъ въ индо-европейскихъ разсказахъ. Такъ въ одной изъ нашихъ сказокъ охотникъ увидалъ горящій пень, а въ огнѣ змѣю, помогъ ей вылезть, и змѣя одарила его въ благодарность пониманіемъ языка животныхъ (Р. Н. Сказки, Аѳон. ч. VI, с. 53, 6). Съ этою сказкой сходны сербская: «Немушти језик» и нѣмецкая Die weisse Schlange (Аѳон., Поэт. в. слав. на прир., ч. II, с. 573). Но съ другой стороны, варіанты эти такъ далеки отъ бурятской редакціи, что о непосредственномъ заимствованіи не можетъ быть и рѣчи, а можно допустить только общій первоисточникъ. И. Подгорбунскій.

14. *Старикъ съ дочерью*. См. у Радлова, Proben, I, 197; IV, 201; Потанинъ, Очерки, II, 158; IV, 362.

16. *Хинхуна-багинь*. Это варіантъ монгольской сказки о Боролдай-ху, упомянутой въ примѣч. къ № 2. Багинь вѣроятно вмѣсто баинь, «богатый»; и Боролдая лисица величаетъ баинь-хунь, «богатый человекъ».

20. *Тэнгріинъ-хобунъ, Чингисъ-ханъ и Шудурманъ*. Эпизодъ о дядѣ Тасъ-хара соотвѣтствуетъ лѣтописному разсказу о Хасарѣ (Алтанъ-тобчи въ Зап. Имп. Археолог. Общ., т. XIV, 25—27). Хасаръ также убиваетъ сороку (вмѣсто совы), посаженъ подъ стражу и убиваетъ старуху, ранивъ ее въ колѣно. Имя Тасъ есть можетъ быть отраженіе формы Тасъ-таракай, которая, повидимому, была синонимомъ Гэсэра (см. ниже прим. къ № 51). Не слѣдуетъ-ли въ этой замѣнѣ Хасара именемъ Тасъ-хара видѣть свидѣтельство, что подъ Хасаромъ лѣтописей скрывается Гэсэръ, съ которымъ также соединяется тема объ убитой сорокѣ, а также и встрѣча со старухой на городской стѣнѣ.

21. *Жизнь Элгэсынъ-гелюна*. Элгэсынъ-гегенъ имѣетъ свою резиденцію въ вершинѣ р. Этера въ Хангаѣ, къ с. отъ гор. Улясутая. Отлетъ въ видѣ ангира разсказывается объ Ундуръ-гегенѣ (Очерки с. з. Монг., IV, 308). Молчаніе въ теченіи семи лѣтъ по рожденіи Дараната приписываетъ Чандрагомину (Басильевъ, Буддизмъ, III, 153).

22. *Доной*. Ср. № 54, вар. d въ Оч. с. з. Монг., IV, 270 (монгольская

легенда о богачѣ Дононгъ-баинѣ) и съ № 6, вар. 2 въ «Очеркахъ», II, 151 (киргизская легенда о Карунбаѣ). О птицѣ хухэй см. «Очерки», IV, 183.

23. *Кость «сэръ»*. Ср. съ алтайскимъ преданіемъ о предкѣ кости Кальд-жанъ-ирхытъ, «Оч. с. з. Монг.», II, 173.

27. *Волки*. См. Оч. с. з. Монг., IV, 142.

29. *Царь птицъ Ханъ-хурдэ жанъ*. См. Очерки с. з. Монг., IV, 169. 173, 758.

31. *Ласточка и пчела*. См. Оч. с. з. Монг., II, 159; IV, 183.

32. *Перепелка*. См. Оч. с. з. Монг., IV, № 20, стр. 185.

33. *Турпанъ*. Ср. Оч. с. з. Монг., IV, № 54, вар. 1, стр. 273.

36. *Повѣрье о птицѣ олянкѣ*. Сила, приписываемая перьямъ олянки, вотяками приписывается растенію улыбъ *Sedum Telephium* L. (См. Очерки с. з. Монг., IV, стр. 773). У персіянъ также есть повѣрье о цвѣтахъ любви (см. Рашидъ-эддина, Ист. монголовъ въ переводѣ Березина, т. II, стр. 155).

38. *Хохосо-моргонъ*. Мною записаны слѣдующія имена стрѣлка по Ориону, представляющія сходство съ этой бурятской формой: Гокчу-мергенъ ашякъ (Очерки, II, 124), Кохоце-мергенъ (*ibid.*, 206).

47. *Названія пальцевъ*. 48. *Пальцы воровъ*. Списки подобныхъ названій см. въ Очеркахъ с. з. Монг., II, 121—123; IV, 144—145, 941. Къ списку обыкновенныхъ названій мы можемъ сдѣлать слѣдующія дополненія.

Широнголь-монголы, обитающіе въ мѣстностяхъ:

Сань-чуань.

У-янъ-бу.

Тунъ-сянъ.

Боунань.

Б. шуко хуру	шики хуру	фукэ куру	тему гуру
У. хумугэй хуру	или хуру	иманъ куру	?
С. дунда хуру	тунда хуру	тундату куру	?
Б. кумугэй хуру	скыума хуру	унэчинъ куру	?
М. чучжукарь хуру	кага хуру.	мила куру	ичиганъ гуру.

Шира ёгуры.

Хара ёгуры.

Салары.

Ордосскіе монголы.

Б. хэрмэкче	басъ эрмэкъ	башъ пирмагъ	эрхе хуру
У. толку	сукулыкъ	омэнъ бирмагъ	хумугай хуру
Б. дондату хуру	урсамыкъ	оту бирмагъ	дундатъ хуру
М. нэрэ угэй	адъ-джокъ элыкъ	мазы бирмагъ	итдамъ хуру
С. зынгечекъ.	хетагамакъ.	чеджи бирмагъ	шигичи.

Мизинецъ по широнгольски около города У-янъ-бу называется кага, т. е. «старшій братъ», то же, что монгольское аха, тюрское ага; въ мѣстности Тунъ-сянъ мила, м'ла по широнгольски «малый», «не большой».

Пальцы человѣческой руки имѣли какое-то мистическое значеніе у народовъ сѣверо-восточной Азіи. У монголовъ существовалъ обычай, когда молодой человѣкъ въ первый разъ убьетъ дичь, мазать ему масломъ большой

палецъ правой руки; объ этомъ обрядѣ упоминаетъ Рашидъ-эддинъ (Истор. Монг., перев. Березина, III, стр. 93). Всѣ записанныя названія пальцевъ парныя; парны-же имена и у семи братьевъ, составляющихъ божество огня у якутовъ; вотъ они: Быржа-бытыкъ, Кырыль-тюсюмь, Кюндюль-чаганъ, Кюря-чаганъ, Ханъ-чаганъ, Хатанъ-содуя, Ылгынъ-эргия. (Извѣстія Вост. сиб. Отд. И. Р. Г. О., т. XVII, №№ 1—2, стр. 125). Если принять три среднихъ имени, имѣющихъ одинаковый второй членъ, за одну цѣльную форму, разбивающуюся на три части, то число всѣхъ братьевъ будетъ пять по числу пяти пальцевъ руки. Самый старшій братъ называется Быржа-бытыкъ; въ спискахъ дѣтскихъ именъ большаго пальца есть: пашъ патырь, барбадай. Для указательнаго есть имена: пажы курлу, пажы гурлу и т. п. Первый членъ въ якутскомъ имени самаго младшаго бога огня Ылгынъ; по якутски ылгынъ «мизинецъ». (Böhtlingk, Jakutisch-deutsch. Wörterbuch, стр. 33). И въ печатаемыхъ въ этомъ собраніи вариантахъ о ворахъ пальцахъ есть намеки на огонь (№ 48, а: «а огонь гдѣ»? вар. б: «я разведу огонь изъ щепокъ»). Безъимянный палецъ имѣетъ названія: ова чечень, уашъ иджи, хуба шеджень, уашъ эзенъ и т. п. Такъ какъ въ халхасскомъ онъ называется отхонъ-хуру, то и въ приведенныхъ сейчасъ формахъ второй членъ можно читать эдзенъ, а не эджи, «мать»; и отхонъ и эдзенъ равно означаютъ въ монгольскомъ младшаго сына въ семьѣ, который по монгольскому праву есть всегда наслѣдникъ отцовскаго очага. Богъ огня у монголовъ носилъ имя Удъ-галай-ханъ; у якутовъ Алъ-отъ-ижиття (Записки Имп. Археолог. Общ., ст. Гомбоева, О древн монгол. обычаяхъ, стр. 238; Сборн. газеты Сибирь, Спб., 1876, ст. Соловьева: Остатки язычества у якутовъ, стр. 418).

49 и 50. *Преданія о переселеніи Хондодоровъ.* Преданіе о Бахакѣ (Бохукѣ, Бокухѣ) помѣщено уже было въ Очеркахъ с. з. Монголіи, IV, 23, 411, 412. Тѣло шамана, плывущее вверхъ по рѣкѣ, напоминаетъ тѣло жены Чингисъ-хана (Алтанъ-тобчи, въ Зап. Имп. Археол. Общ., т. XIV, стр. 28). Объ отрубаніи большаго пальца см. въ Очеркахъ с. з. Монг., IV, 179.

Изъ преданій о предкахъ бурятскаго народа отъ бурятъ Верхнеудинскаго округа нами вновь записаны слѣдующія. Хоринскіе буряты происходятъ отъ Хоридоя, сына Баргу-батыра; у Хоридоя было одиннадцать сыновей; отъ первой жены Шаралдай родилось пять сыновей: 1) Галзуть, 2) Хоацай, 3) Кубдуть, 4) Гочить и 5) Шираить; отъ второй Нагатай шесть: 6) Харгана, 7) Худай, 8) Бодонгутъ, 9) Халбинъ, 10) Цаганъ и 11) Батанай. (О Хоридоѣ ср. у Позднѣева, Образцы народн. литер., 187—188).

У Худая было семь сыновей, или какъ хоринскіе буряты говорятъ: долонъ хохуръ или долонъ ягонъ; долонъ значитъ «семь», хохуръ кожанная посуда для молока, ягонъ «кость». Вотъ имена сыновей Худая: Зальдзуръ, Бэсэхэ, Хонтонъ, Хартюлей, Алгуй; имена двухъ раскашикъ забылъ. О Ху-

даяхъ есть поговорка: дагу ихиту тэгри дурбига ихиту худай т. е. «у неба громъ великъ, у Худая голосъ великъ». Эти преданія о хоринскихъ бурятахъ записаны мною отъ хоринскихъ бурятъ Ринчина Н. Номтоева (родомъ Худая) и Самтана И. Ирдынеева (родомъ Зальдзурь-худая).

Отъ бурята Жигжида родомъ Цагана записано мною слѣдующее преданіе о родѣ Цаганъ или Саганъ. Предокъ этого рода, носившій имя Саганъ, поднесъ въ даръ Арбанъ-гурбанъ-ноиту бѣлую лошадь, тогда какъ другіе Хоридоевы сыновья этого не сдѣлали. За это о Саганѣ говорятъ, что онъ хундетей т. е. опередилъ братьевъ. Арбанъ-гурбанъ-ноить (буквально «тринадцать нойоновъ») живутъ на скалистомъ островкѣ Ой-ханъ, находящемся на Байкалѣ близъ Кудары. Говорятъ, на островѣ есть ящики съ богатствомъ. Кударинскіе буряты и теперь почитаютъ Арбанъ-гурбанъ-ноита, колятъ барановъ и выставляютъ мясо на берегу Байкала противъ острова Ой-хана.

У Кубдута было также семь сыновей (долонъ хухуръ): Борюха, Улаолзай, Нохойрогъ и друг.

Каждый хоринскій родъ имѣлъ свой кличъ, «ура»; у кубдутовъ ура былъ—бюргуть! у галдзутовъ—дагуй! у худаевъ—чо! Эти ура употреблялись во время облавъ (аба); когда въ одной и той-же облавѣ участвовало нѣсколько родовъ, у каждаго рода на сборномъ для ночлега мѣстѣ устраивалось свое огнище; когда поздно въ ночную темь охотники возвращались къ своимъ кострамъ, каждый родъ узнавалъ свой костеръ по крику кашевара; кашеваръ кубдутакаго костра призывалъ своихъ сородичей крикомъ: бюргуть! худаевскій кашеваръ взывалъ: чо! и т. п.

Показаніе одного ламы родомъ съ вершинъ Джиды: Буряты Закаменской управы образуютъ родъ Сойсо, который составляется изъ семи подродковъ: Зунгаръ, Хурхуть, Тэртэ, Хонгодоръ, Малиха, Улява и Бурюнгуть.

51. *Оле-олекчинъ*. Первая половина сказки соответствуетъ алтайской сказкѣ о Тэктэбей-мергенѣ, записанной Радловымъ (Ргов., I, 31—59). Олѣ-олекчинъ соответствуетъ Тэктэбею. Тэктэбей принимаетъ участіе въ походѣ Ай-кана противъ Кюнъ-кана, принявъ видъ шелудиваго Тасъ-тарака. Царь забылъ перчатки и съ дороги посылаетъ за ними семь зайсановъ. Поѣхалъ и Тасъ-таракай. Дочь Айкана, прежде, чѣмъ отдать перчатки, заставляетъ Тасъ-таракаю играть съ собой въ карты. Въмѣсто ядовитаго болота у Радлова золотое озеро, черезъ которое войско Ай-кана не можетъ найти переправу. Тэктэбей-мергенъ перелетаетъ въ видѣ сѣраго ястреба и подслушиваетъ разговоръ Кюнъ-кана съ женой; они превращаютъ скотъ и людей въ траву, а сами превращаются въ тощихъ верблюдовъ. Когда потомъ Ай-канъ съ своими семью зайсанами приходятъ въ землю Кюнъ-кана, они находятъ ее пустою, но Тэктэбей собираетъ траву въ мѣшокъ и гонитъ тощихъ вер-

блюдовъ. По возвращеніи къ Ай-кану онъ трясетъ свою добычу и верблюды превращаются въ Кюнъ-кана и его жену, а трава въ ихъ скотъ. Послѣ того онъ женится на двухъ дочеряхъ обоихъ кановъ и разыскиваетъ своихъ обѣднѣвшихъ родителей; мать узнаетъ его по родимому пятну.

Вторая половина—поѣздка за порозомъ и за архытомъ—разсказывается алтайцами также про Иринъ-шайнъ-чичирге (см. Очерки, IV, 429), гдѣ также конь, на котораго вымѣненъ архытъ, убѣгаетъ отъ Эрлика.

Поѣздка Тэктэбей-мергена и Олѣ-олекчина въ свитѣ Ай-кана и соперничество съ зайсанами напоминаютъ одинъ эпизодъ въ сказаніи о Гэсэръ-ханѣ, именно о поѣздкѣ дяди Гэсэра Зотынъ-нойона на ханскій пиръ; Гэсэръ, подобно Тэктэбею, принявъ видъ сопливаго Джоро, не смотря на насмѣшки другихъ, называется въ спутники къ Зотынъ-нойону. Мать, узнающая Тэктэбея по родимому пятну, также тема изъ Гэсэра (тангутской версии). Самое имя героини напоминаетъ Гэсэра; когда Гэсэръ въ другомъ эпизодѣ опять принимаетъ невзрачный видъ, онъ получаетъ имя Ольджебай. Полное имя Ольджебая было (какъ въ записанномъ нами въ Ордосѣ вариантѣ) кусэръ еще олоксонъ Ольджебай. Это прозваніе едва-ли не есть рядъ синонимовъ Гэсэра. Какъ оно читается въ текстѣ, которымъ пользовался Шмидтъ, мнѣ неизвѣстно; въ нѣмецкомъ переводѣ стоитъ: auf Erde geraft Oldjebai. Мой ордосскій рассказчикъ переводилъ приведенное выше прозвище словами: «на землѣ найденный Ольджебай». «Земля», Erde по-монгольски гацзаръ; это слово подставилось можетъ быть вмѣсто Гэсэръ; алтайская форма олекчинъ ведетъ къ догадкѣ, что и олоксонъ тоже собственное имя. Оно вѣроятно испортилось изъ Улакчинъ (по-монгольски «сука»), формы, которая встрѣчается иногда въ тюрко-монгольскихъ сказкахъ. Такъ наприм. эта форма стоитъ въ томъ самомъ Иринъ-шайнъ-чичирге, въ которомъ находится эпизодъ объ увозимомъ отъ Эрлика архытѣ. Интересно, что одна изъ темъ о Гэсэрѣ въ этой алтайской сказкѣ (№ 51) перенесена на женскій персонажъ. Первая половина сказки соотвѣтствуетъ поѣздкѣ Гэсэра съ дядей Зотыномъ; вторая—поѣздка за порозомъ и архытомъ—вѣроятно взята изъ конца сказанія о Гэсэрѣ; эти поѣздки вѣроятно замѣняютъ тѣ подвиги Гэсэра, которые онъ совершаетъ, состоя на службѣ у ширайгольскихъ царей, то есть послѣ войны его богатырей съ ширайгольскимъ войскомъ. Къ этому же мѣсту Гэсэра приурочиваетъ нашу сказку и тема о родимомъ пятнѣ. Если тема участія въ поѣздкѣ подъ видомъ шелудиваго парня сближаетъ Гэсэра съ Тасъ-таракаемъ, если форма Тасъ-хара въ № 20 могла замѣнить Хасара, не ведетъ-ли это къ отождествленію Гэсэра съ Хасаромъ? А если Хасаръ и Гэсэръ одинъ и тотъ-же персонажъ, то это значитъ, что въ ту часть сказанія о Гэсэрѣ, въ которой описывалось его пребываніе у ширайгольскихъ царей, вставлялся эпизодъ въ родѣ эпизода о Тасъ-харѣ, о добычаніи павлиньяго пера, о ямѣ и о старухѣ съ глазами на колѣнахъ.

Г. Потанинъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

СОКРАЩЕНИЯ: г. гора, з. звѣзда, м. мѣстность, о. онгонъ, п. поколѣніе, р. рѣка, созв. созвѣздіе. Имена дѣйствующихъ лицъ въ сказаніяхъ оставлены безъ поясненія.

Абай Гэсэръ-ханъ, Абай-гысырь, 105, 127.	Бохо-муя 148.
Абарга-загаханъ, 38, 119.	Бохонъ-хобунъ, 99, 100.
Агу-ногонъ-абаха, Агу-ногонъ-хатунъ, 26, 28, 32—45, 46—48, 147.	Бохо-тэли, 148.
Адай 134—136, 138.	Бохукъ, 153.
Ай-канъ, 146, 154.	Бочхэ, 139, 140.
Айкымъ-сайкымъ, 146.	Бугунетей, 144.
Аланъ-гоа, 144.	Буданъ-хатунъ-иби, 115.
Алгуй, 153.	Будля, 106.
Алтайнъ-сайнъ-саламъ, 146, 147.	Булагатъ, п. 143.
Алтанъ-сэсэкъ, 49—54, 56—58, 61.	Булхаданъ, 106.
Алтанъ-сэгсэ (Алтынъ-сэгсэ) 25, 28.	Буртъ, 144.
Алунъ-гова, 144.	Бурьтынъ, о. 144.
Алха, 127, 128.	Бурюнгутъ, п. 154.
Алъ-отъ-ижиття, 153.	Бурятай, 131.
Ангай, г. 34, 35, 45, 147.	Бухо-ноенъ бабай, 115, 148.
Ангара, р. 109, 137.	Быржа-бытыкъ, 153.
Анга-уланъ, г. 55, 56.	Бэсэхэ, п. 153.
Андзынъ-хурумчи, 145.	Галданъ-бошокто-ханъ, 134.
Анъ, 139.	Галзутъ, п. 153.
Арбанъ-бурбанъ-ноить, 154.	Галта-мого-ханъ, 25.
Аргаланъ-зонъ, 119.	Гарьюлай-моргонъ, 32, 33, 39—48, 146, 147.
Аръ-тоенъ, 145.	Гокчу-мергенъ, 152.
Ашата, 140.	Гондолъ, 25, 28, 29, 31.
Бодорхонъ, п. 138.	Гонокъ-гохонъ-духэ, 64, 67, 75, 77, 78.
Бай-баролдай, Бай-боролдзай 143.	Гочить, п. 153.
Байма, 139.	Гужиръ-тэнгэри, 148, 149.
Байнъ-кѣръ, м. 134, 135.	Гули-ханъ, 64—68, 71, 72, 74, 77, 149.
Баргу-батырь, 153.	Гумэнъ, 105.
Батанай, п. 153.	Гуниръ, 66, 68—71.
Бахакъ, 134—140, 153.	Гуниръ-шара-нохой, 39, 40.
Белгунетей, 144.	Гурба-мараль, созв. 126.
Билтагаръ-хара-шургальжанъ, 36, 42.	Гургулданъ - гурбунъ - сысынъ, 102—106.
Богдо-гысырь-ханъ, 105.	Гухый, 103.
Богдоръ, 61, 65, 72, 77.	Гысырь-ханъ, 105.
Бодонгутъ, п. 153.	Гэгэнъ-бурханъ, 148.
Бодончаръ, 143, 144.	Гэсэръ-ханъ, 127, 149, 151.
Бокухъ, 153.	Дабхальжиханъ, 7.
Болдой, п. 140.	Дагда, 7.
Боролдзой, 143.	Далай-лама, 148, 149.
Бөрто, 144, 145.	Джельбегень, 146.
Боръ-ху, 83—86.	Дзалута-мэргень, 150.
Борюха, п. 154.	

Долонъ-ёбөгедъ, созв. 126, 127.
 Доной, 117, 118, 151.
 Дононгъ-байнъ, 152.
 Дуртунъ, п. 138.
 Ертене-мергенъ, 145.
 Зальдзуръ, п., 153.
 Зарай, 130.
 Зотонъ-хара, 63, 149.
 Зотынъ-нойонъ, 155.
 Зунгаръ, п., 140, 154.
 Зунъ-шикугуи, м. 135.
 Икинатъ, п., 140.
 Икиритъ, п., 143.
 Иринъ-сайнъ, 149.
 Ирхэнтхи, 106.
 Кальджанъ-ирхытъ, 152.
 Коготей, Когутей, 149.
 Козу-курпечъ, 150.
 Колду-бурханъ, 145.
 Кохоце-мергенъ, 152.
 Кубай-ко, 148.
 Кубдуть, п., 153.
 Кырылъ-түсюмярь, 153.
 Кюндюль-чаганъ, 153.
 Кюнъ-канъ, 146.
 Кюра-чаганъ, 153.
 Лута, 139.
 Маидрянская гора, 135.
 Малихэ, 154.
 Манзанъ-гёрмё-ётёдэ, 127.
 Махагаланъ-бурханъ, 108.
 Мого-ханъ, 25, 26.
 Монто-ханъ, 28.
 Му-монто, 25—31, 146.
 Мундурга, г., 115.
 Мынгъ-кызъ, 147.
 Мэлхэнъ-дала, море, 128.
 Нагатай, 153.
 Наранъ-гэрэлъ, 72—74.
 Ногонъ-гохонъ, 14, 16.
 Ногонъ-хонгоръ, 14, 16.
 Ногонъ-дара-экэ, 147, 148.
 Нохойрогъ, п., 154.
 Оле-олекчинъ, 140—143, 154, 155.
 Онхоль-заринъ, 135.
 Пахатей, 139.
 Сагатай, 149.
 Саксага - гохонъ - абаха, 50, 51, 60, 61.
 Солбонъ, з., 125, 126.
 Сорготэнъ-хара, г., 135.
 Сухоръ-нойнъ, 135.
 Сымырь, г., 109.
 Сэскэлъ, 7.

Сянъ-ханъ, 134.
 Табяжинъ, п., 138.
 Тайжи-ханъ, 115.
 Тальянъ-шара-мангатхай, 65—67.
 Тангиль-шара-мангатхай, 15, 16.
 Тарданакъ, 146.
 Тасъ-таракай, 151, 154, 155.
 Тасъ-хара, 109, 113, 114, 151.
 Тенехонъ, 21—24, 146.
 Токлокъ, 125, 126.
 Тумэнъ-джиргаланъ, 149.
 Тумъ-ногонъ-духэ, 148.
 Тэбэкъ - ноговь - абаха, 14—16, 146.
 Тэктэбей-мергенъ, 154, 155.
 Тэмэ-ногонъ, 149.
 Тэмэ-уланъ-ханъ, 96—98.
 Тэнгрийнъ-хобунъ, 108, 151.
 Тэнгэринъ-оёдолъ, Млечный путь, 127.
 Тэртэ, п., 154.
 Убугу-ханъ Аганъ - саганъ-ханъ, 138.
 Удъ-галай-ханъ, 153.
 Уинъ, 105.
 Уинэй-убугунъ, 105.
 Улаолзай, п., 154.
 Ултей, 131.
 Улява, п., 154.
 Улиха, м., 135.
 Ундуръ-гегенъ, 151.
 Уханай, 6—10, 145.
 Хайнъ-ханъ, 137.
 Халбинъ, п., 153.
 Хамнагатай, 131.
 Хангавай, 147.
 Хангинъ, п., 144.
 Ханъ-гужиръ, 61, 63—78, 148, 149.
 Ханъ-хормусты, 143.
 Ханъ-хурдэ-ханъ, 121, 152.
 Ханъ-хута-бабай, 148.
 Ханъ-хэрэгдэ, 69—71, 119.
 Ханъ-чаганъ, 153.
 Харгана, 153.
 Харжи-мина, 90—92.
 Харжи-муя, 60, 61.
 Харитай, 144, 145.
 Хартаганъ-ханъ, 60, 61, 86—92, 94—96, 98, 100, 101, 148.
 Хартюлей, 153.
 Хасаръ, 151.
 Хатанъ-содуя, 153.
 Хахта, п., 139.
 Хинхуна - багинъ, Хинхунай, 94—98.
 Хламъ-бурханъ, 116.
 Хоацай, п., 153.
 Хожиръ, 126.

ОПЕЧАТКИ и НЕДОСМОТРЫ:

Стр.	Стр.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
34	8	зубахъ	въ зубахъ
75	9	Царевна-гонокъ	Царевна Гонокъ-гохонъ
149	8	Гэгэнъ бурханъ	Гэгэнъ-одунъ
„	20	Ханъ-гужира	Ханъ-гужира
„	24	тунгутской	тангутской
151	38	Чандрагомину	Чандрагомину

На страницѣ 113 послѣдняя строка снизу и на стр. 114 строки 1 и 2 лишнія.

СКАЗАНИЯ БУРЯТЪ.

I.

Алтанъ-Шагай-мэргынъ.*)

Въ прежнее славное, благополучное, богатое время, когда земля становилась землей, вода становилась водой, когда великая гора Сумбырь была съ кочку, а великое молочное море съ лужу, самая большая рыба—молькой, среди желтой степи, въ близи желтаго моря, у подошвы горъ стоялъ, какъ срубленная скала, достигая до небесъ, серебряный дворецъ, съ городьбой изъ сплошнаго серебра, съ филенчатыми серебряными воротами, съ серебро-перломутровыми дверями, съ порогомъ изъ литаго серебра, съ крыльцомъ длиннымъ предлиннымъ, такъ что кобыла съ жеребенкомъ едва могла перебѣжать его, и кобыла съ лончакомъ пройти его, переступая съ ступени на ступень; ступени этого крыльца изъ чистаго серебра. Вверху его сорокъ тысячъ оконъ, внизу семьдесятъ тысячъ оконъ, у каждой стѣны по караульному, у каждаго окна по подслушивателю, въ каждомъ углу по бурхану. Разнаго скота паслось по задней сторонѣ (ара одо) сто тысячъ, а по внутренней (убыр одо) безчисленное множество. Родившійся владѣтелемъ всего этого богатства былъ сынъ Унтэ-Тархи'я**) Алтанъ-Шагай-мэргынъ.

У Алтанъ-Шагай-мэргына былъ соловой конь Агуй-Шарга-морёнъ, которому на всемъ бѣломъ свѣтѣ не было равнаго коня по бѣгу, какъ и самому Алтанъ-Шагаю во всей вселенной не было равнаго по силѣ. Былъ еще у Алтанъ-Шагай-мэргына старшій братъ Ногонъ-

*) Алтанъ—«золото», «золотой»; мэргынъ «стрѣлокъ».

**) Унтэ тархи «драгоценная голова».

Соё-мэргынъ пятидесяти лѣтъ съ женой, т. е. невѣсткой Алтанъ-Шагай, Ногонъ-Толё также пятидесяти лѣтъ. Не было у старшаго брата сына, котораго-бы онъ могъ нянчить у груди, не было и дочери покачать на ногахъ. Алтанъ-Шагай-мэргынъ спалъ, не раздѣваясь, проглатывалъ, не пережевывая; въ продолженіи семи сутокъ пьянствовалъ день и ночь.

Однажды утромъ, когда Алтанъ-Шагай протрезвился, невѣстка его Ногонъ-Толё и говоритъ ему: «Ну, почему ты такой молодой такъ сильно пьешь водку? Табуны наши, пасущіеся въ вершинѣ пади и рогатый скотъ и овцы, пасущіеся внизу пади давнымъ-давно кружатъ (бродятъ) безъ всякаго присмотра; братъ твой сталъ уже старъ, а ты почему все пьянствуешь»? Алтанъ-Шагай-мэргынъ почувствовалъ справедливость этихъ словъ, вымылъ лицо и руки, вышелъ на улицу, остановился на крыльцѣ злато-серебряномъ, обвелъ пѣгопестрыми глазами золотую степь, посмотрѣлъ бѣлопестрыми глазами (туда и сюда) вдаль и вблизи и усмотрѣлъ на задней сторонѣ Алтайской горы (Алтаин арда) соловаго коня Агуй-Шарга-морена, у котораго крестецъ (у́са) былъ, какъ ящикъ, арбинъ (брюшной жиръ), какъ пола. Алтанъ-Шагай-мэргынъ свистнулъ, какъ десять человѣкъ, гаркнулъ, какъ двадцать человѣкъ. Агуй-Шарга-моренъ прислушивается правымъ торчащимъ ухомъ къ верхнимъ обитателямъ, а лѣвымъ торчащимъ ухомъ къ подземнымъ обитателямъ и рѣшаетъ: «Какъ будто это слышится голосъ моего хозяина»? Отбросивши оба торчащихъ уха на загривокъ, а бѣлоснѣжный свой хвостъ на крестецъ, храпнулъ, туманъ сталъ, фыркнулъ, пыль поднялась, и побѣжалъ. Прибѣгаетъ къ дому, со звономъ отворяетъ ворота серебряныя филенчатые, вбѣгаетъ и останавливается у имѣющей восемнадцать дѣлений коновязи, какъ привязанный и стоитъ, какъ обыкновенно стоятъ привязанные кони, съежился, какъ заяцъ. Алтанъ-Шагай-мэргынъ надѣваетъ на него обротъ (недоузокъ), оправленную въ серебро, обуздываетъ его серебряной уздой, налаживаетъ на него легкій шелковый потникъ и обсѣдываетъ его

серебрянымъ сѣдломъ; подтягиваетъ его десятью подпругами, онъ сгибается; стягиваетъ его двадцатью подпругами, онъ ёжится; втыкаетъ подъ переднюю луку сѣдла плетъ, сплетенную изъ кожи трехгодовалого быка и привязываетъ его (коня) плетенымъ шелковымъ поводомъ къ серебряной коновязи, а самъ входитъ въ юрту (домъ), останавливается на *барунтэ* (т. е. на лѣвой сторонѣ по входѣ въ юрту), надѣваетъ на себя лѣтній легкій шелковый дыгылъ (халатъ, опушенный у богатыхъ выдрой), застегиваетъ безъ ошибки всѣ 108 пуговицъ; далѣе надѣваетъ на себя зимній теплый дыгылъ (шубу), застегиваетъ ее на безчисленное множество пуговицъ; сверхъ этого надѣваетъ непромокаемую отъ девяностилѣтняго дождя большую черную шубу, а потомъ одѣвается въ несокрушимую девяностидевятью стрѣлами кольчугу; надѣлъ съ гору шапку и усѣлся тутъ-же (*барунтэ*), какъ величественный вѣтвистый кедръ, покачиваясь. Незѣстка ставитъ передъ нимъ золотой столъ, на который устанавливаетъ самыя вкусныя кушанья и поить вкуснѣйшимъ краснымъ сливнымъ чаемъ*).

Послѣ этого Алтанъ-Шагай-мэргынъ вышелъ на улицу, сѣлъ на коня и отправился; видно было только пыли горсть у коновязи, да за тремя падами мелькнула красная кисть на шапкѣ, да серебряный колчанъ блеснулъ. Ногонъ-толѣ только ахнула: «Вотъ такъ это молодецъ!» Затѣмъ (Алтанъ-Шагай), выѣхавши на трактъ, бѣжитъ, какъ брошенный камень катится по землѣ, летитъ, какъ соколъ со свистомъ; тихо ѣдетъ, дерна отрываетъ съ чашку**) (отлетаетъ отъ копытъ), а скоро ѣдетъ съ корытце***) Затѣмъ осматриваетъ весь, пасущійся въ вершинѣ и внизу пади, скоть. Скота много прибавилось противъ прежняго. Раскинувши полы и крикнувши зычнымъ голосомъ, собираетъ весь скоть, гонитъ его къ

*) Такой чай нѣкоторые буряты пьютъ и сейчасъ; варится онъ въ котлѣ, сливается поваренкой до тѣхъ поръ, пока не будетъ, какъ сусло и пока не останется ничего, изъ чего можно было получить еще наваръ.

О. Н. Зат—съ.

**) Аяга—чашка величиною съ нашу полоскательную. О. З—съ.

***) Тыбшэ—корытце, въ которомъ рубятъ мясо. О. З—съ.

большому желтому морю и поить его здѣсь. Выпивъ все море до гальки, скоть постукиваетъ ногами объ нее (гальку). Алтанъ-Шагай-мэргынъ скоть пригналъ, угналъ и оставилъ его.

Послѣ этого, смотря вверхъ, смѣется, смотря внизъ, плачетъ: «Кому достанутся мои табуны и скоть во владѣніе? Братъ мой уже пятидесяти лѣтъ, самъ я цѣликомъ глотающій, толсто-глотающій» (т. е. человѣкъ одинокій). Въ это время слышится неизвѣстный голосъ: «Алтанъ Шагай-мэргынъ! солнце твое еще высоко, года твои еще малы. Что печалишься! Возвратясь домой, попроси невѣстку Ногонъ-Толё высидѣть десять котловъ двоенаго и троенаго тарасуна (арзо-харзо), двадцать котловъ учетвереннаго (хорзо-харза) и вмѣстѣ съ ней этотъ тарасунъ пей. Самъ-то ты, впрочемъ, вовсе не пей, а невѣстку пой обманомъ. Когда она опьянѣетъ, она тебѣ укажетъ суженую». Выслушавши это, онъ отправляется домой переступью. Ъхавши такъ, онъ услыхалъ шумъ-гамъ; сильно удивившись этому, сталъ смотрѣть вблизи и въ даль; съ восточной стороны поднимается тонкій столбъ пыли, достигающій до небесъ; толстый слой пыли растилается по землѣ, покрывая ее. Онъ смотритъ въ средину этого и видитъ, прямо по направленію къ нему летитъ стрѣла съ наконечникомъ въ конскую голову и говоритъ: «Гдѣ ты, Алтанъ-Шагай-мэргынъ»? Тогда Алтанъ-Шагай-мэргынъ разстегиваетъ изъ ста восьми пуговицъ восемь и, чтобъ проклятая стрѣла, пролетѣвъ, не разорвала одежды, выставляетъ впередъ свою черную обнаженную грудь. Стрѣла эта прилетѣла, лишь только онъ открылъ грудь, и ударила въ нее; остріе конца заворотилось и вершина (оно)* отломилась, а сама она отскочила и упала на разстояніи однодневнаго пути.

Стрѣла эта ударила въ черную грудь Алтанъ-Шагай-мэргына, какъ будто о твердый камень, зазвенѣла и издала такой звукъ, какъ бы ударила о бурый камень. Отправляется узнать, посмотрѣть, что это за стрѣла и видитъ, на верхней сторонѣ стрѣлы золотомъ написано,

*) Плоскій желѣзный наконечникъ стрѣлы по бурятски «зэбэ»; трехгранный и четырехгранный наконечники — «хангай». Деревянный конецъ стрѣлы, противоположный наконечнику — «болсу». «Оно» выемка, въ которую влагается тетива; «зынгъ» костяной боченокъ для стрѣлы-свистунки.

на нижней сторонѣ бѣлымъ серебромъ написано; беретъ эту стрѣлу и читаетъ, не мигнувъ глазомъ, не переступивъ съ мѣста. Тутъ было написано: «Дни долги, ночи короткія; наслышавшись, что есть неимовѣрный силачъ Алтанъ-Шагай-мэргынъ, мы приглашаемъ его на пиръ, мы, живущіе на востокъ, девять братьевъ одного отца мангасхая посылаемъ». Такъ онъ вычиталъ. Соскребши все написанное на этой стрѣлѣ, пишетъ золотомъ на задней сторонѣ! «Я пріѣду къ вамъ къ тому времени, когда родившійся теперь будетъ въ состояніи носить колчанъ и когда сотрется ушко у желѣзнаго стремени». Затѣмъ дѣлаетъ стрѣлѣ внушеніе: «Ты полетай туда, гдѣ живетъ самый старшій братъ; на западной сторонѣ дворца*), въ углу его, пробей самыя коротенькія доски крыши, влети и отсѣки напрочь правую заднюю ножку отъ ширэ**), на которомъ будетъ сидѣть онъ».

Стрѣла эта влетаетъ и отсѣкается. Мангасхай, сильно испугавшись, слетѣлъ (упалъ) съ ширэ. Беретъ эту стрѣлу, смотритъ и читаетъ и видитъ, что тамъ написано, что Алтанъ-Шагай-мэргынъ пріѣдетъ сюда, когда родившійся теперь сынъ въ состояніи будетъ носить колчанъ и когда ушко желѣзнаго стремени изотрется. Этотъ старшій братъ собираетъ своихъ младшихъ братьевъ и говоритъ имъ: «Уничтожимте его, пока онъ еще не женился; если онъ будетъ съ сыномъ, онъ сдѣлаетъ, что изъ насъ не будетъ ни мяса, ни щей». Такъ рѣшили. Затѣмъ ѣдетъ домой трактомъ рысцой, побрякивая патвеей (ханхинса***). Пріѣзжаетъ домой, привязываетъ у основанія коновязи, имѣющей двѣнадцать дѣленій, шолковымъ плетенымъ поводомъ коня, а самъ входитъ въ юрту. Начинаютъ бесѣдовать съ старшей невѣсткой; онъ рассказываетъ ей, что пасущагося разнаго скота прибавилось множество. Невѣстка ставитъ золотой

*) Здѣсь разумѣется восьмиугольная юрта.

О. З—въ.

**) Маленькій столикъ, а также и тронъ

О. З—въ.

***) Ханхинса значитъ звѣнить. Буряты на патвею сѣдла привѣшиваютъ побрякушки въ родѣ бляхъ одну на другую, которыя при ѣздѣ рысью, ударяясь другъ о друга, производятъ бряцаніе. Отсюда образное выраженіе: ханхинса-хатаражи ябобо, «побрякивая рысить».

О. Н. З—въ.

столь, наставляеть на него самыя вкусныя кушанья и угощаетъ его краснымъ сливнымъ чаемъ. Разговаривая о томъ, о семъ (обор-табар), Ногонъ-Толё невѣстка, между прочимъ, спрашиваетъ Алтанъ-Шагай-мэргына: «У тебя есть какая-то печаль въ груди? Глаза твои слезятся». Тогда Алтанъ-Шагай-мэргынъ сказалъ: «Невѣстка, невѣстка! я съ вами еще ни разу не пилъ водки. У меня теперь явилось сильное желаніе выпить съ вами? Выкурите десять котловъ двоёнаго и троёнаго тарасуна, двадцать котловъ выкурите четвернаго тарасуна и выпьемъ съ вами». Выслушавъ это, Ногонъ-Толё невѣстка выкуриваетъ десять котловъ двоёнаго и троёнаго тарасуна, двадцать котловъ четвернаго тарасуна (т. е. четыре раза перегнаннаго). И такъ оба пьютъ. Алтанъ-Шагай-мэргынъ, показывая видъ, что пьетъ, выливаетъ за пазуху. Невѣстка пила-пила и сдѣлалась краснорыжей. Тогда Алтанъ-Шагай-мэргынъ спрашиваетъ: «Вы давно уже живете моя невѣстка! много слыхали и видали! укажите-ка мнѣ суженую!» «Ты, чтобъ выпытать у меня это, нарочно спаиваешь меня; хотя-бы и такъ, все-же таки я тебѣ не укажу». Тогда Алтанъ-Шагай-мэргынъ наливаетъ одну большую чашу двоёнаго тарасуна; встаетъ на колѣни и угощаетъ ее. Выпивши эту чашу, она совершенно опьянѣла. Опьянѣвъ, начинаетъ говорить: «Въ давнія-давнія времена, когда я была молода и сшивала небо*), наравнѣ со мною шила одна маленькая дѣвочка. Это и есть твоя суженая. Это на западѣ Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи**), дочь Баянъ-Мунгэй-хана, но достать ее встрѣчается много препятствій; если ты будешь молодцомъ, то побѣдишь всѣ эти препятствія, возьмешь ее за себя».

Послѣ этого Алтанъ-Шагай готовится, днемъ при свѣтѣ солнечныхъ лучей, ночью при свѣтѣ свѣчи (т. е. готовится день и ночь); отломившееся приклеиваетъ, оторвавшееся сращиваетъ;

---

*) Млечный путь по вѣрованію бурятъ есть шовъ небесный. О. Н. З.

**) Гхайхан — прекрасный, красивый; ирэн — пестрый; тарбажи — степной орелъ

Агуй-Шарга-морена (коня) ставить на навозную кучу*) и выдерживает до степени состоянія бѣлки, ставить его на ледъ, чтобъ копыта его приняли настоящій видъ; приготовляетъ всѣ свои воинскіе доспѣхи. Ногонъ-Толѣ невѣстка, протрезвившись, говоритъ: «Что ты дѣлаешь, собака? (ажа-нохой яга-б-ш?**) куда ты собираешься»? Алтанъ-Шагай-мэргынъ говоритъ: «Ты мнѣ указала свата, я и рѣшилъ туда ѣхать». «Что ты, собака! я сказала это въ пьяномъ видѣ. Сколько молодцовъ удалѣе тебя рѣшались на это, но возвращались ли, я не слыхала». Тогда Алтанъ-Шагай-мэргынъ говоритъ: «Мужчина-человѣкъ не отказывается отъ своего рѣшенія, какъ волкъ и собака не опускаютъ кости, попавшейся имъ въ пасть. Не все-ли равно, гдѣ-бы не легли мои кости и кости коня? т. е. не все-ли равно, гдѣ-бы не умирать, лишь-бы умереть съ бранною честію».

Послѣ этого выходитъ на улицу, садится на коня и отправляется. Ногонъ-Толѣ невѣстка: «стой!»! говоритъ. Сжимаетъ въ два комка мясо двадцати кладеныхъ барановъ, двадцать копенъ сѣна свертываетъ въ двѣ горсти и кладетъ ихъ на дно въ футляръ (хормого) лука и говоритъ: «будешь голодать или мерзнуть, бери и ѣшь!»! и благословляетъ его, даетъ ему благопожеланіе: «въ родную землю возвратись, въ свое мѣсто вернись!»! И такъ Алтанъ-Шагай-мэргынъ отправился; видно было только пыли горсть у коновязи, да за тремя падами мелькнула красная кисть на шапкѣ, да серебряный колчанъ блестнулъ. Затѣмъ Алтанъ-Шагай-мэргынъ, звеня, рысать по тракту, узнавая лѣто по пѣнію овсянки (алтын-гургултай) и опредѣляетъ зиму по щекотанію сороки. «Ну, говоритъ, пора дать отдыхъ себѣ и коню!»! и съ этими словами поднимается на вершину высокой горы Сумбырь во весь опоръ; одной стрѣлой убиваетъ изюбря и самку, разложивши большой костеръ огня, вздѣв-

*) Почти у каждого бурята на лѣто въ кучу загребаются навозъ, который зимой подстилается мелкому скоту вмѣсто соломы. Этотъ распушенный навозъ, если онъ овечій, называется хохиръ, если коровій—хи. Обыкновенный же жесткій навозъ зовется аргаль. О. Н. З—въ.

**) Это выраженіе ни какъ не ругань, а что-то ласкательное.

ши на два вертела убитыхъ звѣрей, поставилъ ихъ жарить. Сидя такимъ образомъ, обзрѣваетъ своими бѣлопестрыми глазами въ даль и въ близъ и видитъ на разстояніи однодневнаго пути стоятъ три дворца, достигающіе до небесъ; на дворѣ ихъ стоятъ, какъ кровь, три рыжихъ коня, обвѣшанные колчанами и луками, стоятъ и рвутся. Что это за народъ живетъ? Разсѣдываетъ своего коня Агуй-Шаргаморена, серебряное сѣдло кладетъ подъ голову, шелковый потникъ подстилаетъ подъ себя и ложится на спину и думаетъ: «А что, если пѣшкомъ сходить, посмотрѣть это»? Уходитъ.

Рѣшивши войти въ первый верхній дворецъ (ордой ургок), вынимаетъ изъ футляра лукъ, приподнимаетъ имъ верхнюю колоду (юрты) дворца, смотреть туда и видитъ; по входѣ на лѣвой сторонѣ (барунтэ) сидитъ молодецъ-молодцомъ, съ краснымъ лицомъ и съ зубами въ лопату; на хойморѣ (въ задней сторонѣ т. е. противъ дверей) сидитъ съ подрывникомъ (халзулара) бѣлизны превосходящей сіяніе солнца, съ горломъ, превосходящимъ сіяніе луны; изъ лоскутка шелковой матеріи въ ладонь величиной сшиваетъ десять одеждъ, изъ лоскута шелка въ полу величиной сшиваетъ двадцать одеждъ и бросаетъ ихъ по обѣ стороны (взадъ и впередъ). Сидя, такъ мужа спрашиваетъ: «Что-ты такъ сидишь? или воображаешь, что нѣтъ тебѣ подобнаго человѣка»? Тогда мужъ говоритъ: «Гдѣ-же такой мнѣ подобный человѣкъ есть»? — Ахъ ты, собака! говоритъ жена. Прямо на юго-востокѣ есть сынъ Унтэ-Тархія Алтанъ-Шагай-мэргынъ; сравнишься-ли ты съ нимъ? — «Я его, этого твоего привяжу въ правыя торока! говоритъ мужъ. А ты что думаешь, что тебѣ нѣтъ подобной? Есть гораздо лучше тебя. Прямо на сѣверозападѣ дочь Баинъ-Мунгэй-хана Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи, шьетъ она безъ шва, пищу приготовляетъ безъ пара; сравнишься-ли ты съ ней»? Жена говоритъ: «Та небеснаго происхожденія, а я земнаго». Услышавши это, Алтанъ-Шагай-мэргынъ идетъ ко второму нижнему дворцу, поднимаетъ тѣмъ-же порядкомъ верхнюю дверную колоду и опять слышитъ такой-же разговоръ. Идетъ къ третьему дворцу, крайнему-нижнему и опять слышитъ тоже самое.

Тогда беретъ онъ маленькій лоскутокъ бумажки и пишетъ на немъ: «Привязать Алтанъ-Шагая въ правые торока приходите на вершину горы Сумбырь да по спутности уведите и своихъ трехъ коней». Когда эти парни вышли на улицу, трехъ коней нѣтъ. Ищутъ тамъ и сямъ, не могутъ найти даже и слѣда. Ища такимъ образомъ, находятъ у основанія одной коновязи бумажку въ ладонь величиной. Никого не могутъ найти прочесть эту бумажку. Одна женщина, знающая грамоту, читаетъ: «Я Алтанъ-Шагай-мэргынъ увелъ вашихъ коней; приходите и привяжите меня въ правыя торока и уведите своихъ коней». Эти три молодца засучиваютъ красивые рукава до локтей, затыкаютъ красивыя полы за поясъ и разсуждаютъ: «Днемъ-ли, ночью-ли мы увидимъ Алтанъ-Шагай-мэргына, принесемъ его орѣховую голову! Вотъ увидите!»! говорятъ женамъ. А жены имъ говорятъ: «какъ только увидите Алтанъ-Шагая, тотчасъ упадете въ обморокъ» и разошлись по домамъ. Эти трое молодцовъ отправляются. Взбираясь на гору Сокто-Сумбырь, видятъ что-то распростершееся, возвышающееся подобно горѣ и около цѣликомъ изжаренныхъ изюбря и матку. Увидѣвши это, они упали въ обморокъ. Вставши, Алтанъ-Шагай говоритъ: «Что, человѣка не видали, подъ ногами жили? людей не видали, подъ подошвою жили»? Хлестнувъ ихъ собонымъ рукавомъ, заставляетъ встать. Они, вставши, слагаютъ руки ко лбу по-ламайски и молятся на него (кланяются). «Ну, вяжите меня въ правыя торока». Тѣ отпираются: «Я не говорилъ»!.... «Я не говорилъ»!.... «Ну, идите, поймайте моего коня и приведите»! Отдаетъ имъ узду. Узду эту они и втроемъ даже поднять не могутъ. «Вы такіе слабосильные никогда не говорите, что человѣка привяжемъ въ правыя торока».

Поймавши самъ, надѣвши узду: «Положите», говоритъ, «потникъ»! Потникъ этотъ они втроемъ сдвинуть даже не могутъ. Тогда онъ самъ налаживаетъ потникъ. Опять имъ говоритъ: «Осѣдлайте моего коня»! Опять не могутъ сшевелинуть сѣдла. Опять самъ осѣдливаетъ. Потомъ оба вертела втыкаетъ передъ собой и всѣмъ имъ

троимъ даетъ по ребру. Остальное, нѣсколько разъ откусивши, съѣлъ, кости и негодныя части мяса выплюнулъ (выфыркнулъ) ртомъ и носомъ. А тѣ три не могли съѣсть и по половинѣ. «И такъ, послѣ этого вы много не говорите, а когда я отправлюсь, вы молитесь до тѣхъ поръ, пока я не скроюсь изъ вида!» И такъ отправился.

Алтанъ-Шагай-мэргынъ рысать по тракту, звеня. Когда онъ ѣдетъ, вдругъ слышитъ, поднимается какой-то гулъ. Летитъ стрѣла. Гдѣ ты Алтанъ-Шагай?—Что это за стрѣла? она, пожалуй, разорветъ мою одежду? Изъ ста восьми пуговицъ разстегиваетъ восемь и выставляетъ впередъ свою черную грудь. Изъ оно*) этой стрѣлы дымъ идетъ, а изъ наконечника огненные искры летятъ. Попадаетъ она прямо въ грудь и прострѣливаетъ насквозь, дѣлая отверстіе, въ которое видѣнъ свѣтъ утренней зари и лучи дневнаго солнца; вылетаетъ, намотавши на себя легкія и сердце. Алтанъ-Шагай-мэргынъ, раскинувши руки, чуть не падаетъ; когда онъ склоняется на задъ, конь подставляетъ ему крестецъ, когда онъ склоняется впередъ, подставляетъ гриву, а когда валится на бокъ, подставляетъ ему ребра. Алтанъ-Шагай-мэргынъ еле-еле вытащилъ лукъ свой изъ футляра и оперся имъ о землю, вытащилъ изъ серебрянаго колчана стрѣлу одонъ-хангай, налаживаетъ ее на лукъ и наговариваетъ ей, чтобъ она преслѣдовала (стрѣлившаго), куда-бы онъ ни заходилъ и куда-бы онъ ни выходилъ и пускаетъ ее. Стрѣла улетаетъ. Загудѣли вверху восемь небесъ, заколебались внизу семь частей свѣта. Эта стрѣла пущена въ самага Жоргодой-мэргына, имѣющаго шесть большихъ пальцевъ. Къ нему эта стрѣла и прилетаетъ. Съ шестью большими пальцами (зурган эрхэтей) Жоргодой-мэргынъ, испугавшись ея, вспрыгнулъ на яблочно-чубараго коня и поскакалъ. Стрѣла гонится за нимъ и чуть-чуть уже не догоняетъ его. Бросивши коня, онъ впрыгнулъ въ море и превратился въ семьдесятъ молекъ (небольшихъ рыбъ). Стрѣла-же превра-

*) Оно—ушко стрѣлы, въ которое влагается тетива.

тилась въ семь щукъ, глотаешь ихъ одну по одной. Осталась только одна молька. Молька эта выпрыгнула (изъ воды) и превратилась въ просо и разсыпалась по одному полю, щука (стрѣла) превратилась въ курицу и начала клевать просо. Осталось одно зернышко, которое превращается въ жаворонка и улетаетъ подъ небеса. Стрѣла, превратившись въ сокола, гонится за ней. Тогда рѣшивъ, что эта стрѣла погибшаго хозяина не оставитъ его, принимаетъ настоящий видъ, садится и выставляетъ впередъ свою открытую грудь. Стрѣла прострѣливаетъ насквозь выставленную грудь, вырываетъ легкія и сердце и улетаетъ. Стрѣла эта прилетаетъ къ хозяину и входитъ въ колчанъ.

Увидѣвши глазами легкія и сердце, Алтанъ-Шагай-мэргынъ, сказавши: «Ты хотя и впередъ меня стрѣлялъ, но не видѣлъ моихъ легкихъ и сердца, а я твое сердце видѣлъ», упалъ, раскинувшись (алдалажи унабо). Затѣмъ конь его Агуй-Шарга-моренъ, отдохнувши, снимаетъ съ него всѣ одежды и прячетъ подъ большой камень. Самъ-же отправляется къ Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи, воскрешающей мертвыхъ и обогащающей бѣдныхъ (обѣднѣвшихъ); пришатился къ табуну Байнъ-Мунгэй-хана совсѣмъ осѣдланный. Надсматривавшіе за табуномъ пастухи пришли и говорятъ хану: «Къ нашему табуну пришатился шибко хорошій конь со всѣми принадлежностями» (осѣдланный). «Этотъ конь посланъ съ неба для моей дочери», говоритъ ханъ. Затѣмъ собираютъ народъ, чтобъ устроить облаву и поймать этого коня. Множество народа отправляется и гонится за нимъ. Конь обѣгаетъ кругомъ три раза степь Гунынъ, обѣгаетъ четыре раза кругомъ степь Дунунъ. Затѣмъ этотъ конь, вбѣжавши въ одинъ березникъ, нарочно поводомъ запутывается и тутъ остановился. Тогда этотъ народъ приходитъ и ловить его, спутываютъ всѣ его четыре ноги желѣзными путами и такъ приводятъ его. Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи сидитъ у окна и смотритъ. Затѣмъ Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи садится на этого коня: ѣдетъ на сѣверо-западъ—по новому иноходитъ, ѣдетъ на юго-во-

стокъ—по жеребьячи иноходить. Тогда Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи говоритъ: «Распутайте ему всѣ четыре ноги,—пута ему препятствуютъ,—и тогда онъ будетъ еще лучше иноходить». Два сильныхъ богатыря берутъ его подъ уздцы и онъ все иноходить. Затѣмъ онъ какъ храпнулъ, туманъ поднялся, фыркнулъ, пыль пошла, отбросилъ двухъ славныхъ богатырей и понесся по воздуху.

Тогда Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи говоритъ: «Коль скоро ты такъ меня обманулъ, вѣдь и я имѣю чудодѣйственную силу». Вынимаетъ изъ кармана тарбажинныя перья (степнаго орла) и, воткнувши ихъ, намѣревается улетѣть; тогда Агуй-Шарга-моренъ (конь) сдвинулъ зубами оба стремени и сжалъ въ нихъ ноги Тарбажи, чтобъ она не могла ихъ вытащить и улетѣть. И такъ бѣжить и, далѣе, спускаетъ ее на кости хозяина. Она-же говоритъ: «Такъ какъ ты привезъ меня обманомъ, то я не оживлю твоего хозяина». Возносится на небо. Тогда этотъ конь ржетъ въ слѣдъ сѣдоку: «Эсэгэ-Маланъ-тэнгри! ты творецъ! Къ этому умершему моему хозяину я привезъ Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи, но она, не ожививъ его, вознеслась на небо!» Эсэгэ-Маланъ-Тэнгри, видя, зная все это, посылаетъ каменный градъ, пускаетъ кровяной дождь; солнце свѣтитъ лишь только надъ костями Алтанъ-Шагай-мэргына. Тогда эта дѣвушка, шлепая распростертыми мокрыми крыльями, опускается на эти кости. Рѣшивши, что этотъ лишившійся хозяина, не отстанетъ отъ нея, подбираетъ всѣ кости; три раза плюнувъ на нихъ и махнувъ три раза чернымъ шелковымъ платкомъ, оживляетъ Алтанъ-Шагай-мэргына. А сама, сѣвши на маленькое черное облако, вознеслась на небо.

Алтанъ-Шагай-мэргынъ, говоря: «Какъ я долго спалъ!» приводитъ въ порядокъ свои волосы и лицо. Тогда Агуй-Шарга-моренъ начинаетъ рассказывать Алтанъ-Шагаю все бывшее, какъ раньше, такъ и теперь (т. е. о томъ, что было послѣ того, какъ его убили). Потомъ Агуй-Шарга-моренъ приноситъ и отдаетъ какъ всѣ доспѣхи, такъ и всѣ одежды. Тогда Алтанъ-Шагай-мэргынъ обнимаетъ толстую шею своего коня, схватившись за тонкую шею,

обнимаетъ его; изъ золото-черныхъ глазъ его льются слезы, изъ черно-выпуклыхъ глазъ его постоянно капаютъ. Послѣ этого (Алтанъ-Шагай-мэргынъ) говоритъ: «Ногонъ-Толё, моя невѣстка, что-то положила въ футляръ моего лука»? Вынимаетъ со дна футляра два комка мяса двадцати кладеныхъ барановъ и двѣ горсти сѣна — двадцать копенъ (спрессованныхъ), разворачиваетъ и даетъ коню; мясо-же самъ ѣстъ.

Затѣмъ отправляется искать, гдѣ лежитъ убившій его чело-вѣкъ. У подошвы одной горы виднѣется, какъ гора; кажутся какъ скала, лежатъ кости и останки. Около этого стоитъ сивый иноходецъ, исхудалый до того, что у него изъ одного паха въ другой просвѣчивается (черезъ пахъ солнечный свѣтъ сквозитъ). Всѣ эти кости и останки Алтанъ-Шагай-мэргынъ складываетъ и подбираетъ. Затѣмъ три раза плюнувши, три раза черезъ нихъ перешагнувши и три раза махнувши на нихъ чернымъ шелковымъ платкомъ, оживляетъ его. Съ шестью большими пальцами Жоргодой-мэргынъ: «Какъ», говоритъ, «я долго спалъ»! поднимается и садится. Побратались оба, сидятъ и бесѣдуютъ (ставши старшимъ и младшимъ братьями). Обмѣниваются съ праваго указательнаго пальца рѣзными серебряными перстнями и уговариваются, что послѣ этого, въ случаѣ какой на кого невзгоды, они должны помогать другъ другу. Послѣ этого распрощались. Жоргодой-мэргынъ отправился домой, а Алтанъ-Шагай-мэргынъ, звеня, зарысилъ къ Баинъ-Мунгэй-хану.

Приѣзжаетъ къ Баинъ-Мунгэй-хану, слѣзаетъ съ коня, привязываетъ его за шелковый плетеный поводъ къ золотой коновязи, а самъ входитъ. Баинъ-Мунгэй-ханъ, испугавшись, встрепенулся на ширэ (на тронѣ). Тотъ здоровается съ нимъ, отдавая ему царскія почести. Баинъ-Мунгэй-ханъ спрашиваетъ: «Откуда и куда путь держишь, молодецъ»? «Я Алтанъ-Шагай-мэргынъ, сынъ Унтэ-Тархія, живущаго отсюда прямо на юго-востокѣ, предлагаю себя въ зятевья, а кушакъ свой въ сваты». Радуюсь этому (ахъ

какое, дескать, славное слово сказалъ), усаживаетъ его барунтэ (на лѣвой сторонѣ по входѣ въ юрту), ставитъ передъ нимъ золотой столъ, уставляетъ этотъ столъ разными самыми вкусными кушаньями и угощаетъ краснымъ сливнымъ чаемъ. Послѣ этого Баинъ-Мунгэй-ханъ приказываетъ бить въ задній барабанъ и собирается народъ; приказываетъ ударять въ передній барабанъ, собирается безчисленное множество народа. Устраивается пиръ—гулянка, выставляются водки цѣлыя озера; навариваются мяса горы (пригорки).

Дочь хана Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи жила отъ отца отдѣльно, на разстояніи однодневнаго пути. Она посылаетъ свою горничную (шигэбшэхын-барлыга) посмотрѣть и сказать ей, какого жениха нашли ей. Эта горничная, очаровавшись сладко-прекрасными рѣчами Алтанъ-Шагая, пробыла тутъ, забывъ обо всемъ, трои сутки. Очнувшись (вспомнивши), всплеснула по подолу руками и бѣгомъ выбѣжала на улицу, взяла простое деревянное сѣдло, вмѣсто потника подложила подъ сѣдло таръ*) и помчалась домой. Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи спрашиваетъ ее: «Почему ты такъ долго была тамъ»? Горничная говоритъ: «Ужасно худаго жениха нашли тебѣ, такъ что я издѣвалась надъ нимъ и меня стошнило и вырвало, потому я и пробыла тамъ трои сутки». Тогда Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи: «Чѣмъ», говоритъ, «мнѣ выходить за такого», взяла и вознеслась на небо. Алтанъ-Шагай-мэргынъ, взявши слово на три дня (т. е. чтобъ черезъ три дня была привезена къ нему невѣста), выходитъ въ желтую степь, воздвигаетъ здѣсь дворецъ высотой до небесъ и приготовляетъ пищу и питье, словомъ, все необходимое. Баинъ-Мунгэй-ханъ отправляется къ дочери. Приходитъ къ ней и не находитъ ее. Спрашиваетъ у горничной: «Куда ушла Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи»? «Не желая выходить замужъ, она вознеслась». Тогда Баинъ-Мунгэй-ханъ говоритъ: «Теперь снесетъ мнѣ голову Алтанъ-

---

*) Таръ—шерстяная ткань, которую ткутъ сами бурятки; употребляютъ вмѣсто ковровъ на покрышу половъ.

Шагай-мэргынъ, прорветъ мои локти!»! Вверхъ смотритъ смѣется, внизъ смотритъ рыдаетъ. «Байнъ-Мунгэй-ханъ! что ты сокрушаешься? Призвавши трехъ докторовъ, соскребите совершенно приставшую ко мнѣ грязь*), одѣньте меня въ одежды Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи! вымажьте меня верблюжьимъ жиромъ, сдѣлаете благовонной! вымажьте меня овечьимъ жиромъ, сдѣлаете съ пріятнымъ запахомъ и такъ доставьте меня къ нему». Такъ сдѣлавши, доставляютъ ее. Алтанъ-Шагай-мэргынъ угощаетъ. Три ночи и три дня гуляютъ. Затѣмъ народъ возвратился домой, а Алтанъ-Шагай-мэргынъ остался жить съ горничной. На утро эта госпожа встаетъ и не умывши ни лица, ни рукъ, начинаетъ варить чай. Алтанъ-Шагай дивомъ дивнымъ удивляется—лежитъ. Затѣмъ когда всталъ и сидѣлъ, пилъ чай, является посланный отъ тестя съ приглашеніемъ обоихъ въ гости. Отправляются и гуляютъ. Между сидящими налѣво (барунтэ т. е. между мужчинами) нѣтъ равнаго по разговору съ Алтанъ-Шагаемъ, а между сидящими на хойморѣ (т. е. между женщинами) нѣтъ страшнѣе жены Алтанъ-Шагая, сопливой и слюнявой. Алтанъ-Шагай-мэргынъ смотритъ на жену и дивится. Алтанъ-Шагай-мэргынъ, оставивши жену, самъ отправился впередъ.

Возвратившись домой, онъ превратился въ бѣлую колѣнчатую траву (уйтэ-саган-убугун), растущую барунтэ (по лѣвой сторонѣ по входѣ въ юрты), а Агуй-Шарга-морена превратилъ въ комокъ конскаго навоза и бросилъ его на улицу. Въ это время прилетаютъ и садятся у дымоваго отверстія (урхэ дэрэнъ) три лебедя; снявши крылья и превратившись въ трехъ хорошенькихъ дѣвушекъ, входятъ въ юрту (во дворецъ). Двое изъ нихъ сѣли «барунтэ» и изъ шелковой матеріи въ полу величиной сшили двадцать одеждъ; третья же сѣла на хойморѣ и изъ шелковой матеріи въ ладонь величиной приготовила десять одеждъ. Тогда сидящія «барунтэ» обращаются къ ней: «Почему-же ты не вышла за такого-же хорошаго мужа,

---

*) Изъ послѣдующаго текста вытекаетъ, что это говоритъ горничная царевны Тарбажи.

какъ ты»? Сидящая на хойморѣ дѣвушка говоритъ: «Все это, что я нахожусь теперь такъ, произошло отъ моей горничной, которая меня обманула». Въ это время Алтанъ-Шагай-мэргынъ принимаетъ настоящій видъ, превращается въ себя и ловить сидящую на хойморѣ дѣвушку, но не могъ ее удержать; она его оттолкнула и улетѣла. Тогда Алтанъ-Шагай говоритъ: «Хотя съ тобой и не могъ справиться, такъ справлюсь съ твоимъ отцомъ!»! Садится на своего Агуй-Шарга-морена и скачетъ. На половинѣ пути эта дѣвушка, спустившись сверху, схватила и удержала спереди за поводъ. Не смотря на это, онъ начинаетъ бить ее плетью, приговаривая: «И безъ тебя обойдусь»! Та начала уговаривать его такъ мягко и убѣдительно, что и надъ чистою водою образовались пѣнки и на гладкомъ камнѣ выросла трава. Такимъ образомъ убаяванный Алтанъ-Шагай-мэргынъ уснулъ.

Тогда она переноситъ его во дворецъ и укладываетъ. Затѣмъ, Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи приготовляетъ пищу безъ пара, шьетъ одежды безъ шва, ходитъ плавно мягко-тоненькая трава вырастаетъ, выступаетъ степенно—изъ одного стебля вырастаютъ по два цвѣтка. Алтанъ-Шагай, пробудившись, лежитъ и смотритъ и думаетъ: «Она такая, значитъ она царская дочь». Стремительно соскочивши съ постели, выбѣгаетъ на улицу, садится на коня и намѣревается отправиться. Въ это время выходитъ женщина (эта) и спрашиваетъ: «Куда ты хочешь ѣхать»? Онъ отвѣчаетъ: «Къ моему отцу, чтобъ снять съ него голову и распоротъ ему локти». — Ажа-нохой, что съ тобой! — Едва-едва убѣдила его и ввела въ юрту. Вошли, сидятъ и пьютъ сливной, красный чай. Когда такъ сидѣли, Ирэнъ-Тарбажи говоритъ мужу: «Смотри-ка назадъ! на тебя направляется лукъ и стрѣла».

Лишь только онъ оглянулся, какъ она перерубила его вдоль пополамъ. Разрубивши такъ, начала очищать всѣ его внутреннія (нечистоты*). Очистивъ, превратила его въ настоящій видъ. Въ это

*) Алтанъ-шагай отъ жизни съ горничной осквернился, «бузардашо», потому его и нужно было очистить. О. З—въ.

время съ улицы раздается голосъ: «Выйди и введи меня»! На голосъ этотъ выбѣгаетъ Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи и видитъ, въ повозкѣ сидитъ ея горничная. Тарбажи схватываетъ ее, разрываетъ пополамъ и, бросая одну половину назадъ, говоритъ: «Будь ты зеленый дятель (хухэ шунтул) и постоянно долби дерево»! Другую половину бросила впередъ и говоритъ: «Будь ты красный дятель (улан шунтул) и постоянно долби дерево»! Затѣмъ входитъ въ юрту.

Послѣ этого Алтанъ-Шагай начинаетъ подумывать о возвращеніи на родину, разсуждая такъ: «Чужестранецъ въ чужой землѣ не уживается, сохатиня лопатка въ котлѣ не помѣщается». Послѣ этого оба отправляются къ тестю. Тесть очень удивляется, видя свою дочь и очень радуется, недоумѣвая, откуда она пріѣхала замужней. Алтанъ-Шагай-мэргынъ говоритъ: «Я отправляюсь на родину». Баинъ-Мунгэй-ханъ даетъ имъ половину разнаго скота, половину золота и серебра и отправляетъ ихъ. Алтанъ-Шагай-мэргынъ отправляется впередъ своей жены и наказываетъ: «Гдѣ я буду чертить, поѣзжайте, а гдѣ я опишу кругъ, ночуйте»!

При пріѣздѣ ихъ домой черный воронъ каркалъ, а около дома рыскала лисица и выросъ пырей (хара хягал), достигающій вышиной до сѣдельнаго сидѣнія (т. е. въ ростъ коня). А самъ дворецъ набочился. Сильно удивляется. Рѣшивъ, что невестка его Ногонъ-Толё непременно оставила какой-нибудь значекъ, входитъ въ юрту, вырываетъ западный камень съ очага; оттуда вылетаетъ маленькая написанная бумажка. Читаетъ написанное тамъ: «За предѣлами земли, на девяносто лѣтъ пути, за тѣмъ мѣстомъ, гдѣ небо касается земли, девять братьевъ мангатхаевъ ограбили; когда вернешься, за нами не ходи»! Послѣ этого онъ поправляетъ все снаружи и внутри. Этимъ временемъ подходитъ и прочій народъ. Размѣщаетъ скотъ по падамъ, расселяетъ народъ по городамъ. Затѣмъ рѣшаетъ: «Гдѣ-бы не лежали кости мои и кости коня, не все-ли равно» (т. е. гдѣ-бы не умереть, не все-ли равно)? готовится днемъ при свѣтѣ солнечномъ, готовится ночью при свѣтѣ луны;

рѣшается хотѣ десять лѣтъ слѣдить по слѣду мизгири (абаха мурѣр), хотѣ двадцать лѣтъ по слѣду червяка (хорхой мурѣр). Одѣвшись во всѣ доспѣхи (т. е. надѣвши кольчугу и шлемъ), отправляется.

Ѣдетъ, Ѣдетъ и Ѣдетъ; зиму опредѣляетъ по щекотанію сороки, а лѣто по пѣнію малиновки (алтан гургулдайн дугар); достигаетъ того мѣста, гдѣ небо сходится съ землей. Когда небо поднялось, отдѣлилось отъ земли, онъ поставилъ между ними свой лукъ и проскочилъ на другую сторону*). Отсюда Ѣдетъ дальше. Тогда девяти-десяти-пяти головый мангатхай Хоюхырѣ, узнавши это, посылаетъ ему на встрѣчу десяти-голового своего младшаго брата мангатхая. Встрѣчаются на царскомъ тракту. Алтанъ-Шагай-мэргынъ кричитъ: «Эй, ты, чужое присвоивающій, шейные позвонки глодающій! Зачѣмъ разграбилъ чужое имущество и утащилъ чужую, мою старшую невѣстку? Какъ хочешь состязаться въ силѣ: плечами (бороться) или правымъ большимъ пальцемъ» (т. е. стрѣлять изъ лука)? — Будемъ бороться!

Схватились. Боролись трое сутокъ и Алтанъ-Шагай-мэргынъ задавилъ десяти-голового мангатхая, какъ желтаго турпана (аньир). Затѣмъ приходитъ двадцати-пяти головый мангатхай. Опять борются три дня и три ночи и онъ убиваетъ мангатхая. Послѣ этого выходитъ тридцати-пяти-головый мангатхай Гурэ-Шара. Опять, проборовшись трое сутокъ, убилъ его (мангатхая). Выходитъ сорока-пяти-головый Дылдэгырь-шара-мангатхай; черезъ трое сутокъ едва-едва побѣдилъ его. Потомъ борется пять сутокъ съ Таньир-шара-мангатхаемъ пятидесятипяти-головымъ до того, что выступаетъ черный потъ и размягчаются твердые кости и едва-едва осиливаетъ его. Послѣ всего этого Ѣдетъ на каремъ иноходцѣ шестидесяти-пяти-головый Жортогоръ-шара-мангатхай и бунчитъ «Гхун! гхун!

*) По вѣрованіямъ бурятъ, земля покрывается небомъ какъ-бы опрокинутымъ котломъ, который то поднимается, то опускается, т. е. края котла то лежатъ на землѣ, то поднимаются; такое движеніе постоянно, какъ движеніе магнита. Вотъ этимъ-то моментомъ и воспользовался Алтанъ-Шагай-мэргынъ и проскочилъ за предѣлы неба и земли, поставивъ между ними свой лукъ.

не храбрись, убившій моихъ пять братьевъ! я не почувствую тебя, какъ маленькое волокно мяса, застѣвшее въ зубахъ и не почувствую, какой имѣешь ты вкусъ» (т. е. прямо проглочу*). Схватились бороться. Борются такъ равно, какъ навьюченные обѣ половины на верблюды или на коней (т. е. ни та, ни другая сторона не перетягивается). Борются шесть дней и шесть ночей, на седьмой день едва, едва его побѣждаетъ.

Послѣ этого выходятъ три мангатхая съ 75, 85 и 95 головами. Что это, говорятъ, за хубилганъ, что побѣдилъ шесть нашихъ братьевъ? Вступаетъ въ борьбу семидесяти-пяти-головый мангатхай. Борются семь сутокъ, тѣло Алтанъ-Шага становится легкимъ и полы у него трясутся. Мангатхай свертываетъ его, какъ полы и волочить, какъ каломанъ (хубсыр**). Алтанъ-Шагай кричитъ, какъ яманъ (козелъ), визжитъ какъ козленокъ (инзаган) и жизни у него остается съ тонкую шелковую нитку. Въ это время подскакиваетъ на сивомъ конѣ парень, съ зубами въ лопату, съ темно-краснымъ лицомъ, схватываетъ Алтанъ-Шага, отбрасываетъ его въ сторону и самъ начинаетъ бороться. Опрокидываетъ семидесяти-пяти-голового мангатхая на правое бедро и такъ ударяетъ обѣ землю, что тотъ ушелъ въ нее до третьяго промерзанія, и изъ земли торчали только уши да болтался мизинецъ. Потомъ вступаетъ въ борьбу съ восьмидесяти-пяти-говымъ мангатхаемъ. Съ этимъ устраивается также. Наконецъ вступаетъ въ борьбу съ девяносто-пяти-говымъ мангатхаемъ. Борются три мѣсяца и едва онъ побѣждаетъ этого послѣдняго мангатхая.

Послѣ этой побѣды, парень этотъ подходитъ къ Алтанъ-Шагаю. Алтанъ-Шагай спрашиваетъ его: «Чей ты сынъ»? «Я Унтэ-Тархіева Алтанъ-Шагай-мэргына сынъ». «Какъ твое имя»? «Багай Бакшэ-Нюдарга***) я называюсь». «Если ты дѣйствительно мой сынъ,

*) Шудуни мини шиэпшэ болхо угэй-ш амани мини амтурга болхо угэй-ш. О. З—въ.

**) Хубсыръ по бурятски коверъ изъ конскихъ и бараньихъ камысовъ; русскіе такой коверъ называютъ каломаномъ. О. З—въ.

***) Нюдарга «кулакъ». О. З—въ.

отойди на одинъ день разстоянія и выстрѣли такъ, чтобъ стрѣла отдѣлила ноготь отъ большого моего пальца, не коснувшись мяса (ирхэинь хюмогай мини хара саган хоюр дундурэнь тагха харбажи*). Этотъ парень уходитъ, стрѣляетъ и отстрѣливаетъ ноготь напрочь между бѣлымъ и чернымъ. «Дѣйствительно, говоритъ, ты мой сынъ»! Садить его на правое колѣно и нянчить, какъ маленькаго; садить на лѣвое колѣно и водится съ нимъ (приголубливаетъ), какъ съ младенцемъ и ласкаетъ его. Послѣ этого разрушаютъ все царство мангатхая; движимое все, не оставляя маленькаго ножичка, обрывка ремня (гхомошіин хухархай улэнбээр хурита архай улэнбээр), забираютъ, а недвижимое сжигаютъ. Ищутъ старшаго брата и невѣстку и находятъ ихъ пасущими скотъ; у нихъ выколото по глазу, сломано по одной рукѣ и ногѣ. Нашедши ихъ, исцѣляютъ ихъ посредствомъ большого и указательнаго пальцевъ и приводятъ ихъ въ прежній видъ. Всѣ вмѣстѣ возвращаются. Столько ведутъ за собой скота, что его едва вмѣщаетъ падь и едва напаиваетъ источникъ. Со всѣмъ этимъ приходитъ домой. Скота размѣщаетъ по падымъ, а народъ расселяетъ по городамъ. Послѣ этого устраиваютъ пиръ и гуляютъ девять дней и девять ночей. Мяса было наварено пригорки и имъ бросались, было выставлено озеро водки и въ ней купались. Одержавши побѣду, зажили благополучно.

Записано о. Н. И. Затопляевымъ
со словъ П. Н. Синельникова, почетн.
гражданина изъ аларскихъ бурятъ.

Другой вариантъ окончанія сказки: «Алтанъ-Шагай-мэргынъ».

Когда Алтанъ-Шагай, послѣ побѣды надъ мангатхаями, съ сыномъ возвратился домой и отдыхалъ, приходятъ къ нимъ два скорыхъ посла. Достигши къ Алтанъ-Шагай-мэргыну, посланники говорятъ: «Насъ послали Жоргонтэйши-Эрхэтэ-Жоргодой-мэргынъ,

*) Буквально: чтобъ пролетѣла между чернымъ и бѣлымъ, т. е. отороготь.

сынъ мѣсяца (гхараин-хубунъ) Гхагалъ-мэргынъ, сынъ солнца (на-
рани хубун) Нагада-мэргынъ, сынъ Плеядъ (Мэшина хубун) Мэр-
гынъ-Дэгэ, Гэгэнь-Саганъ тэнгэрин (свѣтлаго бѣлаго неба) Гырыль-
Саганъ-баторъ и Анзанъ-Шумэръ-баторъ, чтобъ привести тебя Ал-
танъ-Шагая вмѣстѣ съ твоимъ сыномъ Багай-Бакша-Нюдургаемъ и
чтобъ вы вмѣстѣ съ ними шли освободить Абай-Гысыра, котораго
Лобсоголдой-мангатхай превратилъ въ неутомимаго осла и мучить
его, вспахивая и заборанивая на немъ по шестидесяти десятинъ
земли въ день. Тогда говорить: «Черезъ три дня и три ночи
отправимся!» Приготовляются три дня и три ночи и отправ-
ляются вмѣстѣ съ Багай-Бакша-Нюдургаемъ. Пріѣзжаютъ къ
Жоргодой-мэргыну. Ставши девять молодцовъ, направляются прямо
къ Лобсоголдой-мангатхаю. И такъ шли, шли и шли. Узнавши объ
этомъ, Лобсоголдой садится на дряннаго сиваго коня, понужаетъ
его спереди и сзади сорокапудовымъ молотомъ, приближается пря-
мо навстрѣчу къ нимъ и встрѣчается съ ними на тракту. Лобсо-
голдой-мангатхай спрашиваетъ ихъ: «Что вы за люди, откуда и
куда шествуете»? Тогда Алтанъ-Шагай крикнулъ зычнымъ голосомъ,
какъ десять тысячъ человѣкъ, гаркнулъ, какъ тысяча человѣкъ:
«Ахъ ты безрогій, мучащій Абай-Гысыра и забравшій все!» Лобсо-
голдой-мангатхай и говоритъ Алтанъ-Шагаю: «Некричи шибко-то! Я
не почувствую твоего вкуса и не покажешься ты мнѣ весь съ ши-
гэпшэ (маленькій кусочекъ мяса, засѣвшій между зубами)!
какъ будемъ состязаться въ силѣ, бороться или стрѣляться»? «Бу-
демъ бороться» (эмэнь хушэр болой)! сказалъ Алтанъ-Шагай. Сгово-
рившись бороться, свиваютъ себѣ поясы изъ старой-старой бѣлой
березы, дѣлаютъ оборки къ обуви изъ тоненькой березы. Затѣмъ
трое изъ нихъ: сынъ мѣсяца (гхараин хубун) Гхаганъ-мэргынъ,
сынъ солнца (нарани хубун) Нагада-мэргынъ и сынъ Плеядъ (Мы-
шини хубун) Мэргынъ-Дэгэ вступаютъ въ борьбу съ мангатхаемъ.
Лобсоголдой-мангатхай схватилъ этихъ трехъ славныхъ молодцовъ
за одинъ разъ и бросилъ въ мѣстность Абай-хани-Алтанъ-Дэргэнь*);

*) Абай хани алтанъ дэргэн, «Золотая телега Абай-хана» (?). Ред.

всѣ они трое свалились, упали, какъ шагай (таранная кость). Послѣ этого вступаютъ въ борьбу съ мангатхаемъ: кровянаго краснаго неба (шугхан улан тэнгэри) Шудай-Уланъ-баторъ, (свѣтлаго бѣлаго неба (гэгэн саган тэнгэрин) Гырыль-саганъ-баторъ и Анзанъ Шумаръ-баторъ; ихъ мангатхай такъ-же бросилъ. Затѣмъ съ нимъ вступили въ борьбу: Алтанъ-Шагай-мэргынъ, Багай Бакша-Нюдурга и Жоргодой-мэргынъ. Сцѣпились такъ ровно какъ выюки, которые хотъ на коня, хотъ на верблюда бросай; борются три дня, три ночи, борются девять дней, девять ночей, и такъ проторолись три года. По всему свѣту дымъ и пыль поднялись; небо днемъ сдѣлалось, какъ ночью; птицы не могли найти своихъ птенцовъ, козы потеряли своихъ козлятъ. Въ то время какъ была сильная темнота, Эсэгэ-Маланъ-тэнгри, чтобъ узнать, что происходитъ у нижнихъ обитателей, что за война, что за сраженіе, открываетъ номъ (законъ) и видитъ, что три славныхъ молодца уже три года борются съ Лобсоголдой-мангатхаемъ и не могутъ побѣдить его и сами чуть не побѣждены. Тогда Эсэгэ-Маланъ-тэнгри даетъ приказаніе Гунынъ-Саганъ-тэнгрию, чтобъ онъ поразилъ громомъ Лобсоголдой-мангатхая. Гунынъ-Саганъ-тэнгри загремѣлъ и зазвенѣлъ отъ одного края небеснаго до другаго, заблестала молнія и затряслась сильно земля; молнія разразилась надъ верхушкой Лобсоголдой-мангатхая, а мангатхай остался даже не опаленнымъ; вырываетъ съ корнемъ большую красную листовень, бросаетъ ея въ Гунынъ-Саганъ-тэнгрию и попадаетъ въ него вскользь, такъ что Гунынъ-Саганъ-тэнгри лишился чувствъ и едва могъ рассказать все это Эсэгэ-Маланъ-тэнгрию. Въ это время у славныхъ молодцовъ уже забилося пестрое сердце и погнулись ребра. Волочить этихъ трехъ славныхъ молодцовъ, какъ полами метѣтъ; жизни у нихъ остается только съ шелчинку (съ шелковую нитку).

Послѣ того, какъ Алтанъ-Шагай отправился, у него родился сынъ Баторъ-Сокто-мэргынъ. Этотъ сынъ спрашиваетъ: «Гдѣ мой отецъ?». Мать говоритъ: «Отецъ твой побѣжденъ и убитъ на

войнѣ», но когда и гдѣ, не объяснила. Въ это время въ котлѣ варилося молоко; тогда Баторъ - Сокто - мэргынъ выбѣгаетъ на улицу, выпускаетъ семьдесятъ красныхъ телятъ и кричитъ: «Мать! мать! семьдесятъ красныхъ телятъ сосутъ матерей»! Мать выбѣгаетъ бѣгомъ. Пока она отлучалась и садила телятъ, парень подложилъ дровъ и огонь сильно разгорѣлся, молоко закипѣло. Спрятавъ чашки и поваренки, кричитъ: «Мать! молоко плыветъ»! Мать вбѣгаетъ и не можетъ найти ни чашки, ни поваренки. Тогда парень беретъ обѣ руки матери и начинаеть ими мѣшать молоко; та кричитъ, какъ козелъ (яманъ), визжитъ, какъ козленокъ (инзаганъ), а онъ, приговаривая, спрашиваетъ: «Гдѣ мой отецъ»? Тогда мать говоритъ: «Прямо на югъ съ Лобсоголдой-мангатхаемъ уѣхалъ воевать и до сихъ поръ еще не вернулся». Узнавши (собственно: взявши слово), лечитъ обожженную руку матери большимъ пальцемъ, исцѣляетъ указательнымъ (эрхээрэ эмнэтъ долёбороро домнот орхёбо). Послѣ этого беретъ и тащитъ большелобаго барана на гору Сукто-Сумбыръ и дѣлаетъ тайлаганъ Эсэгэ-Маланъ-тэнгрию и проситъ его: «Приготовь мнѣ одѣваться одежды, подготовь мнѣ военные доспѣхи и подготовь мнѣ коня для ѣзды»! Такъ молился. Узнавши все это Эсэгэ-Маланъ-тенгри рѣшаетъ (Эсэгэ-Малан-тэнгир мэдэн доторъ мэержи, ухан доторо ойлгожи): «Это приносить тайлаганъ и просить одежды, коня и доспѣхи мною созданный парень»! Приводитъ девять небесныхъ шитницъ и заставляетъ ихъ сшить одежду, приказываетъ девяти кузнецамъ приготовить доспѣхи, посылаетъ двухъ пословъ-сороходовъ поймать жеребенка, родившагося отъ чалой кобылы и ходящаго въ табунѣ жеребца Эхэ-Буракши. Эти два славныхъ посла никакъ не могутъ поймать жеребенка. Тогда мать этого жеребенка говоритъ: «Вы такъ этого моего жеребенка никакъ не поймаете»! «А какъ-же намъ ловить его»? «Вырвите изъ моего хвоста три волоска, сдѣлайте изъ нихъ петлю, прикрѣпите ее на хворостинѣ изъ мягкой бѣлой травы и, когда накинете на него петлю, говорите: «Если ты разорвешь золотые

волоски твоей матери, будетъ тебѣ вѣчный грѣхъ, а если ты изломаешь мягкую траву, вѣчно будешь ходить безъ пищи!»! И такъ жеребенокъ поддался и когда эти два славные посла сказали ему, какъ научила ихъ мать его, онъ остановился, какъ вкопанный и стоитъ смиренхонько, какъ съѣжившійся спящій заяцъ. Обуздываютъ его наборной серебряной уздой, надѣваютъ на него серебряную обротъ и ведутъ его къ Эсэгэ-маланъ-тэнгрию. Затѣмъ Эсэгэ-Маланъ-тэнгри навьючиваетъ на этого жеребенка всѣ одежды и доспѣхи и передаетъ его крылатому бѣлому бурхану, чтобъ онъ спустился и вручилъ его господину. Бурханъ этотъ спустился и кричить Баторъ-Сокто-мэргыну: «Если ты молодецъ, поймай этого за шелковый плетеный поводъ, поверни его и развяжи сразу сто восемь петель (зун найман зангилаинъ хубо татажи абахышь) и возьми ихъ*); если-же не поймаешь, онъ своими четырьмя копытами разобьетъ тебя въ дребезги». Сказавши такъ, опустилъ его (т. е. жеребенка). Конь этотъ понесся, какъ брошенный камень; летитъ, какъ соколъ со свистомъ. Баторъ-Сокто-мэргынъ схватываетъ за шелковый плетеный поводъ, повертываетъ и останавливаетъ, развязываетъ сразу сто восемь петель и беретъ доспѣхи. Затѣмъ осматриваетъ одежды и находитъ ихъ вполнѣ исправными, натягиваетъ лукъ, осматриваетъ его и говоритъ: «Зимою держать этотъ лукъ еще ничего, тугой, а лѣтомъ мягковатъ». Садится на коня и беретъ въ руки поводья; конь вспрыгиваетъ до небесъ, спускается до земли и только благодаря ловкости своей Баторъ-Сокто удерживается на немъ. Кое-какъ держась, пріѣзжаетъ домой. Мать увидала его въ окно и не узнала и, испугавшись, едва сидитъ. Думая, что это какой-то воинъ, она спряталась подъ бараномъ (подставка подъ ящиками въ юртѣ), и, помѣстившись тамъ вся, все таки лежитъ. Баторъ-Сокто-мэргынъ входитъ, видитъ мать подъ бараномъ и спрашиваетъ ее: «Что ты это мать»? Та выходитъ и говоритъ: «Я думала, что ѣдетъ какой-то воинъ»!

*) Здѣсь разумѣются доспѣхи, которые были въ торокахъ; ихъ-то бурханъ и приказываетъ взять, развязавъ сразу сто восемь петель. О. 3—6.

«Ну, я поѣду искать (розыскивать) отца!» Сказалъ такъ Баторъ-Сокто-мэргынъ и поскакалъ прямо на югъ. Ыдетъ, ѣдетъ долго-ли коротко-ли, близко-ли, далеко-ли. У трехъ молодцовъ, боровшихся съ Лобсоголдой-мангатхаемъ, остается жизни только съ шелковую нитку. «Пожалуй, они доживутъ, пока я пріѣду», говоритъ. Взялъ, дернулъ коня вправо, поворотилъ влѣво, ударилъ плетью, подскакиваетъ къ Лобсоголдой-мангатхаю и конь Батора хватилъ Лобсоголдою своими четырьмя копытами такъ, что не осталось запаха отъ его внутреннихъ нечистотъ и не уцѣлѣло косточки грызть лисицѣ. Немогшіе побороть Лобсоголдой-мангатхая три молодца лежатъ. Баторъ-Сокто подходитъ къ нимъ, (ставитъ) поднимаетъ ихъ и переноситъ на вершину горы Сукто-Сумбырь. Потомъ убиваетъ одной стрѣлой изюбря и матку, жаритъ ихъ и мясомъ ихъ начинаетъ поправлять этихъ трехъ молодцовъ. Тогда они спрашиваютъ его: «Изъ какого мѣста, изъ какого царства ты, парень»? «Я сынъ Алтанъ-Шагай-мэргына и называюсь я Баторъ-Сокто-мэргынъ». Алтанъ-Шагай-мэргынъ говоритъ тогда: «Если ты дѣйствительно мой сынъ, отойди на разстояніе одного дня пути и выстрѣли такъ, чтобъ отдѣлить ноготь отъ праваго большаго пальца между чернымъ и бѣлымъ, не задѣвъ мяса». Парень этотъ отошелъ на разстояніе одного дня пути и выстрѣлилъ именно такъ, какъ было ему сказано. Послѣ этого Алтанъ-Шагай-мэргынъ садитъ его на правое колѣно и ласкаетъ его, какъ маленькаго, садитъ его на лѣвое колѣно и приголубливаетъ его, какъ однолѣтняго. Потомъ отправляются розыскивать шесть славныхъ молодцовъ и находятъ ихъ въ мѣстожителѣствѣ Абай-хана, въ мѣстности Алтанъ-Дэргэнъ. Стали вдесятеромъ и отправляются къ мѣстожителѣству Лобсоголдой-мангатхая. Приходятъ и видятъ черножелѣзный дворецъ, протянувшійся во всѣ стороны по шестидесяти верстѣ. Пришедши сюда, выбиваютъ туда проходъ, выламываютъ черножелѣзные ворота. Абай-Гысырь-богдо оказывается запертымъ въ трехэтажномъ желѣзномъ амбарѣ. Баторъ-Сокто-мэргынъ разбиваетъ ногой двери этого амбара и выводитъ

его оттуда, превращеннаго въ неутомимаго осла. Выведши, ударилъ его по правой щекѣ; изъ нея потекло какое-то поганое зелье; ударилъ его по лѣвой щекѣ, сильно пошелъ гной. Абай-Гысырь приходитъ въ чувство и говоритъ: «Ахъ, какъ я долго спалъ»! И спрашиваетъ: «Изъ какого мѣста, славные молодцы?»

Мы такіе и такіе, говорятъ ему. «Ну, спасибо вамъ»! говоритъ Абай-Гысырь-богдо. «Будьте, богатыри, моими товарищами»! Затѣмъ входятъ въ черный желѣзный дворецъ и видятъ сидящую Лобсоголдой-мангатхая кривую бѣлую царицу (салир саган хатун гхубо). Баторъ-Сокто-мэргынъ разmozжилъ ей вдоль пополамъ голову и убилъ ее. Въ это время изъ нутра этой женщины вылетѣлъ мальчикъ и поднимается на небо. Баторъ-Сокто-мэргынъ выбѣгаетъ на улицу и видитъ его кажущимся съ клеща (хашиги шинэн). Беретъ лукъ, накладываетъ золотую стрѣлу, прицѣливаясь попасть въ смертельное мѣсто; при этомъ говоритъ: «Если намъ суждено побѣдить, попади прямо между шейными позвонками (амаргал хузугэринъ тагха тудан ошорэ гэт), а если намъ суждено погибнуть, пропади тамъ»! Стрѣла эта поразила парня насмерть. Послѣ этого они забираютъ весь скотъ, всякое имущество, не оставляя ни обрывка ремня, ни обломка маленькаго ножика. Идутъ, едва помѣщая скотъ въ пади, едва напаявая его въ ручьяхъ. Приходятъ къ Гысырь-Хану и устраиваютъ на три дня пиръ и гулянку. На четвертый день Гысырь-богдо говоритъ: «Чтобъ уничтожить совершенно сѣмя (потомство) мангатхаевъ, необходимо подавить на восемнадцатомъ небѣ бабу Мойсъ-Хара. Если мы ее задавимъ, уничтожится сѣмя мангатхаевъ (потомство мангатхаевъ). Ты, Баторъ-Сокто, живо сходи и уничтожь ее»! Баторъ-Сокто говоритъ: «Я пойду, только дайте мнѣ еще двухъ товарищей»! Тогда даютъ ему краснаго кроваваго неба Шудай-Уланъ-богатыря и Анзанъ-Шумэръ-богатыря. Всѣ эти славные молодцы отправляются и идутъ долго-ли, коротко-ли, опредѣляя зиму по щекотанію пестрой сороки, и примѣчая лѣто по пѣнію овсянки (алтанъ гургулдаин дугаръ). Когда они на-

чинають достигать восемнадцатаго неба, Мойсъ-Хара-изы, узнавши это, посылаетъ черную птицу съ мѣднымъ клювомъ Тадъ (тад хара шубуэ), чтобъ она проклевала черепа этихъ трехъ славныхъ молодцовъ и высосала изъ нихъ бѣлотворожный ихъ мозгъ. Когда птица эта начала приближаться, Баторъ-Сокто-мэргынъ, превратившись въ черную муху, усѣлся на спину этой птицы и летитъ на ней. Птица эта прилетаетъ къ двумъ славнымъ молодцамъ, пробиваетъ ихъ черепа и высасываетъ ихъ бѣлотворожный мозгъ; не могши найти третьяго парня, возвращается (поднимается). И Баторъ-Сокто поднимается вмѣстѣ съ этой птицей. Птица, прилетѣвъ, говоритъ Мойсъ-Хара-изы (бабѣ): «Когда я подлетала, видѣла троихъ; у двоихъ я высосала мозгъ, а третьяго, окруживъ семь разъ семь частей свѣта и обойдя восемь разъ восемь небесныхъ частей, нигдѣ не могла найти и такъ возвратилась». Мойсъ-Хара-изы говоритъ ей: «Ты видѣла свои рѣсницы (т. е. ты ошиблась), прибавивъ третьяго». Когда они такъ говорили, Баторъ-Сокто-мэргынъ все слушалъ. Мойсъ-Хара-изы жила въ желѣзномъ амбарѣ и не было двери, черезъ которую бы можно было входить туда; кормили же ее черезъ проведенную трубу. Черезъ эту-то трубу, когда подавали пищу, и вошелъ Баторъ-Сокто-мэргынъ, связалъ эту Мойсъ-Хара-изы веревкою въ тысячу ручныхъ сажень такъ крѣпко, что веревка врѣзалась до костей; разворотивши желѣзный амбаръ, вышелъ. Вышедши, всѣ строенія поджогъ и сожегъ, а самую Мойсъ-Хара-изы привязалъ къ торокамъ и спускается къ нижнимъ обитателямъ. На половинѣ спуска онъ посмотрѣлъ въ торока, Мойсъ-Хара-изы не оказалось; смотритъ своими сѣробѣлыми глазами туда и сюда и видитъ, что она уже почти достигаетъ восемнадцатаго неба. Баторъ-Сокто-мэргынъ беретъ свой лукъ Манзанъ-Шара, накладываетъ золотую стрѣлу и прицѣливается въ смертельное мѣсто; она же видна въ величину вши (богхон шинэн); выстрѣлилъ въ нее, наказывая стрѣлѣ попасть въ мѣсто подлѣ перваго шейнаго позвонка, на который упирается голова (т. е. подлѣ

атланта, «амаргал саган хузуи тагха туша унга») и отсѣчь голову (уронить). Стрѣла эта ударяетъ въ атлантъ и убиваетъ бабу Мойсъ-Хара-изы, которая и падаетъ, простираясь черезъ три пади. Баторъ-Сокто голову привязываетъ въ торока, а прочее тѣло сожигаетъ. Затѣмъ отправляется царскимъ трактомъ и пріѣзжаетъ къ костямъ двухъ славныхъ молодцовъ. Подбираетъ кости, три раза плюетъ на нихъ, три раза перешагиваетъ черезъ нихъ и такъ оживляетъ ихъ (поднимаетъ). Парни эти приводятъ себя въ порядокъ, какъ спросонка и говорятъ: «Какъ мы долго спали!» и спрашиваютъ Баторъ-Сокто-мэргына: «Что, одержалъ побѣду»? Тотъ говоритъ: «Посмотрите въ торокахъ находящуюся голову». Тѣ удивляются. Затѣмъ всѣ три молодца отправляются. Прошедши одинъ день пути, устраиваютъ ночевку. Двое изъ нихъ, думая, что Баторъ-Сокто-мэргынъ уснулъ, сговариваются выкопать въ восемьдесятъ сажень яму и бросить въ нее Баторъ-Сокто-мэргына и представить голову, какъ будто они убили бабу Мойсъ-Хара. Выкопали восьмидесяти-саженную яму и начинаютъ сталкивать въ нее Баторъ-Сокто-мэргына. Тотъ вдругъ вскакиваетъ и говоритъ: «Что это»? Видитъ восьмидесятисаженную яму, спрашиваетъ: «Это что такое у васъ»? Тѣ ничего немогутъ сказать. Тогда Баторъ-Сокто-мэргынъ, сказавши, что такую большую яму, нельзя оставить безъ владѣльца, взялъ и бросилъ этихъ двухъ молодцовъ туда, а самъ отправился. Приходитъ къ Гысырь-хану и отдаетъ ему голову. Тотъ очень радуется этому и говоритъ: «И такъ мы уничтожили сѣмя мангатхаевъ»!

«А гдѣ же твои два товарища»? спрашиваетъ Баторъ-Сокто-мэргына Абай-Гысырь-богдо. «Меня они хотѣли убить, выкопали восьмидесятисаженную яму и когда хотѣли свалить въ нее, я пробудился и, чтобъ такая большая яма не осталась безъ владѣльца, бросилъ ихъ въ нее». Тогда Гысырь-ханъ говоритъ: «Они намъ посѣѣ пригодятся». Приказываетъ вытащить ихъ изъ ямы и привести и дѣлаетъ имъ строгій выговоръ, чтобъ они на будущее время такъ непоступали. За-

тѣмъ прогулявши три дня и три ночи, всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ. Съ тѣхъ поръ и перевелось потомство мангатхаевъ. Ан хужи ашта бурханда тушэбэ.

Записано О. Н. Затопляевымъ со
словъ П. Н. Синельникова, пот. поч.
гражданина изъ бурятъ аларскаго
вѣдомства.

II.

Дуракъ-сынъ и волшебный перстень

(Тынык хубун быллыгэтэй).

Жилъ одинъ богатый купецъ; имѣлъ жену и одного сына дурака (тынык хубун) и тысячу рублей денегъ. Не могли научить сына грамотѣ, истратили тысячу рублей. Когда отецъ умеръ, оставилъ тысячу рублей, чтобы на эти деньги выучить сына. Утромъ (однажды) сынъ встаетъ и проситъ у матери тысячу рублей, чтобы идти на базаръ и купить что-нибудь. Взялъ. Не могли найти ничего, возвращается домой и встрѣчаетъ одну русскую женщину со щенкомъ «Что просишь за эту собаку»?—А ты что дашь? «Тысячу рублей дамъ». Отдалъ тысячу рублей, взялъ собаку и возвратился домой. Мать спрашиваетъ его: «Что купилъ»?—«Щенка я купилъ». На слѣдующее утро опять проситъ у матери тысячу рублей. Та даетъ сыну тысячу рублей. Опять утромъ отправляется на базаръ и ничего не находитъ взять. Опять (встрѣчаетъ) идетъ одна женщина, держащая (обнимающая) кошку. «Продай мнѣ еѣ», говоритъ. «Что просишь»?—А ты что дашь? «Тысячу рублей дамъ». Отдавъ, взялъ кошку и возвратился домой. «Что купилъ»? спрашиваетъ мать. «Кошку», говоритъ. Потомъ уснулъ. Утромъ всталъ и опять проситъ у матери тысячу рублей. Опять даетъ ему. Опять онъ отправляется что-нибудь купить на базаръ. Три русскихъ мальчика (гурбун мангат хубун) держатъ змѣю, намѣреваясь убить ее. «Ахъ, какая хорошенькая! Продайте ее мнѣ!»—Что дашь? «Тысячу рублей дамъ». Отдавши, беретъ змѣю. Взявши змѣю, возвра-

щается. Змѣя дѣлается большой и съ крыльями и говоритъ: «Сядись на меня»!—Нѣтъ не сяду! «Если ты не сядешь, я тебя убью»! Испугавшись, сѣлъ на неё. Змѣя летитъ. Летитъ ниже неба, выше облаковъ и достигаетъ большого черного моря. «Я войду въ это море, а ты меня подожди; отца не бойся»!

«Три парня хотѣли лишить меня жизни; онъ же сохранилъ мнѣ жизнь, взявши меня; ему нужно дать что-нибудь»! «Что просишь»?—Я прошу надѣтый у тебя на правой рукѣ большой серебряный перстень (быглыгэ). «Не сказано цѣнную вещь просишь ты у меня».—Почему ты жалѣешь его?—Тогда отецъ отдалъ перстень.

Послѣ этого змѣй, сынъ большого Абарги змѣя (абарга іэхэ могоин хубун), объясняетъ этому дураку парню: «Что бы тебѣ только нужно было сдѣлать, сдѣлается; брось четыре раза этотъ перстень, изъ него выйдутъ двѣнадцать богатырей и спросятъ: что дѣлать? Что тебѣ только нужно будетъ сдѣлать, сдѣлаютъ». Подбросилъ этотъ перстень четыре раза и вышли изъ него двѣнадцать богатырей. «Запрягите трехъ карихъ иноходцевъ въ повозку»! Запрягли въ повозку тройку карихъ иноходцевъ. Онъ въ нее сѣлъ и отправился домой. И такъ ѣдетъ, возвращаясь домой. Доѣхавши до дома, выходитъ изъ повозки, подбрасываетъ три раза перстень, ни повозки, ни коней не стало, а упалъ перстень. Завернулъ его въ черный шелковый платокъ, положилъ перстень въ правый карманъ и входитъ въ домъ. Когда онъ вошелъ, мать спрашиваетъ его, откуда пришелъ. «Три русскихъ человѣка хотѣли убить змѣю и я купилъ ее. Змѣя эта потомъ сдѣлалась крылатой и, посадивъ меня на себя, унесла къ себѣ домой; принесши, говоритъ мнѣ: не бойся моего отца! Вышла отъ отца и дала мнѣ одинъ перстень. Взявши этотъ перстень, я возвратился домой».

Сказавъ матери, чтобъ ни объ чемъ не беспокоилась, уснулъ. Вставши, говоритъ: «Я хочу жениться на дочери Баинъ-хана *). Ты мать, сходи и спроси» (его согласія)!—Мы ничего не имѣемъ; онъ

*) Баинъ—богатый.

насть убьетъ (такъ сказала сыну). «Не безпокойся, говорить; ничего съ тобой не случится. Иди и проси» (согласія)!

Мать приходитъ спрашивать. Пришла на дворъ Баинъ-хана. Царь этотъ выходитъ изъ избы и спрашиваетъ: За чѣмъ пришла? «Дуракъ сынъ послалъ меня просить дочь твою въ замужество ему». Тогда этотъ царь говоритъ: «Устройте отъ своего двора до моего серебряный мостъ съ золотыми перилами, чтобъ подъ нимъ протекалъ черный ручей, въ которомъ бы играли семьдесятъ разныхъ рыбъ, чтобъ по обѣ стороны росли семьдесятъ различныхъ деревъ, чтобъ птицы всей вселенной были и пѣли» (разными голосами), сказалъ. «Когда все это будетъ, бери мою дочь и дѣлай ее женой» (сына)! сказалъ. Приходитъ домой и говорить это сыну. «Не безпокойся, спи»! Уснувши, этотъ парень въ полночь встаетъ, выходитъ на улицу, вынимаетъ изъ праваго кармана перстень, бросаетъ его три раза, выходятъ двѣнадцать богатырей и спрашиваютъ: что дѣлать? Спрашивающимъ говоритъ: «Отъ моего двора до царскаго устройте серебряный мостъ съ золотыми перилами, чтобъ подъ нимъ протекалъ черный ручей, въ которомъ бы играли семьдесятъ различныхъ рыбъ; кромѣ этого, чтобъ росли семьдесятъ различныхъ деревъ, чтобъ птицы всей вселенной пѣли». Сказавши, вошелъ и уснулъ.

На утро всталъ, что было приказано сдѣлать, все готово. Перстень этотъ подбрасываетъ три раза, двѣнадцать богатырей исчезаютъ и онъ перстень кладетъ въ карманъ. Опять посылаетъ мать, чтобъ сходила и спросила. Уходитъ и опять останавливается у двери. Этотъ богатый царь выходитъ и спрашиваетъ: «Ты за чѣмъ пришла»? — Я пришла сватать. «Нѣтъ, я дочь не отдамъ. А вотъ прямо на сѣверо-западѣ тридцать лѣтъ пути отсюда есть кабанъ (гахай бодон), рыломъ пашущій землю, хвостомъ боронящій и сѣющій хлѣбъ. Если этотъ кабанъ будетъ доставленъ ко мнѣ на дворъ, тогда я дочь свою выдамъ».

Мать возвращается домой и рассказываетъ сыну сказанное ца-

ремъ. Сынъ говоритъ матери: «Не безпокойся, спи!»! Въ полночь встаетъ, вынимаетъ перстень, три раза подбрасываетъ его; вышедшіе двѣнадцать богатырей спрашиваютъ, что имъ дѣлать. «Прямо съ сѣверо-запада доставьте кабана». Сказавши, вошелъ въ домъ и уснулъ. Утромъ всталъ; что было приказано сдѣлать, сдѣлано. Бросаетъ перстень три раза и богатыри исчезаютъ. Перстень положилъ въ карманъ. Посылаетъ мать къ Баинъ-хану. Уходитъ и опять останавливается около двери. Опять выходитъ ханъ и спрашиваетъ: «Ты зачѣмъ пришла»?—Я пришла сватать. «Я дочь не отдамъ, говоритъ Баинъ-ханъ, если не будетъ приготовленъ для вѣнчанія молодыхъ семизолотоглавый соборъ и чтобъ главы были изъ чистаго золота; чтобъ было приготовлено тринадцать базаровъ; чтобъ ѣхать жениху и невѣстѣ (парню и дѣвкѣ) была готова золотая повозка, въ которую была бы впряжена тройка свѣтло (золото)-соловыхъ лошадей (гурбун алтан шарга морё). Кромѣ этого, чтобъ и мнѣ была приготовлена золотая повозка, въ которую была бы впряжена тройка карихъ иноходцевъ, чтобъ спереди и сзади бѣжали проводники; еще кромѣ этого, чтобъ ѣсть молодымъ былъ бы приготовленъ (вылить) золотой столъ; для угощенія народа и подданныхъ, чтобъ пища и питіе были не истощимы. Такъ скажи сыну!»! сказалъ. «А завтра съ восходомъ солнца пусть приходитъ жениться»!

Возвращается домой и рассказываетъ сыну сказанное царемъ. Сынъ говоритъ: «Не заботься, спи!»! Спитъ. Въ полночь вынимаетъ перстень, подбрасываетъ его три раза; являются двѣнадцать богатырей и спрашиваютъ, что имъ дѣлать. Приказываетъ имъ сдѣлать то, что приказалъ сдѣлать ханъ. На утро встаетъ и все готово. Парень запрягаетъ (коней) въ золотую повозку и отправляется къ хану. Приходитъ туда; перебрасываются хитрыми (словами), мѣняются огнивомъ и ножикомъ и дѣлаютъ просватаніе (тэндэ ошожи хыб хурэй хэлсяжи хэтэ хотегойэ андалдажи худая орожи). Садятся въ двѣ золотыя повозки, отправляются въ соборъ и вѣнчаются. Пріѣзжаютъ домой и устраиваютъ пиръ. Водки озера, мяса пригорки (горы)! А какъ

водки озера, въ ней купаются, а какъ мяса горы, имъ бросаются, гуляя (бесѣдуя).

Прогулявъ девять дней и девять ночей, провожаютъ гостей. Проводивши гостей, говоритъ кошкѣ и собакѣ: «Я отправлюсь въ гости къ тестю, а вы караульте хорошенько домъ». И такъ отправился къ тестю. Составляется гулянка. Послѣ этого тесть говоритъ дочери: «Разузнай, какъ все это устроилъ твой мужъ». Послѣ этого, погулявъ у тестя, возвратился домой и живутъ два или три года; родилось трое дѣтей. (Однажды) говоритъ мужу: «Вотъ мы уже три года женились и у насъ трое дѣтей. Расскажи, какъ все это ты сдѣлалъ». — Нѣтъ, я тебѣ не скажу. «Скажи»! настаиваетъ. «Почему же ты мнѣ не вѣришь послѣ того, какъ у насъ уже трое дѣтей»? Тогда онъ говоритъ: «Все это я произвелъ посредствомъ перстня, который ношу на правой рукѣ».

Послѣ этого живутъ два мѣсяца. Тогда она проситъ: «Дай, говоритъ, поносить мнѣ этотъ перстень»! Отдаетъ. Взявши, ночуетъ двѣ ночи. На третьи сутки эта женщина въ полночь встаетъ, снимаетъ съ пальца перстень и подбрасываетъ его три раза; являются двѣнадцать богатырей. Что будемъ дѣлать? спрашиваютъ. «Отсюда прямо на сѣверо-востокъ, на девяносто лѣтъ пути, къ Шазагай-номонъ-хана сыну, царю Соломону*) отнесши, отдайте меня»! такъ сказала. «Все находящееся въ домѣ (изъ дома) этого мужа съ матерью, съ собакой и кошкой оставьте, а все прочее отнесите къ сыну Шазагай-номонъ-хана». Вошла и уснула.

На завтра жена встала и оказалась сидящей у сына Шазагай-номонъ-хана. Дуракъ же парень на утро встаетъ и оказывается въ такомъ же старомъ домѣ, въ какомъ жилъ раньше и также бѣденъ; сидитъ, печалится и плачетъ, думая, въ какую сторону и къ какому царю она отправилась. Когда онъ сидѣлъ такъ, приходитъ

*) При первоначальной передачѣ рассказчикъ назвалъ этого царевича царемъ Соломономъ, но при дальнѣйшихъ разспросахъ онъ далъ ему имя: Хартагай-хани-харажи-муя-хубунъ; другіе же называютъ его: Хартагай-хани-харажи-мина-хубунъ.

къ нему тестъ Баинъ-ханъ и спрашиваетъ, куда онъ дѣвалъ его дочь. Потомъ парень говоритъ: «Я имѣлъ перстень, посредствомъ котораго производилъ все, Перстень этотъ она надѣла и ходила. Сегодня я утромъ всталъ, ничего нѣтъ. Куда это, къ какому хану все перенесено, сижую и гадаю». — «Если ты не найдешь въ теченіи трехъ лѣтъ, я тебя казню, вытяну тебѣ жилы и снесу голову!» Такъ сказалъ этотъ ханъ. Тогда кошка и собака говорятъ парню: «Мы отправимся искать, а ты сиди дома!» Они отправились. По уходѣ ихъ этого зятя парня взяли и засадили въ чугунную тюрьму. Кошка и собака идутъ, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, наконецъ достигаютъ чернаго моря. Ходятъ по берегу взадъ и впередъ и не могутъ найти удобнаго перехода. Тогда кошка спрашиваетъ собаку: «Можешь ли ты переплыть на ту сторону моря?» Собака говоритъ: переплыву! «А я на тебѣ переплыву»!

Входятъ въ воду, съ трудомъ переплываютъ на другую сторону и отдыхаютъ. Идутъ отсюда дальше и видятъ семиглавый соборъ.*) «Дѣйствительно это тотъ самый!» рѣшаютъ и тогда кошка говоритъ собакѣ: «Я отправлюсь туда, а ты послѣ меня иди тихонько. Я пришедши впередъ, буду ласкаться около стряпки; ты же, пришедши тихонько, ходи за дворомъ и лай». Кошка отправилась и начала всячески ласкаться къ стряпкѣ. Послѣ того, какъ прошло полгода, рѣшили, что кошка хорошенькая, перевели ее въ горницу къ женѣ царя Соломона, которая и спала съ ней вмѣстѣ и кормила ее тѣмъ, чего она прежде никогда не ѣдала. Собака же помѣстилась на улицѣ и ходитъ, лаетъ. Кошка выходитъ и говоритъ: «Днемъ она этотъ перстень носить на рукѣ, а куда дѣваетъ ночью, не могу подмѣтить. Ты все таки ходи здѣсь взадъ и впередъ тихонько и лай и отъ воротъ далеко не отходи. Будь всегда наготовѣ, какъ днемъ, такъ и ночью, нисколько не удаляясь отъ воротъ». Входитъ и ни какъ не можетъ подмѣтить этаго перстня.

Однажды вечеромъ она замѣтила, что та, ложаась спать, по-

---

*) Долон толгойтэй собор.

ложила его въ ротъ. Замѣтивши, выходитъ потихоньку на улицу, приноситъ тоненькую соломенку и начинаетъ щекотать ею въ носу женщины. Та чихнула; перстень упалъ и тинькнулъ. Кошка схватила его въ ротъ и выбѣжала на улицу. Подходятъ къ воротамъ, собака и спрашиваетъ ее: «Тащишь»?—Тащу, говоритъ. Бѣгутъ дальше въ запуски, сильно радуясь. Подходятъ къ тому же черному морю. Собака и говоритъ: «Отдай мнѣ перстень»!—Я взяла, я и несу его! (говоритъ кошка).

Сѣвши на собаку, плывутъ. Собака и говоритъ опять: «Отдай мнѣ»!—Нѣтъ не отдамъ! «А если ты не отдашь, я уроню тебя въ море»! Та отдаетъ. Когда начала браться собака, уронила его въ море. Кошка, сидя у ней на спинѣ, грызетъ ей ея спину. Спорили, ссорились, все таки переплыли на другой берегъ. Идутъ по берегу моря и видятъ двадцать и тридцать человѣкъ рыбу ловятъ. Онѣ начинаютъ тереться около нихъ. Ловящіе рыбу внутренности выбрасываютъ. Кошка и собака ничего себѣ, роются въ нихъ, ищутъ. Ища такъ, во внутренности одного тайменя (тула загаган) находятъ. Приходятъ домой, ѣдятъ, а за тѣмъ уходятъ къ чугунной тюрьмѣ и спрашиваютъ: «Живъ ты или умеръ»?—Живъ! говоритъ тотъ. Подаютъ ему перстень черезъ маленькое окошечко. Парень взялъ, подбросилъ его три раза и вышло двѣнадцать богатырей. Что будемъ дѣлать? спрашиваютъ. Разломайте эту тюрьму!

Разломали. Тогда парень идетъ къ хану. Ханъ спрашиваетъ его: «Что скажешь»? Тогда парень говоритъ: «Завтра съ восходомъ солнца все, какъ было, доставлю, вмѣстѣ съ твоей дочерью и съ другимъ ея мужемъ». Затѣмъ ушелъ домой, наѣлся и легъ отдыхать. Въ полночь встаетъ, подбрасываетъ этотъ перстень три раза; являются двѣнадцать богатырей. Тогда онъ говоритъ: «Доставьте сюда царя Соломона со всѣмъ, что есть у него»! Вошелъ домой и уснулъ.

На утро встали, все это перенесено и все стало опять такъ, какъ было и раньше. Посылаетъ человѣка къ Баинъ-хану, чтобъ

тотъ пришелъ. Баянъ-ханъ приходитъ. «Все, что есть, принеси; Шазагай-номонъ-хана сынъ царь Соломонъ и дочь твоя уходила къ нему. Ты, тестъ мой, поступи съ нимъ по закону!» Тогда царь приказываетъ двумъ сильнымъ богатырямъ выкопать яму въ сорокъ сажень; берутъ царя Соломона, приводятъ двѣнадцать солдатъ, которые заряжаютъ двѣнадцать ружей, царя Соломона одѣваютъ въ бѣлую рубашку и привязываютъ къ столбу, стрѣляютъ въ него и роняютъ въ сорокасаженную яму. Застрѣливши и уронивши, возвращаются домой и, какъ бы одержали побѣду на войнѣ, бьютъ въ барабаны, собираютъ весь народъ, выставляютъ цѣлыя озера водки и бугры мяса и устраиваютъ большой пиръ. Зятя этого потомъ вмѣсто себя садитъ на престолъ и передаетъ ему управленіе всѣми подданными, благословляя: Да будетъ спокойно, (счастливо) и благополучно твое царствованіе.

Запис. о. Н. Затопляевымъ у
аларскихъ бурятъ.

III.

Ш о н о - б а т о р ь .

1.

Царь Хунъ-Тайжи имѣлъ двухъ сыновей; старшаго сына называли Сэрэнъ-Галда, а младшаго Шоно-баторъ*) Оба сына царя Хунъ-Тайжи, когда выросли большіе, то женились; жену старшаго сына Сэрэнъ-Галда называли Хальмакшкинъ; какъ звали жену Шоно-батора не помнятъ. Царь Хунъ-Тайжи былъ изъ племени Ёлөть**).

Однажды оба сына царя Хунъ-Тайжи поѣхали на зэгэтэ-аба (на облаву). Отецъ ихъ царь Хунъ-Тайжи обоимъ сыновьямъ далъ каждому по триста человѣкъ. Старшій сынъ царя Хунъ-Тайжи Сэрэнъ-Галда и его триста человѣкъ во время зэгэтэ-аба охотились на звѣрей, но ничего не убивали, а потому терпѣли голодъ.

*) Шоно «волкъ»; баторъ «богатырь».

**) Слѣдовательно онъ былъ царемъ племени Ёлөть; буряты ёлөтами называютъ калмыковъ; дѣйствительно-ли Хунъ-Тайжи былъ калмыцкимъ ханомъ, буряты не знаютъ. Хангаловъ.

Младшій сынъ царя Хунъ-Тайжи Шоно-баторъ во время зэгэтэ-аба убивалъ много звѣрей и кормилъ своихъ триста человѣкъ; они не терпѣли голода. Сэрэнъ-Галда отъ стыда, что онъ не убивалъ звѣрей во время зэгэтэ-аба, сильно началъ завидовать брату своему Шоно-батору. Изъ зависти началъ клеветать на своего брата Шоно-батора отцу своему Хунъ-Тайжи, который повѣрилъ клеветѣ и сильно разсердился на Шоно-батора.

Царь Хунъ-Тайжи жестоко наказалъ своего младшаго сына Шоно-батора слѣдующимъ образомъ; онъ приказалъ поймать Шоно-батора. Когда поймали его, то ему вырѣзали хрящи отъ обоихъ лопатокъ, что бы онъ не хвастался силою и мѣткостью въ стрѣльбѣ; послѣ этого Шоно-батора посадили въ тюрьму.

Шоно-баторъ послѣ такого несправедливаго и жестокаго наказанія пѣлъ слѣдующую пѣсню:

Хухан, хухан модони
Холбо намшин гахалта,
Хун-Тайжи бабан
Гэнэн тэнэгин гахалта.

* * *

Нархая, нархан модони
Намши шилбэн гахалта,
Нахан болхон бабан
Гэнэн тэнэгин гахалта

* * *

Шөнөхон, шөнөхон модони
Шилмэхэ намшин гахалта,
Сэрэн-Галда ахан
Хобушигин гахалта.

Переводъ:

Березоваго, березоваго дерева
Сросшіяся листья удивительны!
Отца Хунъ-Тайжи
Простота и глупость удивительны!

Сосноваго, сосноваго дерева

Листья и хвои удивительны!

Состарѣвшагося отца (бывшаго старикомъ отца)

Простота и глупость удивительны!

* * *

Лиственичнаго, лиственичнаго дерева

Хвои и листья удивительны!

Брата Сэрэнъ-Галдая

Клевета удивительна!

Когда Шоно-баторъ сидѣлъ запертый въ тюрьмѣ, въ это время другой царь Маса-богдо послалъ царю Хунъ-Тайжи на трехъ верблюдахъ иголокъ и три большіе лука; получивъ это царь Хунъ-Тайжи съ своимъ старшимъ сыномъ обрадовались, что царь Маса-богдо имъ послалъ подарокъ. Шоно-баторъ, узнавъ это, сказалъ: «Теперь мой отецъ Хунъ-Тайжи и старшій братъ Сэрэнъ-Галда радуются, что имъ Маса-богдо послалъ подарокъ, на трехъ верблюдахъ иголки и три большіе лука, но скоро они будутъ покорены Маса-богдоемъ». Эти слова Шоно-батора донесли царю; тогда царь потребовалъ къ себѣ своего младшаго сына Шоно-батора и у него спрашиваетъ: «Говорилъ ли ты, что мы будемъ покорены Маса-богдоемъ»? Шоно-баторъ сказалъ, что онъ говорилъ. Царь-Хунъ-Тайжи спрашиваетъ: «Почему ты такъ говорилъ»? Тогда Шоно-баторъ говоритъ своему отцу Хунъ Тайжи: «На трехъ верблюдахъ присланныя вамъ иголки и три большіе лука не подарки, а иголки означаютъ, что у царя Маса-богдо есть войска столько, сколько прислано иголокъ на трехъ верблюдахъ, три же большіе лука означаютъ, что у царя Маса-богдо есть три сильныхъ батора. Царь Маса-богдо хочетъ къ тебѣ прійти съ войскомъ и покорить твое царство». Царь Хунъ-Тайжи спрашиваетъ у Шоно-батора, что теперь нужно дѣлать?

Шоно-баторъ сказалъ своему отцу Хунъ-Тайжи: «Всѣ эти иголки раздать и вмѣсто ихъ послать огниво и складной (перочинный) ножикъ; а три лука нужно сломать».

Хэри хагдани
Олон шиги болхо,
Хэтэн гал барха,
Толгон үжэни
Олон шиги болхо
Тонгор-хотого отолхо.

ПЕРЕВОДЪ:

Степныхъ старыхъ травъ
Хотя много было,
Огонь отъ огнива кончить!
На головѣ волосъ
Хотя много было,
Складень-ножикъ перерѣжетъ!

Тогда царь Хунъ-Тайжи всѣ иголки роздалъ, а три большіе лука никто не могъ натянуть. Шоно-баторъ взялъ всѣ три большіе лука, натянулъ ихъ и сразу всѣ три сломалъ по поламъ; въ то время, когда онъ тянулъ эти луки, изъ подъ лопатокъ его вытекъ гной съ кровью. Послѣ этого царь Хунъ-Тайжи къ Маса-богдо послалъ огниво съ складнымъ (перочиннымъ) ножомъ и сломанные три большіе лука; получивъ это, царь Маса-богдо раздумалъ идти съ войскомъ на царя Хунъ-Тайжи, испугавшись, что у того тоже много войска и есть сильный баторъ, который и сломалъ всѣ три большіе лука сразу.

Послѣ этого Шоно-баторъ ходилъ на свободѣ; его не сажали опять въ тюрьму. Сэрэнъ-Галда изъ зависти опять началъ клеветать отцу Хунъ-Тайжи на своего младшаго брата Шоно-батара. Царь Хунъ-Тайжи опять повѣрилъ клеветѣ и сильно рассердился на Шоно-батара, послалъ войско за нимъ поймать его и привести къ нему. Но Шоно-баторъ скрылся; посланное войско подъ предводительствомъ Сэрэнъ-Галда разыскивало Шоно-батара; увидавъ ихъ, Шоно-баторъ запѣлъ слѣдующую пѣсню:

Хаин хани урамжа
Хадаги баран харагдаба,
Хадагтани урда харахада
Сэрэн-Галда түрүши.

* * *

Сэсэн хани угамжа
Сэрэги баран харагдаба,
Тэдэни урда харахада
Сэрэн-Галда түрүши.

ПЕРЕВОДЪ:

Изъ мѣстности добраго царя
Колчаны стали виднѣться,
Спереди на колчаноносцевъ посмотрѣть
Сэрэнъ-Галда передовикъ (т. е. предводитель).

* * *

Изъ мѣстности умнаго царя
Войска стали виднѣться,
Спереди на нихъ посмотрѣть
Сэрэнъ-Галда передовикъ.

Послѣ этого посланные войска подъ предводительствомъ Сэрэнъ-Галда окружили Шоно-батора съ одной стороны, а съ другой стороны было море; тогда Шоно-баторъ запѣлъ пѣсню:

Шара, шара далада
Шахабди гэжи ханабыт
Шахагдаба шиги яхаб
Шарга морин омужин.

* * *

Хара, хара далада
Хагабди гэжи ханабыт,
Хагдаба шиги яхаб
Халюн-шарга омужин

Хөхө, хөхө далада

"
Хүрэлэбди гэжи ханабыт,

"
Хүрэлүлбэ шиги яхаб

Хакшин-шарга омужин.

ПЕРЕВОДЪ:

Къ желтому, желтому морю,

Думаете, будто притиснули.

Хотя-бы притиснули, ладно —

Соловой конь переплыветъ.

* * *

Къ черному, черному морю,

Думаете, будто заперли.

Хотя-бы заперли, ладно —

Халюный*) соловой переплыветъ.

* * *

У синяго, синяго моря,

Думаете, будто окружили.

Хотя-бы окружили, ладно —

Старый соловой переплыветъ.

Послѣ этой пѣсни Шоно-баторъ на своемъ конѣ переплылъ на другую сторону моря; переплывъ, сидя на другомъ берегу моря, еще запѣлъ одну пѣсню:

Хухан, хухан шибэги

Хуха даран орохоби,

Хоёр мянган сэрэги

Хумат гэжи гарахаб,

Тибэ яба яхаб

Орин зон харамта.

* * *

Нархан, нархан шибэги

*) Халюный мѣстное выраженіе отъ монгольскаго халюн, особая масть лошадей.

Намта даран орохоби,
Найман минган сэрэги
Хумат гэжи орхихоб,
Тибэ яба яхаб
Өрин зон харамта.

* * *

Шонхон, шонхон шибэги
Шилбэ даран орохоби,
Сэрэк сур хоёриги
Хул тажа хюдахаб,
Тибэ яба яхаб
Өрин зон харамта.

ПЕРЕВОДЪ:

Березовую, березовую городьбу
Сдавивши, сломавъ, войду!
Двухъ тысячное войско
Переполошивъ, таки выйду!
Такъ таки ладно,
Свой народъ жалко!

* * *

Сосновую, сосновую городьбу
Сдавивши внизъ, войду!
Восьмитысячное войско
Переполошивъ, таки выйду!
Такъ таки ладно,
Свой народъ жалко!

* * *

Лиственичную, лиственичную городьбу
Сдавивши внизъ, войду!
Войско и воиновъ твоихъ
Совсѣмъ до чиста истреблю!
Такъ таки ладно,
Свой народъ жалко.

Шоно-баторъ послѣ этой пѣсни, уѣхалъ въ царство русскаго царя. Когда Шоно-баторъ уѣхалъ въ русское царство, то жена его осталась дома и сдѣлалась стряпкою у жены Сэрэнъ-Галда Хальмакшкина. Въ этомъ горестномъ положеніи она пѣла слѣдующую пѣсню:

Хада дэрэ хухада

Хани хухэ бэлэб,

Хадажан бухада

Хальмакшкини шигэбшким.

* * *

Өндөр дэрэ хухада

Эжини хухэ бэлэб,

Өндөрхөн бухада

Хальмакшкини шигэбшким.

* * *

Тэнгэри дэрэ хухада

Тэнгэрин хухэ бэлэб,

Тэнгэрихэн бухада

Хальмакшкини шигэбшким.

ПЕРЕВОДЪ:

На горѣ сидѣвши

Царская жена была,

Съ горы спустившись,

Стряпка Хальмакшкина!

* * *

На высотѣ сидѣвши

Хозяйская жена была,

Съ высоты спустившись,

Стряпка Хальмакшкина!

* * *

На небѣ сидѣвши

Небесная жена была,

Съ неба спустившись,
Стряпка Хальмакшкина!

Запис. М. Н. Хангаловымъ у ба-
лаганскихъ бурятъ.

2.

У Бэлэ-батора было семьдесятъ таежныхъ собакъ, но волки каждый день и каждую ночь истребляли его скоть — и никакъ не могли ихъ убить. Послѣ этого онъ отправляется къ Хонъ-Тайжію и говоритъ: «Скота моего каждый день истребляетъ волкъ». Тогда Хонъ-Тайжи говоритъ: «У меня хотя и три только собаки, но твои семьдесятъ собакъ не сравняются съ моими тремя. Если я пойду, мои собаки передавятъ этихъ волковъ». Послѣ этого пріѣзжаетъ съ своими тремя собаками и говоритъ: «Ну, будемъ охотиться». Охотятся и три собаки Хонъ-Тайжія выгоняютъ изъ круглаго ельника трехъ волковъ, а семьдесятъ собакъ Бэлэ-батора разбѣжались. И такъ при помощи этихъ трехъ собакъ убили этихъ трехъ волковъ. Послѣ того, какъ волки были убиты, Бэлэ-баторъ проситъ у Хонъ-Тайжія одну собаку. А тотъ говоритъ: «А ты отдай мнѣ одну жену, тогда я тебѣ отдамъ одну собаку. И такъ какую ты собаку просишь»? — Отдай мнѣ младшую собаку. — «А ты мнѣ отдай младшую жену». И такъ промѣнялись; Бэлэ-баторъ взялъ младшую собаку Хонъ-Тайжія, а Хонъ-Тайжи взялъ младшую жену Бэлэ-батора. Пріѣзжаетъ Хонъ-тайжи къ Бэлэ-батору, пьютъ водку и устраивается гулянка. Возвращаясь домой, Хонъ - Тайжи беретъ младшую жену Бэлэ-батора. Возвратившись домой, онъ женился на ней. Послѣ этого у нихъ родился сынъ, которому дали имя Шоно-баторъ (вѣроятно въ воспоминаніе объ охотѣ на волковъ). Кромѣ этого у Хонъ-Тайжія былъ еще сынъ отъ прежней жены по имени Сырынъ-Галданъ. Шоно-баторъ, ставши большимъ, учился грамотѣ и учился прекрасно. Однажды отца не было дома, Шоно-баторъ пооснималъ всѣ наконечники у стрѣлъ,

отнесъ ихъ къ кузнецу и сдѣлалъ изъ нихъ саблю. Отецъ, возвратившись домой, сердится на сына: «Зачѣмъ ты оснималъ наконецники и передѣлалъ въ саблю? Я за это вырѣжу у тебя мясо изъ лопатокъ»!

Исполняетъ это и садить его въ тюрьму. Съ улицы проводятъ къ нему желобокъ и по нему вливаютъ пищу. Кормившая его черезъ эту трубу младшая сестра бесѣдовала съ нимъ. Однажды присылается къ Хонъ-Тайжию лукъ и три верблюда, навьюченные иглоками, чтобъ во всѣ эти иголки вдѣть нитки и надѣть на лукъ тетиву. Тогда Хонъ-Тайжи собираетъ народъ и говоритъ имъ: «Иностранный ханъ послалъ лукъ, чтобъ натянуть на него тетиву и во всѣ эти иголки вдѣть нитки и затѣмъ возвратить. Съ какою цѣлю онъ послалъ это, народъ, почетные люди, понимаете-ли»? Народъ говоритъ: «Мы никакъ не можемъ понять и отгадать». Пока такъ народъ бесѣдовалъ, младшая сестра Шоно-батора черезъ желобокъ влила ему пищу. Шоно-баторъ спрашиваетъ сестру: «Что новаго»? Тогда сестра говоритъ: «Иностранный ханъ послалъ нашему отцу лукъ, чтобъ натянуть тетиву и три навьюченныхъ верблюда иглокомъ, чтобы во всѣ вдѣть нитки и возвратить. Это посланное собраннымъ отцомъ народъ ни какъ не можетъ отгадать. Вотъ какая есть новость»! Шоно-баторъ говоритъ: «Да они и не отгадаютъ и на этотъ лукъ не натянутъ тетиву! еслибъ выпустили меня, то хотя у меня и вырѣзано мясо изъ лопатокъ, я бы натянулъ этотъ лукъ и отгадалъ бы значеніе этихъ иглокомъ». Младшая сестра передаетъ это отцу.

Хонъ-Тайжи выпускаетъ изъ тюрьмы сына, призываетъ его и спрашиваетъ: «На этотъ лукъ надѣнешъ тетиву? Значеніе этихъ иглокомъ отгадаешь»? Тогда Шоно-баторъ говоритъ: «Этотъ лукъ посланъ не для того, чтобъ надѣть на него тетиву, а испытать, есть-ли у тебя такой сильный богатырь, который могъ бы это сдѣлать; а иголки посланы не для того, чтобъ вдѣвать въ нихъ нитки, а онъ тоже пытается и этимъ даетъ знать, что собирается прійти къ

тебѣ съ такимъ многочисленнымъ войскомъ. Вотъ для чего и посланы эти иголки». «Какой-же мы дадимъ на это отвѣтъ»? Тогда сынъ говоритъ: «На этотъ лукъ я надѣну тетиву». И такъ натягиваетъ; изъ лопатокъ подался гной и лукъ лопнулъ. Затѣмъ говоритъ: «Нужно выстрогать шарообразное дерево такъ, чтобъ не знать было, гдѣ вершина и гдѣ комель и послать, чтобъ они узнали вершину; если-де вы узнаете вершину, мы вдѣнемъ вамъ во всѣ иголки нитки и пошлемъ». Такой отвѣтъ и дали. Изломанный лукъ вмѣстѣ съ шарообразнымъ деревомъ завязали, запечатали, написали бумагу и отправили. Этотъ иностранный ханъ, увидавши лукъ, говоритъ народу: «Если они имѣютъ такого богатыря, что изломалъ нашъ лукъ, то намъ уже никакъ нельзя съ ними воевать. На этотъ лукъ мы натягивали тетиву семидесятью быками». Затѣмъ говоритъ народу: «Узнайте, гдѣ у этого шарообразнаго дерева вершина и комель»? Никто не можетъ опредѣлить вершину. Послѣ этого Шоронъ-Галданъ-баторъ говоритъ: «Это дерево послано не для того, чтобъ опредѣлить вершину, а показать, что они подобно этому дереву объявятъ такую большую войну, что войску ихъ не будетъ видно конца. (Изуринъ танияхо гэжи хэлэдгэйэнэ модони адеги ургэльджи гэхэ-дай илыгэхэ-б гэжи хэлэ). И такъ намъ воевать никакъ нельзя, такъ какъ этотъ царь съ такимъ многочисленнымъ войскомъ и имѣетъ такого богатыря, который въ состояніи натянуть этотъ нашъ лукъ!» И такъ этотъ царь испугался Хонъ-Тайжия и пересталъ воевать (не затѣвалъ войны).

Хонъ-Тайжи говоритъ своимъ сыновьямъ: Сырынъ-Галдану и Шоно-батору. «Отправляйтесь на охоту!» Тогда Шоно-баторъ говоритъ: «Дай намъ по триста человѣкъ войска и тогда мы пойдемъ», «Пусть будетъ такъ!» говоритъ Хонъ-Тайжи. Берутъ по триста человѣкъ воиновъ и оба сына отправляются на охоту. Становится поздно. Располагаются на ночлегъ въ двухъ разныхъ мѣстностяхъ.

Не находятъ дровъ, чтобъ развести огня. Тогда Сырынъ-Галданъ говорить: «Пошлите одного человѣка, чтобъ узнать, чѣмъ разводить огонь народъ Шоно-батора». Когда подходитъ этотъ посланный человѣкъ, Шоно-баторъ говорить своему народу: «Сырынъ-Галданъ посылаетъ къ намъ одного человѣка, чтобъ узнать, чѣмъ мы развели огонь; когда онъ придетъ къ намъ, я буду говорить вамъ: «сломайте луки и стрѣлы и разводите огонь»! Вы же, ломая (одинъ лукъ и по одной стрѣлѣ), говорите: «когда войдемъ въ лучную падь, найдемъ луки, когда войдемъ въ стрѣльную падь, найдемъ стрѣлы» и разводите огонь»! Когда приходитъ посланникъ Сырынъ-Галдана, Шоно-баторъ говорить народу: «Изломавши луки и стрѣлы, разводите огонь»! Народъ, ломая по одной стрѣлѣ и ломая одинъ лукъ, говорить: «Когда войдемъ въ лучную падь, найдемъ луки, когда войдемъ въ стрѣльную падь, найдемъ стрѣлы»! Посланный скоро возвращается и говорить: «Они, сломавши луки и стрѣлы, развели огонь и говорятъ: когда войдемъ въ лучную падь, найдемъ луки, когда войдемъ въ стрѣльную падь, найдемъ стрѣлы». Тогда народъ Сырынъ-Галдана, разломавши луки и стрѣлы, разводитъ огонь. «Когда, говорятъ, войдемъ въ лучную падь, найдемъ луки, когда войдемъ въ стрѣльную падь, найдемъ стрѣлы». Ночевавши, на слѣдующее утро отправляются дальше охотиться. Народъ Сырынъ-Галдана безъ луковъ и безъ стрѣлъ, а народъ Шоно-батора весь съ луками и со стрѣлами убиваетъ разныхъ звѣрей и навьючиваетъ ихъ. А народъ Сырынъ-Галдана: «Гдѣ-же», говорить, «эти пади стрѣльная и лучная»? Такъ затѣмъ опять остановились ночевать въ двухъ разныхъ мѣстахъ. Опять нѣтъ чѣмъ развести огонь. Опять Сырынъ-Галданъ посылаетъ узнать, чѣмъ разводить огонь народъ Шоно-батора. Когда подходитъ посланный, Шоно-баторъ говорить народу: «Сегодня вечеромъ разведемъ огонь сѣдлами; когда войдемъ въ сѣдельную падь, найдемъ сѣдла». Посланный Сырынъ-Галдана, услышавши это, возвращается и говорить народу: «Шоно-баторовскіе сѣдлами разводятъ огонь и говорятъ: «Когда войдемъ въ сѣдельную

падь, найдемъ сѣдла!»! Сырынъ-Галданъ говоритъ народу: «И мы разведемъ огонь сѣдлами; когда войдемъ въ сѣдельную падь, найдемъ сѣдла». И такъ всѣ разломали, изрубили сѣдла и развели огонь. Ночевавши, на завтра встали всѣ безъ сѣделъ. Народъ-же Шоно-батора, осѣдлавши коней, отправляется на охоту. А свита Сырынъ-Галдана, оставшись безъ сѣделъ, возвратилась домой совершенно пустой (безъ добычи). Народъ Шоно-батора возвращается домой съ выюками полными разныхъ звѣрей (дичины). Видя это, Хонъ-Тайжи спрашиваетъ Сырынъ-Галдана: «Почему вы вернулись безъ луковъ и стрѣлъ»? Сырынъ-Галданъ отвѣчаетъ: «Луки и стрѣлы, разломавши, мы сожгли». «Почему вы сожгли»? «Мы ночевали въ разныхъ степяхъ и не было топлива; я спосылалъ одного человека къ Шоно-батору, чтобъ узнать, чѣмъ разводять они огонь. Посланный пришелъ и сказалъ, что народъ Шоно-батора ломаетъ луки и стрѣлы и говоритъ: «когда войдемъ въ лучную падь, найдемъ луки, когда войдемъ въ стрѣльную падь, найдемъ стрѣлы». «А гдѣ-же ваши сѣдла»? «Опять мы ночевали въ разныхъ степяхъ и не было дровъ. Посланный къ Шоно-батору сказалъ, что они развели огонь сѣдлами и говорятъ: «когда войдемъ въ сѣдельную падь, найдемъ сѣдла». Поэтому и мы сожгли сѣдла. Вотъ мы и прѣхали безъ сѣделъ; насъ обманулъ Шоно-баторъ». Хонъ-Тайжи и говоритъ: «Я снесу голову Шоно-батору».

Эти слова младшая сестра передаетъ Шоно-батору: «Тебѣ, говорить, снесутъ голову»! Услыхавши это, Шоно-баторъ рѣшается отправиться къ Арынъ-Саганъ-хану (къ русскому царю). Крадучись, пробирается кругомъ Байкала, черезъ Дарьинъ проходъ (Дарьин гхубер), приходитъ къ Арынъ-Саганъ-хану и говоритъ: «Я хочу быть твоимъ подданнымъ»! Тогда царица (Хатунъ-ханъ) говоритъ: «Я сейчасъ веду войну съ Аржэ-Буржэ-ханомъ; ты будь главнокомандующимъ моего войска, отправляйся и воюй». «Хорошо, пойду», говоритъ. Беретъ войско и предводительствуетъ. У Аржэ-Буржэ-хана есть колдовка старуха, которая, если начнетъ колдовать,

глыбы отъ скалы откалываются. При приближеніи этого войска она произноситъ заклинаніе: «Народъ твой превратись въ пыль и разнесись по воздуху, тѣло-же твое превратись въ камень»! Послѣ этого Шоно-баторъ превратился въ камень, а народъ превратился въ пыль и разсѣялся по воздуху. На этомъ превратившемся Шоно-баторѣ камнѣ, говорятъ, воздвигнуть Божій храмъ.

Записано со словъ аларскаго инородца хонходоровскаго рода Гавріила Пянкина о. *Николаемъ Затопляевымъ.*

Другой варіантъ этого-же сказанія говоритъ, что отъ колдовства старухи погибъ одинъ Шоно-баторъ и побѣда осталась за русскими. Это рассказывается такъ:

Колдунья хана, съ которымъ воевала русская царица, была такъ заколдована: если прострѣлить ей голову, царь и царство погибнетъ; если прострѣлить ей середину тѣла, погибнетъ весь народъ, а если выстрѣлить ей по колѣнямъ, стрѣлявшій пропадетъ, не оставивши потомства. Эта колдовка своимъ колдовствомъ губила каждый день и каждую ночь по сту человѣкъ. Тогда Шоно-баторъ рѣшилъ: «Лучше я погибну одинъ, не оставивши по себѣ потомства»! и убилъ ее по колѣнямъ. По этому Шоно-баторъ умеръ, не оставивъ послѣ себя потомства. Побѣда была одержана русскими и война прекратилась. Въ прославленіе-же Шоно-батора начали распѣвать помѣщенную ниже пѣсню. *О. Н. Затопляевъ.*

Пѣсня Шоно-батора.

Хадада удогхон зумари-ѣ харсагай шубун барабалъ,
Ханда зорѣгхон дайсуй-ѣ Шоно-батор дарабал.
Боредо удугхон больжомури боро-харсагай барабалъ,
Богдодо зорѣгхон дайсуй-ѣ Шоно-баторъ дарабалъ.
Ирьѣдэ удугхон зумари-ѣ ирьэн харсагай барабалъ,
Ижэндэ зорѣгхон дайсуй-ѣ Шоно-батор дарабалъ.
Сэрэн-Галдан ахай-я хобушинъ яхо-би?

Хон-Тайжа бабай-я гэнэн-залайнь яхо-би?
 Гертэгхэн хойшо хархада гэшгэнэн шиэ арзайга,
 Гэшгэхэн газаринь хархадо Шоно-батор ябула.
 Айлагхан хойшо гархадо алтан сэсык арзайга,
 Алгхагхан газаринь хархадо Шоно-батор ябула.
 Эрэд хойшо хархада эржэн сэсык арзайга,
 Эрьгхэн газаринь хархадо Шоно-батор ябула.
 Хара далайда хагдагхашэй-ѳ халюн-шаргай мэдүжэл,
 Ханай хульда хашагдгхашэй-ѳ Шоно-батор мэдүжэл,
 Хамок тумон сэрэишэни уйман-айман гархальби.
 Гхухо далайда хагдгхашэй-э гхүгшэн шаргай мэдүжэл,
 Гхошун хульда хашагдгхашэй-ѳ Шоно-батор мэдүжэл,
 Гхуды олон сэрэишэни уйман-айман гархальби.
 Шара далайда шахагдагхашей-ѳ шара-шаргай мэдүжэл
 Шанга хульда хашагдгхашэй-ѳ Шоно-батор мэдүжэл,
 Шахат ѳргхэн сэрэишэни уймат-аймат гархальби.

ПЕРЕВОДЪ:

На горѳ плодившихся овражекѳ соколѳ-птица истребилѳ,
 На Царя стремившееся войско Шоно-баторѳ побѳдилѳ.
 Подѳ горою плодившихся жаворонковѳ сѳрый-соколѳ истребилѳ,
 На Богдо стремившееся войско Шоно-баторѳ побѳдилѳ.
 На берегу плодившихся горностаевѳ пестрый-соколѳ истребилѳ,
 На Ижэна (хана) стремившееся войско Шоно-баторѳ побѳдилѳ.
 Сэрэнѳ-Галдана (брата) клевету мнѳ не побѳдить.
 Хонѳ-Тайжа батюшки опрометчивую довѳрчивость мнѳ не ра-
 зубѳдить.
 Отѳ юрты назадѳ глядѳть цвѳты гэшгэнэ*) развернулись,
 Ступившее мѳсто осмотрѳть, Шоноевы (батора) слѳды виднѳлись.
 Отѳ улуса назадѳ глядѳть, золотые цвѳты развернулись,
 Шагнувшее мѳсто осмотрѳть, Шоноевы слѳды виднѳлись.
 Сѳверо-западѳ оглядѳть, перламутровые цвѳты развернулись,

*) Гэшигэнэ, гусиная лапка, *Potentilla anserina*.

Обернувшееся мѣсто (т. е. гдѣ онъ обертывался) осмотрѣть,
Шоноевы слѣды виднѣлись.

Къ черному морю прижали, но халюно-соловой вывезетъ!

Ханскимъ судомъ притѣснили, Шоно-баторъ вылѣзетъ!

Много тысячное войско твое сокрушить и пройдетъ!

Къ синему морю прижали, но сильный соловко вывезетъ,

Сильнымъ судомъ притѣснили, Шоно-баторъ вылѣзетъ!

Много тысячное войско твое сокрушить и пройдетъ!

Къ желтому морю прижали, но желтоватый соловко вывезетъ!

Жестокимъ судомъ притѣснили, Шоно-баторъ вылѣзетъ!

Преслѣдующее войско твое сокрушить и пройдетъ!

Записана въ Аларѣ и переведена
П. П. Баторовымъ.

IV.

Сирота и желтая собака.

(Унышен хубун).

Въ старыя, старыя времена жилъ сирота парень, у котораго была мачиха и красный быкъ. Возилъ онъ на этомъ быкѣ дрова. Приводить онъ его, однажды, поить къ желтому морю; здѣсь русскіе ловятъ рыбу. Когда они неводили, дочь Лусунъ-хана, превратившись въ золотого ельца (алтан елоной), играла и попала въ неводъ. Отдавши за этого золотого ельца быка, взялъ его (ельца), вымѣнялъ. Этотъ елецъ, играя, превратился въ человѣка и впрыгнулъ въ море. Парень плачетъ: «мать меня будетъ сильно бить». Услыхавъ этотъ плачь, елецъ обратно выходитъ изъ моря и говоритъ: «Когда тебя мать будетъ бить, приходи сюда въ воду! По правую сторону будетъ песчаная дорога; идя по этой дорогѣ, ты встрѣтишь прекрасный серебряный дворецъ; при входѣ въ него ты встрѣтишь сидящаго бѣлоголоваго старика. Когда тебя старикъ спроситъ: зачѣмъ ты пришелъ? ты говори, что имѣешь желаніе взять

у него большую желтую собаку (гурия шара нохой, волкъ). Онъ тебѣ прогнать, но ты не взирая на это, возвращайся въ море до трехъ разъ».

Когда парень возвратился домой, мачиха начинаетъ бить его; сырые прутья гнутся и сухіе ломаются. Била, била и прогнала его. Съ плачемъ приходитъ къ морю и входитъ въ него въ томъ мѣстѣ, гдѣ вошелъ елець. Идетъ песчаной дорогой и видитъ прекрасный серебряный дворецъ, входитъ въ него. Бѣлоголовый старикъ, крикнувъ, спрашиваетъ его: «Зачѣмъ ты пришелъ»? — Желая имѣть твою большую желтую собаку, я пришелъ просить ее у васъ. — «Что ты сказалъ? что и говорить нельзя! Вымолвилъ, о чемъ и поинать нельзя!» И такъ прогналъ его. Прогонялъ его такимъ образомъ до трехъ разъ, а тотъ все возвращался.

Когда хотѣлъ прогнать его въ четвертый разъ, дочь и говоритъ ему: «Что ты? когда я попалась въ неводъ, онъ отдалъ за меня единственного быка, чтобъ взять меня». Тогда онъ (старикъ) завертываетъ въ бумагу дочь, половину имѣнія и навьючивши все это парню на спину, отправляетъ его, наказываетъ: «Пока не достигнешь хорошей земли, пока у тебя не изотрутся лопатки и не изобьются плечи, выюкъ этотъ не спускай на землю».

Унышэнъ-хубунъ (сирота) едва, едва выбрался на морской берегъ. Здѣсь онъ развернулъ бумагу; елець превратился въ женщину и вдругъ съ шумомъ начало какъ бы выкипать: скотъ разнообразный, домъ, зданія и все необходимое для житья. Здѣсь они и поселились.

Когда они тутъ жили, сынъ Хартагай-хана, однажды охотясь, увидалъ жену унышэнъ-хубуна и влюбился въ нее. Послѣ этого онъ сталъ ходить сюда каждый день и просиживалъ здѣсь до ночи. Однажды Хартагай-ханъ спрашиваетъ сына: «Куда ты исчезаешь каждый день и что ты дѣлаешь»? Тогда сынъ говоритъ: «На берегу желтаго моря живетъ унышэнъ-хубунъ. Жена этого унышэнъ-хубуна очень красива; смотря на нее (любуюсь) каждый день, я

забываю пищу и сонъ. Какъ бы мнѣ взять ее за себя»? Хартагай-ханъ на это говоритъ: «Спрячьтесь по три раза! Если онъ тебя не найдетъ, а ты найдешь его (унышэнъ-хубуна), тогда можно будетъ тебѣ взять его жену».

Царскій сынъ приходитъ къ унышэнъ-хубуну и велитъ ему спрятаться. Унышэнъ хубунъ спрятался за бараны*) и, не скрывшись весь, лежитъ. Тогда жена спрашиваетъ его: «Что это ты такъ»?—Я лежу здѣсь, спрятавшись отъ царскаго сына. «Э, какой ты прямой человѣкъ!» Превращаетъ его въ ножницы и бросаетъ около себя. Царскій сынъ, не могши найти, говоритъ: «Ну, выходи!» Тотъ выходитъ и говоритъ: «Ты и не видалъ, что я лежалъ здѣсь».

На слѣдующій день унышэнъ-хубунъ говоритъ женѣ: «Преврати меня опять въ ножницы». — «Что ты за дуракъ!» Превращаетъ въ жилы (шурмутхон) и сидитъ, сучить ихъ. Не могши найти, царскій сынъ говоритъ. «Ну, выходи!» Выходитъ и говоритъ: «Какъ ты не видалъ человѣка, лежавшаго на подолѣ жены!» На третій день превративши его въ голикъ или метелку (шурбур), бросила къ дверямъ. Царскій сынъ опять не находитъ. «Ну, говоритъ, выходи!» Тотъ выходитъ и говоритъ: «Ты меня не видалъ, а я стоялъ у дверей».

Когда началъ отправляться искать унышэнъ-хубуна, жена и спрашиваетъ его: «Какъ и гдѣ ты будешь искать»?—Я буду искать по всѣмъ дырамъ и щелямъ, за ящиками и за баранами. «Э, ты безмозглый! Если такъ будешь искать, ошибешься. На столбѣ виситъ тугой лукъ (хату номон). Что, молъ, это за слабый лукъ? и тяни какъ можно сильнѣе!» Когда унышэнъ-хубунъ потянулъ сильно, раздается: «Ой! ой! ломаешь мнѣ спину!» и лукъ становится царскимъ сыномъ. На слѣдующее утро жена опять учитъ его:

*) Бараномъ называется подставка подъ ящиками въ юртѣ, размѣщаемыми обыкновенно по лѣвой сторонѣ юрты со входа; имѣють они съ лицевой стороны форму ящика и служатъ украшеніемъ юрты. Н. З.

«На лѣвой (по входѣ въ юрту) сторонѣ на стѣнѣ виситъ выдринная шапка (халюн малагай). Снявши эту шапку, мни ее и вытягивай!»! Когда онъ началъ мять эту шапку, раздается: «Какъ ты больно мнешь!»! И выходитъ царскій сынъ. На третій разъ опять по наученію своей жены унышэнъ-хубунъ, пришедши къ царю, начинаетъ сгибать растущія впереди золотыя осины (алтанъ улягхай), какъ бы намѣреваясь срубить ихъ. «Перестань!»! И найденный царскій сынъ выходитъ.

Послѣ этого царскій сынъ прогоняетъ унышэнъ-хубуна спросить года у медвѣдя (бабагай). Жена нашиваетъ ему на оба плеча по клубку пряжи и отправляетъ къ медвѣдю. Прибѣгаетъ медвѣдь и говоритъ: «О, Боже (ай бурхан)! Триста лѣтъ живу, а ни кого не видалъ трехголоваго!»! И убѣгаетъ назадъ. Приходитъ и говоритъ царскому сыну, что онъ (медвѣдь) сказалъ, что ему триста лѣтъ. Посылаетъ (прогоняетъ) опять его узнать, сколько лѣтъ матери солнца (наранай эгхэ). Жена даетъ мужу мясо, кости и жилы и говоритъ: «На дорогѣ ты встрѣтишь трехъ цѣпныхъ собакъ. Брось имъ мясо и прочее и скажи: ахъ, какія славныя собаки! Идя дальше, встрѣтишь три вонючихъ озера; скажи: ахъ, какія благовонныя озера!»! Унышэнъ-хубунъ, пришедши къ собакамъ, говоритъ: «Какія славныя собаки!»! и бросилъ имъ мясо, кости и жилы. «Сколько здѣсь ни проходило, всѣ говорили: какія худыя, злыя собаки! Ты одинъ только похвалилъ насъ». Безъ лая, пропускаютъ его. Подходить къ тремъ озерамъ и говоритъ: «Ахъ какія благовонныя озера!»! «Съ древнихъ временъ, съ начала нашего бытія всѣ говорили, что мы вонючія озера. Ты одинъ только сказалъ, что мы благовонныя». Сдѣлавшись мелкими, этого парня пропустили.

Идетъ дальше и видитъ: одна женщина прилипла къ двери, другая повѣсилась на рогахъ коровы и еще третья прилипла къ лодкѣ. Всѣ эти три женщины съ этимъ унышэнъ-хубуномъ заказываютъ: «Спроси мать солнца, за что мы такъ мучимся?»

Когда онъ пришелъ къ матери солнца, она принимаетъ его, какъ гостя и угощаетъ, а затѣмъ «отдохни!» говоритъ. Уложила его спать. Вечеромъ возвращается домой солнце-сынъ (наран хубун). Мать ему кричитъ: «У насъ гость. Сними на улицѣ шапку, а то сожжешь!» На слѣдующее утро солнце-сынъ надѣваетъ на унышэнъ-хубуна свою шапку и говоритъ: «Ходи моей дорогой. На югѣ стоитъ серебряный столъ; тамъ пообѣдай!» Пришедши къ столу, парень сѣлъ. Одна ножка этого стола изломалась. Поправляя ее, онъ провозился до вечера.

За тѣмъ идетъ дальше. Идетъ и встрѣчаетъ закуржавѣвшаго старика, спрашиваетъ его: «Что ты за старикъ?» «Я владыка инея» (гхюуруй-ѣ эжэм)! «А, такъ это ты заморозилъ полдесятины моего хлѣба!» и началъ бить его. Билъ, билъ и едва живаго отпустилъ. Идетъ дальше и встрѣчаетъ совершенно маслянаго старика (тогхон большогхон убугун), спрашиваетъ его: «Кто ты?» «Я господинъ медовой росы» (тогхон шудори эжэм). — «А, такъ это ты сѣлъ полдесятины моего хлѣба!» Билъ, билъ его и чуть живаго отпустилъ.

Вечеромъ спрашиваетъ у матери солнца: «Идя сюда, я видѣлъ трехъ женщинъ; одна прилипла къ двери, другая виситъ на рогахъ коровы, а третья прилипла къ лодкѣ. За что они находятся въ такомъ положеніи?» Мать солнца говоритъ: «Прилипшая къ двери, когда жила на землѣ, была сильно шлюющая женщина. Вторая жалѣла давать для маленькихъ дѣтей молока, а третья жалѣла давать людямъ воды. Вотъ въ наказаніе за эти грѣхи и мучатся онѣ».

На слѣдующее утро при отправкѣ парня домой мать солнца даетъ ему красную курицу. «Унеси её, говоритъ, и отдай царскому сыну!» Принесши подъ окошко царя, говоритъ: «Я спросилъ солнце-мать о лѣтахъ. а она дала мнѣ красную курицу и велѣла передать тебѣ!» Бросаетъ её (красную курицу). «На, говоритъ,

возьми!»! Послѣ чего все у царя до тла сгорѣло. Амаръ жаргажи ашта бурханда тушэбэ (прожилъ счастливо и благополучно и отошелъ къ вѣчному богу).

Запис. П. П. Баторовымъ у аларскихъ бурятъ; переведено о. Н. И. За-топляевымъ.

У.

Черепъ конской головы.

Въ давнія, давнія временамышь и воробей сговорились вмѣстѣ въ компаніи сѣять хлѣбъ. Мышь вспахала землю, воробей изъ людскихъ амбаровъ наворовалъ сѣмянъ и посѣяли. Хлѣбъ родился прекрасный. Когда осенью стали дѣлить хлѣбъ, одно зерно осталось лишнимъ. Затѣяли изъ-за этого зерна споръ. Спорили, спорили,мышь и говоритъ: «Я приведу царя мышей» (Ада-хулагана)! А воробей говоритъ: «Я приведу царя птицъ (Хан-хурдэ-шубун). Приведши этихъ двоихъ, судились у нихъ. Ханъ-хурдэ-шубунъ говоритъ: «Воробей, воруя сѣмена, рисковалъ своею жизнью, а потому лишнее зерно пусть возьметъ воробей»! Тогда Ада-хулаган (царь мышей), разсердившись, перестригла зубами перья обоихъ крыльевъ Ханъ-хурдэ-шубуна (царя птицъ). Прочіе всѣ разошлись.

Ханъ-хурдэ-шубунъ, ставши безъ крыльевъ, сидитъ на землѣ. Со стороны подходит охотникъ (ангуша). Тогда (Ханъ-хурдэ) говоритъ этому человѣку: «Возьми ты меня домой и питай до тѣхъ поръ, пока у меня отростутъ крылья, а я послѣ вознагражу тебя». А что ты ѣшь? «Ночуя, я сѣмъ овцу, а два дня пробуду, сѣмъ быка».

Унесъ домой и кормилъ до тѣхъ поръ, что изъ богача сдѣлался бѣднякомъ. Когда (у Ханъ-хурдэ) отросли крылья и когда человѣкъ доставилъ ее домой, она даетъ ему черепъ конской головы (моринэ хубхай тологой), говоря: «Когда будешь спать, клади этотъ черепъ подъ голову, а когда будешь голодать, лижи его». Возвращаясь домой, во время пути онъ положилъ этотъ черепъ подъ го-

лову и уснулъ. Когда проснулся, очутился въ богатой юртѣ лежащимъ за семидесятью занавѣсами. Въ этой-же юртѣ сидѣла одна красавица женщина. «Чья ты жена»? спрашиваетъ громко. Тотчасъ-же эта женщина, превратившись въ черепъ, упала (и ничего не стало, ни юрты, ни женщины).

Идетъ дальше. Опять уснулъ. Пробудился лежащимъ за семидесятью занавѣсами; выходитъ оттуда и видитъ ту-же женщину, на которую смотритъ, смотритъ и не можетъ оторваться. И такъ просидѣлъ три дня, не выходя на улицу. Женщина, не могши его выпроводить, даетъ ему свой портретъ и отпращиваетъ его посмотреть и покормить скотъ. Только что онъ вышелъ на улицу, какъ вихремъ вырвало у него изъ рукъ портретъ и унесло. Портретъ этотъ нашли ханскія дочери и передали хану. Ханъ тотчасъ-же спосылалъ двухъ пословъ, чтобъ какъ можно скорѣе доставили ему этого человѣка. Тогда (ханъ) и говоритъ этому человѣку: «Давай, будемъ прятаться! Если я тебя найду, я возьму эту жену, а если ты меня найдешь, пусть жена остается у тебя. Возвращайся домой и спрячься!»! Человѣкъ этотъ, возвратившись домой, залѣзъ за ящики и лежитъ. Жена и спрашиваетъ его: «Что это ты такъ»? — Мнѣ царь велѣлъ спрятаться. Спрятался и лежу.— «Что ты за дуракъ»?! Превратила его въ шапку, надѣла на голову и сидитъ. Приходитъ ханъ и, не могши найти, говоритъ: «Ну, будетъ. Я перестаю искать, выходи!»! Тотъ вышелъ и говоритъ: «Ты не видалъ меня, сидящаго за женой». На другое утро жена превратила мужа въ войлокъ, свернула его и положила на кровать. Царь, не могши найти, говоритъ: «Ну же, выходи!»! Тогда тотъ выходитъ и говоритъ: «Ты меня не видалъ лежащаго на кровати». На слѣдующее за тѣмъ опять утро, превративши его въ голикъ (вѣникъ, которымъ метутъ полъ), бросила къ дверямъ. Опять царь, не могши найти, говоритъ: «Ну, выходи!»! «Ты меня не видалъ, лежащаго у дверей», говоритъ и выходитъ.

Настала и хану очередь прятаться. Жена и спрашивает мужа: «Гдѣ ты будешь искать?» — За ящиками и за баранами буду искать. — «Э, что ты за дуракъ! По входѣ въ юрту на лѣвой сторонѣ (т. е. на югозападѣ) будетъ висѣть желѣзный лукъ. Его возьми и какъ можно сильнѣе натягивай!» Уходитъ къ хану, беретъ и натягиваетъ этотъ лукъ. «Ой, ой! что ты! хочешь переломить мнѣ спину!» говоритъ ханъ и принимаетъ настоящій свой видъ (настоящее тѣло). На слѣдующій день, когда ему нужно было отправляться, жена на-казываетъ мужу: «На полкѣ будетъ лежать брусокъ, на столѣ ножикъ. Взявши ножикъ, три имъ о брусокъ!» Приходитъ къ хану, беретъ ножикъ и начинаетъ тереть имъ о брусокъ. «Ой, ой! что ты! сотрешь кожу съ моей щеки!» И такъ царь найденъ. На третій день, когда опять нужно было отправляться, жена и говоритъ ему: «Предъ юртой будутъ расти три золотыя осины. Ты нагни ихъ, какъ-бы намѣреваясь срубить ихъ!» Лишь онъ нагнулъ эти осины, какъ-бы съ намѣреніемъ срубить ихъ, какъ раздалось: «Перестань!» И вышелъ ханъ.

Разсказана буряткой Катериной Алекс. Бадашкеевой, въ Аларѣ; за-писана и переведена миссіонеромъ свящ. Н. Затопляевымъ.

VI.

Сирота-парень*).

(Унышкэн хубун).

Одинъ сирота парень шелъ и легъ подъ деревомъ. Прилета-ютъ два ворона, садятся на это дерево и разсуждаютъ: «Сынъ Хар-таганъ-хана болѣнъ. Если заколотъ ходившую въ табунѣ пѣгую яловую кобылу и мясомъ ея обложить больного, онъ выздоровѣетъ». Услыхавши это, сирота парень отправляется къ Хартаганъ-хану и говоритъ: «Я пошаманю и вылечу вашего сына». Его прогоняютъ, говоря, что у нихъ есть уже шаманка.

*) По показанію одного бурята сирота, герой сказки, назывался Ана-гуй-Ухъръ.

Вышедши на улицу, привязываетъ ко хвосту жеребца берестяное лукошко (уигхан-торхо*) и распугиваетъ табунъ. Думая, что въ табунъ забрался волкъ, всѣ выбѣжали на улицу. Шаманка, оставшись одна, говоритъ сиротѣ парню: «Дай-ка мнѣ чего-нибудь напиться»! — У меня нѣтъ ни чашки, ни поваренки. Иди и напейся прямо изъ булурѣ**), нагнувшись. Лишь только она нагнулась, какъ парень схватилъ ее за ноги и опрокинулъ въ булурѣ, утопилъ. Бывшіе на улицѣ входили, брали шаманку за ноги и мѣшали ею хурунгу***), думая, что у царя людей и мутовка (аша) мѣшать хурунгу изъ человѣка.

Ханъ сильно испугался смерти шаманки. «Что мнѣ теперь дѣлать»? говоритъ. «Дѣти шаманки будутъ взыскивать съ меня». Тогда сирота парень говоритъ: «Я найду оправданіе». — Ну, хорошій человѣкъ будешь, найди»! Сирота парень (унышкэн хубун), устѣвшись на сердитаго быка вмѣстѣ съ мертвой шаманкой, навьючивши одинъ мѣшокъ мучнаго хлѣба и взявши шило, пріѣхалъ къ дому шаманки. На встрѣчу бѣгутъ сыновья шаманки: «Мать наша ѣдетъ, хлѣба везетъ»! Сирота парень (унышкэн хубун) кричитъ: «Тише, тише! не испугайте быка»! Но они прибѣгаютъ съ шумомъ и гамомъ и тянутъ хлѣбъ. Въ это время парень (унышкэн хубун) кольнулъ быка шиломъ. Быкъ прыгнулъ и сбросилъ парня и мертвую шаманку. «Ой, ой! ребра мои поломали и мать ваша убила». Какіе вы гадкіе ребята»! ругаетъ ихъ унышкэнъ-хубунъ. Ругался, ругался, бросилъ ихъ мать и ушелъ къ хану.

Пришедши къ хану, обложилъ мясомъ яловой пѣгой кобылы Харажи-муй-хубуна (сына Хартаганъ-хана), вылѣчиваетъ его. Ханъ отдаетъ ему половину имѣнія и половину скота. Унышкэнъ-хубунъ

*) «Торхо» большое берестяное лукошко; маленькое берестяное лукошко называется у аларскихъ бурятъ «бортохо». О. З.

**) «Булуръ» у сѣверныхъ бурятъ высокая деревянная кадъ, въ которую сливается молоко и въ которой оно киснетъ; потомъ изъ этого молока выгоняется тарасунъ т. е. молочная водка. О. З.

***) «Хурунгу» кислое молоко; такъ оно называется, пока находится въ булурѣ. Въ дальнѣйшей-же стадіи броженія оно получаетъ названіе «арсѣ».

не беретъ это, какъ не нужное, и говоритъ: «Дайте мнѣ лучше одну хорошую одежду». Одѣвшись въ эту одежду, пошелъ и легъ опять подъ дерево. Со стороны идутъ два бохолдой (чорта) и несутъ душу Хартаганъ-ханова сына Харажи-мун-хубуна. Унышкэнъ-хубунъ говоритъ имъ: «Я съ вами пойду». А кто ты такой? — «Я то-же бохолдой». Шли, шли и говорятъ ему: «Ты почему шабарчишь» (гхаршага-нулнаш)? — Я недавно умершій бохолдой, еще не умѣю ходить, не шабарча*). Научите меня ловить человѣческія души. «Ну, возьми эту душу, держи и иди»! Прошли немного, унышкэнъ-хубунъ спрашиваетъ ихъ: «Чего вы боитесь»? — Брр (татай)! мы шиповника (ургэнэ) и боярочника (дологоно) сильно боимся. А ты чего боишься? спрашиваютъ бохолдой. «Я грудного и шейного жира ужасно боюсь».

Когда такъ шли, унышкэнъ-хубунъ шмыгнулъ въ шиповникъ — боярочникъ. Бохолдой, не могли выгнать его оттуда, бросаютъ ему грудной и шейный жиръ, а унышкэнъ-хубунъ знай себѣ ѣсть да ѣсть арбинъ и шейный жиръ и пролежалъ тамъ до тѣхъ поръ, пока бохолдой не ушли. Когда они ушли, приносятъ душу къ Хартаганъ-хану. Сынъ его Харажи-мун-хубунъ чуть живой («Умираю»! думая, лежитъ). Когда была принесена душа, ему стало хорошо (онъ поправился).

Унышкэнъ-хубунъ опять идетъ и ложится подъ дерево. Приходятъ два человѣка и спрашиваютъ его: «Почему ты лежишь здѣсь»? — «Я, думая сдѣлаться бурханомъ, лежу здѣсь». Тѣ тоже здѣсь остались. Приходятъ еще четыре человѣка и спрашиваютъ: «Что вы лежите тутъ»? — «Думаемъ сдѣлаться бурханами». Стали всемеромъ; лежать, но не могутъ стать бурханами. Тогда унышкэнъ-хубунъ говоритъ: «Я большой грѣшникъ и мнѣ не сдѣлаться бурханомъ. Пойдемте къ ламѣ»! Приходятъ къ ламѣ. Лама спрашиваетъ ихъ: «За чѣмъ пришли»? Мы пришли искать средство сдѣ-

*) Шабарчать, сибирское выраженіе: шумѣть. Бохолдой духъ и когда онъ идетъ, не бываетъ слышно звука его шаговъ.

латься бурханами. Лама осердился на нихъ и говорить: «Я семь лѣтъ сижу одинешенекъ, читаю священные книги и до сихъ поръ не сдѣлался бурханомъ, а вы какъ легохонько думаете сдѣлаться бурханами; спрыгните вотъ съ этой высокой горы въ море. Семеро парней прыгнули съ горы, но не упали въ море, а поднялись на небеса и стали семью звѣздами (звѣзды эти буряты называютъ Долонъ-убугутъ, «семь стариковъ»; это Большая Медвѣдица). Лама же, позавидовавъ имъ, бросился то-же съ горы въ море и превратился въ турпана (по этому турпанъ и желтый, по цвѣту одежды ламы).

Записано въ Аларѣ свящ. Ник.
Затопляевымъ со словъ бурятской
дѣв. Катер. Алекс. Бадашкевой.

VII.

Человѣкъ и барсъ.

Одинъ человѣкъ ушелъ въ тайгу и встрѣтился съ барсомъ. Барсъ и спрашиваетъ человѣка: «Кто изъ насъ сильнѣе? Черезъ три дня придемъ на это мѣсто и будемъ состязаться въ силѣ, ударя кулакомъ по дереву. И кто изъ насъ сильнѣе, тотъ ударомъ кулака свалитъ дерево, какъ бы срѣжетъ его (съ одного раза), а кто слабѣе, тотъ сронитъ дерево, сломивши его съ задоринами». Условившись такъ, разошлись въ разные стороны.

Человѣкъ пришелъ назадъ къ дереву, назначенному для состязанія, распилилъ его на нѣсколько частей и части эти сложилъ другъ на друга, а самъ удалился. Черезъ трое сутокъ сошлись на условленномъ мѣстѣ. Человѣкъ ударилъ кулакомъ по распиленному дереву и свалилъ его, какъ бы срѣзалъ. Барсъ же ударилъ по стоячему (цѣлому) дереву и сломилъ его съ задоринами.

Тогда барсъ сильно испугался и говорить: «Какой ты сильный!»! Привелъ его къ себѣ въ гости и посылаетъ къ колодезю за водой, давши ему посудину вмѣстимостью въ восемьдесятъ ве-

деръ. Человѣкъ, не будучи въ силѣ поднять цѣпню*), конаетъ сошникомъ во кругъ колодезя. Барсъ спрашиваетъ: «Для чего ты конаешь?»—А я хочу за одинъ разъ унести всю воду. Барсъ испугался и говоритъ: «Я самъ унесу воду».

За тѣмъ, уложивши гостя на юго-западной сторонѣ юрты (бару гара), самъ барсъ улегся на хойморѣ (сѣверо-западной сторонѣ въ юртѣ). Ночью барсъ встаетъ и точить ножикъ, чтобъ убить гостя. Человѣкъ же, узнавши это, положилъ вмѣсто себя на постель ступу и пестъ, а самъ вышелъ на улицу. Барсъ кололъ, кололъ ступу и пестъ и уснулъ. Утромъ, когда встали, человѣкъ и говоритъ: «Кто меня кололъ этой ночью ножемъ»? Барсъ, испугавшись, отпирается. «Я не знаю», говоритъ. Когда человѣкъ сталъ отпрапляться домой, барсъ даетъ ему мѣшокъ золота въ гостинцы. Не могши поднять этотъ мѣшокъ, человѣкъ говоритъ: «Я не поне-су твои гостинцы. Когда ты самъ придешь ко мнѣ, принеси»!

Пришедши домой, говоритъ своей женѣ: «Когда придетъ къ намъ барсъ, я буду на улицѣ, а ты, находясь въ юртѣ, кричи и спрашивай меня: что я буду варить гостю»? Приходить барсъ и приносить золото. Тогда жена кричитъ, спрашивая: «Что я буду варить гостю»? Тогда мужъ отвѣчаетъ: «Свари крестецъ раньше убитаго барса и гузенную кишку послѣ убитаго» (барса). Услы-хавши это, барсъ испугался и думаетъ: «Что это за народъ, что убиваетъ и ѣстъ барсовъ»? Бросилъ золото и побѣжалъ безъ оглядки.

По пути встрѣтилъ волка. Волкъ и спрашиваетъ барса: «Что ты бѣжишь такъ»?—«Я, говоритъ, испугался человѣка и бѣгу такъ».—Атхѣ тэрэ-гэнгхэ**)! Э, что ты испугался человѣка! гово-ритъ. Беретъ и приводитъ обратно барса къ человѣку. Увидавши ихъ, человѣкъ говоритъ волку: «А! этого безсильнаго, котораго я не могъ задержать, откуда приволокъ»? Тогда барсъ, думая, что волкъ при-велъ его обманомъ, испугался до потери разсудка, побѣжалъ и по-

*) Цѣпня—посудина, которой черпаютъ воду изъ колодезя. Н. З.

**) Это выраженіе означаетъ презрѣніе къ чему-либо не стоящему вниманія. Н. З.

тащилъ за собой волка. Волкъ усталъ и, разинувъ ротъ, издохъ. Барсъ, увидѣвши разинутую пасть, думая, что онъ смѣется, говорить: «А, тебѣ смѣшки, а мнѣ кашель» (шамда энъэдэн намда ха-да ханядан)! побѣждалъ по лѣсамъ и тайгамъ.

Запис. въ Аларѣ о. Н. И. Затоп-
ляевымъ со словъ аларскаго бурята
Григорія Ирнчеева.

VIII.

Волкъ, просящій пищи у Бога.

Въ давнія времена шелъ старый проголодавшійся волкъ и вылъ, прося у Бога пищи. Богъ (бурхан) указываетъ ему: «Вотъ тамъ ходитъ конь одного богатаго человѣка. Его съѣшь!» Волкъ подходитъ къ этому коню и говоритъ: «Богъ послалъ меня съѣсть тебя». — Если Богъ велѣлъ съѣсть, съѣшь! Но прежде, чѣмъ съѣсть, прочитай на моей подошвѣ писаніе и тогда съѣшь» — «Гдѣ же оно?» протираетъ глаза и царапаетъ подошву. Конь лягнулъ и убѣжалъ. Волкъ лежитъ чуть живой и сѣтуетъ на себя: «Приглашаютъ ѣсть, лижешь; просятъ войти, смотришь въ щель. Когда я зналъ грамоту? а взялся разбирать (царапать) на подошвѣ коня». Сильно самого себя винить.

Потомъ опять воетъ. Тогда Бурханъ указываетъ ему съѣсть старую собаку одного богатаго русскаго. Волкъ приходитъ къ этой собацѣ и говоритъ: «Меня послалъ Бурханъ съѣсть тебя». Тогда собака говоритъ: «Послѣ того, какъ сказалъ Бурханъ, — съѣшь! Только маленько подожди! Прежде, чѣмъ ты меня съѣшь, я тебя угощу. У насъ правится свадьба и я принесу водки и закуски». Тогда волкъ говоритъ: «Изволь, немного подожду». Та старая собака приноситъ водки и поить волка. Волкъ опьянѣлъ, сидитъ и качается. Когда онъ сидѣлъ такъ, на свадебномъ пиру русскіе запѣли пѣсни. Услышавъ это, пьяный волкъ и самъ началъ выть, воображая, что онъ поетъ. Услышавъ его воющаго, русскіе быстро начинаютъ его бить нещадно, по чему попало, и выгоняютъ его едва живаго.

Опять сильно сѣтуеть на себя: «Когда я пилъ водку? выпилъ и сталъ пьяный». И, обманутый той старой собакой, сидѣлъ и вылъ.

Опять воетъ. Бурханъ говоритъ: «Сѣшь у одного человѣка свиней». Волкъ идетъ къ свиньямъ и говоритъ: «Бурханъ послалъ меня сѣсть васъ». «Послѣ того, какъ Бурханъ сказалъ сѣсть, сѣшь. Только немного подожди! Прежде, чѣмъ сѣшь ты насъ, мы напоследокъ побесѣдуемъ между собою». Тогда онъ соглашается. «Подожду!» говоритъ. Свиньи начинаютъ кружиться, бѣгать около городьбы и визжать. Хозяинъ, услыхавши, выбѣгаетъ на улицу. Что де это сдѣлалось? Тогда сидящаго въ свинячьемъ кутухѣ волка начинаетъ бить палкой и выгоняетъ едва живаго. Волкъ опять сѣтуеть на себя: «Какую я свинячью бесѣду сидѣлъ и слушалъ! оплошалъ и ушелъ, чуть не убитый! Съ этихъ поръ не соглашусь ни на какія слова».

Идетъ долго. Проголодался, ослабѣлъ; на колѣни спотыкается, рыломъ бороздитъ и опять начинаетъ выть. Опять Бурханъ ему указываетъ: «Вонъ сзади ѣдетъ человѣкъ съ сѣномъ. Этого человѣка сѣшь!» Волкъ говоритъ человѣку: «Бурханъ сказалъ мнѣ сѣсть тебя». — «Если Бурханъ сказалъ сѣсть, сѣшь! Только ты меня ни за что, сидя на землѣ, не сѣшь. Я залѣзу на дерево и буду держаться, а ты потомъ залѣзешь за мной». Волкъ говоритъ: «Изволь! Только я-то какъ залѣзу на дерево?» — Я залѣзу впередъ, на одномъ концѣ возжей завяжу петлю и спущу, а ты надѣнь ее на голову, и такимъ порядкомъ потяну и подниму тебя. — Согласился и надѣлъ петлю. Послѣ этого человѣкъ, взявши другой конецъ, спускаетъ внизъ и тянетъ волка вверхъ и такимъ образомъ удушаетъ его.

Запис. у аларскихъ бурятъ миссіонеромъ о. Н. И. Затопляевымъ.

IX.

Кость лопатка.

Въ глубокой древности жили старикъ со старухой. Былъ у нихъ одинъ порозъ, больше нечего не имѣли. Разъ, желая перекочевать въ другое мѣсто, старикъ повелъ пороза за рога, а старуха гнала его сзади. Порозъ вдругъ остановился и не шевелится. Старуха, удивляясь, отправилась къ головѣ пороза къ старику и едва дошла черезъ мѣсяць. Порозъ лежитъ убитый; старикъ, осердившись, что онъ не шелъ впередъ скоро, убилъ его. Старикъ сидитъ подъ бородой козла (тыкэна); около паслись овцы и козы; на рогахъ козла сидитъ орелъ и ѣстъ лопатку пороза. Орелъ, увидавъ приближающуюся старуху, бросивъ лопатку, улетѣлъ. Лопатка попала старику въ глазъ; старуха залѣзла въ глазъ старика вытащить лопатку и, проискавъ безуспѣшно шесть дней, на седьмой день только вытащила. Лопатку эту потомъ нашла лисица и, захвативъ зубами, побѣжала. Лисицу эту встрѣтили войска и, отобравъ отъ нея лопатку, переплыли на ней (т. е. на лопаткѣ) море. Теперь нужно отгадать, кто изъ нихъ больше: порозъ или козелъ, старикъ или орелъ, или лисица?

Кто скажетъ лисица, тотъ хитрый человѣкъ, кто скажетъ орелъ, тотъ храбрый, кто скажетъ старикъ, тотъ человѣкъ степенный, а кто скажетъ козелъ или порозъ, тотъ волокита.

Записано въ верхнеудинскомъ округѣ у хоринскихъ бурятъ И. В. Вамбоцэрэновымъ.

X.

Сотвореніе міра и человѣка.

1. Варіанты балаганскихъ бурятъ.

а) Прежде земли не было, а только была одна вода. Въ это время былъ одинъ бурханъ, котораго звали Сомболъ, потому что онъ сдѣлался самъ собою (бэерь бөтөхөн Сомбол бурхан).

Сомболъ-бурханъ захотѣлъ сотворить землю и ходить по водѣ; въ это время птица ангата*) съ 12 дѣтьми плыветъ по водѣ. Сомболъ-бурханъ, увидѣвъ ангата, говоритъ ей: «Ангата, нырни въ воду и со дна принеси мнѣ землю!»! Тогда ангата по словамъ Сомболъ-бурхана нырнула въ воду и со дна достала земли; на носу принесла черной земли и въ лапахъ красную глину.

Сомболъ-бурханъ отъ птицы ангата впередъ взялъ красную глину и разбросалъ по водѣ, а потомъ взялъ черную землю и тоже разбросалъ по водѣ; тогда образовалась земля и на ней выросли травы и деревья. Потомъ Сомболъ-бурханъ благословилъ птицу ангата: «Ты будешь имѣть много дѣтей и плавать по водѣ и нырять!»! Вслѣдствіе этого благословенія птица ангата плаваетъ теперь хорошо и ныряетъ въ водѣ долго.

б) Прежде была одна вода, а земли совсѣмъ не было.

Сомболъ-бурханъ хотѣлъ сотворить землю и ходилъ по водѣ; онъ увидалъ птицу ангирь**), которая плыла по водѣ. Сомболъ-бурханъ говоритъ птицѣ ангирю: «Нырни въ воду и со дна принеси мнѣ землю!»! Птица ангирь нырнула въ воду за землей, но на пути ей встрѣтилась рыба «хаши загахан»***), которая спрашиваетъ ангира: «куда ты ныряешь»?

Птица ангирь говоритъ: «Я ныряю, что-бы со дна достать землю». Тогда хаши-загахан говоритъ: «Я живу въ водѣ, до сихъ поръ не видала дна, а ты хочешь земли достать; воротись обратно, а то перерѣжу тебя пополамъ!»! Послѣ этого ангирь обратно вынырнулъ на поверхность воды.

Тогда Сомболъ-бурханъ спрашиваетъ у ангира, отъ чего онъ не принесъ земли. Ангирь говоритъ, что онъ встрѣтился съ хаши-загаханомъ, который хотѣлъ его перерѣзать пополамъ; потому, боясь его, возвратился обратно, не достигнувъ дна воды.

*) Ангата-аркаликъ.

**) Ангирь-турпанъ.

***) Хаши загахан-рыба ножницы; хаши-ножницы, загахан-рыба.

Тогда Сомболъ-бурханъ сказалъ ангиру: «Опять нырни въ воду за землей! на пути говори слова: об мани будьма хан. Ангиръ опять нырнулъ въ воду и на пути говорилъ слова «об мани будьма хан»; на этотъ разъ донырнулъ до дна, взялъ земли со дна и обратно вынырнулъ на поверхность воды. Сомболъ-бурханъ взялъ принесенную землю и сдѣлалъ изъ нея землю; потомъ на землѣ выросли травы и деревья.

б) Прежде была одна вода, а земли не было. Три бурхана: Шибэгэни-бурханъ, Мадари-бурханъ и Эсэгэ-бурханъ, всѣ трое хотѣли сотворить землю; они ходили по водѣ и увидѣли птицу ангата, которая съ 12 дѣтьми плыла по водѣ. Всѣ эти три бурхана сказали птицѣ ангата: «Ты нырни въ воду и со дна воды достань намъ земли: черную землю, красную глину и песокъ (хара-шоро, улан-шоро, илхэ). Тогда птица ангата нырнула въ воду, со дна воды взяла черную землю, красную глину и песокъ, обратно вынырнула на верхъ воды и принесенныя черную землю, красную глину и песокъ передала тремъ бурханамъ. Эти три бурхана принесенныя черную землю, красную глину и песокъ разбросали по водѣ и сотворили землю, на которой выросли травы и деревья.

Послѣ этого создали человѣка; тѣло создали изъ красной глины, кости изъ камня и кровь изъ воды; такимъ образомъ эти три бурхана сдѣлали двухъ человѣкъ: мужчину и женщину.

Потомъ эти три бурхана: Шибэгэни-бурханъ, Мадари-бурханъ и Эсэгэ-бурханъ между собою порѣшили, кто изъ нихъ оживить этихъ сдѣланныхъ двухъ человѣкъ, тотъ и будетъ имъ покровительствовать. Послѣ этого еще порѣшили, что они передъ собою поставятъ по свѣчкѣ и по горшку, а потомъ лягутъ спать; когда на другое утро проснутся, тогда чья свѣчка будетъ горѣть и въ чьемъ горшкѣ выростетъ цвѣтокъ, тотъ долженъ оживить двухъ сдѣланныхъ людей и стать ихъ покровителемъ. Всѣ эти три бурхана поставили передъ собою по свѣчкѣ и горшку и легли спать. На другое утро прежде всѣхъ разбудился Шибэгэни-бурханъ; посмотрѣлъ

свѣчка передъ Мадари-бурханомъ горитъ, а изъ горшка его выросъ цвѣтокъ. Тогда Шибэгэни-бурханъ зажегъ свою свѣчку, а свѣчку Мадари-бурхана угасилъ; цвѣтокъ выдернулъ и посадилъ въ свой горшокъ и потомъ снова легъ спать. Когда всѣ трое проснулись, то видятъ, что свѣчка передъ Шибэгэни-бурханомъ горитъ, а въ горшкѣ его растетъ цвѣтокъ. Тогда присудили, что сдѣланныхъ людей долженъ оживить Шибэгэни-бурханъ и онъ долженъ покровительствовать имъ. Но Мадари-бурханъ узналъ, что Шибэгэни-бурханъ укралъ у него цвѣтокъ и огонь, а потому онъ сказалъ Шибэгэни-бурхану: «Ты укралъ у меня цвѣтокъ и огонь; вслѣдствіе этого оживленные тобою люди будутъ другъ у друга красть и ссориться!» Вотъ почему нынѣшніе люди крадутъ другъ у друга и ссорятся.

Послѣ этого Мадари-бурханъ и Эсэгэ-бурханъ поднялись на небо; Шибэгэни-бурханъ остался на землѣ и оживилъ сдѣланныхъ двухъ человѣкъ, которымъ сотворилъ караульнаго, собаку. Первыхъ людей бурханы создали съ шерстью, чтобы они не мерзли; собаку сотворили безъ шерсти. Затѣмъ Шибэгэни-бурханъ поднялся на небо, а два человѣка спали; собака караулила ихъ; въ это время пришелъ Шитхыръ; собака начала на него лаять и не допускала его близко къ спящимъ. Тогда Шитхыръ говоритъ собакѣ: «Ты не лай на меня! я тебѣ дамъ поѣсть да еще выращу на тебѣ шерсть, какъ на людяхъ. Ты не будешь мерзнуть». Собака согласилась на предложеніе Шитхыра, не стала лаять. Тогда Шитхыръ накормилъ собаку и плюнулъ на нее, отъ чего у собаки выросла шерсть. По этому нынѣ буряты говорятъ, что шерсть собаки не чиста.

Шитхыръ подошелъ къ спящимъ людямъ и плюнулъ на нихъ со всѣхъ сторонъ, а самъ ушелъ. Шибэгэни-бурханъ спустился съ неба на землю и приходитъ къ людямъ; видитъ, спящіе люди оплеваны Шитхыромъ, а собака стоитъ въ шерсти. Тогда Шибэгэни-бурханъ сильно разсердился на собаку и проклялъ ее: «Ты всегда будешь ненасытною, будешь грызть кости отъ холода и ѣсть человѣческія изверженія отъ голода; люди тебя будутъ бить!»

Послѣ этого Шибэгэни-бурханъ оплеванную шерсть на людяхъ выбрилъ гладко и только оставилъ на головѣ, гдѣ шерсть не была оплевана Шитхыромъ; когда люди спали, то руки держали на головѣ, по этому на головѣ, подъ руками шерсть осталась чистою. Вотъ какимъ образомъ первые люди лишились шерсти.

г) Бурханъ землю сотворилъ ровною и гладкою и сначала горъ и долинъ не было. Когда Бурханъ творилъ землю, то въ это время около него стоялъ Шитхыръ, который подъ пятою ноги спряталъ не много земли. Когда Бурханъ кончилъ творить землю, то Шитхыръ взялъ спрятанную подъ пятою ноги землю и разбросалъ по землѣ; тогда на землѣ образовались горы и долины; земля сдѣлалась не ровною. Тогда Бурханъ спрашиваетъ у Шитхыра: «Для чего ты на землѣ сдѣлалъ горы и долины и испортилъ землю»? Шитхыръ говоритъ: «Когда люди будутъ спускаться подъ гору, то, боясь, будутъ призывать тебя: «ай, Бурханъ»! А когда будутъ подыматься на гору, то будутъ упоминать меня, говоря: «Шитхырова высокая гора»! Такимъ образомъ обоихъ насъ постоянно будутъ упоминать».

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Хангаловымъ.

2 Вариантъ аларскихъ бурятъ.

Когда еще не было видимаго міра (дэлхэй-дайдынъ угэй баяхо-до), Бурханъ (Богъ), спустившись съ неба, не могъ найти земли, чтобъ создать вселенную. Шолмо (злой духъ) пришелъ и спрашиваетъ Бурхана: «Что вы думаете дѣлать»? Тогда Бурханъ говоритъ Шолмѣ: «Я хочу на этой водѣ моря устроить міръ». — Какъ ты это устроишь? «Нужна земля и камень» (шорой шулун). — Откуда возьмешь землю и камень? спрашиваетъ Шолмо Бурхана. «На днѣ этой морской воды на большой глубинѣ есть (это), но какъ достать»? — Я спущусь туда, достану и дамъ. — Бурханъ, думая, что Шолмо не принесетъ (не сможетъ), говоритъ: «Ступай (выйди), принеси!»!

И такъ Шолмо нырнулъ въ море. Вошедши туда, не знаетъ какъ, взявши землю и камень, подняться. И такъ, положивши въ глаза, поднялся вверхъ (вышелъ). Вышедши, вынулъ изъ глазъ и отдалъ прямо въ руки Бурхану и просить его дать ему плату за принесенное. Бурханъ говоритъ: «Я дамъ тебѣ немного земли, раздѣливши». Эти-же землю и камень разсѣялъ по морю и сказалъ, дунувши устами: «Пусть будетъ вселенная!» Отъ земли стала вселенная.

Тогда Бурханъ рѣшилъ, что на этой созданной землѣ нуженъ человѣкъ. Взялъ земли и изъ нея сдѣлалъ тѣло (мясо), взялъ камень и изъ него сдѣлалъ кости, взялъ воду и изъ нея сдѣлалъ кровь. Пока еще онъ не оживилъ человѣка (не далъ ему жизни), сказавши собаку, чтобъ она безотлучно караулила, самъ отправился куда-то по своему дѣлу. Вслѣдъ за нимъ приходитъ Шолмо къ человѣку, совершенно покрытому шерстью. Обманувши (какъ-то) собаку, очищаетъ человѣка отъ шерсти и оставляетъ лишь на одной головѣ. Бурханъ, пришедши, дѣлаетъ собаку выговоръ и прогоняетъ ее, осуждая: «Ты безъ нужды спѣшила, такъ будешь грызть кости; не могла стоять, такъ будешь ѣсть человѣческія изверженія. Кромѣ этого человѣкъ не будетъ достигать двухъ сотъ» (лѣтъ). Если-бъ не устроилъ такъ шутхуръ (чортъ), человѣкъ не умиралъ-бы и не хворалъ.

За тѣмъ, перешагнувши черезъ него три раза и плюнувши на него три раза, привелъ его въ чувство.

И такъ сталъ одинъ человѣкъ. Этотъ человѣкъ не распложался. Тогда Бурханъ рѣшилъ: «Одинъ человѣкъ не расплодится, одна головешка огня не произведетъ». Когда этотъ человѣкъ спалъ, укралъ у него лѣвое ложное ребро (гхувэй) и изъ него создалъ женщину. И такъ отъ этихъ двоихъ произошли на землѣ все люди. За тѣмъ Шолмо обращается къ Бурхану: «Отдай мнѣ обѣщанную плату за принесенное со дна моря!» Бурханъ, не желая измѣнять данному слову, отдаетъ (Шолмѣ) земли на столько, чтобъ

воткнуть маленькій колышекъ (такой колышекъ, какой втыкается при городьбѣ между двумя кольями). Шолмо втыкаеть въ эту землю колышекъ и снова вытаскиваетъ. Изъ этой земли, изъ этой ямки начинаютъ вылѣзать, выкипать разные гады (хорхой сохо), змѣи (могой*) и тому подобные вредящіе человѣку. Если-бъ не была дана Бурханомъ эта земля Шолмъ, не было-бы и ничего такого на землѣ, чтобы было худо для человѣка.

Записано о Н. Затопляевымъ отъ аларскаго бурята Этогорова.

XI.

О п о т о п ѣ.

Передъ тѣмъ, какъ быть потоцу, Бурханъ началъ учить одного человѣка выстроить корабль. Этотъ человѣкъ каждое утро вставалъ и съ топоромъ уходилъ въ лѣсъ, гдѣ строилъ по наученію Бурхана корабль, который былъ очень большой, а вечеромъ приходилъ домой. Долго такъ уходилъ онъ каждое утро въ лѣсъ. Однажды жена его спросила, что онъ дѣлаетъ въ лѣсу каждый день. Тогда мужъ сказалъ женѣ, что онъ рубить дрова. Въ одинъ день, когда мужъ ушелъ въ лѣсъ съ топоромъ, къ женѣ его пришелъ Шитхыръ и говоритъ ей, что мужъ ея обманываетъ ее; онъ вовсе не рубить дрова, а строить большой корабль. Потомъ Шитхыръ говоритъ женѣ этого человѣка: «Корабль скоро будетъ готовъ; твой мужъ будетъ тебя заставлятъ взойти на корабль, а ты не всходи, отказывайся; мужъ твой будетъ тебя бить; тогда скажи ему: зачѣмъ меня бьешь, шитхыръ? а потомъ входи въ корабль; я съ тобой войду вмѣстѣ». Эта женщина общалась сдѣлать такъ, какъ ее учили, а Шитхыръ ушелъ.

Послѣ этого вскорѣ сдѣлался потопъ. Тогда этотъ человѣкъ привелъ свое семейство къ кораблю и велѣлъ войти въ него,

*) Хорхой сохо буквально «черви и жуки». Это выраженіе можно-бы перевести сибирскимъ «гнусъ». Подъ словомъ «могой» въ легендѣ слѣдуетъ разумѣть не однѣхъ змѣй, а вообще гадовъ.

но жена его не соглашается; онъ долго уговаривалъ свою жену и наконецъ разсердился, началъ бить ее; тогда она сказала своему мужу: «За чѣмъ меня бьешь, шитхырѣ!»! Послѣ этого вошла въ корабль и Шитхырѣ съ нею вмѣстѣ вошелъ.

Этотъ человекъ съ помощію Бурхана поставилъ на корабль много звѣрей, а царь звѣрей аргаланъ-зонъ сказалъ: «Я большой, не утону» и отказался взойти на корабль. Потомъ вода сильно поднялась; корабль поплылъ по водѣ. Шитхырѣ, вошедшій на корабль, обратился въ мышей и началъ грызть дно корабля; прогрызъ много дырокъ, въ которыя вошла вода. Этотъ человекъ началъ затыкать дыры и выбрасывать воду, а мыши прогрызали другія дыры, черезъ которыя опять входила въ корабль вода. Бурханъ, увидя это, сотворилъ кошку, которая переловила всѣхъ мышей на кораблѣ. По этому буряты говорятъ, что родъ кошки не чистый, потому что она ловила и ѣла мышей. Аргаланъ-зонъ, когда вода сильно поднялась, долго плавали и наконецъ всѣ утонули. А потому нынѣ ихъ кости выходятъ изъ земли. Отъ этого человека произошли всѣ люди, послѣ потопа.

Записано у балаганскихъ бурятъ
Н. Хангаловымъ.

XII.

О землетрясеніи.

О землетрясеніи говорятъ такъ: «Земля стоитъ на мылхѣ», дэлхэй мылхэй дэрэ байхыйма. Есть какое-то животное мылхэй, имѣющее форму черепахи, на спинѣ котораго и держится земля. Когда это животное утомляется и содрогается, земля колеблется, трясется.

Записано у аларскихъ бурятъ о.
Н. И. Затопляевымъ.

ХІІІ.

Звѣри послѣ сотворенія міра.

По появленіи въ мірѣ всѣхъ животныхъ существъ было всемірное собраніе: разные классы живыхъ существъ выбирали царей, разнымъ существамъ предопредѣлялись ихъ обязанности и пути жизни и т. д. На собраніи этомъ не было налима^{*)}; а верблюды явились самымъ послѣднимъ почти уже послѣ окончанія всѣхъ дѣлъ. Ему нужно было получить кибыгынъ (testiculi^{**}); такъ какъ все было разобрано, то ему и предложили, что осталось; но такъ какъ предложенное показалось ему сравнительно мизернымъ, не соотвѣтствующимъ такому громадному существу, какъ онъ, то онъ, повернувшись назадъ, пошелъ обратно. Тогда бросили кибыгынъ ему въ слѣдъ и этотъ органъ прилипъ къ его задѣ. По этому и теперь у верблюда-самца кибыгынъ находится на задѣ ниже задняго прохода.

Сохатый, идя обратно съ собранія, встрѣтился на берегу рѣки съ налимомъ. Налимъ спрашиваетъ сохатаго: «Кому какая жизнь предопредѣлена»? «Мнѣ велѣно», говоритъ сохатый, «жить въ хребтахъ, питаться лучшей травой и чистой водой, а тебѣ велѣно жить въ глубинѣ рѣки, питаться тиной и дѣлать при слѣдованіи дневки въ каждомъ изгибѣ рѣки».

«Конь кому достался? ружье кому досталось? Собака кому досталась»?.... спрашиваетъ налимъ. «Всѣ достались двуногому хойбону^{***}», отвѣчаетъ. «Ну, если конь, ружье и собака достались двуногому хойбону, то,—говоритъ налимъ,—не сдобровать ни мнѣ, ни тебѣ! онъ будетъ насъ убивать!» Эти слова налима до того огорчили сохатаго, что онъ тутъ-же сталъ плакать и до того плакалъ, что лопнули у него два изъ четырехъ его глазъ. По этому у сохатаго и теперь есть шрамы отъ лопнувшихъ глазъ, ниже двухъ уцѣлѣвшихъ.

^{*)} Кажется, налимъ опоздалъ на собраніе потому, что въ каждой заводѣ (тохой) дневалъ. За это ему и опредѣлено ѣсть тину и жить въ глубинѣ.

^{**}) Кибыгынъ—луковицы сараны (Lilium Marthagon), а также testiculi.

^{***}) Хойболзохо, шагать скоро, чуть ударяя ногу объ ногу. Хойбонъ—такъ называли человѣка.

На этомъ-же собраніи птицы обсуждали вопросъ о избраніи царя. Почти всѣ выбрали въ цари журавля, но съ этимъ выборомъ не согласился «доголонъ ханчиръ»^{*)}). Онъ заявилъ, что журавль кричитъ безпрестанно, не разбирая ни дня, ни ночи. «Намъ не узнать будетъ, по дѣлу-ли онъ кричитъ или просто по привычкѣ, по пусту; по этому намъ частенько придется тревожиться и понапрасну!» Это заявленіе доголонъ-ханчира было признано правильнымъ и въ цари выбрали птицу Гароди. Журавль, осердившись на доголонъ-ханчира, перетопталъ его ножку и за это собравшимися былъ присужденъ носить на себѣ доголонъ-ханчира, когда послѣднему представится надобность перебираться по временамъ года изъ страны въ страну. По этому теперь весною послѣ прилета журавлей на спинѣ ихъ, говорятъ, бываютъ слѣды ноши; а доголонъ-ханчиръ при спускѣ на землю, говорятъ, не можетъ сразу сѣсть на землю прямо; сначала какъ будто падаетъ на землю, а уже потомъ садится прямо.

Царь птицъ Гароди женился на птицѣ шара-шубу, «филинъ». Когда жена Гароди забеременѣла, то, передъ тѣмъ какъ разрѣшиться отъ бремени, заявила мужу, что она желаетъ родить на спинѣ его подданныхъ. Гароди, желая удовлетворить прихоти жены, разослалъ приказъ всѣмъ подданнымъ немедленно явиться къ нему и приказалъ прибывшимъ прокалывать дырочки въ клевахъ и, продернувъ въ тѣ дырочки шнурокъ, всѣхъ связать постепенно. Явились на призывъ почти всѣ и всѣмъ прокололи клювы и, продернувъ въ проколотыя дырочки шнурокъ, всѣхъ привязали другъ къ другу. Отсталъ только одинъ гойбанга^{**)}). Когда-же онъ наконецъ явился, то царь Гароди сталъ его допрашивать, почему онъ опоздалъ. Гойбанга отвѣтилъ Гароди, что онъ сравнивалъ количества существующихъ на свѣтѣ мужчинъ и женщинъ, дней и ночей и высокихъ и низкихъ лѣсинъ. Выслушавъ это, царь сира-

^{*)} Погоньшъ.

^{**)} Гойбанга—полуночникъ, *Caprimulgus*.

шивается: мужчинъ больше числомъ или женщинъ? дней больше или ночей? высокихъ лѣсинъ больше или низкихъ? Гойбанга отвѣчаетъ: «Если отнести мужчинъ, находящихся подъ властью жены, къ женщинамъ, женщинъ оказывается больше; если отнести пасмурные дни къ ночамъ, ночей оказывается больше; если отнести нагнувшіяся лѣсины къ низкимъ, низкихъ лѣсинъ оказывается больше»! Изъ этихъ объясненій Гароди заключилъ, что онъ причисляется по словамъ гойбанга къ числу женщинъ, какъ дѣйствующій по требованію жены; это очень его огорчило и онъ, не давая просверлить гойбангъ клювъ, приказалъ распустить всѣхъ связанныхъ птицъ, а самъ улетѣлъ въ другое мѣсто, оставивъ жену. Поэтому говорятъ у всѣхъ птицъ, кромѣ гойбанга, клювы просверлены поперекъ.

Записано И. В. Вамбоцереновымъ
у хоринскихъ бурятъ.

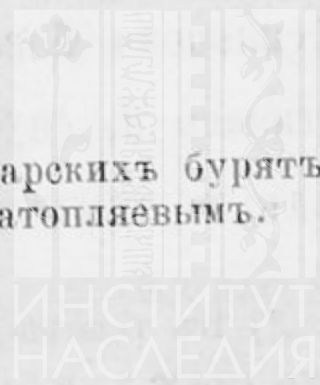
XIV.

Конь и изюбрь.

(Морён бую).

Изюбрь и конь побились объ закладъ. Конь говоритъ: «Я тебя догоню»! а изюбрь говоритъ: «Я тебя догоню»! Тогда конь говоритъ: «Если меня будетъ погонять человекъ, я тебя догоню»! Посадивши на себя человека, догоняетъ. Такъ-то и попалъ конь въ руки человека. Изюбрь-же, будучи догнанъ, выплакалъ два глаза изъ четырехъ. На мѣстѣ, гдѣ были выплаканые два глаза у изюбря, и сейчасъ есть знаки (какъ-бы разрѣзы отъ бывшихъ глазъ немного пониже отъ уцѣлѣвшихъ).

Записано отъ аларскихъ бурятъ миссіонеромъ о. Н. Затопляевымъ.

XV.

Р я б ч и к ъ.

(Гхуду).

Была большая птица, которая называлась рябчикъ (гхуду). Однажды ѣхалъ по лѣсу на конѣ Бурханъ; впереди его вблизи лежалъ рябчикъ. Вдругъ рябчикъ вырывается, летитъ. Отъ этого вылета конь Бурхана испугался (шарахнулся въ сторону) и Бурханъ чуть не слетѣлъ съ коня. Онъ осердился на это, раздѣлилъ мясо рябчика и вложилъ въ грудь каждой птицы. По этому у всѣхъ птицъ вселенной (дэлхэй) есть въ груди бѣлѣйшее мясо рябчика (гхудуни мяхан сабсагахан). Самаго-же рябчика сдѣлалъ маленькимъ (какимъ онъ и есть сейчасъ).

Записано у аларскихъ бурятъ о. Н. И. Затопляевымъ.

XVI.

Л е т я г а.

Когда-то (въ давно минувшее время) летяга сидѣла въ одномъ лѣсу. Въ то время какъ она (однажды) сидѣла на верху одного большого дерева, издалека увидѣла, что въ одной сторонѣ пошелъ дождь, блистаетъ молнія и гремитъ громъ, и сказала: «Ахъ, ты небо! ты (было) съ солнцемъ, съ луной! ты (было) съ дождемъ, съ туманомъ! Ты (было) съ молніей, громомъ (букв. голосомъ)! Я тебя даже и немножко не боюсь. Я тебя проглочу». Пока она сидѣла, не однократно повторяя такимъ образомъ, съ переливами въ горлѣ*), тотъ ливень, мало по малу приближаясь, подошелъ (къ ней) при сильномъ блескѣ молніи и страшныхъ раскатахъ грома; она испугалась и, спустившись внизъ, проскользнула въ дупло дерева. Вслѣдъ за тѣмъ спустилась громовая стрѣла и убила ее.

*) Въ текстѣ вмѣсто фразы: «съ переливами въ горлѣ» стоитъ — хулкур хулкур гэжи т. е. «произнося: хулкуръ, хулкуръ»!

Согласно (подобно) этой притчѣ, гордый и хвастливый человекъ, возгордившись, прежде чѣмъ встрѣтится съ какимъ-либо дѣломъ, предается небрежнымъ словамъ и дѣйствіямъ и погибнетъ, будучи опутанъ своею виною (подъ бременемъ собственной вины, безтолковости).

Бурятскій текстъ записанъ хоринскимъ бурятомъ Ринч. Н. Номтоевымъ. Переводъ сдѣланъ А. О. Ивановскимъ.

XVII.

В е р б л ю д ъ .

Однажды Бурханъ собралъ животныхъ — ихъ было тринадцать: 1) верблюдъ, тэмэнъ, 2) мышъ, хулагана, 3) быкъ, ухыръ, 4) тигръ, баръ, 5) заяцъ, тулай, 6) драконъ, лу, 7) змѣя, могой, 8) конь, моренъ, 9) овца, хонинъ, 10) обезьяна, мишинъ, 11) курица, тахя, 12) собака, нохой и 13) свинья, гахай, — чтобъ раздѣлить года и дать каждому году названіе животнаго. Верблюдъ заспорилъ, что онъ первый войдетъ въ названія годовъ, такъ какъ онъ всѣхъ больше и совершенно отказываетъ въ этой чести мышѣ, какъ самой маленькой, и говоритъ: «Я тебя растопчу! гдѣ тебѣ маленькой соваться съ нами!» Тогда мышъ придумала: «Пусть лучше первый будетъ тотъ изъ насъ, кто первый увидитъ свѣтъ восходящаго солнца!» Рѣшили такъ. Верблюдъ сталъ смотрѣть въ ту сторону, откуда должно было взойти солнце; мышъ же, взобравшись на голову верблюда, смотрѣла въ противоположную сторону и какъ только показался въ той сторонѣ (на югозападѣ) отсвѣтъ солнца, она сказала верблюду: «Вотъ гдѣ свѣтъ восходящаго солнца и я первая его увидала». И такъ рѣшили, чтобъ первый годъ въ числѣ двѣнадцати былъ годъ мышѣ, жил хулагана. Верблюда-же за его споръ вовсе не включили въ названія годовъ. Вотъ отсюда-то и вышла бурятская пословица: «Верблюдъ возгордился и въ года не попалъ», тэмэн эхэрхыжэ жил'гэй хожидо.

Записано у аларскихъ бурятъ мисс. о. Н. И. Затопляевымъ.

XVIII.

З а я ц ь.

а).

Заяцъ прежде былъ совсѣмъ черный, но съ каждымъ годомъ у него бѣлѣло по одному волосу, такъ что теперь черные волосы у него остались только на концѣ ушей. Когда заяцъ совсѣмъ будетъ бѣлый, тогда наступитъ «галабъ», окончаніе міра; все сгоритъ. Тогда по землѣ будутъ бѣгать огненные козули (галта гурохон), у которыхъ изъ подъ копытъ будетъ сыпаться огонь.

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Хангаловымъ.

б).

Объ ушахъ ушкана говорятъ, что когда у него сойдетъ съ конца ушей черное, будетъ преставленіе свѣта. А свѣтопреставленіе по вѣрованіямъ бурятъ будетъ происходить такъ: съ востока на западъ протечетъ огненная рѣка; отъ нея будутъ распространяться искры, которыя и пожгутъ всю землю, и все, что на ней есть. За тѣмъ оиать будетъ новая земля и новые обитатели и новое управленіе. Новые обитатели будутъ жить до трехъсотъ лѣтъ.

Записано у аларскихъ бурятъ о. Н.
И. Затопляевымъ.

XIX.

Б у р у н д у к ь.

Бурундукъ (жирки) отъ того полосатый, что Бурханъ погладилъ его рукою.

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Хангаловымъ.

XX.

С у р о к ъ.

(*тунгусскій вариантъ*).

Тарбаганъ (сурокъ) былъ человѣкомъ, назывался Эрхи-мэргэнъ и славился искусствомъ стрѣлять изъ лука. Ни звѣрямъ, ни птицамъ онъ не давалъ покою, ни проходу, ни пролету. Богъ, видя жестокость стрѣлка, пришелъ къ нему и говорить: «Ты вотъ теперь, тарбаганъ, хорошо стрѣляешь и перебилъ почти всѣхъ звѣрей и птицъ! но вотъ убей птичку въ летъ, которую я пущу!» Тарбаганъ сказалъ, что убьетъ. «Если-же не убьешь, сказалъ Богъ, тогда ты станешь звѣремъ и уйдешь на шесть мѣсяцевъ въ землю, не будешь эти шесть мѣсяцевъ ѣсть траву, пить воду и видѣть свѣтъ». Тарбаганъ Эрхи-мэргэнъ согласился и на эти условія. Тогда Богъ выпустилъ ранѣе приготовленную ласточку; Эрхи-мэргэнъ выстрѣлилъ; стрѣла попала въ хвостъ ласточки и вышибла изъ него перья, благодаря чему хвостъ у ласточки въ настоящее время вилкой. Тарбагана Эрхи-мэргэна Богъ проклялъ и обратилъ въ звѣря. Съ этого времени онъ въ теченіи шести мѣсяцевъ въ году не ѣстъ и не пьетъ, а лежитъ въ землѣ^{*)}).

Запис. отъ тунгусовъ въ Нерчинск.
окр. К. Д. Логиновскимъ.

XXI.

М а м о н т ъ.

О мамонтѣ буряты говорятъ, что кости его есть не что иное, какъ разбившійся лу (чудовище). Лу, постарѣвъ, сваливается на землю. Этихъ лу много и погибшіе тотчасъ-же замѣняются новыми. По бурятски мамонтъ называется «арсланъ». Рассказываютъ еще, будто онъ хвалился, что при потоѣ онъ не погибнетъ, а потому и не пошелъ въ ковчегъ. Погибъ онъ около Ледовитаго океана.

Записано у аларскихъ бурятъ о.
Н. И. Затоцляевымъ.

^{*)} Эта легенда распространена и у русскихъ. К. Логиновскій.

XXII.

Птица тутэ.

Птица тутэ (тутэ шубун) прежде была дѣвица сирота; жена брата обращалась съ нею жестоко. Однажды невѣстка сильно ее избила; она ушла и легла спать въ слезахъ, положивъ голову въ муравейникъ. Въ это время Бурханъ осматривалъ землю и, увидѣвъ ее, пожалѣлъ и обратилъ ее въ птицу. Эта птица кричитъ теперь:

Аха хун алдар
Бэргэн хун бэлдэр
Тогони хюхама
Торхон "унгэр

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Хангаловымъ.

XXIII.

Дятель.

Дятель прежде былъ богатый и скупой человѣкъ, который однажды дѣлалъ топорище къ топору; въ это время къ нему зашелъ нищій и просить подаяніе; богатый скупецъ сперва подалъ нищему щепки, а потомъ топорище, но нищій не взялъ этой милостыни. Этотъ нищій былъ самъ Бурханъ; онъ сказалъ богачу: «Тебѣ Бурханъ далъ богатство, а ты не хочешь подѣлиться съ бѣдными. Съ этого времени будешь питаться, долбя дерево!» Съ этими словами обратилъ богача въ дятла. Вотъ отчего дятель питается теперь долбленіемъ дерева.

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Хангаловымъ.

XXIV.

Орель.

Орель прежде былъ человѣкомъ. Одинъ молодой и хорошій шаманъ, обратившись въ птицу орла, улетѣлъ «въ западный хать»; побывавши тамъ, обратно прилетѣлъ домой и опять по прежнему

сдѣлался человѣкомъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ того опять снова обратился въ орла и улетѣлъ «въ восточный хатъ»; побывъ тамъ нѣсколько времени, то-же полетѣлъ обратно, но во время пути сильно проголодался, сѣлъ на пададь и началъ клевать мясо. Наѣвши до сыта, прилетѣлъ домой, но сдѣлался не чистымъ, потому что ѣлъ пададь; по этому онъ уже не могъ снова обратиться въ человѣка, а остался орломъ навѣки.

Птица орелъ имѣетъ своего эжина^{*)}); буряты сильно уважаютъ орла и не стрѣляютъ его. Если кто-нибудь изъ двухъ орловъ убьетъ одного, то другой оставшійся орелъ въ ту-же ночь слетаетъ на островъ Ольхонъ; тамъ онъ найдетъ себѣ другаго орла и съ нимъ прилетитъ обратно; на другой день опять будутъ уже летать два орла. Человѣкъ-же, который застрѣлитъ орла, умретъ.

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Хангаловымъ.

XXV.

Повѣрье о лебедяхъ, воронахъ и коршунахъ.

Птица лебедь имѣетъ своего эжина, а потому буряты сильно боятся лебедей и не стрѣляютъ ихъ; если кто-нибудь застрѣлитъ лебедя, имѣющаго своего эжина, то этотъ человѣкъ умретъ, а лебедь долго не забываетъ о потерѣ своего друга, весною и осенью при прилетѣ и отлетѣ постоянно кружится надъ мѣстомъ, гдѣ лишился друга, и жалобно кричитъ.

Воронъ тоже имѣетъ своего эжина; буряты обыкновенно боятся убить ворона.

Коршуны въ лѣтніе три мѣсяца тоже имѣютъ своихъ эжиновъ; въ это время нельзя убивать ихъ; въ остальное время можно.

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Хангаловымъ.

---

^{*)} Эжинъ—духъ обладатель.

XXVI.

Щ у к а.

Рыба щука прежде была лошадью. Одна лошадь, запряженная въ соху, со всею упряжью убѣжала и утонула въ водѣ и сдѣлась рыбою щукой. По этому-то въ головѣ щуки всѣ кости означаютъ земледѣльческія орудія и сбрую.

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Хангаловымъ.

XXVII.

Н а л и м ъ.

Рыба налимъ прежде была человѣкомъ. Одинъ человѣкъ положилъ въ пазуху баранью печень*) и пошелъ. На пути какъ-то утонулъ въ рѣкѣ и сдѣлался рыбою. Вотъ почему у налима большая и вкусная печень.

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Хангаловымъ.

XXVIII.

Трава хунъ-хорхонъ.

Есть такъ называемый корень травы хунъ-хорхонъ (человѣчскій корень), который цѣлебенъ отъ всѣхъ болѣзней. Этотъ корень совершенно похожъ на человѣка и раздѣляется на мужескій и женскій полы. Прежде этотъ корень выкапывали слѣдующимъ образомъ; кто знаетъ этотъ корень, тотъ, найдя его, выстраивалъ надъ нимъ небольшой шалаши, чтобы корень этотъ не видѣлъ солнца; иначе, если корень увидитъ солнце, наступитъ страшная засуха. Когда корень выкопаютъ, то изъ него вырѣзываютъ маленькій кусочекъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ у больного болитъ; на примѣръ если у больного болитъ правая рука около плеча, то и на корнѣ

*) Бараній курдюкъ т. е. хвостъ.

вырѣзываютъ кусокъ непременно около праваго плеча; съ другаго мѣста вырѣзывать нельзя. Когда этотъ корень выкапываютъ, то онъ плачетъ по человѣчески. Обыкновенно буряты считаютъ большимъ грѣхомъ выкапывать этотъ корень.

Записано у балаганскихъ бурятъ
М. Н. Хангаловымъ.

XXIX.

О табакѣ.

• Откуда взялась у человѣка страсть къ табаку?

Однажды два бурхана, мужчина и женщина, слюбились и такъ жили, что никто не зналъ объ этомъ. При такомъ житьѣ женщина бурханъ забеременѣла и родила ребенка. Устыдившись этого, она ушла въ лѣсъ и повѣсилась на деревѣ березѣ. Береза нагнулась. Тогда бурханъ-женщина ушла и повѣсилась на соснѣ. Сосна покачнулась и нагнулась внизъ. За тѣмъ она повѣсилась на осинѣ. Осина стоитъ прямехонько. Тутъ и кончилась (умерла) бурханъ-женщина. Мужчина-бурханъ не могъ разыскать ее. Прошло такимъ образомъ два или три года; онъ наталкивается на кости. Увидѣлъ эти кости и въ правой тазовой кости нашелъ выросшую траву. Плакалъ онъ тутъ, плакалъ, взялъ эту траву, принесъ, посадилъ ее и расплодилъ и затѣмъ началъ тянуть носомъ и ртомъ (т. е. курить и нюхать), разгоняя скуку. Эта трава теперь табакомъ (тамхи) называется. Отсюда и вышла страсть курить табакъ.

Записано у аларскихъ бурятъ о.
Н. И. Затопляевымъ.

XXX.

Повѣрья о деревьяхъ.

Нѣкоторыя деревья имѣютъ своихъ эжиновъ. Эти эжины находятся въ нихъ. Буряты сильно избѣгаютъ тѣхъ деревьевъ, въ которыхъ предполагаютъ существованіе эжиновъ; такія деревья они на-

зываютъ «эжитэ модон». Ихъ узнають по сердцевинѣ, которая у нихъ бываетъ красная, и по сукамъ. Если кто нибудь по незнанію вырубить эжитэ-модонъ и употребить его въ постройку, то эжинъ дерева будетъ сильно вредить домохозяину. Этотъ домъ постоянно трещить и по ночамъ кто-то ходитъ по нему и т. п. бываетъ.

Изрѣдка бываетъ дерево, имѣющее огонь; такое дерево называется «галта модон». Если галта-модонъ попадетъ въ постройку, то этотъ домъ будетъ теплый; но въ то-же время это и опасно, можетъ случиться пожаръ. Иногда, когда галта-модонъ тешутъ топоромъ, изъ него брызжутъ огненные искры.

Лѣса имѣють своего эжина, который въ нихъ и находится. Одинъ человекъ изъ охотниковъ во время охоты заблудился въ лѣсу, долго блуждалъ въ немъ и наконецъ умеръ отъ голода. Этотъ то охотникъ и сдѣлался эжиномъ лѣсовъ. Эжинъ лѣсовъ заставляеть людей блуждать по лѣсу, заводя ихъ далѣе. Заблудившіеся въ лѣсахъ люди иногда видятъ высокаго чернаго человека, который, сидя, плачетъ и говоритъ:

мананда төрхон мананхуб

бөрөндө төрхон бөрөнхуб

өлөтхи дархи шиги у зэлэб

Этотъ плачь и говоръ лѣснаго эжина слышать заблудившіеся люди.

Запис. у балаганскихъ бурятъ М.
Н. Хангаловымъ.

XXXI.

Собачій пай въ хлѣбѣ.

Прежде солома хлѣба была покрыта колосомъ отъ вершины до корня. Одна женщина коркою хлѣба выгребла изверженія ребенка и бросила её на улицу. Это увидѣлъ Богъ и разсердился на людей, началъ съ соломы снимать колосья. Лежавшая собака, уви-

дя это, попросила Бога оставить ея долю. Тогда Богъ оставилъ часть колоса на концѣ соломы. Буряты говорятъ, что нынѣшній хлѣбъ это собачій пай, оставленный Богомъ. По этому считается грѣхомъ жалѣть хлѣба для собаки.

Запис. у балаганскихъ бурятъ М.
Н. Хангаловымъ.

XXXII.

Х у р ь.

У балаганскихъ бурятъ есть музыкальный инструментъ, называемый «хуръ», который будто бы имѣетъ своего отдѣльнаго эжина: «хури эжин». Кто пожелаетъ научиться хорошо играть на хурѣ, тотъ долженъ въ безлунную ночь сѣсть на растани трехъ дорогъ, на голой лошадиной головѣ, которая должна быть обуздана шелковой уздой, сшитой шелковыми нитками и съ шелковыми поводьями. Около полуночи лошадиная голова сбрасываетъ своего сѣдока, играющаго на хурѣ; если этотъ человѣкъ упадетъ, то онъ скоро умретъ; а если не упадетъ и будетъ продолжать играть на хурѣ, то научится хорошо играть на этомъ инструментѣ.

Хурда хурдажар

Хэтэ хуралаб

Харан ехон шинэдэ

Баруни хата

Орожи хурдалаб

Баруни хахи

Урулажи хурдалаб

Хуни утарха

Болсоро хурдалаб

Тихэдэ буту

Бадарга дулалаб

Тихэдэн зоксолоб

Харан гурбан хушинда

Гурбан харгун
Бильшир дэрэ
Морони хубха толго
Унажи хурдалаб
“
Үри сахни хэрэндэ
Хубха толго
Бульяжи бала
Тэн дэрэн
Барижи торолоб
Зуни хата
Мактулажи абдалаб
Тихэхэн хоши
Эжилэн угэй
“
Үнэн хурта хуралаб
Нархан модонь хурара
Нада зугада хурдалаб
“
Үшелгэжи ябалаб
Хуши модон хурара
Хуриле зондо хурдалаб
“
Үшилгэжи ябалаб
Хөлөн харан хилгажа
Хаха татан хурдалаб
Хоршахон абиган хургари
Гэнэн багада марталаб
Хулэн хөхөн химажа
Хородон хужуи хурдалаб
Харьта ахан хургари
Гэнэн багада марталаб
Бэлэн залон урулхада
Бэргэнут мини урмагила

Аляр аляр хурдахада

Абаганут мини урмагила.

Записано отъ балаганскихъ бурятъ
М. Н. Хангаловымъ.

XXXIII.

О ворожбѣ на лопаткѣ.

Въ одно время жилъ лама-хубилганъ (перерожденецъ), имѣвшій много книгъ, раскрывъ которыя, онъ узнавалъ все. Ёдетъ онъ однажды куда-то и остановился ночевать въ степи. Положилъ всѣ свои книги на землю. Вмѣстѣ съ нимъ тутъ же ночевалъ овечій пастухъ. Овцы этого пастуха съѣли всѣ эти книги. Тогда лама сказалъ овцамъ: «Когда вы съѣли мои книги, пусть мое книжное вѣденіе войдетъ въ ваши тоненькія кости. Я же обойдусь и безъ книгъ!» Вотъ поэтому-то и ворожатъ теперь овечьей лопаткой.

Записано о. Н. И. Затопляевымъ со словъ помощника старшины аларскихъ бурятъ Викт. Вас. Шарыпова.

XXXIV.

Пальцы воры.

Бат балай хэлэ: хулуйэ!

Бодон толэй: ягашіэ яхамда.

Тойтоли: хун хара хархо угэйл?

Тотонэй батор: зэмэ зонхо болхо угэйл?

Бишахан шлютхэ: би айным!

Большой палецъ сказалъ: Украдемъ!

Указательный: Чтожь, изволь!

Средній: А насъ не увидятъ (простой человекъ насъ не увидитъ)?

Безъимянный: Виноваты не будемъ.

Мизинецъ: Я боюсь!

Записано у аларскихъ бурятъ о. Н. И. Затопляевымъ.

XXXV.

Племена бурятъ.

Въ Иркутской губерніи живутъ слѣдующія племена (кости) бурятъ:

1) Сэгэнуть или Ёлѡдъ.

2) Хордуть; по преданію вышли изъ Монголіи. Хордуты часто упоминаются въ шаманскихъ молитвахъ.

3) Хулдаты; вышли изъ Монголіи.

4) Золють; вышли изъ Монголіи.

5) Булуть; произошли отъ женщины изъ племени Баргаты. По преданію одна женщина изъ племени Баргаты заблудилась въ лѣсу; её нашелъ во время охоты Онго, старшій сынъ Ёбѡгона, и женился на ней; такъ какъ она была уже беременная, то скоро родила сына, которому дали имя Булуть; отъ этого мальчика произошло племя Булуть, хотя по настоящему мальчикъ Булуть былъ изъ племени Баргаты.

6) Хангинъ, потомки Хоредоя.

7) Шараты, то же потомки Хоредоя.

8) Хармяганъ, вышли изъ Монголіи.

9) Улабаты; вышли изъ Монголіи.

10) Хэрмэшинъ; вышли изъ Монголіи.

11) Хэрбитъ; вышли изъ Монголіи, но часто упоминаются въ шаманскихъ молитвахъ.

12) Шошолокъ; вышли изъ Монголіи и упоминаются въ шаманскихъ молитвахъ.

13) Манхамоть; вышли изъ Монголіи.

14) Хасамакъ; вышли изъ Монголіи.

15) Бузагаты; вышли изъ Монголіи.

16) Хартулъ; вышли изъ Монголіи.

17) Хара-монголъ; вышли изъ Монголіи.

18) Аргануть; вышли изъ Монголіи.

19) Уранхай; произошли отъ смѣшенія бурятъ съ другими племенами.

М. Н. Хангаловъ.

XXXVI.

Кости въ бывшемъ Аларскомъ вѣдомствѣ.

Всѣхъ костей*) въ вѣдомствѣ насчитываютъ шестнадцать: 1) Хонходоръ, 2) Бодорхонъ, 3) Дуртунъ (выдѣлившаяся изъ Бодорхона, 4) Табяжинъ (выдѣлившаяся изъ Хонходора), 5) Болдой (выдѣлившаяся изъ кости Ашита), 6) Ашита (изъ Хонходора), 7) Хотогой, 8) Хахта, 9) Сартуль (люди этой кости не ѣдятъ крови), 10) Шошолокъ, 11) Туралэкъ, 12) Хогой, 13) Ашахай, 14) Хурхуть, 15) Ноеть (ихъ двѣ, одна Му-ноеть, «худые ноёны», другая Гхайнъ-ноеть, «хорошіе ноёны»**) и 16) Шарануть. У Шаранута было три сына: 1) Баргай, 2) Бырбэхэнъ и 3) Хухтэ. Настоящіе Шарануты происходятъ отъ всѣхъ трехъ братьевъ, но всѣ они стараются произвести свою родословную отъ старшаго Баргая. Происходятъ изъ-за этого жестокіе споры и не рѣдко драки.

Сообщ. о. Н. И. Затопляевымъ.

XXXVII.

Кость Шарануть.

Шаранутовъ***) считаютъ происшедшими отъ незаконнаго брака. Буряты другихъ костей дразнятъ ихъ, говоря: «Шарануты произошли изъ мочи соловаго жеребца». Одна дѣвушка родила сына. Стыдясь отца и матери, она привязала его къ хвосту соловаго жеребца и отпустила. Узелъ развязался и мальчикъ упалъ. Этотъ мальчикъ,

---

*) Кость, *яганъ*, употребляется въ смыслѣ родъ, поколѣніе.

**) Къ этой кости относятся Холтубаевцы, перечисленные изъ идинскаго вѣдомства въ Аларское и поселившіеся въ улусахъ Кудинскомъ и Кулуруйскомъ около Ангары смежно съ балаганскими; есть правда немного и въ Алари въ 1-мъ Хонходорскомъ родѣ.

***) Имя Шарануть сокращено изъ Шаргануть, «соловенькіе» отъ слова шарга, «соловой».

Прим. о. Затопляева.

ставши потомъ большимъ, женился и отъ него родились три сына: старшій Баргай, средній Бэрбэхэнъ и младшій Хултэ. Происшедшій отъ нихъ народъ называется Шаранутской костью. Въ насмѣшку имъ говорятъ, что у нихъ нѣтъ тэнгрія, а бурханъ ихній соловой жеребецъ. Въ Алари есть потомки всѣхъ этихъ трехъ братьевъ Шаранутовъ: въ Зенскомъ улусѣ Баргая, въ Шабшалантуйскомъ Хултэ и въ Куркатскомъ Бэрбэхэна.

Записано о. Н. И. Затопляевымъ со словъ старосты 1 Хонходорскаго рода М. Н. Бадмаева.

XXXVIII.

Кость Хабарнуть.

Въ старыя времена въ Алари устраивалась зэктэ-аба (всенародная облава). Сюда съѣзжались всѣ буряты, живущіе по эту сторону Байкала. Однажды, когда всѣ собрались, пировали. Окончивъ пиръ, стали собираться на охоту; тогда одинъ изъ присутствующихъ началъ ногтями царапать котелъ, отскребая призастывшее масло. Участвовавшіе, увидѣвъ это, называли его Хабарнуть. Произшедшіе отъ него составляютъ кость Хабарнуть (царапатель *).

Записано о. Н. И. Затопляевымъ со словъ хонходора В. В. Шарынова.

XXXIX.

Кость Бурутханъ.

Было два брата; младшій проситъ старшаго, чтобъ онъ выдалъ за него свою дочь. Тотъ говоритъ ему: «Ты говоришь скверное, противное, негодное (бурузанта). По этому пусть и будетъ твое названіе Бурутханъ».

Записано свящ. Н. Затопляевымъ со словъ помощн. старосты 1 хонходорскаго рода В. А. Вампилова.

*) Хабардахо по бурятски «царапать».

XL.

Кость Икинатъ.

«У горного козла сила въ копытахъ, а у Икината сила въ языкѣ». Въ стародавнее время при выходѣ монголовъ въ предѣлы Бѣлаго русскаго царя, когда подданные Сайнъ-хана бунтовались и подданные Бушихтэ-хана (Галдана) волновались, услыхавъ, что подъ подданствомъ Бѣлаго русскаго царя народъ благоденствуетъ, монголы рѣшили подпасть подъ его владычество и, чтобъ не встрѣтить при передвиженіи препятствій, перебили всѣхъ дряхлыхъ стариковъ. Одинъ изъ нихъ кости Икинатъ, будучи единственнымъ сыномъ, пожалѣвъ убить своего отца, спряталъ его въ переметную суму и везъ, скрывая дорогой отъ прочихъ. И такъ, идя съ юга на сѣверъ, они достигли моря и остановились на ночлегъ. Въ эту ночь предводительствующій ими начальникъ увидѣлъ сіяющую, лежащую на днѣ моря чашу и приказалъ своему народу достать ему эту чашу во чтобы-то ни стало. Нырнуть первымъ за этой чашей ни кого не оказалось. Тогда начальникъ приказалъ раздать имъ жребій и по жребію нырять. Всѣ нырявшіе тонули. Достается жребій и парню, везшему скрытно отца. Онъ спрашиваетъ потихоньку отца: что ему дѣлать? Отецъ говоритъ ему, что эта чаша вовсе не въ морѣ, а на горѣ, которая стоитъ около моря. Онъ поднимается на гору и приноситъ чашу. Двигаются оттуда сюда. Застигаетъ ихъ сильная и продолжительная засуха, всѣхъ томить сильная жажда, а ни рѣки, ни ручья имъ не попадается; народъ страдаетъ отъ жажды. Парень этотъ опять спрашиваетъ отца: «Что намъ дѣлать? народъ гибнетъ безъ воды». Отецъ и говоритъ ему: «Отпусти трехгодовалую корову и слѣди за ней; гдѣ она остановится и будетъ нюхать землю, копайте тамъ!» Такъ сдѣлали, добыли воды, напился весь народъ и скотъ. Идутъ дальше. Пошелъ сильный дождь, сдѣлалась слякоть, всѣ измокли и не могутъ развести огня, познобились. Находясь въ такомъ положеніи, усмотрѣли на вершинѣ одной горы, одинъ человекъ развелъ огонь, лежитъ и грѣетъ спи-

ну. Начальникъ даетъ распоряженіе выпросить у этого человѣка огня. Но никто не можетъ донести, огонь дорогой гаснетъ. Всѣхъ посланныхъ, не донесшихъ огня, начальникъ казнить. Падаетъ жребій идти за огнемъ на старикова парня. Тотъ спрашиваетъ отца: какъ тутъ быть? Тотъ говоритъ ему: «Когда будешь просить огня, поклонись въ землю и говори: народъ гибнетъ, будьте нашимъ богомъ—спасителемъ, дайте намъ огня!»! Взятый съ такою мольбою огонь онъ донесъ до стана и всѣ отогрѣлись. Начальникъ сердится на парня: «Что-же ты?» говоритъ. «Зналъ средство, какъ развести огонь и молчалъ до сихъ поръ; сколько народу погибло изъ за этого! я снесу тебѣ голову»! И когда онъ сталъ сильно притѣснять парня, тотъ сознался, что все онъ дѣлалъ по наученію отца, котораго онъ пожалѣлъ убить и котораго везетъ съ собой, и что избавлялись они отъ всѣхъ невзгодъ наученіемъ его отца. Тогда начальникъ призываетъ отца и спрашиваетъ: «Кто у тебя предки, какого ты племени»? Старикъ говоритъ, что онъ изъ кости Икинатъ. Вотъ откуда произошла поговорка: *Иман гуроган турун-да абтай, Ихинат хун хэлэндэ абтай*, «у горнаго козла сила въ копытахъ, у Икината (человѣка) сила въ языкѣ»^{*)}).

Записано о. миссіон. Н. И. Затопляевымъ со словъ Ныгдинскаго головы М. О. Этогорова.

XLI.

Кости Ользонъ и Баянда.

Жили три брата Сыхиръ, Сахиръ и Токто. Третій братъ Токто уѣхалъ свататься на дочери Готола, дочь котораго звали Голохонъ. Дома остались два брата Сыхиръ и Сахиръ, которые славились, какъ мѣткіе и хорошіе стрѣлки изъ лука. Съ южной стороны Байкала пріѣхало четыреста зэгэтэ-облавщиковъ, охотившихся на звѣрей. Передъ отъѣздомъ облавщики были у шаманки; она имъ

^{*)} Бурятъ кости Икинатъ въ Аларъ нѣтъ, а есть въ Балаганскомъ вѣдомствѣ. Говорятъ, они и до сихъ поръ бойки на языкѣ.

поворожила и сказала: «Можно похитить женъ Сыхира и Сахира, но только по такой примѣтѣ; когда вы приѣдете туда, ожеребится одна кобыла; если ея жеребенокъ удавится на деревѣ, тогда вы можете подѣхать и убить двухъ братьевъ; если этотъ жеребенокъ не удавится, то не подѣзжайте близко; они васъ всѣхъ убьютъ». Когда зэгэтэ-облавщики приѣхали, то увидѣли, что кобыла ожеребилась и жеребенокъ удавился на деревѣ. Тогда они подѣхали къ дому двухъ братьевъ; вошедши въ домъ, отрѣзали тетивы луковъ и сломали стрѣлы. Въ это время два брата были пьяны и спали. Проснувшись, они схватили лукъ и стрѣлы, но они были испорчены и не могли стрѣлять. Четыреста зэгэтэ-облавщиковъ убили двухъ братьевъ, взяли ихъ женъ и поѣхали обратно, но дорогой двѣ женщины убѣжали отъ облавщиковъ и приѣхали домой. Въ это время приѣхалъ третій братъ Токто; онъ поѣхалъ вслѣдъ за зэгэтэ-облавщиками и по дорогѣ стрѣлялъ въ большія деревья, а потомъ возвратился домой. Зэгэтэ-облавщики поѣхали за убѣжавшими отъ нихъ женщинами, но увидали стрѣляныя деревья и вернулись домой. Отъ этихъ двухъ женщинъ родилось по сыну, которые были названы: Ошохѳн хоно ерхѳн ользон барягдахан хоно ерхѳн баянда. Отъ этихъ двухъ мальчиковъ Ользона и Баяндая произошли Ользоновскіе и Баяндайскіе буряты Верхоленскаго вѣдомства.

Записано М. Н. Хангаловымъ отъ кудинскаго бурята Бугдана Буйнова.

ХІІ.

Кость Готоль.

Въ мѣстности Баргузинъ у подошвы горы Барханъ жилъ Барго-баторъ. У него было два сына, старшій Бурятъ и младшій Хоридой. У Бурята также было два сына, а у Хоридоя тринадцать сыновей. У старшаго Бурятова сына Ихирита было восемь сыновей. Потомковъ ихъ и сейчасъ много въ Селенгинскомъ вѣдомствѣ. У младшаго Бурятова сына Булгата было шесть сыновей: Бумаль-Готоль, Шоно, Хурамша, Олзонъ, Харануть и Алгуй. Происшедшій

отъ нихъ народъ живетъ по обѣ стороны Байкала. Въ древнія времена отцы и дѣти ихъ были подданными Цэцэнъ-хана. Когда четыре халхаскихъ царя подпали подъ подданство китайскаго хана, эти потомки Булгата, не принявши ни чье подданство, четыре или пять лѣтъ жили безъ царя. Потомъ сдѣлались подданными русскаго царя и были обложены податю въ три копейки съ души. Съ того времени до настоящаго прошло слишкомъ двѣсти лѣтъ. Не будучи въ состояніи или не желая платить эту трехкопеечную подать, они раздѣлились. Русскіе ловили ихъ и нѣкоторыхъ парней и дѣвокъ убивали и бросали въ воду. Людей кисти Готоль въ Селенгинскомъ вѣдомствѣ двѣ тысячи слишкомъ душъ, въ Идинскомъ четыре рода, въ Балаганскомъ одинъ улусъ и въ Алари тридцать домовъ.

Сообщилъ аларскаго дацана гэлюнъ-лама Лонхово Бадмаевъ; записалъ по-бурятски П. П. Баторовъ, перевелъ мисс. о. Н. Затоцляевъ.

XLIII.

Булагать и Экиритъ и ихъ потомки.

За моремъ (подразумѣвается Байкаль) т. е. на его южной сторонѣ жилъ царь Тайжи-ханъ, у котораго былъ пестрый порозъ (тарал эрэн буха). Этотъ пестрый порозъ славился необыкновенной силой и ростомъ; однажды утромъ пестрый порозъ мычить: «Кто со мною можетъ бодаться на этомъ свѣтѣ, тотъ пусть придетъ и попробуетъ мою силу»!

Тогда Буха-ноёнъ-бабай обратился въ двухгодовалаго пороза и съ сѣверной стороны Байкала мычить въ отвѣтъ пестрому порозу: «Нынѣ мнѣ исполнится второй годъ отъ роду, на будущій годъ будетъ третій; тогда я пойду бодаться съ тобою и попробую твою силу».

На слѣдующій годъ Буха-ноёнъ-бабай обратился въ трехгодовалаго пороза, переплылъ на южную сторону Байкала и отправился въ царство Тайжи-хана бодаться съ пестрымъ порозомъ. Буха-ноёнъ-бабай днемъ бодался съ пестрымъ порозомъ въ видѣ пороза темно-

ватосѣраго цвѣта, а ночью обращался въ необыкновенно красиваго молодаго челоуѣка и ухаживалъ за дочерью царя Тайжи-хана.

Однажды царь Тайжи-ханъ увидѣлъ, что съ его пестрымъ порозомъ бодается неизвѣстный порозъ. Они испортили весь утугъ*). Царь Тайжи-ханъ взялъ палку и прогналъ обоихъ въ стень, гдѣ они продолжали бодаться между собою. Черезъ нѣсколько времени дочь царя Тайжи-хана сдѣлалась беременною отъ Буха-ноёнъ-бабая; она сказала ему, что она должна скоро родить. Тогда Буха-ноёнъ-бабай таинственнымъ образомъ вынулъ изъ утробы дѣвицы ребенка и рогами бросилъ его на сѣверную сторону Байкала. Когда Буха-ноёнъ-бабай побѣдилъ своего соперника, обратно переплылъ на сѣверную сторону, нашелъ брошеннаго ребенка и сталъ кормить его; лежа, онъ далъ ребенку сосать «шибэ» (шерсть на брюхѣ).

Въ это время на сѣверной сторонѣ Байкала жилъ народъ изъ племени Атагутъ десять домовъ и изъ племени Хотогутъ двадцать домовъ, «арбан ѳрхѳ атагут хорин ѳрхѳ хотогут». Племя Атагуты имѣло шаманку Асуханъ, а племя Хотогуты имѣло шаманку Хусыхэнъ. Эти двѣ шаманки не имѣли дѣтей, но онѣ другъ другу предсказывали, что у нихъ будутъ дѣти.

Однажды шаманка Асуханъ узнала, что у ней родился сынъ, котораго воспитываетъ темносѣрый порозъ. Шаманка Асуханъ пришла и взяла отъ Буха-ноёнъ-бабая мальчика и начала его воспитывать, а впослѣдствіи дала ему имя Булагатъ (иные говорятъ Бу-малъ). Булагатъ ходилъ играть на берегъ Байкала и тамъ пропадалъ цѣлые дни; однажды обѣ шаманки спросили Бутлагата, что онъ тамъ дѣлаетъ цѣлый день. Тогда мальчикъ отвѣтилъ имъ: «Когда я прихожу на берегъ Байкала, тогда изъ воды выходитъ маленькій мальчикъ, который играетъ со мною цѣлый день». Обѣ шаманки удивились разсказу мальчика Булагата и провѣрили его. Послѣ этого шаманка Хусыхэнъ выдоила собственное молоко, сдѣлала изъ него кушанье бѳнъ, дала мальчику Булагату и сказала: «Когда пой-

*) Утугъ—сѣнокосное поле.

дешь на берегъ и когда выйдетъ изъ воды твой товарищъ, дай ему поѣсть этотъ бѣнъ. Пусть онъ съѣстъ бѣнъ!»! Мальчикъ Булагатъ, получивъ бѣнъ, отправился на берегъ играть со своимъ водянымъ товарищемъ. По обыкновенію на встрѣчу ему вышелъ изъ воды его товарищъ. Поигравши немного, Булагатъ даетъ ему бѣнъ; водяной мальчикъ взялъ бѣнъ и съѣлъ. Послѣ этого водяному мальчику захотѣлось спать и онъ задремалъ; шаманка Хусыханъ тайно слѣдила въ это время и когда увидѣла, что водяной мальчикъ спитъ, она тихонько подошла къ спящему мальчику, поймала его и привела домой. Этого мальчика шаманка Хусыханъ усыновила и дала ему имя Экиритъ.

Когда Экиритъ былъ еще маленькимъ, его воспитывала рыба пестрый налимъ; поэтому пестрый налимъ называется его отцомъ; щель берега служила колыбелью, потому считается матерью Экирита, «эрэн гутар эсэгэтэ эргин габа эхэ экирит». Отъ этихъ двухъ мальчиковъ Булагата и Экирита произошли многочисленные потомки, племена Булагаты и Экириты.

Другой вариантъ. Люди, жившіе на сѣверной сторонѣ Байкала, неизвѣстно по какой причинѣ всѣ переѣхали на южную сторону въ Монголію; на сѣверной остались только двѣ шаманки Асуханъ и Хусыханъ, которыя жили вмѣстѣ. Когда обѣ шаманки поочередно шаманили, то другъ другу предсказывали, что у нихъ будетъ сынъ. Какъ-то одна изъ нихъ начала шаманить и говорить, что у нихъ уже родился сынъ; не далеко отсюда на горѣ лежитъ Буха-ноёнъ-бабай, обратившись въ темносѣраго порока; подъ грудью его лежитъ ребенокъ въ желѣзной люлькѣ. Тогда обѣ шаманки пошли взять ребенка, но Буха-ноёнъ-бабай не далъ его имъ. Обѣ шаманки возвратились домой, начали снова шаманить и ворожить и узнали, что темносѣрый порока есть Буха-ноёнъ-бабай, что ему нужно принести въ жертву трехъ животныхъ: бѣлую большую кобылу, большаго бѣлаго барана съ рогами (манхир малай хуса) и большаго козла съ темноватожелтой шерстью (шара жарал тэхэ) и

что тогда только Буха-ноёнъ-бабай уступить своего ребенка въ желѣзной люлькѣ. Обѣ шаманки сдѣлали жертвоприношеніе (талганъ), закололи вышеупомянутыхъ животныхъ; Буха-ноёнъ-бабай принялъ жертву и отдалъ шаманкамъ ребенка, а самъ удалился въ Тункинскія высокія и снѣжныя горы. Уходя въ горы, онъ по дорогѣ выдѣлялъ жидкость изъ мочевого пузыря на ходу, какъ обыкновенно дѣлаетъ рогатый скотъ; на этихъ мѣстахъ по слѣдамъ его выросли пихта и верескъ *), которые у бурятъ считаются чистыми.

Двѣ шаманки взяли ребенка въ желѣзной люлькѣ, положили на войлокъ, принесли домой, но ни какъ не могутъ развязать ремни желѣзной люльки; желѣзная люлька не раскрывается. Двѣ шаманки начали снова шаманить и ворожить, почему желѣзная люлька не раскрывается, почему ремни не развязываются. Пошаманили и узнали, что нужно исполнить прежде слѣдующій обрядъ: нужно было снять сидѣнье (худал) на сторонѣ, противоположной двери (хоймор тала), «хоймор худалху татаху»; потомъ одна изъ нихъ должна была представлять, будто-бы она родить ребенка; нужно было также заколоть трехгодовалого бычка и взять лытку съ мясомъ (шата сомогон) и большой ножъ (или стрѣлу, какъ иные говорятъ). Когда шаманки исполнили этотъ обрядъ, желѣзная люлька сама раскрылась.

Шаманка Асуханъ усыновила этого ребенка и начала воспитывать его; въ послѣдствіи ему дали имя Такша-моргонъ (тандулдаха олдѣн Такша моргон) или, какъ другіе говорятъ, Булагать. Въ это время они жили на берегу Байкала; когда Такша-моргонъ или Булагать подросъ немного, онъ началъ ходить играть на берегъ моря. Тамъ онъ игралъ съ двумя мальчиками и одной дѣвочкой, которые выходили изъ воды и, поигравъ съ Булагатомъ, опять уходили въ воду. Происхожденіе этихъ мальчиковъ и дѣвочки было такое. Одинъ изъ сорока-четырехъ восточныхъ тенгировъ подъ названіемъ Хурмуста имѣлъ одну дочь, которая неизвѣстно отъ кого

---

*) Верескомъ въ Сибири зовутъ можжевельникъ.

сдѣлалась беременною; тогда дочь Хурмусты спустилась на землю въ видѣ ямана (козла) и на землѣ родила трехъ дѣтей, двухъ сыновей и одну дочь и положила ихъ на берегъ Байкала, гдѣ они и выросли. Потомъ она создала животное, дала ему имя яманъ (козелъ) и сказала: «Я наравнѣ съ прочими буду принимать жертвоприношенія, въ составъ которыхъ будутъ входить и яманы!» Вотъ почему нынѣ при нѣкоторыхъ жертвоприношеніяхъ и кырыкахъ*) колятъ козловъ.

Шаманки Асуханъ и Хусыханъ отъ своего пріемнаго сына Булагата узнали о существованіи этихъ водяныхъ дѣтей, старались поймать ихъ, но ни какъ не могли; когда дѣти увидятъ приближающихся шаманокъ, убѣгаютъ въ воду. Шаманки давали Булагату таракъ и өрмө**), чтобы онъ угостилъ ими дѣтей и привелъ ихъ, но дѣти ни за что не соглашались идти въ домъ Булагата. Тогда шаманки придумали средство, какъ поймать водяныхъ дѣтей. Онѣ поставили на очагъ котелъ и выгнали очень крѣпкій тарасунъ***), дали его Булагату, а также и таракъ и өрмө, и сказали ему: «Когда придешь на берегъ Байкала играть съ водяными товарищами, когда они выйдутъ изъ воды къ тебѣ на встрѣчу, постели на землю этотъ войлокъ; сядьте на этотъ войлокъ и поѣшьте тараку и өрмө, а когда захочется пить, то вмѣсто воды, пейте этотъ тарасунъ!» Булагатъ, взявши отъ шаманокъ всѣ эти вещи, пошелъ на берегъ Байкала; водяные товарищи вышли изъ воды. Они всѣ четверо сѣли на войлокъ, сѣли таракъ и өрмө, выпили тарасунъ, опьянѣли и легли спать на войлокъ. Въ это время шаманки, караулившія не подалеку, увидѣвъ, что дѣти легли спать, потихоньку подошли, взяли войлокъ съ дѣтьми и понесли домой; на пути одинъ мальчикъ проснулся и крикнулъ: «Возьми меня молочное море мать и недоступныя, скалистыя горы отецъ!» хун дала эхэ мени абыш

*) Кырыкъ частное жертвоприношеніе.

**) Таракъ «тварогъ»; өрмө «сливки».

***) Тарасунъ „вино изъ молока“.

хөмөр ула эсэгэ мени абыш! Въ это время на морѣ поднялись сильныя волны и бросились на берегъ, чуть-чуть обѣ шаманки не потонули въ волнахъ; въ это время дѣвочка обратилась въ нерпу *) и ушла въ море; значить взяла её «молочное море мать»; другой мальчикъ, пробудившись, обратился въ черную бѣлку и убѣждалъ на горы; это значить, что «недоступныя, скалистыя горы отецъ» взялъ его; третій ребенокъ остался у шаманокъ, которыя и принесли его домой. Шаманка Хусыхэнъ усыновила его и дала ему имя Экиритъ (эргихэ олдохон Экирит, «на яру найденый Экиритъ»).

Когда эти мальчики выросли, они женились. Приемный сынъ шаманки Асуханъ Булагатъ женился на дочери царя Аю-хана. Булагатъ имѣлъ двухъ сыновей; первый назывался Бузганъ, второй Булаганъ-хара (Булганъ-хара). Когда два сына Булагата выросли, то старшій женился и имѣлъ шесть сыновей и одну дочь.

Булаганъ-хара женился слѣдующимъ образомъ. У него была большая черная собака, которая ловила звѣрей. Однажды Булаганъ-хара уѣхалъ на зэгэтэ-аба въ царство царя Халыкъ-хана; во время облавы онъ отличился ловкостью и мѣткостью въ стрѣльбѣ, но особенно его черная собака отличилась тѣмъ, что ловила звѣрей и приносила своему хозяину. Послѣ зэгэтэ-аба царю Халыкъ-хану захотѣлось имѣть эту собаку, а потому онъ обратился къ Булаганъ-хара съ просьбою продать ему эту собаку. Булаганъ-хара не соглашался. Тогда Халыкъ-ханъ все предложилъ ему, что только онъ пожелаетъ взять за свою собаку. Булаганъ хара сказалъ: «Если ты за меня выдашь замужъ свою дочь, тогда уступлю свою собаку». Халыкъ-ханъ согласился и отдалъ свою дочь замужъ за Булаганъ-хара.

Булаганъ-хара имѣлъ только одного сына Тоглока, который родился во время зэгэтэ-аба. Тоглокъ имѣлъ семь сыновей; изъ нихъ шесть были отъ первой жены; отъ второй жены, похищен-

*) Нерпа, тюлень по-бурятски зап-загахан.

ной во время облавы, онъ имѣлъ одного только сына Ашегавата. Имена семи сыновей Тоглока:

- 1) Бумаль-саганъ; отъ него произошли тункинскіе буряты.
- 2) Боржинъ-далха; отъ него аларскіе буряты.
- 3) Алагуй; отъ него буряты, живущіе около Байкала, принадлежащіе къ Кудинскому и Капсальскому вѣдомствамъ.
- 4) Саганъ; отъ него кудинскіе буряты.
- 5) Булакъ-саганъ-бумаль; отъ него балаганскіе буряты.
- 6) Хурхутъ; отъ него китойскіе буряты.
- 7) Ашехаватъ; отъ него произошли Ашехаваты, входящіе въ составъ Кудинскаго вѣдомства.

Экиритъ женился на дочери царя Халыкъ-хана, имѣлъ одного сына Запхи, который тоже женился и имѣлъ четырехъ сыновей; отъ этихъ послѣднихъ произошли верхоленскіе, ольхонскіе и ленскіе буряты *).

Записано М. Н. Хангаловымъ со
словъ шамана Манжу и др. кудинск.
бурятъ.

Третій варіантъ. Отъ западнаго Табянь-табанъ тэнгрѣ **) было зачатіе у одной изъ коровъ въ стадѣ Хунъ-тайжея; родился теленокъ; будучи двухъ лѣтъ, сивый бычокъ (хөхө хашерэгъ) сталъ бодаться съ порозомъ Тайже-хана; былъ побѣжденъ. На слѣдующій годъ, уже трехгодовалый, снова началъ бодаться съ пестрымъ порозомъ (эрѣнь буха) (Тайже-хана); сначала силой уступалъ, но потомъ осилилъ; бодались девять сутокъ; порозъ Хунъ-тайжея былъ сбить. Тогда Хунъ-тайже, собравъ войско, погнался за нимъ, чтобы убить. Хөхө-буха переплылъ воду, море, и перешелъ на другую сторону Байкала; но Хунъ-тайже пошелъ съ войскомъ за нимъ; сдѣлавъ ледъ въ лѣтнее время, перешелъ. Гдѣ, по какимъ мѣстамъ проходилъ порозъ, тамъ выросталъ лѣсъ, гдѣ мочился — ельникъ; за-

*) Начало напечатано въ Изв. Отдѣла, т. XIV, № 1—2 (1883), стр. 2.

**) Табянь табанъ, „пятьдесятъ пять“.

тѣмъ на западномъ хребтѣ, на горѣ Тепхетѣ, выросилъ три ряда ельника, сдѣлалъ статую, подобную себѣ, обращенную передомъ къ восходу солнца, готовую къ борьбѣ. Въ то время Хунъ-тайже отправился по слѣдамъ его. Увидѣвъ пороza (т. е. его изображеніе), началъ пускать стрѣлы. Когда всѣ стрѣлы были выпущены, онъ отправился посмотрѣть и углядѣлъ, что лежитъ камень, весь покрытый стрѣлами; а онъ былъ увѣренъ, что онъ убилъ пороza. Тогда Хунъ-тайже вернулся. А пороzъ пошелъ дальше и нашелъ желѣзное бухю**) стрѣлы, въ которомъ былъ ребенокъ. Онъ сталъ оберегать его.

Когда Тайже-ханъ вернулся домой, то дочь была беременна; на вопросъ матери, какъ это случилось, дочь отвѣчала, что ни съ кѣмъ не видалась, но что въ щель юрты три раза былъ виденъ свѣтъ солнца (она жила въ темной юртѣ). «Я думаю, что отъ этого». Тогда мать ея, пригласивъ кузнецовъ, заказала бухю. У нихъ было три богатыря; попросивъ старшаго изъ нихъ натянуть лукъ, она нашептала: «Живущій на сѣверѣ моря, сотворившій! Бери» (прими)!

Дѣвушка съ юга моря, выданная на сѣверную сторону его, шаманка Асуханъ была бездѣтна. Родственники по ея бездѣтству хотѣли раздѣлить имущество шаманки. Заложивъ снаружи юрту, въ трубу стали лить воду. Когда вылили одно ведро, отъ огня отскочилъ уголекъ; когда вылили второе ведро, выскочилъ второй уголекъ; хотя вылили третье ведро, огонь все-таки не потухъ. Отворивъ послѣ этого дверь, вошли, чтобы раздѣлить имущество. Шаманка просила взять половину имущества, но когда ее спросили: почему не все? она сказала, что отъ (заливаемого) огня отскочили два уголька. «Поэтому я думаю, что это хорошій признакъ, что у меня будетъ два сына; на будущій годъ рожу сына, потому что я

**) Бухю—обыкновенно костяной, иногда граненый на виѣшней поверхности шарикъ, который укрѣплялся на переднемъ концѣ древка стрѣлы; въ него вставлялся желѣзный наконечникъ стрѣлы.

беременна; берите половину имущества; если-же на будущій годъ не принесу сына, тогда возьмите все мое имущество». Родственники, взявъ половину, ушли. На другой день шаманка Асүхánъ стала шаманить и ей открылось, что на западномъ пестромъ (эрэн) хребтѣ есть ребенокъ. «Его возьми»! Когда она пришла, ребенка охранялъ сивый порозъ (хөхө буха). Порозъ не трогался съ мѣста. Тогда Асүхánъ принесла ему въ жертву барана; тогда онъ всталъ. Положивъ мальчика за пазуху, принесла домой и оповѣстила родственниковъ, что родила сына. Пришедшіе спросили: «Гдѣ-же твой сынъ»? Лежалъ желѣзный бухю и Асүханъ сказала, что въ немъ лежитъ ребенокъ. Тогда ей сказали, чтобы она изъ него вынула (ребенка). Асүхánъ тогда стала шаманить; и ей открылось, что костью голени задней ноги быка, широкимъ топоромъ и ковшемъ, если этими тремя вещами постучать, то (бухю) откроется. Когда былъ освобожденъ мальчикъ, то назвала его: «отъ пороza зачавшійся Булаганъ-хара» (буха'а оло'он булхан хара). Выдѣленную ранѣе половину имущества она получила обратно. Когда семилѣтній Булганъ игралъ на берегу моря, приплыла бочка, разбилась; изъ нея вышелъ мальчикъ. Булганъ-хара игралъ до поздняго вечера. Когда мать спросила, почему такъ долго онъ игралъ, (онъ) отвѣчалъ, что игралъ съ товарищемъ. Асүхánъ, зная, съ кѣмъ сынъ ея игралъ, въ трехъ посудахъ приготовила тарагъ и пѣнку молока, разостлала на берегу моря войлокъ, поставила на войлокъ кушанье и заказала сыну: «Кушайте вдвоемъ! Если онъ не будетъ ѣсть, то ротъ его помажь тарагомъ»! А сама стала караулить. Оба мальчика играютъ; тотъ не ѣстъ. Тогда Булганъ-хара мажетъ ему ротъ; онъ, поѣвши, засыпаетъ. Когда онъ уснулъ, шаманка, завернувъ въ войлокъ, беретъ его. Тогда тотъ закричалъ: «Мать, молочное море, спаси! отецъ, небо, спаси» ('өн далä эхэ мне абä, 'омэр ұла эсэгэ мне абä)! Тогда вода трижды всколыхнулась; Асүханъ по поясъ

была втянута (въ воду), но все-же вышла и принесла мальчика домой. Назвала: «на берегу найденный Эхерэть» (эргэ'э олодо'он Эхерэть).

Сивый волкъ Сибэръ (сибэр хөхө шонó***), приходя во владѣнія хана народа Олють, пожиралъ людей. Тогда олютскій народъ пригласилъ Булганъ-хара, чтобы убить волка, такъ какъ Булганъ-хара былъ очень силенъ и отлично владѣлъ лукомъ, имѣлъ двухъ сильныхъ собакъ. Около желтаго моря было озеро съ тростникомъ, какъ сосновый лѣсъ. Въ томъ озерѣ было логовище волка Сибэръ. Когда волкъ выходилъ изъ озера, то оно пѣнилось и олютскій народъ сказалъ Булгату: «Когда озеро будетъ пѣниться, пускай стрѣлу!» Какъ только озеро стало пѣниться, появился Сибэръ, тотчасъ же Булганъ-хара пустилъ стрѣлу, а двѣ собаки задушили волка. Такимъ образомъ Булганъ-хара убилъ Сибэра. Олють-ханъ благодарилъ за побѣду надъ врагомъ, очень радовался, пригласилъ домой, угощалъ. «Ну, что возьмешь»? спросилъ онъ Булганъ-хара. «Бери, что хочешь!» Онъ имѣлъ двухъ дочерей. Булганъ-хара просилъ старшую его дочь. Сказалъ: «Бери! но ты имѣешь двухъ хорошихъ, сильныхъ собакъ. Отдай большую собаку и бери мою старшую дочь!» Тогда Булганъ-хара, привязавъ краснымъ шелковымъ кушакомъ свою собаку за сѣверовосточный столбъ, взявъ старшую его дочь, пошелъ домой. Отъ нея (онъ) имѣлъ двухъ сыновей: Зонхэ и Туглогъ.

У Зонхе было восемь сыновей, у Тоглога семь. Старшій Алгү; остальныхъ рассказчикъ не знаетъ. У Алгү два сына: Хэшегтэ и Мондоба. Хэшегтэ поселился въ «большихъ лѣтникахъ» (эхэ зу'алан; въ настоящее время это лѣтники улусовъ Бо-ханъ и Зоглигъ). У Хэшегтэ сынъ Готолъ. У Готолы трое: старшій Тудэ, средній Тэтхэнъ, младшій Тургэнъ; одна дочь Голохонъ.

*) Въ словѣ сибэр и долгое.

Отъ кости Эхерэть нѣкто Тогто пришелъ сватать дочь Готола. Въ его отсутствіе пришли «восточные Сэгэнги» *). Убили двухъ старшихъ братьевъ Тогто, Сэхер'а и Сохер'а; весь скоть, имущество, двухъ женъ убитыхъ братьевъ заплонили и увели домой. Жены убитыхъ, отправляясь въ путь, спрятали въ рукава ножницы, обротъ и боготхо **). Шесть дней шли; все время на ночь женщинъ укладывали, связавъ ихъ волосами; въ середину между ними ложился человекъ. Взятые жены отрѣзали ножницами свои волосы; когда одна показала обротъ, приѣжалъ жеребецъ; поймали его. Когда закричали: богодъ! пришла кобылица. Тогда, сѣвъ на жеребца и кобылицу, поѣхали домой. На встрѣчу ѣхалъ за ними Тогто. «Какъ и что случилось?» спросилъ онъ. Онѣ отвѣчали, что Сэгэны убили его братьевъ, заплонили ихъ и увезли все имущество. Тогто хотѣлъ идти за Сэгэнами; тогда невѣстки начали плакать, прося его вернуться (и говорили), что онъ не справится съ Сэгэнами, что онѣ беременны и что потомство будетъ. Тогда Тогто, согнувъ два дерева вершинами, связалъ; одну стрѣлу пустилъ въ лиственъ такъ, чтобы она, пройдя насквозь, осталась (въ деревѣ). Оставивъ стрѣлу, вернулся. Сэгэны погнались за бѣжавшими женщинами, но увидѣвъ связанные деревья и стрѣлу, испугавшись, вернулись. Невѣстки Тогто родили по сыну; одного называли: «уведенный и вернувшійся Ользонъ» (олзодó ошóт ер'эн олзон), другаго «взятый въ плѣнъ Боендá» (барелгандá ошо'он Боенда).

Отъ Тудэ происходитъ 3 Готольскій родъ, отъ Тóтхэна 1-й Готольскій, отъ Тургэна 2-й Готольскій. Верховенскіе и ленскіе буряты происходятъ отъ Эхерэта, остальные-же отъ Булгата.

Записано С. А. Пирожковымъ со словъ Буина Бараникова, бурята Хохорскаго улуса Боханскаго вѣдомства Балаганскаго округа.

*) Разсказчикъ не могъ объяснить, что это за народъ. На вопросъ не буряты-ли, отвѣчалъ: кажется. Но положительно, не знаетъ.

С. Пирожковъ.

**) Боготхо—повязка, которою будто-бы связываютъ колѣни кобылъ во время доенья. Я самъ не видалъ и теперь въ Боханѣ и въ долину Иды этотъ обычай не существуетъ.

С. Пирожковъ.

Четвертый вариантъ. У Хунъ-Тайжи, бурятскаго хана было много скота и табуновъ. Изъ-за Байкала пришелъ порозъ, говоря: «Пойду на сѣверную сторону Байкала умножить родъ Человѣческій, обильный, какъ ключъ; разсѣю, какъ просо»! Увидѣвъ пестраго пороза Хунъ-тайжи, остановился, готовясь драться (бодаться *). У Тайжи-хана была единственная дочь; она сидѣла за семидесятью семью занавѣсами; никто ее не видѣлъ, ни кому (она) не показывалась. Она увидѣла, что съ юга Байкала пришедшій сивый порозъ (хөхө буха) сталъ драться съ пестрымъ порозомъ (тарэл эрэн буха) Хунъ-тайжия, отцу сказала: «Батюшка, съ нашимъ порозомъ какой-то неизвѣстный порозъ бодается». Отецъ сказалъ: «Выйди! Если нашъ порозъ уступить силой, то будетъ поднимать хвостъ». Когда она вышла, то пестрый порозъ пятился; тогда она взяла ургá **) и стала гнать сиваго пороза. Сивый порозъ ушелъ. Съ того времени дѣвушка забеременѣла; родила. Скрыла ребенка отъ отца и матери, сговорила прислугу, положила (ребенка) въ ящикъ и спустила въ море. Послѣ того дочь Хунъ-тайжи, перешагнувъ бычье ярмо, снова забеременѣла; родила; положивъ мальчика въ ящикъ, оставила на морскомъ берегу.

Шаманка Асүхánъ была бездѣтна. По обычаю того времени у неимущихъ дѣтей имущество подлежало раздѣлу между сородичами. По обычаю, заложивъ снаружи дверь юрты, хотѣли въ верхнее отверстие юрты (өрхө, труба) лить воду. Тогда Асүхánъ стала просить не дѣлать этого. На вопросъ: почему? она отвѣчала: «Когда я сидѣла въ сѣверной части юрты, отъ огня ко мнѣ вылетѣли два уголька. Полагаю, что это хорошій признакъ. Вѣроятно у меня будетъ два сына; пожалуйста, не лейте воду»! Тогда пришедшіе послушались ея, подумавъ, что ея слова исполнятся.

*) Хилäха—(говорится о быкахъ) стать въ положеніе, которое обыкновенно быки принимаютъ передъ боданьемъ (наклонивъ къ землѣ голову и проч.).

**) Ургá—высохшая береза длиною отъ 2 до 3 сажень и больше, въ комлѣ около 2, 3 дюймовъ въ діаметрѣ и толще. Обыкновенно такимъ стягомъ ловятъ лошадей.

Дѣти дочери Хунъ-тайжія, оставленные на берегу, выходя изъ воды, играли съ дѣтьми. Это узнала шаманка Асүхánъ. Тогда Асүхánъ, приготовивъ тарагъ и пѣнку изъ молока, наполнивъ чаши, постлавъ на берегу моря бѣлый войлокъ, поставила чаши на разостланномъ войлокѣ и попросила дѣтей идти на берегъ играть, чтобы они пригетовленные кушанья ѣли и угощали (дѣтей), вышедшихъ изъ воды. «Когда гости поѣдятъ, вѣроятно будутъ играть, а потомъ заснутъ. Тогда, сказала, «скажите мнѣ»! Такъ просила шаманка, такъ дѣти и сдѣлали; играютъ съ вышедшими изъ воды, угощаютъ ихъ. Тѣ засыпаютъ; тогда дѣти сообщаютъ шаманкѣ, что гости уснули. Тогда шаманка пошла; завернувъ спящихъ въ войлокъ, принесла домой. Усыновила ихъ. Одного назвала Булгатъ, другаго Эхерэтъ.

У Булгата родился сынъ Булганъ-хара (другаго сына рассказчикъ не знаетъ). Туглógъ былъ, кажется (говорить рассказчикъ), сынъ Булганъ-хара. У Туглóга семь сыновей: 1) Алгү, 2) Хурхүтъ, 3) Хóба, 4) Хонгодóръ, 5) Шошлógъ, 6) Ашаабгадъ (дословный переводъ: «дяди и племянники»). (Имени послѣдняго т. е. седьмаго рассказчикъ не знаетъ).

У Алгү былъ одинъ сынъ Готóль.

У Готóла три сына: 1) Тургэнъ (отъ него нынѣшній 2-й Готольскій родъ); 2) Тудэ (нынѣшній 1-й Готольскій родъ). Предка 3-го Готольскаго рода рассказчикъ не знаетъ. Кромѣ сыновей у Готóла была одна дочь Голохóнь.

Голохонъ замужъ не выходила. Пришедшіе изъ-за Байкала (кажется трое) поселились въ долину рѣчки Куды. Одинъ изъ выходцевъ, желая посвататься на дочери Готóла, имѣлъ съ Голохóнь интимныя отношенія, слѣдствіемъ чего была беременность Голохóнь. Женихъ все время собирался вернуться домой вмѣстѣ съ Голохóнь, но при желаніи ѣхать и остался, такъ какъ умеръ. Послѣ его

смерти жена родила, но кого, сына или дочь, рассказчикъ не знаетъ, а полагаетъ, что родились два сына: Арга'анъ и Абаше^{*)}).

Нынѣшніе аларскіе, балаганскіе, идинскіе буряты, половина кудинскихъ отъ Булгата; верхоленскіе и другая половина кудинскихъ отъ Эхерэта.

Рассказалъ Осипъ Тыскеевъ, потомокъ Арга'ана, бурятъ улуса Бо-ханъ, 3-го Готольскаго рода Балаганскаго округа. Записано и переведено С. А. Пирожковымъ.

XLIV.

Такши и его потомки.

Было два племени Сонгонъ и Хотоготъ. Отъ нихъ явился Такши, о которомъ говорится: тан дундага олдохон такши т. е. «въ самой серединѣ найденый Такши». Онъ женился на женщинѣ Ногонъ-уранда и имѣлъ двухъ сыновей и одну дочь; имена сыновей были Ботó и Буумалъ; у Ботó былъ сынъ Булгатъ, о которомъ говорится буху дорхо олдохон булагат, «подъ порозомъ найденый Булагатъ». У Буумала два сына: Болотъ и Саганъ. У Болота три сына: Кульменгэ, Муры и Олзо. У Сагана два: Обогонъ и Булутъ. У Обогона три: Хого, Онго и Онхотой. У Булута одинъ, Улатай, у котораго было восемь сыновей. Дочь Такши'ева, имени которой не сохранилось, родила безъ мужа сына Токлока. Токлокъ имѣлъ семь сыновей; имена ихъ: Готоль, Хонготоръ, Хурхудъ, Хоеть, Бөхөдъ, Ашехавадъ и Ноёнъ-бура. У Ноёнъ-буры было два сына: Енгутъ и Ноеть.

Записано М. Н. Хангаловымъ.

*) По другимъ показаніямъ Готоль пришелъ изъ-за Байкала жена-тый и привелъ съ собой дѣвицу-дойницу (алёнше). Отъ нея прижилъ сына, который былъ названъ «со व्यюкомъ пришедшій Арга'анъ (ашандá ер'эн арга'ан). По этому Арга'анъ былъ незаконный сынъ Готола.

XLV.

Преданія о Гэнэнъ-худагтѣ и Сухэръ-ноёнѣ.

По народнымъ преданіямъ въ старинныя времена буряты и монголы часто переходили то на ту, то на другую сторону Байкала. Монголы приходили изъ Монголіи, переходили Байкаль и жили тутъ; но иногда опять уходили на югъ, а на ихъ мѣсто приходили другіе. Такимъ образомъ жившіе по ту и другую сторону Байкала были въ частыхъ сношеніяхъ. Буряты, жившіе по сѣверную сторону Байкала, дѣлали набѣги въ Монголію, и угоняли у монголовъ скотъ, котораго у бурятъ было мало, а также добывали здѣсь разныя украшенія, вымѣнивая ихъ на звѣриныя шкуры. Монгольскіе ханы, узнавъ о существованіи байкальскихъ бурятъ, живущихъ независимо и не платящихъ ни кому дани, захотѣли ихъ подчинить себѣ. Съ этой цѣлью они послали на сѣверную сторону Байкала двухъ ламъ; одинъ назывался Гэнэнъ-худагта, другой Сухэръ-ноёнъ. Двое этихъ посланныхъ должны были подчинить бурятъ и прекратить ихъ набѣги на Монголію и угонъ скота.

Гэнэнъ-худагта пріѣзжалъ въ землю бурятъ задолго до прихода русскихъ. Онъ былъ изъ племени Олѣдъ (калмыкъ). Онъ былъ лама и отличался необыкновенною силой. Онъ пріѣзжалъ на сѣверную сторону Байкала, чтобы обратить бурятъ въ буддійскую вѣру, но это ему не удалось, такъ какъ буряты не показывались ему и уходили въ глубь лѣсовъ и прятались, не желая подчиниться монгольскому хану и рассчитывая жить по прежнему, не завися ни отъ кого и ни кому не платя дани.

Гэнэнъ-худагта пріѣхалъ изъ Монголіи по рѣкѣ Селенгѣ, спустился внизъ по теченію къ Байкалу и по льду попалъ на островъ Ольхонъ, откуда черезъ Малое море (Наринъ далай) перешелъ на сѣверную сторону Байкала; черезъ нынѣшнее Ольхонское вѣдомство онъ пріѣхалъ въ Верхоленское вѣдомство, а оттуда въ Кудинское. Здѣсь онъ остановился на нѣкоторое время и, взявъ

хужиръ (солонецъ), направился въ Идинское вѣдомство, переправился черезъ Ангару, вошелъ въ Балаганское вѣдомство и поднялся по р. Унгѣ; здѣсь тоже остановился на нѣкоторое время и взялъ хужиръ. Изъ двухъ вѣдомствъ Кудинскаго и Балаганскаго онъ увезъ хужиру на семидесяти верблюдахъ. Съ рѣки Унги Гэнэнъ-худакта вышелъ на р. Оку и, поднимаясь вверхъ по ея долигѣ, ушелъ обратно въ Монголію.

По дорогѣ на скалахъ Гэнэнъ-худакта оставлялъ письма или надписи, которыя буряты теперь называютъ «Гэнэнъ-худактынъ-тамга». Впрочемъ преданіе указываетъ только одно мѣсто съ подобной надписью; говорятъ, что гдѣ-то въ верховьяхъ Оки, около окинскаго караула на горѣ Монгѳлжини-ула онъ оставилъ надпись, которая существуетъ и до сихъ поръ. Кромѣ того буряты Балаганскаго и Верхолнскаго округа указываютъ дорогу Гэнэнъ-худакта. Кудинскіе буряты указываютъ дорогу, по которой будто-бы Гэнэнъ-худакта ѣхалъ въ Идинское вѣдомство; эта дорога проходитъ по лѣсу; всѣ деревья на ней вырублены. Другіе эту дорогу называютъ китайской и говорятъ, будто по ней китайцы ѣхали обратно въ Китай. Балаганскіе буряты указываютъ дорогу Гэнэнъ-худакты по р. Унгѣ; она теперь замѣтна въ видѣ углубленія, заросшаго травой, будто-бы вытопаннаго многочисленными караванами верблюдовъ. У бурятъ балаганскаго вѣдомства до сего времени сохранилась въ памяти пѣсня о Гэнэнъ-худактѣ:

Ара дэгур харбаха
Алтан халюр хуматаб
Аламхиса булгэхэ
Боро шара морѳтоб
Мѳр дэгур табиха
Мѳнгѳн халюр хуматаб
Мордобхилжи хуряха
Боро шарга морѳтоб

Хурзэн шинэн жуматаб

Булан шинэн зентэб

Тэрэ хэми гэхэдэ

Гэнэн—худакта бэерэб

Сухэръ-ноёнъ по народному преданію приѣзжалъ въ эти мѣста далеко позже Гэнэнъ-худакты, но сколько именно лѣтъ прошло между приѣздами этихъ двухъ ламъ, буряты сказать не умѣютъ.

Сухэръ-ноёнъ*) также былъ изъ племени Олөдъ. Онъ былъ лама (по преданію онъ во многихъ мѣстахъ «ламатучилъ»), а также былъ батуръ, то есть предводитель, отличавшійся необыкновенной силой. Съ того времени, какъ онъ приходилъ, по преданію балаганскихъ бурятъ, прошло шестнадцать или семнадцать поколѣній**). При немъ было триста вооруженныхъ челоуѣкъ или тѣлохранителей. Цѣль его прихода была покорить бурятъ, обратить въ буддѣйскую вѣру и заставить ихъ платить дань дорогой пушниной. Онъ приѣхалъ изъ Монголіи по другому направленію, чѣмъ Гэнэнъ-худакта, а именно черезъ нынѣшнее Тункинское вѣдомство. Изъ Тунки Сухэръ-ноёнъ приѣхалъ въ мѣстность, называемую по-бурятски Уля (гдѣ нынѣ Александровскій заводъ); въ то время при устьѣ рѣчки на острову Ангара жилъ большой шаманъ Гуртэ-заринъ Монготуевъ***). Сухэръ-ноёнъ приказалъ этому шаману помочь переправиться черезъ Ангару, но шаманъ отказался. Тогда Сухэръ-ноёнъ началъ «ламатучить»****) и Ангара покрылась льдомъ, по которому Сухэръ-ноёнъ перешелъ на островъ и приказалъ шаману Гуртэ-зарину покориться и заплатить дань. Гуртэ-заринъ отказался; онъ сказалъ: «Я никогда ни кому не былъ подчиненъ и не хочу платить дань»! Тогда Сухэръ-ноёнъ велѣлъ своимъ людямъ стрѣлять

*) См. «Изв.» т. XIV, № 1—2, с. 11.

**) Если каждое поколѣніе считать по 30 лѣтъ, то со времени Сухэръ-ноёна прошло около 480 или 510 лѣтъ; слѣдовательно это было около 1370—1400 годовъ.

Хангаловъ.

***) Заринъ по-бурятски шаманъ.

****) То-есть совершать богослуженіе по обряду ламъ.

въ шамана и убить его, но они ни какъ не могли убить. Тогда шаманъ Гуртэ-заринъ сказалъ: «Обверните мою голову, не чистымъ платкомъ и подкладкой унты*)! тогда только я могу умереть!»! Когда это сдѣлали, шаманъ умеръ. Тѣло шамана Гуртэ-зарина бросили въ рѣку Ангару; брошенное тѣло пошло вверхъ по теченію.

Отсюда Сухэръ-ноёнъ поѣхалъ въ Идинское вѣдомство; по рѣчкѣ Оса спустился внизъ и доѣхалъ до мѣстности, гдѣ нынѣ стоитъ Идинская степная дума. Здѣсь Сухэръ-ноёнъ остановился на нѣкоторое время и предсказалъ, что впослѣдствіи здѣсь будутъ жить кузнецы, что здѣсь будетъ производиться разбирательство разныхъ тяжбъ и будетъ тутъ присутственное мѣсто (зурган). Отсюда Сухэръ-ноёнъ выѣхалъ на рѣку Ангару и поѣхалъ внизъ по ней до нынѣшняго Братскаго острога, отъ котораго возвратился обратно, переправился на лѣвую сторону и поднялся вверхъ по Ангартъ выше Балаганска. Поднявшись не много выше Балаганска, выѣхалъ на рѣчку Унгу, по которой поднялся вверхъ и остановился недалеко отъ мѣстности, гдѣ нынѣ стоитъ Балаганская степная дума. Тутъ онъ опять предсказалъ, что здѣсь будетъ «зурганъ» и будутъ разбираться разные тяжбы. Послѣ этого онъ поднялся вверхъ по р. Унгѣ и выѣхалъ на рѣку Оку, по которой обратно уѣхалъ въ Монголію.

Во время своего пути Сухэръ-ноёнъ совершалъ надъ бурятами разные жестокости, будто-бы наказывая, и предсказывалъ будущее, что будто-бы теперь сбывается. Буряты разбѣгались отъ него по лѣсамъ, уходили въ глубь тайги, и Сухэръ-ноёнъ не нашелъ въ краѣ жителей.

Въ это время былъ нѣкто Ользой**), который будто-бы считался царемъ здѣшнихъ мѣстъ. Сухэръ-ноёнъ, поднимаясь по пади Тотхото встрѣтилъ одного бурята, который ѣхалъ на красномъ по-

*) Унты—сапоги изъ козихъ шкуръ шерстью вверхъ.

**) Ханъ Ользой жилъ въ Балаганскомъ вѣдомствѣ по рѣчкѣ Унгѣ; потомки его и нынѣ живутъ по р. Унгѣ, составляя два рода: 1-й и 2-й Ользоевы роды.

розѣ; этаго бурята звали Ханха. Встрѣтившись съ нимъ, Сухэрьноёнъ спросилъ его: «Откуда ты пріѣхалъ»? Бурятъ Ханха отвѣтилъ, что онъ пріѣхалъ отъ своего царя Олзоа. Тогда Сухэрьноёнъ приказалъ своимъ людямъ убить этого бурята. Когда убили бурята Ханха, то тѣло его бросили въ озеро, которое и теперь по его имени называется Ханха-нуръ.

Записано въ Балаганскомъ о. М.
Н. Хангаловымъ.

XLVI.

Барга-Батуръ.

По преданію кудинскихъ бурятъ буряты жили прежде около Тобольска, откуда двинулись на востокъ, перешли Байкаль и ушли въ Монголію, частью ушли въ Якутскую область. Другія-же преданія рассказываютъ о движеніи бурятъ изъ Монголіи на сѣверную сторону Байкала.

По Кудинскому преданію родоначальникомъ бурятъ былъ Барга-батуръ, который жилъ около Тобольска и имѣлъ трехъ сыновей; старшаго звали Илюдэръ-тургэнъ, средняго Гуръ-бурятъ, младшаго Хоредой-моргонъ. Впослѣдствіи Барга-батуръ съ своими двумя сыновьями Гуръ-бурятомъ и Хоредой-моргономъ изъ Тобольска двинулся на востокъ, а старшаго сына Илюдэръ-тургэна оставилъ въ Тобольскѣ, сказавъ ему: «Ты будешь царемъ здѣшнихъ мѣстъ! твое счастье на старомъ мѣстѣ!» Такъ Илюдэръ-тургэнъ и остался на старомъ мѣстѣ; отъ него произошли нынѣшніе калмыки, живущіе въ Астраханской, Ставропольской и Саратовской губерніяхъ. О томъ, какъ потомки Илюдэръ-тургэна переселились изъ Тобольска на западъ, бурятское преданіе не знаетъ. Нѣкоторые потомки Илюдэръ-тургэна повидимому пришли потомъ и на востокъ; по крайней мѣрѣ бурятскіе роды Балаганскаго вѣдомства Зунгарскій и Дкинатскій считаются изъ племени калмыковъ, по бурятски ѳлѳдъ или сэгэнуть.

Барга-батуръ съ двумя младшими сыновьями Гуръ-бурятъ и Хоредой-моргонъ двинулся на востокъ въ нынѣшнюю Иркутскую губернію и остановился въ Тункинскомъ вѣдомствѣ около озера Хунуръ на возвышенности Хөхө-болдокъ. Въ этихъ мѣстахъ онъ оставилъ жить своего средняго сына Гуръ-бурята, которому сказалъ: «Ты будешь царемъ этой мѣстности! твое счастье здѣсь!» Гуръ-бурятъ остался въ Тункѣ; отъ него произошли сѣверобайкальскіе буряты, принадлежащіе къ племенамъ: Экиритъ и Булагать т. е. тункинскіе, китойскіе, аларскіе, балаганскіе, идинскіе, кудинскіе, капсальскіе, верхоленскіе, ольхонскіе и ленскіе буряты.

Барга-батуръ изъ Тунки съ младшимъ сыномъ Хоредой-моргономъ двинулся къ сѣверу по рѣкѣ Ленѣ въ нынѣшнюю якутскую область, и оставилъ Хоредоя на Ленѣ, въ какомъ мѣстѣ, преданіе не указываетъ. Барга-батуръ сказалъ Хоредой-моргону: «Ты будешь царемъ здѣшнихъ мѣстъ! твое счастье здѣсь въ этихъ мѣстахъ!» Оставивъ его въ якутской области, самъ Барга-батуръ двинулся обратно въ Иркутскую губернію. Проникая въ якутскую область, Барга-батуръ имѣлъ битвы съ мѣстными жителями около Байкала, но что за народъ были эти жители, преданіе умалчиваетъ. Барга-батуръ умеръ на островѣ Ольхонѣ въ мѣстности Шингилъ-шибэй; другіе говорятъ, что Барга-батуръ, возвратясь изъ якутской области, умеръ немного ниже города Иркутска въ мѣстности Хөтө-уруръ (ниже города на 6-й верстѣ).

Хоредой-моргонъ былъ отличнымъ стрѣлкомъ изъ лука, почти никогда не дѣлалъ промаха. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ жилъ на Ленѣ, занимаясь звѣроловствомъ и питаясь мясомъ убитыхъ дикихъ звѣрей. Впослѣдствіи онъ женился на дочери неба и, проживъ съ нею нѣсколько времени, двинулся обратно и переправился за Байкалъ, гдѣ и поселился. Потомками Хоредой-моргона считаются хоринскіе буряты на южной сторонѣ Байкала и племена Хангинцы и Шараты на сѣверной.

Записано М. Н. Хангаловымъ у кудинскихъ бурятъ.

XLVІІ.

Хоредой-моргонъ.

а.

На сѣверной сторонѣ Байкала жили три охотника, которые питались мясомъ звѣрей и птицъ, убитыхъ на охотѣ. Однажды всѣ трое отправились на охоту, но ничего не убили. Двое изъ нихъ пришли къ балагану впередъ третьяго, который охотился вмѣстѣ съ ними, но отсталъ отъ товарищей. Пришедшіе впередъ сварили оставшееся отъ прежней охоты мясо, шесть шейныхъ позвонковъ; изъ нихъ пять съѣли, а шестой позвонокъ оставили товарищу, котораго звали Хоредой. Хоредой пришелъ съ охоты, тоже ничего не убивъ; товарищи сказали ему, что они оставили ему его пай, а свои съѣли. Хоредой сказалъ имъ: «Шейныхъ позвонковъ оставалось шесть, а потому мнѣ слѣдуетъ два позвонка, а не одинъ. Мы живемъ вмѣстѣ и должны все дѣлить поровну. Такъ какъ вы меня обидѣли теперь, то я не желаю болѣе жить съ вами»!

Сказавъ это, Хоредой отправился на южную сторону Байкала, который онъ перешелъ по льду. На южной сторонѣ Байкала Хоредой занимался звѣроловствомъ, какъ прежде. Однажды онъ увидѣлъ въ одномъ озерѣ купающихся женщинъ, которыя, вышедши изъ воды, обратились въ лебедей и улетѣли. Хоредой сталъ караулить. Лебеди опять прилетѣли на озеро; снявъ съ себя лебяжью одежду, они обратились въ красивыхъ женщинъ и начали купаться; Хоредой вышелъ изъ засады и взялъ одну лебяжью одежду. Купавшіяся женщины бросились изъ воды, надѣли лебяжью одежду и улетѣли. Одна изъ нихъ осталась, потому что ея лебяжью одежду Хоредой спряталъ. Хоредой взялъ ее за жену, жилъ съ ней и имѣлъ отъ нея дѣтей, но впослѣдствіи она напоила Хоредоя (виномъ) и, взявъ свою одежду, улетѣла на небо.

Записано М. Н. Хангаловымъ отъ тайши Кудинскаго вѣдомства Михаила Бунаева.

б.

Однажды Хорёдой-моронъ во время охоты увидѣлъ трехъ лебедей, которые прилетѣли къ озеру Садамтынъ-саганъ и сѣли на берегу ея; потомъ лебеди сняли съ себя лебяжью одежду и обратились въ трехъ необыкновенно красивыхъ женщинъ, которыя стали купаться въ озерѣ Садамтынъ-саганъ. Выкупавшись, вышли изъ воды, надѣли свою лебяжью одежду и улетѣли на небо. Это были небесныя дочери, которыя въ видѣ лебедей обыкновенно прилетали купаться въ озерѣ Садамтынъ-саганъ и, выкупавшись, улетали на небо. Одни говорятъ, что озеро Садамтынъ-саганъ находится въ низовьяхъ рѣки Лены въ якутской области, по другимъ на южной сторонѣ Байкала въ Монголіи.

Хорёдой-моргонъ очень удивился и началъ караулить лебедей, чтобы поймать одну изъ нихъ, но это ему сначала не удавалось. Однажды небесныя дочери въ видѣ лебедей прилетѣли на озеро и, раздѣвшись, начали купаться. Въ это время Хорёдой-моргонъ вышелъ изъ засады и похитилъ одну лебяжью одежду. Тогда небесныя дочери бросились изъ воды, двое изъ нихъ, надѣвъ на себя лебяжью одежду, улетѣли на небо; одна дочь неба не нашла своей одежды и осталась на землѣ. Съ этого времени Хорёдой-моргонъ жилъ съ этою небесною дочерью. Она не обнаруживала желанія убѣжать отъ своего земнаго мужа. Такъ они прожили на берегу Садамтынъ-саганъ въ теченіи трехъ лѣтъ, но дѣтей у нихъ не было. Однажды Хорёдой-моргонъ спросилъ у своей жены, дочери неба: «Вотъ мы живемъ въ супружествѣ въ продолженіи трехъ лѣтъ, а дѣтей не имѣемъ. Отчего это»? Тогда жена его, небесная дочь, отвѣтила: «Если мы будемъ жить на этой мѣстности, то не будетъ у насъ дѣтей». Тогда Хорёдой-моргонъ спрашиваетъ: «Куда мы должны переѣхать, чтобы имѣть дѣтей»? Жена отвѣтила: «Мы должны переѣхать къ югу за море; если туда переѣдемъ, у насъ будутъ дѣти и множество потомковъ». Жену Хорёдой-моргона звали Хобоши-хатунъ.

Тогда Хорёдой-моргонъ оставилъ Лену и переѣхалъ на южную сторону Байкала и тамъ поселился на постоянное жительство. Они имѣли здѣсь небольшое хозяйство, но Хорёдой-моргонъ по прежнему охотился на звѣрей. На новой родинѣ онъ имѣлъ отъ своей жены одиннадцать сыновей и шесть дочерей.

Однажды Хобоши-хатунъ спросила у своего мужа Хорёдой-моргона, куда онъ дѣвалъ ея прежнюю лебяжью одежду. Хорёдой-моргонъ сказалъ, что ея лебяжья одежда до сихъ поръ цѣла и не испорчена и хранится не далеко отъ мѣста, гдѣ они живутъ. Хобоши-хатунъ стала просить его, чтобы онъ показалъ ей ея прежнюю лебяжью одежду, въ которой она прилетала купаться въ озерѣ Садамтынъ-саганъ. Хорёдой-моргонъ подумалъ, что послѣ такой продолжительной жизни съ нимъ, родивши на землѣ одиннадцать сыновей и шестерыхъ дочерей, Хобоши-хатунъ, надѣвъ свою старую лебяжью одежду, не улетитъ на небо и не захочетъ оставить своего мужа и своихъ дѣтей; онъ сходилъ за спрятанной лебяжьей одеждой, принесъ ее и передалъ женѣ. Хобоши-хатунъ долго любовалась своей прежней одеждой; потомъ она спросила у мужа позволенія надѣть эту одежду на себя, чтобъ онъ посмотрѣлъ, красива-ли она въ своей прежней одеждѣ. Хорёдой-моргонъ согласился; ему тоже хотѣлось посмотрѣть на свою жену, красива-ли она въ своей прежней одеждѣ. Она надѣла лебяжью одежду, сѣла на полку и спросила мужа, красива-ли она. Хорёдой-моргонъ сказалъ, что она красива, какъ и прежде, и любовался ея красотою. Хобоши-хатунъ полетѣла въ верхнее отверстіе юрты, въ которое выходитъ дымъ. Въ это время одна изъ шести дочерей ея гнала тарасунъ. Съ крикомъ: «куда мама»? она схватила грязными руками за обѣ ноги лебеди-матери; но Хобоши-хатунъ, выдернувъ ноги изъ рукъ дочери, вылетѣла изъ юрты и начала кружиться надъ ней; она говорила въ это время своему мужу и дѣтямъ: «Вы, земные жители, оставайтесь на землѣ, а я, небесная, полечу на небо, на свою родину!» Потомъ она еще сказала имъ: «Весною и осенью, когда ле-

беди летятъ къ сѣверу и обратно, дѣлайте обрядъ въ честь мою!»! Потомъ она благословила своихъ дѣтей, чтобъ они жили на землѣ счастливо и улетѣла на небо.

Когда она вылетала изъ юрты, дочь ея схватила грязною рукою за ея ноги, оттого теперь у лебедей ноги черны.

Запис. М. Н. Хангаловымъ.

XLVIII.

Сэгэндэ и Барто.

Племя Олөдъ или Сэгэнутъ жило прежде на южной сторонѣ Байкала. Оно убило своего военачальника и, боясь наказанія, пошло внизъ по Селенгѣ, перешло черезъ Байкаль и поселилось между кудинскими и верхоленскими бурятами, гдѣ оно размножилось до трехъ сотъ колчановъ, т. е. умѣющихъ носить оружіе. Племя Олөдъ сильно обижало окружающихъ бурятъ изъ племенъ Булагатъ, Экиритъ и другихъ, отбирая у нихъ женъ, дочерей и даже скотъ. Тогда Булагаты и Экириты сошлись между собою и уговорились уничтожить все племя Олөдъ. Съ этою цѣлью Булагаты и Экириты пригласили все племя Олөдъ, угостили ихъ, напоили до пьяна; когда всѣ Олөды стали пьяны, буряты перебили всѣхъ мужчинъ, а женъ, дочерей и имущество раздѣлили между собою. Отъ этого побоища остались только два человѣка, которые были на охотѣ; ихъ имена были: Сэгэндэ и Барто. Они были дядя и племянникъ. Когда Сэгэндэ и Барто пришли съ охоты, они увидѣли, что ихъ племя все перебито и все ихъ имущество разграблено; осталась только одна черная овца, которую грабители не замѣтили. Тогда дядя съ племянникомъ, взявъ черную овцу, убѣжали отъ кудинскихъ бурятъ и остановились ниже мѣстности, гдѣ нынѣ Александровскій заводъ. Тутъ они жили нѣкоторое время. Однажды племянникъ Барто пошелъ на охоту, а дядя остался. Послѣ ухода племянника, дядя закололъ единственную черную овцу и началъ ѣсть. Когда вернувшійся племянникъ узналъ, что дядя закололъ овцу, онъ разсердился

и сказалъ: «Овца могла расплодиться и со временемъ былъ-бы у насъ скоть, а теперь у насъ ничего нѣтъ! Чѣмъ-же будемъ жить?» Послѣ этого племянникъ Барто сдѣлалъ себѣ плотикъ (хал) и поплылъ на немъ внизъ по Ангарѣ; понесло его внизъ по Ангарѣ и выбросило на берегъ ниже нынѣшняго города Балаганска въ идинскомъ вѣдомствѣ. Здѣсь онъ поселился и женился на дочери мѣстнаго бурята. Потомки Барто впослѣдствіи переселились въ балаганское вѣдомство и нынѣ составляютъ Зунгарскій родъ.

Оставшійся дядя Сэгэндэ, кончивъ мясо черной овцы, то-же сдѣлалъ небольшой плотикъ и поплылъ внизъ по Ангарѣ искать своего племянника, но не нашелъ его. Сэгэндэ'я выбросило теченіемъ на устьѣ Оки. Онъ поднялся вверхъ по Окѣ около двѣнадцати верстъ и поселился въ мѣстности Зуга; такъ называется падь около нынѣшняго Николаевского завода. Тутъ Сэгэндэ женился на дочери тунгуса. Икинаты, потомки Сэгэндэ'я, жили въ этой мѣстности до прихода русскихъ.

Записано М. Н. Хангаловымъ.

XLIX.

Поколѣнія селенгинскихъ бурятъ:

Во 2-мъ Атаганскомъ роду слѣдующія поколѣнія: Шарить-Атаганъ, Чжунчжэнь, Боянь, Сынгэлдаръ-чино, Олцзонъ,

Казаки того-же рода: Шарить-Атаганъ, Чжунчжэнь, Урянхай, Абоганать, Кхукхыть, Хотокту.

Въ 1-мъ Селенгинско-харанутскомъ роду: Шаралдай, Боянь, Абагануть, Ша-ванъ, Чжарай, Дурбэть.

Во 2-мъ Сартольскомъ роду: Хорчинъ, Сартоль, Ашебогать, Кхирить, Хаченуть, Хатагинъ, Салцзоть, Булгать, Кхуйдъ, Харануть, Галцзоть, Батоть, Атаганъ, Кхулмэнь, Урянхай, Хорлатъ, Онхоть, Цонголъ.

Въ этомъ племенномъ раздѣленіи вмѣщаются казаки 1-й сотни 5-го полка — и Харацайскаго станичнаго округа 1-го военнаго отдѣла Забайкальскаго казачьяго войска.

Въ Ашебагатскомъ роду: Цоргиль, Алцотха, Боянь, Бай-далъ, Тэлэгунъ.

Съ казаками составляютъ приходъ 2-хъ дацановъ, именно: Ара-Киретуйскаго и Кударинскаго.

Въ Бумалотульскомъ роду: Енгуть-бумалъ, Готуль, Морой, Хангиль, Хогой, Кхухыгъ-бумалъ, Хорамчей.

Въ Чикойско-Харанутскомъ роду: Харануть, Хасама, Хонгдоръ, Хамниганъ, Бошинъ, Шишѣлокъ, Ашебагатъ, Боянь.

Во 2-мъ Табанутскомъ роду: Батотъ, Хаченутъ, Урлютъ, Цонголь.

Въ 1-мъ Табанутскомъ: Галцзуть, Урянхай, Абгануть, Батотъ, Тайчжи, Цонголь, Ашебагатъ, Кхирить, Отогатъ.

Въ 3-мъ Табанутскомъ роду: Ашебагатъ, Арбатанъ, Батотъ, Урлютъ, Онготъ, Абгатъ, Сунуть.

Въ Иринско-Харанутскомъ роду: Далай-Харануть, Шаралдай, Дабши.

Въ Алагуевскомъ роду: Бурять-Алагуй, Монголь, Галцзотъ.

Въ вѣдомствѣ *Закаменской Иностранной управы:* Хонгдоръ, Шешолокъ, Тэртэ, Куркутъ, Сойсу (Хойго), Булбуй.

Въ вѣдомствѣ *Армакской Иностранной Управы:* Цзаяктай, Сынхихэнъ, Тэртэ.

Шаманка Асойханъ происходила отъ племени Ойратъ-бурятовъ, потомковъ подданныхъ Чингисъ-хана; она имѣла двухъ сыновей; старшій Бурядай, младшій Хорядай. Бурядай, охотясь за звѣрями, на горѣ въ пихтовомъ лѣсу нашелъ одну дѣвицу, которую сдѣлалъ своею женою; у нихъ было два сына, старшій Ихирить, младшій Булагатъ. У Ихирита было восемь сыновей, отъ которыхъ произошли буряты, обитающіе къ сѣверу отъ Байкала въ верхоленскомъ, балаганскомъ, идинскомъ и другихъ вѣдомствахъ; есть также много бурятовъ того-же происхожденія и на югѣ Байкала. У Булагата было шесть сыновей; изъ происходящихъ отъ нихъ многіе живутъ къ сѣверу отъ Байкала и на островѣ Ольхонѣ; къ югу отъ Байкала

къ потомкамъ Булагата относятся селенгинскіе и кударинскіе буряты, составляющіе много поколѣній. У Хорядая было одиннадцать сыновей, потомки которыхъ теперь хоринцы и агинцы. Эти буряты, вступивъ въ подданство Россійскаго государства, сначала платили ясаку по 5 к. съ души или звѣринымъ шкуры; на обитаемыхъ нынѣ бурятами мѣстахъ жили прежде киргизы.

Монгольскіе князья начали междуусобную войну; боясь этой междуусобицы, нѣкоторые инородцы бѣжали въ прибайкальскія страны и, выбравъ трудныя мѣста по четыремъ сторонамъ Байкала, поселились тутъ; это были племена: Татары, Бухары, Солоны, Солонгуты. Изъ этихъ пришельцевъ къ монгольскому племени принадлежатъ поколѣнія: Шарить-Атаганъ, Хотокту (святой), Узень, Хорчинъ, Хатагинъ, Харадылъ, Хорлосъ, Хорлатъ, Цонголь, Цаганъ-Тайши и Хара-Тайши, Урянхай, Отонхой, Онхоть, Урлють, Кирить, Цахаръ, Кхухытъ, Кхутугытъ, Арбатанъ, Абагутъ, Абагачуль, Абагануть, Зуксидба, Бѣтоть, Батнай, Хаченуть, Табангутъ, Гуни, Токчинъ. Татарско-бухарскаго племени: Сартаголъ и Сартолъ; эти племена дѣлятся на два поколѣнія Шара-ацзарга и Цзэгэрдэ-ацзарга; они ни какой крови не ѣдятъ. Солонскаго и Солонгутскаго или манчжурскаго племени много поколѣній бродячихъ тунгусовъ; эти послѣднія племена отдѣльны отъ Ойратскаго племени.

Инородцы вѣдомства Селенгинской Степной Думы въ административномъ отношеніи дѣлятся на 22 рода: 1-й Селенгинско-харанутскій, Бабай-хорамчѣевскій, 1-й Ченорутскій, Готалбумальскій, Олзонскій, 2 Атаганскій, состоящій изъ Чжунчженовъ и Бшякиновъ, 2-й Селенгинско-Харанутскій, Хатагинскій, Узенскій, Подгородный, Принско-Харанутскій, 2 Ченорутскій, Алагуевскій, 1-й Атаганскій, 1 и 2 Сартольскіе, 1, 2 и 3 Табангутскіе, Цонгольскій, Ашебогатскій и Чикойско-харанутскій.

Во время покоренія Сибири русскіе, познакомаясь съ бурятами, ласками привели ихъ въ подданство Россіи въ періодъ съ 1680 — 1690 годовъ; безвозмездно давали имъ разныя вещи, припасы и

деньги. Поддавшіеся буряты стали платить въ казну ясакъ; изъ среды ихъ были поставлены надъ ними тайши, шуленги (головы) и зайсанги (старосты).

Предводитель нерчинскихъ тунгусовъ, Солоновъ и Солонгутовъ, происходящихъ отъ манчжуръ, чжанчжунъ-ноёнъ, прибывъ къ Нерчинску и познакомившись съ русскими людьми, оставивъ подданство манчжурскому владѣтелю, вступилъ въ русское подданство и принялъ православіе, получилъ титулъ князя Гантимурова и награду, водворился на р. Урульгъ и сдѣлался повелителемъ 15 родовъ тунгусовъ.

Селенгинскіе три табангутскіе рода въ началѣ 1690-хъ годовъ перебѣжали изъ Монголіи въ Россію, и потомъ снова ушли обратно въ Монголію; послѣ подъ предводительствомъ Битанъ-Дархана, Даянъ-Монгола, Заяту-Хошигучи и Идэръ-Бодонгуна вторично около 1710-хъ годовъ перешли въ подданство Россіи.

Селенгинскій Цонголъ Укиръ - Хонтогоръ тоже, перебѣжавъ изъ Монголіи, сдѣлался русскимъ подданнымъ; многіе родные его съ женами и дѣтьми, прибывъ на ключъ Укинъ и ближнія къ оному лѣсистыя мѣста, просили его, какъ ранѣе познакомившагося съ русскими, ходатайствовать о принятіи и ихъ въ подданство Россіи; Укинъ обнадежилъ ихъ, но вмѣсто ходатайства отправился въ Селенгинскій и Итанцинскій остроги, заявилъ тамошнимъ властямъ и войскамъ, что посланныя за нимъ въ погоню изъ Монголіи войска остановились на ключѣ Укинъ и въ тамошнихъ лѣсахъ и просилъ прогнать ихъ; русскіе войска, прибывъ на указанное мѣсто, вступили въ битву съ пришедшими; одна молодая женщина, невѣстка Укина, схватившись за патвею его лошади, умоляла его спасти ее и взять. Укинъ, посадивъ ее на свою лошадь сзади себя, спасъ ее; послѣ онъ женился на ней и имѣлъ отъ нея 8 сыновей и дочерей. За это сраженіе Укину пожалована пушка и плотина.

Юмжалъ Лумбуновъ.

Л.

Первый шаманъ.

а.

(Нерчинскій вариантъ)

Первый и самый могущественный шаманъ назывался Тэмэнъ-холай; по его имени называется падь между почтовой станціей Мерцановой и Нерчинскомъ, въ 7—10 вер. отъ Мерцановой. По мѣстному преданію въ прошломъ столѣтіи въ этой пади крестьяне завели было деревню; Тэмэнъ-холай предупреждалъ ихъ не селиться тутъ, но его не послушались. Тэмэнъ-холай выморилъ деревню и падь до сихъ поръ остается пустою. Могила шамана обозначена кустомъ. Шла партія арестантовъ; одинъ изъ нихъ, хотѣлъ надругаться надъ могилою, но тутъ-же умеръ. Вѣрятъ, что Тэмэнъ-холай по ночамъ выѣзжаетъ настухомъ на бѣлой лошади съ урюкомъ въ рукѣ и душитъ, кто ему не нравится. Бурятскій шаманъ, когда шаманить, то взываетъ: Тэмэнъ-холай! Тэмэнъ-холай*).

Записано Д. П. Першинымъ.

б.

(Баргузинскій вариантъ).

Баргузинскіе шаманы говорятъ, что даръ слова и пророчества сходитъ на нихъ съ неба, когда они подражаютъ событію, случившемуся съ Догѣдоемъ, пастухомъ Солбона (звѣзда Венера). Событіе это было слѣдующее. Въ то время, какъ хозяинъ скота Солбонъ отправился къ западному небу (барунъ тынгрэ), Догѣдой съ своей собакой Бурто вздумалъ погулять и, оставивъ табуны, ушелъ куда-то и пробылъ тамъ три дня; возвратившись къ табунамъ, онъ нашелъ ихъ разошедшимися въ разныя мѣста; значительную часть скота съѣли волки (шоно). Когда онъ началъ собирать табуны, явился хозяинъ Солбонъ, возвратившійся отъ Барунъ-тынгрэ. Сол-

*) Такъ по крайней мѣрѣ дѣлалъ шаманъ на Борцѣ, котораго видѣлъ г. Першинъ.

бонъ, увидѣвъ безпорядки, избилъ Догёдою бывшимъ у него крюкомъ, окривилъ на одинъ глазъ и повредилъ ему ротъ и ногу. Все это происшествіе шаманъ копируетъ во время дѣйствія, дѣлаетъ прыжки, пляшетъ и скачетъ, кличетъ свою собаку Бурто, произнося: вту! вту! прикидывается кривымъ, хромымъ, коситъ ротъ, какъ-бы поврежденный, говоритъ непонятными звуками, бормочетъ, расхаживая между слушателями, рассказываетъ имъ о своемъ увѣчи, потомъ предсказываетъ будущее и проситъ угощенія.

Извлечено изъ рукописи покойнаго тайши баргузинскихъ бурятъ г. Сахарова: «Описаніе заселенія бурятами и тунгусами баргузинскаго округа».

LI.

Самая первая шаманка.

(Ээн турунъхи одёгон),

Тысяча небесныхъ бурхановъ, сотворивши первыхъ людей, приставили къ нимъ караульнымъ коршуна, чтобъ онъ наблюдалъ, если бохолдой вздумаетъ сдѣлать людямъ какое-нибудь зло, чтобъ пришелъ и сказалъ имъ (бурханамъ) объ этомъ. Этотъ коршунъ, кружась, усѣлся на городьбу и дѣти этого человѣка хотѣли застрѣлить его. Тогда коршунъ возвращается къ бурханамъ и говоритъ: «Людей этихъ я не могу караулить, такъ какъ они хотятъ меня застрѣлить». Тогда бурханъ говоритъ: «Сходи и передай кому-нибудь свою чудодѣйственную силу»! Коршунъ, пришедши, заблудилъ одну худую дѣвушку, пасшую овецъ, увелъ ее на разстояніе трехдневнаго пути, ввелъ въ лѣсъ и усыпилъ около колоды (около свалившагося дерева), самъ сѣлъ на колоду и передалъ этой дѣвушкѣ чудодѣйственную свою силу. Дѣвушка, пробудившись, стала видѣть бохолдаевъ и угадывать впередъ худое и хорошее. Когда она возвратилась домой, старшій братъ началъ бить ее. «Гдѣ ты», говоритъ, «пропадала съ овцами цѣлыхъ трое сутокъ»? Она обидѣлась на него и погрозила ему. Братъ упалъ и захворалъ задер-

жаниемъ мочи. Худая дѣвушка говоритъ ему: «Я тебя вылечу». Положивши его на бѣлый войлокъ, внесли въ юрту. Здѣсь она показала ему висящіе на столбѣ мужскіе половые органы и велѣла ему взять ихъ. Тотъ какъ только увидалъ и взялъ ихъ, тотчасъ выздоровѣлъ. Послѣ этого му бацаган (худая дѣвушка) сдѣлалась шаманкой. — Утха (родъ) этой шаманки Шошолокъ.

Записано со словъ Гавріила Пянкина
о. Н. Затопляевымъ.

III.

Булгата онгонъ.

Булгата-онгонъ — это была прежде большая шаманка у Монголовъ. Утха (родъ) ея Шошолокъ. Эта шаманка была сильнѣе всѣхъ шамановъ и шаманокъ; имя ея Ханъ-Хамакша-утодой. У ней былъ мужъ Буръхи-заринъ и сынъ Буша-заринъ. Желая испытать чубараго коня, она поднялась на немъ на вершину горы Шарсынъ. Тогда конь, осердившись, говоритъ: «Ты хотѣла меня испытать, поднимусь-ли я на вершину этой горы. Я не только въ состояніи подняться на вершину этой горы, но могу даже вознестись къ своимъ Шарайцамъ на Шара-Хасаръ-Тэнгэри (желтощекое небо). Сказавши такъ, вознесся, оставивъ шаманку на вершинѣ горы. Послѣ этого шаманка поймала скачущаго по вершинамъ елей черного соболя и на немъ спустилась съ вершины горы. Шаманка эта, послѣ смерти, сдѣлалась Булгата-онгономъ. Сейчасъ этотъ онгонъ есть въ каждомъ бурятскомъ домѣ. Въ прежнія времена онгонъ этотъ дѣлали на соболѣ, теперь-же замѣняютъ соболя ушканомъ, но всетаки втыкаютъ въ него носикъ соболя *).

Записано по бурятски со словъ Гавріила Пянкина П. П. Баторовымъ,
переведено мисс. о. Н. Затопляевымъ.

*) Булган, «соболю»; булгата, «съ сободемъ».

LIII.

Буртэ-убугунъ.

Буртэ-убугунъ былъ шаманъ монгольской кости Ханъ-янъ. У него было два сына: Хоредой и Хортонъ. Эти два сына бѣжали изъ Монголіи къ намъ (въ заднюю страну). Затрудняясь взять съ собою дряхлаго отца и жалѣя его оставить тамъ, отрубили ему голову, повѣсили себѣ за спину и молились ему въ пути, какъ онгону. Этого онгона и теперь дѣлаютъ изъ дерева буряты, происшедшіе отъ кости Ханъянъ.

Записано по бурятски со словъ Гаврила Пянкина П. П. Баторовымъ, переведено мисс. о. Н. Затопляевымъ.

LIV.

Почему нѣкоторые буряты не ѣдятъ селезенку и не бьютъ лебедей.

Хонходоръ, Хоредой, Хангинъ и Шарайдъ были одного происхождения (одного сначала рода). Въ древнія времена одинъ охотникъ ходилъ по тайгѣ. Славныя три дѣвушки, дочери Хурмусть-тэнгрія, превратившись въ лебедей, спустились на землю и купались въ золотомъ озеркѣ (алтан нур). Этотъ охотникъ, увидѣвши ихъ, выкопалъ на берегу озера яму и спрятался въ ней (легъ). Потомъ, укравши одежду одной изъ трехъ купавшихся дѣвушекъ, всѣхъ ихъ испугалъ. Тѣ стремительно выскочили изъ воды. Двѣ изъ нихъ, надѣвши свои одежды, вознеслись, а третья нагая не могла подняться. Онъ (охотникъ) взялъ ее къ себѣ домой и сдѣлалъ своей женой, а крылатую одежду ея спряталъ далеко-далеко; надъ дымовымъ отверстіемъ въ юртѣ устроилъ желѣзную рѣшетку. Такъ жили они много лѣтъ, прижили тринадцать дѣтей. Жена все просила свою одежду, но мужъ не отдавалъ ей. Однажды жена и говоритъ мужу: «Теперь у насъ столько дѣтей, куда я дѣваюсь? для чего ты прячешь мою одежду»? Тотъ согласился, принесть и

отдалъ ей ея одежду. Облачившись въ эту одежду, жена залѣзла на полку въ юртѣ (такъ дэрэ) и спрашиваетъ: «Какъ я хороша»? Мужъ говоритъ: «Старуха стала, не охорашивайся». Забравшись на дымовое отверстіе, опять спрашиваетъ: «Какъ я хороша»? Мужъ говоритъ: «Нечего охорашиваться-то, ты вѣдь ужъ дряхлая!» Тогда та говоритъ: «Зэ, мэндэдэ! И такъ прощай! я была небеснаго происхожденія, а ты земнаго; я отправлюсь во-свояси; одинъ изъ твоихъ сыновей будетъ шаманомъ и одна дочь — шаманкой, только ты не корми ихъ селезенкой!» и съ этими словами улетѣла. По этому и до сихъ поръ потомки ихъ не бьютъ лебедей и не ѣдятъ селезенки.

Записано по-бурятски со словъ Гаврила Пянкина П. П. Баторовымъ, перевод. мисс. свящ. о. Затопляевымъ.

LV.

Преданія о переселеніи изъ Монголіи Бахака Ирбанова и Адая съ прочимъ народомъ.

Между четырьмя халхаскими ханами одинъ былъ Саинъ-ханъ. Къ этому хану пріѣхалъ въ гости его племянникъ Бушиктэ-ханъ и привелъ двухъ бѣгунцовъ Унаганъ-Шаргай и Хуряганъ-Шаргай. У Саинъ-хана было тоже два бѣгунца Хи-хусэхэ-хэиръ и Хой-хусэхэ-хула (догоняющій вѣтеръ гнѣдой и настигающій погоду саврасый). Дядя съ племянникомъ устроили гулянку и ударились въ бѣги, поставивши въ закладъ по сту тысячъ подданныхъ (нижэт бум албатая табят). Бѣгунецъ Бушиктэ-хана выбѣжалъ и закладъ былъ взятъ имъ. Когда Бушиктэ-ханъ уѣхалъ домой, Бахакъ Ирбановъ говоритъ Саинъ-хану: «Проигранный закладъ надо возвратить. Неужели между столь многочисленными твоими подданными не найдется такой конь, который обѣжалъ-бы бѣгунца Бушиктэ-хана»? Тотчасъ-же Саинъ-ханъ приказываетъ своимъ подданнымъ привести самыхъ хорошихъ бѣгунцовъ. Одинъ изъ его подданныхъ семидесятилѣтній старикъ имѣлъ трехъ коней «убунконовъ»; на одного изъ нихъ сѣлъ, а двухъ привелъ за собой въ поводу спутанными, такъ

какъ на нихъ невозможно было сѣсть. Саинъ-ханъ спрашиваетъ старика, почему онъ двухъ коней привелъ спутанными. Старикъ отвѣчаетъ: «Я старикъ сталъ, вести ихъ не спутанными не могу; кони мои бѣгунцы». Собравши всѣхъ бѣгунцовъ, пустили ихъ. На малаго «убункона» при этомъ положили сорокъ пудовъ гирь, дали сѣдоку ножъ, велѣли ему, когда конь разбѣжится, отсѣкать по пути по одной гирѣ и бросать. Оба коня «убунконы» обѣжали остальныхъ всѣхъ коней бѣгунцовъ. Саинъ-ханъ, оставивши вмѣсто себя управлять царствомъ батора Бахака до тѣхъ поръ, пока не возвратится самъ, взялъ нѣкоторыхъ богатырей, двухъ коней «убунконовъ» и отправился къ Бушиктэ-хану. Приѣхавши туда, устроили гулянку и опять ударились объ закладъ бѣжать въ бѣги. Когда отправились отпускать коней, богатыри обоихъ хановъ сговариваются: «Если выбѣжитъ конь Саинъ-хана, Бушиктэ-ханъ, какъ человѣкъ неспокойный, затѣетъ войну и битву (дайдажар татахо), а Саинъ-ханъ человѣкъ смирный, богатый и имѣетъ многочисленныхъ подданныхъ; если онъ и пробѣжитъ, такъ ничего». Приѣхавши на мѣсто отпуска коней (на мѣту), двухъ «убунконовъ» задержали на долго и отпустили ихъ только тогда, когда бѣгунецъ Бушиктэ-хана былъ уже далеко. Не смотря на это, «убунконы» прибѣжали впередъ. Когда нужно было получать закладъ, Бушиктэ-ханъ осердился и говоритъ: «Я не отдамъ закладъ, такъ какъ вы, когда я былъ у васъ, съ намѣреніемъ спрятали отъ меня этихъ бѣгунцовъ, чтобъ сорвать съ меня потомъ большій закладъ». Засадилъ Саинъ-хана въ тюрьму и заставляетъ сдѣлаться его подданнымъ. Послѣ трехсуточного тюремнаго заключенія Саинъ-ханъ говоритъ: «Ну, хорошо. Я буду твоимъ подданнымъ, только дайте мнѣ возможность видѣть одного вашего и одного моего богатыря; я пошлю ихъ сказать, чтобъ перекочевали сюда и всѣ остальные мои подданные». Тогда Саинъ-ханъ говоритъ этимъ двумъ богатырямъ: «Скажите моей женѣ, что я вошелъ въ подданство Бушиктэ-хана, что я лежу на черной шелковой постели и одѣваюсь синимъ шелковымъ одѣяломъ, что караулятъ меня небес-

ныя звѣзды и что я изъ такого хорошаго мѣста не возвращусь домой; пусть возьметъ изъ табуна дикаго жеребца, привяжетъ и выстоитъ его; пусть принесетъ въ жертву огню изъ овечьяго стада, находящагося тамъ, чужаго барана и со всѣми подданными кочуетъ сюда». Эти два богатыря, пришедши къ царицѣ Саинъ-хана, рассказали ей всѣ эти слова. Тогда жена Саинъ-хана велѣла привязать жеребца, а чужаго барана въ стадѣ не могутъ найти. Бахакъ-же, слышавшій все это, сказалъ: «Вы не такъ поняли сказанное; черная шелковая постель—черная земля, синее шелковое одѣяло—синее небо, небесныя звѣзды—войско чужаго царя; ходящимъ въ табунѣ жеребцомъ (Саинъ-ханъ) называетъ меня, а чужимъ бараномъ называетъ этого пришедшаго Бушиктэ-ханова богатыря». Согласившись съ этимъ объясненіемъ Бахака, убили и сожгли Бушиктэ-ханова богатыря. Затѣмъ Бахакъ, предводительствуя войскомъ, отправился за Саинъ-ханомъ. Видя идущее войско безъ знамени (тук угэй), рѣшили, что оно кочуетъ. Войско подошло къ тюрьмѣ, разломало ее совсѣмъ, выручило Саинъ-хана и возвратилось домой. Здѣсь устроили гулянку. Во время гулянки одна изъ женъ Саинъ-хана говоритъ ему (сплетничаетъ), что Бахакъ, въ отсутствіе его, сошелся съ одной изъ его женъ. Саинъ-ханъ не повѣрилъ этой сплетнѣ. Тогда жена снова говоритъ: «Завтра или послѣзавтра ты самъ убѣдишься, что я не лгу тебѣ». Послѣ этого, когда Бахакъ пьяный спалъ въ улусѣ, эта сплетница украла его унты*) и ими наслѣдила около помѣщенія заподозрѣнной (оклеветываемой) жены и привела сюда Саинъ-хана, чтобъ онъ осмотрѣлъ ихъ. Увидавъ слѣды, Саинъ-ханъ отправился розыскивать Бахака. Находить его въ одной юртѣ спящимъ, будить его и спрашиваетъ: «Куда ты ходилъ этой ночью»? Тотъ отвѣчаетъ, что никуда не ходилъ. Ханъ начинаетъ тѣснить его: «Если-бъ ты, говоритъ, никуда не ходилъ, то какъ явились-бы твои слѣды около помѣщенія моей жены». Тогда Бахакъ сказалъ: «На глубинѣ нѣтъ брода, въ поклѣпѣ нѣтъ словъ къ оправданію» (гундэ олом угэй, гужэртэ хур угэй). Саинъ ханъ засадилъ

*) Сапоги изъ оленьихъ шкуръ шерстью вверхъ.

Бахака въ тюрьму, угрожая снести ему голову. Услышавши это, дядя Бахака по матери (нагаса), надѣвши лукъ и стрѣлы (колчанъ), поспѣшно приходитъ къ хану и говорить: «Когда тебя задержалъ Бушиктэ-ханъ и хотѣлъ тебѣ снести голову, Бахакъ выручилъ тебя, а ты теперь хочешь его, моего единственного племянника, казнить за одну первую вину! я прострѣлю насквозь подъ твоей красной мышкой!» И натянулъ лукъ. Тогда Саинъ-ханъ говорить: «Постой, не отпускай оно (ушко стрѣлы, т. е. не стрѣлай), выслушай, что я скажу тебѣ! Я, какъ царь, по царскому закону взялъ его и заперъ. Законъ я измѣнять не буду, но вмѣсто головы подрѣжу ему большой палецъ и такъ выпущу его». Когда подрѣзали Бахаку большой палецъ, онъ вмѣстѣ со своимъ нагасой (дядей по матери) Адаемъ началъ пьянствовать; были они пьяны день и ночь, кололи скота и превращали мясо въ муку. Видя это, народъ дивился имъ: «Не голодь ли они предчувствуютъ»?

Тогда Енгуты девять сыновей, выкуривши по три котла тарасуна и заколовши по три барана, созвали Бахака и Адая и угощаютъ ихъ. Выпивши и сѣѣвши все это, они говорятъ: «А все таки мы вамъ теперь ничего не скажемъ!» И такъ, не сказавши ничего, возвратились домой. На другой разъ эти-же Енгуты сыновья, выкуривши по девяти котловъ тарасуна и заколовши по девяти клadenыхъ барановъ, опять приглашаютъ Бахака и Адая и угощаютъ ихъ, собравши при этомъ много народа, рассчитывая выпытать отъ нихъ (т. е. отъ Бахака и Адая) тайну (слово). Угощаясь такъ, они говорятъ: «Нашъ ханъ провинившимся отсѣкаетъ головы, а русскій царь наказываетъ розгами. Пойдемте отсюда въ подданство къ Бѣлому русскому царю. Прежде всего устроимте облаву (зэктэ-аба). Этой облавой *) будемъ искать стараго бѣлаго изюбря, у котораго единственный рогъ; когда мы найдемъ его, не убивая его самаго, отстрѣлимъ ему этотъ рогъ и отнесемъ его къ Саинъ-хану».

*) Зэктэ-аба предъ набѣгомъ изъ Монголіи, надо полагать, была устроена, чтобъ замаскировать предъ Саинъ-ханомъ сборы къ побѣгу; сборъ на зэктэ-аба былъ подготовкой къ эмиграціи.

И такъ нашли такого изюбря, но не находится человѣка, который-бы отстрѣлилъ его рогъ. Тогда Бахакъ говоритъ: «Хотя у меня и подрѣзанъ большой палецъ, но я и костянымъ пальцемъ выстрѣлю!» Отстрѣливаетъ рогъ, приносить его къ Саинъ-хану и говоритъ: «Возьми Саинъ-ханъ добычу! Этого единственнаго рога лишился старый бѣлый изюбрь; послѣ этого на что онъ будетъ надѣяться? Саинъ-ханъ, разставшись съ первымъ тушимэломъ *), на кого будетъ полагаться?» Сказавши такъ, поспѣшно вышелъ. Пришедши домой, набралъ, кромѣ девяти Енгутовыхъ сыновей, еще много народа, забрали скота и отправились въ предѣлы царства Бѣлаго русскаго царя, въ степь Аларскую, черезъ Дарьинскій проходъ кругомъ Байкала. Когда проходили черезъ Дарьинскій проходъ, предводительствовала большая пѣгая кобыла.

Записано по-бурятски со словъ Гаврила Пянкина П.П. Баторовымъ; перевелъ мисс. свящ. Н. Затопляевъ.

LVІ.

Преданіе о валѣ Чингисъ-хана **).

Чингисъ-ханъ съ своимъ войскомъ подступилъ къ Пекину. Нѣсколько дней и ночей онъ поджигалъ городъ; въ это-же время

*) Тушимэлъ—вельможа, чиновникъ.

**) По народному повѣрью ни начало, ни конецъ этого вала не извѣстны. Говорятъ, что продолженіе его находятъ даже около Семипалатинска. Ширина рва, сопровождающаго валъ, такова, что по дну его можетъ свободно ѣхать тройка лошадей съ телегой. Земля изъ рва вездѣ выкидана на восточную сторону т. е. валъ какъ-бы защищаетъ страну съ восточной стороны. На сколько глубока былъ ровъ и высокъ валъ, объ этомъ можно судить по тому, что и въ настоящее время за этой защитой можетъ скрываться лошадь. По западной сторонѣ вала идутъ городки т. е. квадратныя насыпи, которые имѣютъ входы тоже съ западной стороны. Эти городки расположены вблизи источниковъ. Направленіе вала совершенно прямое; если онъ встрѣчаетъ на пути гору, онъ преломляется подъ угломъ и опять идетъ прямой линіей. Лѣтомъ 1889 г. А. К. Кузнецовъ осматривалъ развалины главнаго Кондуйскаго городка; по слѣдамъ его и мнѣ пришлось проѣхать. Главное зданіе было окружено различными постройками; нѣкоторыя расположены полукругомъ въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ сажень отъ главнаго. Стѣны были сдѣланы изъ бусаго, очень крѣпкаго кирпича. Въ основаніи главнаго зданія лежали квадратныя гранитныя камни съ правильно высѣченными кругами. Нашлось много довольно изящной работы обломковъ, между которыми попали обломки дракона. Руслорѣки было подведено къ строеніямъ искусственно. Обработка камней производилась верстахъ въ 30 или 40 къ юго-западу.

другой отрядъ его захватилъ десять тысячъ барановъ, тысячу коровъ и тысячу лошадей; вмѣстѣ съ этимъ было захвачено тысяча человекъ. Начальникъ отряда спросилъ хана, что сдѣлать съ добычей. Тогда ханъ приказалъ животныхъ отдать его отряду, а людей убитъ. Не успѣли еще выполнить ханское повелѣніе, какъ у хана заболѣли зубы. Были для поиска лекаря отправлены гонцы въ разныя стороны, но во всемъ Пекинѣ не нашлось лекаря, который-бы взялся лечить зубы хана. Только что вернулись гонцы изъ неудачныхъ поисковъ, какъ одинъ изъ плѣнныхъ заявилъ желаніе лечить хана, но съ условіемъ, чтобъ ему было позволено напередъ поговорить съ ханомъ. Ханъ далъ согласіе. Приведенный къ хану плѣнникъ сказалъ ему: «У тебя, ханъ, болитъ одинъ зубъ, и то ты отъ страданій не знаешь покоя, какъ-же переносить страданія намъ, твоимъ плѣнникамъ, которымъ ты нанесъ глубокія раны, раззоривъ насъ и разлучивъ съ женами и дѣтьми? Скажи мнѣ ханъ, легко-ли намъ это переносить»? Ханъ умолялъ плѣнника излечить зубную боль и обѣщалъ въ свою очередь облегчить участь плѣнныхъ. Искусствомъ плѣнника зубная боль прекратилась и ханъ отпустилъ весь полоненный народъ, возвративъ имъ отнятое у нихъ имущество.

Послѣ выздоровленія Чингисъ-ханъ отступилъ отъ Пекина и двинулся на югъ, гдѣ, раззоривъ страну, онъ сильно обогатился. Разбогатѣвъ, онъ задумалъ у Солнечнаго царя взять дочь въ жены; для этого съ громаднымъ войскомъ онъ двинулся на юго-востокъ. При войскѣ находился стрѣлокъ, который за сто ночей убивалъ. Путь войска лежалъ черезъ падь Уруленгуй и устье настоящаго Кондуя. Въ 30 верстахъ отъ Кондуя, около ключа Кольтанъ, оно остановилось. Во время стоянки охотникъ увидѣлъ парившаго надъ нимъ орла, взялъ лукъ и убилъ его. Тогда враги охотника воспользовались этимъ случаемъ и сказали хану, что онъ убилъ птицу, которая покровительствовала походу и что теперь не будетъ благополучія для войска, омытаго кровью благородной птицы. Ханъ раз-

гнѣвался и приказалъ стрѣлка закопать въ землю въ 8 верстахъ отъ Кондуя къ югозападу (и сейчасъ тутъ есть пропасть въ горѣ). Оставивъ стрѣлка закопаннаго по горло въ землѣ, ханъ двинулся дальше. Не доходя до Солнечнаго царя, онъ отправилъ впередъ одинъ отрядъ, но у Солнечнаго царя была старуха, которая за девяносто девять ночей поражала людей однимъ словомъ. Когда отрядъ подошелъ на разстояніе девяносто девяти ночей, она поразила ихъ словомъ. Былъ посланъ второй отрядъ и тотъ былъ пораженъ. Но наконецъ люди третьяго отряда узнали причину пораженія перваго и втораго отрядовъ и донесли хану. Они сказали ему: «Если мы пойдёмъ, то и съ нами это-же можетъ случиться, когда станемъ на разстояніи девяноста девяти ночей». Въ это только время ханъ вспомнилъ о стрѣлкѣ, который могъ-бы поразить старуху за сто ночей. Тогда онъ повернулъ обратно, чтобы спасти стрѣлка. Его нашли еще живымъ и выгребли. Но стрѣлокъ истощился и силы его были слишкомъ слабы. Для поправленія силъ стрѣлка ханъ остановился при устьѣ Кондуя. Проживъ здѣсь три года, онъ двинулся снова въ походъ противъ Солнечнаго царя, оставивъ послѣ себя постройки вблизи Кондуя. Старуха на этотъ разъ была поражена стрѣлкомъ, а дочь Солнечнаго царя похищена. Когда повезли дочь Солнечнаго царя, то она сказала, чтобы во всю дорогу была защита съ восточной стороны; это нужно было для того, чтобы не могъ ихъ сжечь Солнечный царь. Чингисъ-ханъ велѣлъ проложить валъ, глубокіе слѣды котораго видны и по настоящее время.

Записано К. Д. Логиновскимъ, учителемъ станицы Размахнинской въ Забайкальской области.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Помѣщенный въ этомъ выпускѣ матеріалъ преимущественно собранъ, какъ и въ предъидущемъ (Записки Восточно-сиб. Отдѣла по этнографіи, т. I, в. 1), у сѣверныхъ бурятъ и именно только въ двухъ вѣдомствахъ Аларскомъ и Балаганскомъ; главными вкладчиками были, какъ и ранѣе, три человека: П. П. Баторовъ, о. Н. И. Затопляевъ и М. Н. Хангаловъ. Изъ Забайкалья на этотъ

разъ явилось нѣсколько новыхъ лицъ, приславшихъ записи: И. В. Вамбоцэрэновъ, Ю. Л. Лумбуновъ, Р. Н. Номтоевъ и К. Д. Логиновскій.

Въ прошломъ выпускѣ («Бурятскія сказки и повѣрья») вкралась ошибка. На стр. 118 помѣщенъ рассказъ о кости сэръ. Словомъ сэръ называется не кость, не первый шейный позвонокъ, какъ тамъ сказано, а мясо на шейныхъ позвонкахъ; рассказъ записанъ въ с. Караксаръ, а не Каракасъ. На стр. 147 сказано, что слова агу и абаха не извѣстны бурятамъ. По объясненію г. Хангалова агуй (агу напечатано не правильно) значитъ «высокая гора». Абахай (абаха напечатано неправильно) сказочное выраженіе, означаетъ «красавица».

Относительно настоящаго (2-го) выпуска нужно замѣтить, что способъ передачи бурятскихъ звуковъ русскими буквами, разнообразный у нашихъ записывателей, у насъ не приведенъ къ единству; такъ густое г (кх, кг, һ) въ текстахъ г. Хангалова обозначено буквой х съ двумя точками; за неимѣніемъ такой литеры въ прифтахъ типографіи, мы замѣнили ее курсивнымъ *x*; тотъ-же звукъ у г. Пирожкова обозначенъ апострофомъ, а у о. Затопляева сложнымъ гх. За неимѣніемъ необходимаго шрифта мы не могли также обозначить долгія и короткія гласныя. Курсивныя *и* вмѣсто носоваго н.

I. *Алтанъ-шагай-мэргынъ*. Эпизодъ о битвахъ съ мангатхаями представляетъ параллель такому-же эпизоду (о битвѣ съ мангысами) въ дюрбютской былинѣ объ Иринъ-сайнѣ (Очерки с. з. Монг., IV, 455). Въ дюрбютской былинѣ этотъ эпизодъ также начинается нахожденіемъ письма въ очагѣ; и также заканчивается уничтоженіемъ утробнаго сына жены мангыса. На ту-же дюрбютскую былинѣ указываютъ темы о встрѣчѣ съ сыномъ (въ Иринъ-сайнѣ съ племянникомъ) и о дождѣ, начавшемся по молитвѣ богатыря, только въ дюрбютской былинѣ тема о встрѣчѣ съ племянникомъ помѣщена внѣ (до) эпизода о битвахъ съ мангысами. Наоборотъ, тема о дождѣ, стоящая въ бурятской сказкѣ внѣ эпизода о битвахъ съ мангатхаями, въ дюрбютской помѣщена внутри соответствующаго эпизода (Оч., IV, 461). Дождь или ненастье призываются для того, чтобы заставить спуститься съ поднебесныхъ высотъ птицъ, въ которыхъ заключается душа мангыса. Дождь низводится посредствомъ дзада, а не посредствомъ молитвы къ Эсэгэ-малану, какъ въ бурятской.

Принужденіе матери открыть тайну объ отцѣ и обжиганіе ея руки см. въ киргизской сказкѣ о Козу-Курпешѣ (Radloff, Probr., IV, 14). Эпическая фраза: «смотреть вверхъ, смѣется, смотреть внизъ, плачетъ», повторяющаяся въ бурятской сказкѣ два раза (стр. 4 и 15), находится также въ одномъ сказаніи о Чингисѣ (Алтанъ-тобчи, стр. 13) и въ одной монгольской сказкѣ (Оч., IV, 397).

Ср. также въ «Бурятск. сказкахъ» (Записки Отдѣла по этн., I, 38). Заключение былины о Сокто-мэргынѣ мнѣ кажется сбитымъ. Сокто привезъ голову бабы Мойсъ-хара; Гэсэръ говоритъ ему, что два богатыря, которыхъ онъ бросилъ въ яму, пригодятся. Чуть-ли это не смутные остатки первоначальной редакціи, въ которой вѣроятно заключался упрекъ за то, что богатырь отрубилъ бабѣ голову, а не доставилъ бабу живою. Въ монастырѣ Гумбумѣ (въ Амдо) я записалъ отъ хухунорской олетки (калмычки) сказку о Батырь-муусѣ, который убиваетъ злаго Цоктай-хана, привозитъ голову его къ Далай-ламѣ и получаетъ отъ послѣдняго упрекъ: «Напрасно ты убилъ Цоктай-хана; нужно было-бы достать его живаго. Онъ зналъ много средствъ, которымъ можно было-бы у него поучиться» (сказка эта еще не напечатана). Вѣроятно эта-же сказочная тема вторглась въ историческіе памятники степей южной Россіи, именно въ рассказъ о ханѣ Тохту, который упрекаетъ «русскаго» за убіеніе Ногая и казнить его. (См. Тизенгаузенъ, Сборн. матеріаловъ, относящихся къ ист. Золотой Орды, т. I, Спб., 1884, стр. 113). Та-же фраза въ якутскомъ сказаніи о Тыгынѣ (см. Записки Отдѣла по этн., т. I, в. 3-й, стр. 53). Муусъ есть тюркск. произношеніе монгольскаго мангысъ; изъ муусъ въ бурятскомъ явились Мойсъ.

Агуй, первый членъ въ имени богатырской лошади, «гора», какъ объяснено выше. Имя богатыря Жоргодоя сама сказка этимологизируетъ отъ бурятскаго названія большого пальца (нѣм. Daumen) эрхэ; богатырь имѣлъ шесть эрхэ-хуру, «шесть большихъ пальцевъ». Число шесть намекаетъ на Плеяды, у которыхъ жители Монголіи и южной Сибири обыкновенно насчитываютъ шесть звѣздъ. Эпитетъ Жоргонтэйши эрхэтэй повидимому тавтологія; не указываетъ-ли оно на то, что имя Эрхэ придавалось Плеядамъ. Ср. якутское названіе Плеядъ: Ургяль. — Имя сына мѣсяца въ одномъ случаѣ въ рукописи написано Гхагаль, въ другомъ Гхаганъ. Ногонъ-соё по-бурятски «Зеленый клыкъ». Алтанъ-тергенъ, «Золотая телега» упоминается въ монгольскомъ сказаніи о Гэсэрѣ; по крайней мѣрѣ въ варіантѣ, записанномъ мною въ Ордосѣ, такъ называется одна изъ эрдени, «драгоценностей», похищенныхъ Гэсэромъ у своей матери (находящейся на небѣ). Гора Сокто-Сумбырь есть Сумеръ-ола монгольскихъ сказокъ; б вставлено въ томъ-же родѣ, какъ киргизы вставляютъ тотъ-же звукъ въ монгольское слово сумэ, «храмъ», *сумбэ*; какъ амдоскіе широнголь-монголы говорятъ *амбырана*, «успокоиться, отдохнуть» вмѣсто монгольскаго амурана. Вѣроятно Хоморъ-ола (см. выше стр. 99, 102) есть варіантъ этого имени; имя Сумбырь или Сумбуръ мѣстами локализовалось въ Монголіи; въ странѣ къ з. отъ оз. Косогода есть гора Сумбуръ (Оч., I, 272); въ южной Монголіи въ Алашанѣ Баянъ-цумбуръ (на картѣ приложенной къ путешествію Пржевальскаго: «Монголія и страна тангутовъ» т. I); не то-ли-же имя является въ формѣ Субуръ-хаирханъ или

Субурганъ-хаирханъ? такъ называется гора, изъ которой вытекаетъ Орхонъ.

У Радлова, Proben, II 594, 608 гора Субур^{""}; Катановъ (Указатель къ II. т. Proben, стр. 70) припоминаетъ при этомъ Рашидъ-эддиновское Сибиръ, т. е. Сибирь (Азіатская Россія). На Каталанской картѣ 1375 г. именемъ Sebug обозначены горы, изъ которыхъ беретъ начало восточная вершина Волги (т. е. Уральскій хребетъ). Имя мангатхай буряты часто произносятъ: мангасхай; въ рукописи о. Н. И. Затопляева обѣ формы чередуются безразлично.

Небесная дѣва, невѣста Алтанъ-шагая, названа Иренъ-тарбажи, «пестрый степной орелъ»; чтобы улетѣть въ небо, она оперяетъ себя орлиными перьями. Въ другихъ сказкахъ это дѣлается при помощи лебяжьей шкурки. Небесныя дѣвицы, владѣющія подобнымъ свойствомъ, въ монгольскихъ и урянхайскихъ сказкахъ называются нарицательнымъ дагине. Въ бурятскихъ сказаніяхъ (см. Агап. и Хангал., Матеріалы въ «Извѣст.», т. XIV, № 21—2, стр. 17) есть дѣвица Хундангина (хунъ-дангина?), но о лебединой ея природѣ въ указанной статьѣ ничего не сказано; это дѣвица, похищенная мѣсяцемъ.

Въ одной дархатской сказкѣ (Оч., IV, 530) дѣвица, дочь одного царя, носитъ имя Хунъ-тайжи. Хунъ въ этомъ имени вѣроятно есть монгольское *хон*, «лебедь», но на лебединую одежду намека въ сказкѣ нѣтъ. За то въ легенду о Хунъ-тайжи, помѣщенную въ Оч., II, 106, входитъ тема о людяхъ, обращающихся въ птицъ. Имя Хунъ-тайжи встрѣчается въ соединеніи съ Дегуренгъ: Дегуренгъ-Хунъ-тайжи (Алтанъ Тобчи, 40); такъ названъ зять Элбекъ-хана, котораго тестъ убиваетъ, чтобы присвоить его жену. Съ образомъ дѣвы-лебеди въ Азіи соединялся и демоническій характеръ; см. Катановъ, Алфав. указатель собств. именъ, встрѣчающихся въ II т. Образцовъ, собр. В. Радловымъ, Спб., 1888. стр. 43. Tokorong, toxorong по бурятски «журавль» (Castren, Versuch ein. Bur. Sprachlehre, 201). Въ якутскихъ сказкахъ часто небесныя дѣвицы слетаютъ на землю играть въ видѣ стерховъ, *Grus leucogeranus* (Зап. Отдѣла по этн., т. I, в. 3, стр. 74—79, 85 и др.).

III. *Шоно-баторъ*. Когда сказаніе о Шоно было уже напечатано, о. Затопляевъ прислалъ слѣдующее дополненіе къ ранѣе доставленному имъ варианту.

Въ то время какъ Шоно-баторъ входилъ въ подданство русскаго царя войско русскаго царя сражалось съ войскомъ какой-то иностранной царицы (русскимъ царемъ была тоже царица). Войско иностранной царицы лежало на облакахъ и оттуда стрѣляло и убивало. Пришедши на мѣсто стоянки русскаго войска, Шоно-баторъ вошелъ на вершину горы и, выстрѣливъ от-

туда въ начальника чужаго войска, убилъ его. Осматривая этого упавшаго на землю богатыря, увидѣли, что кожа на его головѣ въ аршинъ толщиной. На слѣдующій день Шоно-баторъ опять застрѣлилъ одного изъ начальниковъ чужаго войска. На третій день идетъ сюда съ своимъ войскомъ сама чужестранная царица и говоритъ: «Кто это убиваетъ моихъ богатырей»? Тогда Шоно-баторъ спрашиваетъ свою царицу: «Какъ мнѣ поступить? Если убить эту царицу въ голову, царскому роду будетъ худо; убить ее по срединѣ, войску и народу будетъ худо, а если выстрѣлить по ногамъ, худо будетъ стрѣлявшему». На это царица сказала ему: «Самъ знаешь!» Тогда Шоно-баторъ рѣшаетъ такъ: «Пусть-же родъ царскій, войско и народъ будутъ вѣчны! а моя жизнь бобыля кому нужна»? Стрѣляетъ ее (чужестранную царицу) по ногамъ, которыя и падаютъ на землю. Царица-вѣдьма, умирая на облакахъ, поетъ:

Не сокрушиму ю кость мою сокрушившая,
Въ какой странѣ сдѣланная стрѣла?
Не замаравшееся въ моей струившейся крови,
Какой птицы перо *)?
На неприступное тѣло мое дерзнувшій (стрѣлявшій),
Ханскій-ли ты сынъ или сынъ простаго человѣка?

На это Шоно-баторъ отвѣчаетъ:

Стрѣла, сокрушившая не сокрушиму ю кость твою
Сдѣлана въ странѣ Шоргользонъ-хана,
Не замаравшееся въ твоей струившейся крови перо—
Перо птицы Тотъ.
На неприступное тѣло твое дерзнувшій—
Сынъ Хонъ-Тайжия, Шоно-баторъ.

На это баба вѣдьма опять запѣла:

Милую жизнь свою не щадящій,
Жалкій ты бѣдняжка!
Дерзкое тѣло твое
Да превратится въ черный камень!

На это Шоно-баторъ опять запѣлъ:

Я хотя и сдѣлаюсь чернымъ камнемъ,
Одѣнусь въ лисью доху
И останусь съ ханскимъ достоинствомъ на вѣки вѣчные!
А ты, ругательница вѣдьма, не знаешь,
Какъ пропадешь и какую о себѣ оставишь память!

(Записано со словъ бурята Гаврила Пянкина П. П. Баторовымъ, переведено мисс. о. Н. Затопляевымъ).

*) Здѣсь разумѣется опереніе стрѣлы.

См. у Радлова, Proben, I, 206 и II, 380; въ Очеркахъ, IV, 309. Сидѣнье въ ямѣ и стрѣлянье по колѣнамъ старухи колдуньи сближаетъ Шоно съ Тасъ-хара (Бурятск. сказки, Зап. Отдѣла по этн., в. I, стр. 109) и съ Хасаромъ (Алтанъ-тобчи, 24; Сананъ-Сэцэнъ, 99). Шоно умеръ, не оставивъ потомства по тому, что такая судьба ожидала всякаго, кто попадетъ стрѣлой въ колѣни колдуньи. Въ Алтанъ-Тобчи (стр. 27) старуха, раненая Хасаромъ въ колѣно, умирая, такъ проклинала богатыря: «Потомки Хасара мужескаго пола да будутъ любимы равами, потомки женскаго пола да будутъ оставляемы мужьями своими». Въ Ордосѣ я слышалъ о Хасарѣ, братѣ Чингиса, что онъ умеръ безъ потомства. Книжныя сказанія, однако, называютъ его сыновей и выводятъ отъ него племя Корчинъ.—Эпизодъ о трехъ собакахъ Хунъ-Тайжия встрѣчается также въ № XLIII.

VI. *Сирота-парень*. Ср. въ Оч., IV, 241 и 246. Съ концомъ сказки о ламѣ, обратившемся въ турпана: ср. Бурятск. сказки (Зап. Отдѣла по этн. в. I), стр. 123, (№ 33). Ср. также въ Очеркахъ, IV, 261 и 273, № 51, вар. i и № 54, вар. i. Въ одномъ изъ вариантовъ сердце раскаявшагося людоѣда, махачи, превращается въ статую Майдари; также и въ легендѣ, которую я записалъ въ Амдо: мясникъ, ужаснувшійся своего ремесла, становится богомъ Шянба (тибетское имя Майдари). Чоканъ Валихановъ записалъ о Большой Медвѣдицѣ, Джеты Каракчи, киргизское повѣрье, что это души семи разбойниковъ, которые днемъ воровали, а ночью каялись въ грѣхахъ, за что и были обращены послѣ смерти въ звѣзды (Очерки с. з. Монг., IV, 784).

VII *Человѣкъ и барсъ*. Разсказъ о состязаніи въ силѣ напоминаетъ вотяцкую легенду о братьяхъ, пробовавшихъ силу пинаніемъ кочки, растущей на берегу рѣки. Одинъ изъ братьевъ перехитрилъ—предварительно тайкомъ подрѣзалъ кочку (Оч., IV, 827).

IX. *Кость лопатка*. Отъ чечена (собственно ингуша), сосланнаго съ Кавказа въ Иркутскъ и служившаго здѣсь сторожемъ въ музеѣ, я записалъ слѣдующую чеченскую сказку. Было семь братьевъ; старшаго изъ нихъ звали Солцанъ, младшаго Батакъ. Батакъ былъ хитрый. Семь братьевъ воевали со всѣми, не разбирая, русскіе-ли-то были или свои чечены; потомъ поссорились между собой и раздѣлились. У старшаго брата Солцана былъ дикій, пакостный бѣлый быкъ; Солцанъ потерялъ его. Долго Солцанъ ищетъ его, но не можетъ найти. Кто-то ему сказалъ, что его быка зарѣзалъ и съѣлъ младшій братъ Батакъ. «Вечеромъ ты еще застанешь», говорятъ ему, «какъ

два сына Батаковы будутъ варить мясо твоего быка». Солцанъ дѣйстви-
тельно захватилъ двухъ сыновъ Батака и бросилъ обоихъ въ котелъ съ ва-
рившимся мясомъ. Ни кому не было извѣстно, что у Батака было два сына.
Батакъ похоронилъ дѣтей секретно, такъ что никто не узналъ, что они бы-
ли. Послѣ этого случая съ быкомъ всѣ семь братьевъ жили три года смир-
но, ни между собой, ни съ посторонними не ссорились. Батакъ говоритъ
братьямъ: «Я знаю, гдѣ доставать золото и богатство. Мы вотъ три года не
воюемъ послѣ того, какъ потерялся быкъ. Давайте воевать!» Братья согла-
сились и составили общество изъ шестидесяти человѣкъ. Пошли. Дорогой
Батакъ съ шестидесятью товарищами остановился на ночлегъ на ровномъ
мѣстѣ безъ воды, безъ травы; ни коню, ни человѣку нѣтъ ни пить, ни ѣсть.
Товарищи стали просить Батака, чтобъ онъ досталъ имъ пить и ѣсть. «Жа-
ра», говорятъ, «пить хотимъ!» «Недалеко есть лѣсъ, кустарники; тамъ есть
вода!» говоритъ Батакъ. А тамъ жила лэшибъ (волшебница). По расчету
Батака она должна была погубить шестьдесятъ его товарищей. Солцанъ
спрашиваетъ у Батака, куда они ушли. Батакъ говоритъ: «Они ушли въ
лѣсъ; тамъ холодная вода есть; тамъ хорошо и вотъ они замешкались. Вѣр-
но сѣли Богу молиться или легли спать. Можетъ быть и ты сходишь туда?»
Ушелъ и Солцанъ. Остался Батакъ одинъ. Пошелъ Батакъ домой и думаетъ:
«Надѣну трауръ по братѣ». Идетъ. На встрѣчу ему лисица (цѣгыл) и гово-
ритъ: «Какъ-же ты такое убійство совершилъ, роднаго брата погубилъ! Что
ты за извергъ!» Батакъ смутился и думаетъ: «Что-же мнѣ дѣлать? Пойду и
я къ нимъ». Пошелъ. Лэшибъ привязала и его. Солцанъ говоритъ Батаку:
«Ты знаешь много, знаешь, что будетъ впередъ. Сдѣлай что-нибудь, чтобы
намъ спастись. А не то лэшибъ съѣстъ насъ всѣхъ!» Батакъ говоритъ:
«Лэшибъ! ты насъ съѣшь, все равно. Но позволь намъ сказать тебѣ только
три слова!» Лэшибъ говоритъ: «Можешь, сколько хочешь». Тогда Батакъ
началъ говорить: «Былъ очень дикій быкъ, который жилъ въ лѣсу; никто
не могъ его усмирить. Его унесъ на гору арзу (орелъ?). Всѣ птицы собра-
лись и стали просить арзу, чтобы онъ не поганилъ гору. «Ты будешь грызть,
будетъ течъ на землю кровь; начнетъ потомъ гнить, будетъ вонь. Унеси
твою добычу подальше!» Арзу отнесъ быка на ровное мѣсто. И тамъ къ не-
му собрались птицы и просятъ, не можетъ-ли онъ унести быка куда-нибудь
подальше. Куда ни принесетъ, вездѣ просятъ унести подальше. Арзу уви-
дѣлъ, пастухъ пасетъ барановъ; былъ тутъ одинъ большой баранъ; арзу
сѣлъ на его рога, положилъ быка поперегъ роговъ и сталъ ѣсть; другаго
мѣста ни гдѣ не нашелъ. Ълъ, ѣлъ и уронилъ лопатку. Подъ бараномъ въ
это время спалъ старикъ пастухъ. Лопатка попала ему въ глазъ. Думая, что
въ глазъ попала соринка, старикъ пошелъ домой. Три человѣка взялись за

лопатку и вытащили ее изъ глаза, положили лопатку на степи. На ней выстроилось триста домовъ. Пришла лисица и стала грызть лопатку; ей показалось вкусно и она потащила лопатку. Увидѣлъ лисицу охотникъ и убилъ ее. Лежитъ лисица; жители, жившіе на лопаткѣ, вышли изъ домовъ, но не могли перевернуть лисицу. Сняли шкуру съ одной верхней половины тѣла, всѣмъ вышло по шубѣ. Одна старая вдова пошла за водой съ ковшомъ, увидѣла лисицу, толкнула ее ковшомъ, перевернула; сняла съ другого бока шкуру, ей вышла всего одна шуба да и та безъ рукавовъ». Разказавъ это, Батакъ спрашиваетъ: «Кто-же сильнѣе: арзу, баранъ, пастухъ, лисица или вдова»? Шестидесятъ лѣшибовъ стали между собой спорить; одинъ говоритъ быкъ, другой пастухъ, третій лисица, четвертый баранъ. Стали драться и перерѣзали другъ друга. Связанные остались одни. Батакъ взялъ своихъ людей и возвратился домой. Солцанъ говоритъ ему: «Я хотя убилъ твоихъ сыновъ, но я ихъ оживлю». Солцанъ дѣйствительно досталъ снадобье и оживилъ сыновъ Батака.—Разказчикъ объяснилъ, что шестидесятъ Батаковыхъ товарищей назывались Рхыстѣй (Рхстой).

Сказку эту мнѣ передалъ ингушъ на вопросъ: не знаетъ-ли онъ чеченскаго преданія о Хорсѣ или гонимомъ мальчикѣ, который прятался въ лѣсу (Сборникъ. свѣден. о кавк. горцахъ, вып. VIII, ст. «Ингуши», стр. 26—27). Сначала ингушъ расказалъ мнѣ слѣдующее: Грузинскій царь Иракылъ гналъ одного мальчика по имени Рхстой. Мальчикъ бѣжалъ и укрылся въ неприступной горѣ. Онъ и теперь тамъ, но къ нему никакъ нельзя дойти. Это гора вправо отъ военно-грузинской дороги, къ ю. отъ Владикавказа, покрытая вѣчнымъ снѣгомъ (т.е. Казбекъ, по осетински Чрсти-хохъ, «Христова гора»). На мою просьбу расказать подробнѣе исторію гонимаго, ингушъ расказалъ мнѣ исторію о Солцанѣ и Батакѣ.

Х. *Сотвореніе міра и человека*. Въ алтайскомъ сказаніи творцу Ульгеню докончить твореніе помогаетъ Сенбиль, который потомъ получаетъ имя Майдари (о. Ландышевъ, «Космогонія и еогонія алтайскихъ язычниковъ» въ Правосл. Собесѣдн., 1886, мартъ). Далѣе этотъ Майдари вступаетъ въ борьбу съ Ерликомъ, который старается исказить твореніе Майдари. Эпизодъ съ собакой разсказывается о Майдари и Ерликѣ, а не объ Ульгенѣ и Ерликѣ. Душу въ человека вдуваетъ Ерликъ посредствомъ дудки (чогур) о семи ладахъ, играя на желѣзномъ музыкальномъ инструментѣ (комус) о девяти языкахъ.

Въ монголобурятскихъ легендахъ о кающемся разбойникѣ, превращающемся потомъ въ бога Майдари (по-тибетски Шянба), также антитезою является птица ангирь (см. «Бурятскія сказки и повѣрья», Ирк., 1889, стр.

123; тангутскій вариантъ, записанный мною въ Амдо, еще не напечатанъ). Кастренъ приводитъ бурятскую легенду (Castren, Versuch ein. Burjätisch. Sprachlehre, S. Ptb., 1857, S. 235), которая сотвореніе міра приписываетъ Буха-ноёну. Bucha Nojan и его жена Budan Chatun были первые люди, говорить легенда. Они захотѣли умножить родъ человѣческій и вырѣзывали человѣческія фигуры изъ бумаги. Далѣе слѣдуетъ рассказъ о собакѣ, приставленной сторожемъ къ фигурамъ и о чортѣ, покрывшемъ фигуры нечистотами. Шашковъ (Записки И. Р. Геогр. Общ., 1864, кн. 2, стр. 32) указываетъ на легенду, помѣщенную въ «Сибирск. Вѣсти.» Спасскаго, 1822, ч. XIX, стр. 33) и записанную можетъ-быть у бурятъ, можетъ-быть у обурятившихся тунгусовъ; въ ней также творцомъ является Буга (по-тунгусски buga, «небо»; Castren, Tung. Sprachlehre, 95); помощникъ и соперникъ Буги называется Бунинка; Бунинка испортилъ у Буги двѣнадцатиструнные гусли. Г. Логиновскій записалъ въ Нерчинскомъ окр. (ст. Размахнинская) бурятское сказаніе: «Прежде была одна вода и только лягушка смотрѣла въ воду. Богъ перевернулъ лягушку брюхомъ къ верху и на ней устроилъ вселенную. На каждой лапѣ онъ создалъ отдѣльный типъ (двипа); на одной изъ лапъ онъ помѣстилъ Зампу-типъ (Джамбу-двипа) и т. д. На пупѣ лягушки онъ воздвигъ гору Сумбуръ-агула; на вершинѣ этой горы находится Полярная звѣзда, Алтанъ-гатасунъ». Отъ одного хангайскаго халхасца я записалъ (въ Гумбумѣ) показаніе, что Полярная звѣзда есть золотая маковка (сумунъ ганьчжуръ) монастыря Намчжиль-хансынъ, который стоитъ на вершинѣ Сумбуръ-олы. Алтайскій Ульгенъ (у о. Ландышева) въ вышеуказанной статьѣ, стр. 7 имѣетъ постоянное пребываніе на горѣ Алтынъ-ту (золотая гора), которая съ неба навѣсилась надъ землею и до земли не достигаетъ только на человѣческое колѣно.

XI. *О потопѣ.* Г. Клеменць доставилъ намъ слѣдующій рассказъ, записанный имъ отъ сагайца. Ной праведный отправился въ лѣсъ рубить сажень. Только принялся за работу, Богъ кричитъ ему: «Ной праведный! тебѣ не нужно рубить сажень, черезъ годъ будетъ потопъ; руби лѣсъ и дѣлай большой салъ (плоть), только никому объ этомъ не сказывай!» Ной сталъ валить деревья и сталъ постоянно уходить въ лѣсъ, такъ какъ работы за саломъ было много. Чортъ подсматривалъ въ лѣсу за работой Ноя праведнаго, но никакъ не могъ понять, что тотъ дѣлаетъ? Онъ отправился къ женѣ Ноя, когда послѣдняго не было дома и спросилъ: «гдѣ Ной»? Въ лѣсу, говоритъ жена. «Что онъ тамъ дѣлаетъ? Зачѣмъ такъ часто въ лѣсъ ѣздитъ»? Не знаю, говоритъ жена, должно быть дрова рубить. «Что-то ужъ больно часто? спроси-ка его хорошенько, можетъ онъ такъ только сказываетъ, что въ

лѣсъ ходить, а самъ дѣлаетъ другое что!»! говорить чортъ. На Ноеву жену напало подозрѣніе и она стала мужа спрашивать, куда онъ ходитъ. Ной сначала ничего не сказалъ. Жена стала приставать къ нему. Ной сказалъ сначала, что Богъ не велѣлъ ему сказывать, что онъ дѣлаетъ. Жена не вѣритъ Ною, сердится на него, подсматривать стала за нимъ.

Ной видитъ—дѣлать нечего—и сказалъ женѣ, что скоро будетъ потопъ и Богъ велѣлъ ему строить большой салъ и на немъ поставить весь свой скотъ и все свое семейство, но не велѣлъ ни кому сказывать, что скоро будетъ потопъ. Жена успокоилась, Ной ушелъ на работу. Приходитъ чортъ и спрашиваетъ у Ноевой жены, знаетъ-ли она, куда ушелъ Ной.—Не знаю, говоритъ жена. «А я такъ знаю», говоритъ чортъ; «онъ худыми дѣлами занимается». Врешь ты,—отвѣчаетъ жена,—мой мужъ, Ной праведный, никакими худыми дѣлами не занимается; ему Богъ велѣлъ салъ строить, потому что скоро потопъ будетъ.—Чортъ узналъ, что ему нужно и ушелъ въ лѣсъ, но дождалъ, пока Ной ушелъ домой, и разбросалъ и перепортилъ всю его работу. Ной пришелъ на другой день въ лѣсъ и удивился, что вся работа испорчена, но принялся за дѣло съизнова. Однако все, что Ной успѣвалъ за день сдѣлать, чортъ портилъ ночью. Ной наконецъ не вытерпѣлъ и сказалъ Богу: Господи! теперь ужъ скоро потопъ будетъ, а я не могу окончить сала; зачѣмъ ты такъ сдѣлалъ?—Богъ говоритъ: Это не я виноватъ, а ты! Я тебѣ не велѣлъ ни кому сказывать, что будетъ потопъ, а ты сказалъ женѣ, жена чорту, а чортъ всю твою работу портилъ всегда.—Какъ-же мнѣ быть теперь? спрашиваетъ Ной. Теперь ужъ поздно новый салъ дѣлать.—Дѣлать нечего, я ужъ тебя спасу, говоритъ Богъ. Когда начнется потопъ, ты собери около себя весь скотъ и не бойся. Къ тебѣ подплыветъ желѣзный салъ, ты на немъ и поставишь весь скотъ и всѣхъ звѣрей и дѣтей и жену.—Начался потопъ, стало все заливаться водой. Ноева жена испугалась, стала кричать: Ной праведный, гдѣ твой салъ? видишь, мы всѣ потонемъ скоро!

Подплылъ вдругъ большой желѣзный салъ. Ноева жена первая вскочила на него и салъ началъ тонуть. Богъ закричалъ Ною: «Сведи свою жену съ салика! что она лѣзетъ впередъ всѣхъ? Стань сперва самъ на салъ, а потомъ пусть она идетъ». Ной такъ и сдѣлалъ.

Послѣ потопа этотъ желѣзный салъ остано¹вился на какой-то горѣ. Одни говорятъ на Чжиланъ-Карагаѣ, около Таштыпа, но тамъ его нѣтъ; другіе называютъ иныя горы, но доподлинно объ этомъ, какъ кажется, никто не знаетъ. Разсказъ записанъ со словъ Попилата Михайлова Орѣшкова на р. Нинѣ, сагайца второй половины Сагайскаго рода.

Присоединяемъ къ этому русскій рассказъ изъ Забайкалья. Богъ сказалъ Ною, что будетъ потопъ и велѣлъ строить ковчегъ. Ной удалился отъ своего семейства, чтобы никто не зналъ, что онъ дѣлаетъ ковчегъ. Три года онъ ходилъ строить его. Не только изъ его семейства ни кто не зналъ, куда онъ третій уже годъ ходитъ, но не зналъ этого и дьяволъ. Однажды дьяволъ обратился къ женѣ Ноя и говоритъ: «Спроси, пожалуйста, куда ходитъ твой мужъ и что онъ дѣлаетъ». Она сказала: «Я сама уже сколько времени спрашиваю его, но онъ не рассказываетъ». Тогда дьяволъ выдумалъ водку, сдѣлалъ ее, передалъ женѣ Ноя и говоритъ: «Вотъ какъ твой мужъ придетъ съ работы, тогда ты ему подай! Какъ только онъ выпьетъ, то все тебѣ расскажетъ». Жена такъ и сдѣлала. Когда пришелъ Ной, она подала ему; онъ выпилъ съ устатку и захотѣлъ еще; когда выпилъ вторую чарку, на душѣ у него повеселѣло. И вотъ какъ легли спать, жена и говоритъ: «Скажи, куда ты ходишь третій годъ?» «Богъ мнѣ сказалъ», говоритъ Ной, «что онъ наведетъ потопъ и велѣлъ мнѣ дѣлать ковчегъ, въ которомъ я могъ-бы спастись». На завтра приходитъ дьяволъ; жена Ноя передала ему все, что узнала. Тогда онъ подумалъ: «Какъ же мнѣ спастись въ ковчегѣ вмѣстѣ съ животными? Онъ меня не возьметъ. Такъ войти нельзя!» Наконецъ сказалъ женѣ Ноя, чтобы она, когда будетъ входить въ ковчегъ, стала-бы поправлять на ногѣ оборку обуви и оглянулась-бы назадъ; въ это время онъ будетъ тутъ и войдетъ за ней. Женщина такъ и сдѣлала; дьяволъ вошелъ въ ковчегъ и спасся. Не хотѣлъ войти въ ковчегъ мамонтъ; онъ надѣялся проплавать. Долго онъ плавалъ, наконецъ, когда потопило горы и лѣса, птицамъ не гдѣ было сидѣть, онѣ стали садиться ему на рога. Долго онъ еще плавалъ и съ птицами; наконецъ ихъ стало садиться все больше и больше, силы мамонту измѣнили и онъ, недоплававъ нѣсколькихъ дней, потонулъ (Запис. К. Д. Когиневскимъ въ ст. Размахниной въ Забайк. обл.). Въ Нижегородской губ. существуетъ обычай при переходѣ въ новый домъ перевозить домового. Хозяйка дома беретъ лапотъ, привязываетъ къ нему бичевку и тащитъ лапотъ за бичевку, какъ сани, изъ стараго дома въ новый. При этомъ она не должна оглядываться назадъ. Лапотъ кладется въ новомъ домѣ въ подпольѣ подъ печь.

XV. *Рябчикъ*. Рябчикъ когда-то былъ самой большой птицей на свѣтѣ и вѣсилъ 12 пудовъ. Разъ Іисусъ Христосъ ѣхалъ по тайгѣ на слонѣ, рябчикъ вспорхнулъ и испугалъ слона. Слонъ бросился въ чащу и такъ сильно поскакалъ, что Іисусъ Христосъ съ трудомъ удержалъ его. Не хорошо рябчику быть такимъ большимъ— рѣшилъ Іисусъ Христосъ и велѣлъ мясу рябчика раздѣлить по всѣмъ птицамъ, отъ этого рябчикъ сталъ маленькій, а

у всякой птицы теперь есть хоть немного бѣлаго мяса. (Доставлено Д. А. Клеменцемъ, а ему сообщилъ А. В. Станкевичъ изъ Минусинска, слышавшій эту легенду отъ Качинскихъ татаръ).

II. *Кость Икинатъ*. По видимому Марко Поло могъ подобный рассказъ подслушать въ сѣверной Монголіи, къ которой онъ его и приурочиваетъ (Marco Polo by colonel Youl, vol. I, p. 484, 485), а не нужно думать, что онъ его слышалъ въ Персіи или гдѣ-нибудь въ западной Азіи и произвольно перенесъ на сѣверъ Азіи. Ср. съ бурятскими легендами, помѣщенными въ статьѣ г. Хангалова «Зэгэтэ-аба» (Извѣстія Отдѣла, т. XIX, № 3, стр. 22). Юль указываетъ на варіантъ у Рашидъ-аддина; походъ предпринимаетъ Угузъ-ханъ (быкъ царь); мудрый старикъ, дающій совѣты, названъ Bushi Khwaja.

Отъ покойнаго киргиза Мусы Ч. Чорманова (дяди Чокана Валиханова) я въ 1880 г. записалъ слѣдующую легенду, которую онъ вѣроятно вычиталъ въ мусульманской книгѣ: «У Гарунъ-аль-Рашида въ царствѣ былъ обычай: людей, достигшихъ 60-ти лѣтняго возраста, убивали. Одинъ сынъ вель своего отца на лобное мѣсто, гдѣ по обычаю убивали отцовъ. Оба устали и отецъ, присѣвъ на камень, разсмѣялся. Сынъ спросилъ отца, о чемъ онъ смѣется; существуетъ пословица: не спрашивай плачущаго, спроси смѣющагося. Отецъ сказалъ: «Я этой-же дорогой вель своего отца на смерть, у этого самага камня оба мы устали и вотъ также, какъ я, мой отецъ присѣлъ на камень отдохнуть; я не думалъ тогда, что шестьдесятъ лѣтъ подойдутъ ко мнѣ такъ скоро. Вотъ надъ чѣмъ я улыбнулся. Скоро и тебя твой сынъ подобнымъ образомъ поведетъ на смерть». Сынъ сказалъ: «Такъ не будетъ этого!» Увелъ отца назадъ, спряталъ его и содержалъ двадцать лѣтъ въ тайнѣ отъ народа и властей. Гарунъ-аль-Рашидъ захотѣлъ достать живой воды «мянги су»*) и, сдѣлавъ нарядъ людей, велѣлъ дѣлать сборы. Спрятанный старикъ, услыхавъ сутолоку и шумъ на улицахъ, спросилъ сына: «Что такое?» Тотъ объяснилъ. Тогда отецъ сказалъ: «Напрасно онъ полагаетъ, что «живую воду» легко достать. Пусть и не думаетъ! Вода находится въ темномъ мѣстѣ, гдѣ не бываетъ никогда свѣта. Чтобъ достичь туда, нужно пересѣчь безводную степь». Сынъ сказалъ, что и ему велѣно собираться и что онъ не можетъ не исполнять ханской воли. Тогда старикъ говоритъ: «Такъ возьми-же ты съ собой трехъ быковъ». Шли сорокъ дней по безводному пространству; весь запасъ воды вышелъ; народъ въ отчаяніи; люди плачутъ, просятъ другъ друга, кто выйдетъ домой живой, отнести послѣднее привѣтствіе оставшемуся семейству. Старикъ, котораго сынъ везъ съ

*) По видимому съ монгольскаго: мунко-усунъ, «вѣчная вода» т. е. живая вода русскихъ сказокъ и повѣрій.

собой въ ящикѣ, говоритъ сыну: «Отпусти теперь быковъ!» Быки начали нюхать землю и въ одномъ мѣстѣ стали рыть ее рылами. «Скажи начальнику, чтобъ велѣлъ рыть тутъ!» Начали рыть и нашли воду, взяли запасъ и дошли до темнаго мѣста. Здѣсь всѣ начали нагружать воду въ сосуды. Старикъ учитъ сына: «Не всякая вода «живая». Бросай въ воду мертвую рыбу! Тотъ только источникъ съ «живой водой», въ которомъ рыба оживаетъ». Сынъ такъ и сдѣлалъ. Потомъ былъ слышенъ голосъ, когда брали воду: «Берите камней больше! Кто возьметъ, тотъ пожалѣетъ! Кто не возьметъ, тотъ еще болѣе пожалѣетъ!» Кто взялъ одинъ камень на пробу, кто вовсе не взялъ. Сынъ старика по совѣту отца взялъ цѣлый мѣшокъ. Когда возвратились, у всѣхъ камни стали золотомъ. Сынъ старика отнесъ свой мѣшокъ Гарунъ-аль-Рашиду. Потомъ Гарунъ-аль-Рашидъ говоритъ, нужно воду испробовать. Стали бросать въ нее мертвую рыбу; только вода сына старика оказалась оживляющею. Эту воду въ ведрѣ повѣсили на сосну. Въ это время бѣжалъ одинъ голый человѣкъ, котораго, клюя, гнали сорока и ворона. Поймали его и привели къ хану. Кто ты? спрашиваетъ ханъ. «Я Алимбетъ-ханъ; живу тысячу лѣтъ, не могу умереть, потому что я досталъ «живой воды» и выпилъ. Такъ какъ ея было мало, если-бъ дѣлить народу, на всѣхъ не хватило-бы, то я выпилъ одинъ. Одно поколѣніе, другое и третье меня уважали, но потомъ прогнали и вотъ я скитаюсь. Не пей и ты «живой воды», если не хватить всему народу!» По этому Гарунъ-аль-Рашидъ и не пилъ ее. Ее выпилъ прилетѣвшій воронъ; вотъ почему онъ живетъ тысячу лѣтъ; съ его носа падали капли; отъ этого сосна не гниющее дерево; подъ сосной росъ арша (можжевельникъ); и онъ сталъ крѣпкимъ деревомъ. Выпили воды еще Казыръ и Ильясъ; оба они не умерли и до сихъ поръ. Казыръ и теперь является каждому человѣку три раза въ жизни, но только въ видѣ какого-нибудь хромаго или въ другомъ невзрачномъ видѣ; въ своемъ-же видѣ не показывается ни кому, кромѣ людей святой жизни. Ильясъ помогаетъ страждущимъ отъ крушеній на водѣ. Гдѣ онъ проходитъ, тамъ по слѣдамъ его трава зеленѣетъ. Ильясъ и Казыръ были двоюродные братья. Киргизы по незнанію вмѣсто Казыръ произносятъ Кадыръ».

XLIII. *Булагатъ и Эхиритъ и ихъ потомки.* Въ Очеркахъ, IV, 823—825, помѣщено уже было извлеченіе изъ записи г. Хангалова, а также и другіе варианты. Эхиритъ во вновь печатаемомъ вариантѣ названъ сыномъ одной изъ трехъ дочерей Хурмуста-тэнгира; дочь Убиртыхъ-Хормозда упоминается въ сказкѣ минусинскихъ татаръ о Кэрэкъ-Кирвэсъ-мэргэнѣ (Оч., IV, 611), гдѣ также есть и эпизодъ о ловлѣ мальчика, живущаго въ озерѣ. Это сынъ оклеветанной женщины, брошенный въ воду. По одному варианту (по-

мѣщенному въ «Путешествіи на Амуръ» Р. Маака, стр. 10 съ указаніемъ на «Сибирск. Вѣстн.», 1824, стр. 22), дѣти, сошедшія съ неба и ставшія предками бурятъ, выкормлены дикою свиньей.

О Буха-ноинѣ въ Очеркахъ, IV, 264--298, 821--826; Агапитовъ и Хангаловъ, «Матеріалы», стр. 2 и 3; Памятная книжка Иркутск. губ. 1881 г., стр. 165, 173, 181 и слѣд.; см. также въ статьѣ Черскаго: «Нѣкоторыя примѣчанія къ опис. Байкала К. Риттера» (Извѣстія Отдѣла, т. XII, № 4—5, стр. 65); у Шашкова въ статьѣ «Шаманство въ Сибири» (Зап. И. Р. Геогр. Общ., 1864, кн. 2, стр. 34 и 43). Изъ названій горъ или утесовъ въ средней Азій, происходящихъ отъ быка или коровы, нѣкоторыя можетъ быть стояли въ связи съ легендой, подобной бурятской о Буха-ноинѣ. Въ южномъ Ордосѣ на Желтой рѣкѣ между городами Нинъ-ся и Цзинь-юань одна гора носитъ китайское названіе Ньютоушань (гора коровья голова) и монгольское Ухырѣ-ола (Корова-гора). Тутъ по разсказамъ есть двѣ скалы, какъ бы два рога, которые у монголовъ называются алтанъ-тугуль, «Золотой теленокъ». На картѣ Гиля, приложенной къ его путешествію въ Сычуань (The River of golden sand by capt. William Gill, Lond., 1880, vol I). въ долину Минъ-цзяна (Сунъ-фанъ-хо) назначена гора Niou tou shan. Древніе китайскіе монахи-путешественники разсказываютъ о двухъ холмахъ близъ Хотана, которые назывались рогами быка. (Риттеръ, Землеустройство Азій, Восточный Туркестанъ, русск. перев. Григорьева, в. 1, стр. 67 и слѣд.; Abel Remusat, Histoire de ville de Khotan, Paris, 1820, стр. 43). Около древняго Каракорума на Орхонѣ былъ перевозъ Хуху-буха. Ламы разсказываютъ, что около Лассы есть быкъ-гора, которая каждый годъ начинаетъ двигаться по направленію къ городу, угрожая раздавить его, но движеніе ея всякій разъ прекращается вслѣдствіе совершенія особаго обряда. Въ легендахъ и сказаніяхъ средней Азій царь съ бычьей головой или съ рогами встрѣчается какъ у монголовъ и тибетцевъ, такъ и у китайцевъ. Съ этимъ образомъ по большей части соединена идея о гибели людей отъ смерти, о людоедствѣ, о пожираніи живыхъ людей, дѣтубійствѣ и проч. Въ китайскихъ сказкахъ такой царь, глотающій людей, называется Нью-тоу-ванъ («царь коровья голова»). Въ тибетскихъ сказаніяхъ это Ландарма, гонитель буддизма. Въ монгольскихъ сказкахъ Эрликъ, въ бурятскихъ Эрленъ, царь ада. (статуи Эрлика имѣютъ бычью голову). Другое представленіе связывается съ именемъ быкъ-царь въ тюркскихъ сказаніяхъ. Бука-ханъ уйгурскій (D'ohsson, Hist. d. Mongols, I, 432), Угузъ-ханъ (у Рашидъ-эддина) изображаются только славными, побѣдоносными царями, и указаній на враждебный характеръ царя нѣтъ. Но съ именемъ Угузъ-ханъ чуть-ли не соединялась идея о кровожадности; на такое предположеніе можетъ навести сопоставленіе преданія о походѣ Угузъ-хана въ страну мрака съ бурятскими сказаніями того-же рода.

Въ одномъ изъ вариантовъ, записанныхъ г. Пирожковымъ, дочь Тайжи-хана или Хунъ-тайжия зачала отъ свѣта солнца, вошедшаго въ ея темную юрту; въ первомъ-же вариантѣ (стр. 95; также и въ Очеркахъ. IV, 266, вар. ж) она зачинаетъ отъ быка. Аланьгоа, дочь Харитая и мать Бодончара, зачала или отъ мѣсяца, который входилъ въ юрту въ видѣ мальчика, а выходилъ въ видѣ рыжей лысой собаки, или отъ человѣка золотистаго цвѣта, уходившаго желтымъ псомъ (Алтанъ-Тобчи, 5; Юаньчаомиши, 26).

Въ Памятной книжкѣ Ирк. губ. за 1881 г. въ статьѣ: «О происхожденіи сѣверобайкальскихъ бурятъ» стр. 187 помѣщенъ вариантъ, записанный ширэтуемъ Кырэнскаго дацана: Риченъ-ханъ свелъ любовную связь съ Буданъ-хатунъ, женою Элетскаго хана. Послѣдній, обладавшій силою превращеній, принялъ видъ пестраго порога (эрембухи) и пустился въ погоню, но Риченъ-ханъ, узнавъ объ этомъ, превратился въ голубаго порога (кхукхэ-буха), посадилъ на себя Буданъ-хатунъ и благополучно прибѣжалъ въ Тункинскія степи, а что-бы задержать гнавагося за нимъ Эрембуху, онъ на Уркудойской гривѣ поставилъ своего двойника изъ камня. Эрембуха съ яростию бросился на мнимаго Буха-ноина и обломалъ о камень свои огромные рога. Риченъ-ханъ по мнѣнію неизвѣстнаго автора замѣтки взялъ изъ буддійской мифологіи; это царь драгоцѣнныхъ камней (рембучи-ханъ?). Далѣе авторъ сближаетъ бурятское сказаніе съ калмыцкимъ о Бо-ноенъ или Бо-ханъ, записаннымъ Палласомъ. Ябоганъ-мергенъ встрѣтилъ на охотѣ дѣву-тэгри, за какое-то преступленіе изгнанную съ неба и женился на ней. Вскорѣ послѣ этого онъ отправился въ походъ; въ его отсутствіе молодая жена вошла въ связь съ Бо-ханомъ (царемъ драконовъ). Женщина родила ребенка и спрятала его подъ деревомъ. Бо-ханъ (шаманъ-царь) посредствомъ шаманства узналъ о судьбѣ дитяти, взялъ его къ себѣ и выдалъ за дитя, ниспосланное на землю небомъ. Такъ какъ мальчикъ, окруженный густымъ туманомъ (буданъ), былъ отысканъ по крику совы (оли), летавшей надъ нимъ, то и получилъ имя Олинда-Буданъ; третье имя Цорось дано было ему за то, что онъ, лежа подъ деревомъ, сосалъ случайно попавшійся ему въ ротъ изогнутый сукъ (цорогъ).

Тотъ-же безымянный авторъ статьи: «О происхожденіи сѣверо-байкальскихъ бурятъ» еще рассказываетъ о Буха-ноинѣ слѣдующее: Когда буряты жили среди халхасцевъ, у нихъ появился голубой огромный порозъ, гроза халхаскихъ быковъ, хищныхъ звѣрей и воровъ; онъ былъ принятъ бурятами за хубилгана, за воплощеніе предка бурятовъ Буха-ноина. Когда буряты, оставивъ Монголію, перекочевали въ Тунку, Буха-ноинъ отсталъ отъ бурятскихъ стадъ; придя на пустое пепелище-бурятовъ, обнюхавъ его, онъ жалобно замычалъ (мунмэнъ) и пустился въ слѣдъ за бурятами, которые ушли черезъ Санагу. Тщетно халхаскіе наѣзники кричали *хуайлахо* (возбуди-

тельный и призывный крикъ) и старались воротить бѣглеца. Буха-ноинъ перебрался черезъ Саянъ по Уркудойской гривѣ (уркудойинъ сардыкъ) и вышелъ въ Тунку. Вышедшіе въ Тунку буряты въ теченіи полугода оставались безъ Буха-ноина, хранителя ихъ стадъ. Въ одну ночь старуха, укачивавшая ребенка, слышитъ мычаніе и движеніе рогатаго скота; она, бросивъ люльку, выбѣжала изъ юрты и увидала Буха-ноина, окруженнаго улуснымъ скотомъ, какъ царь своими подданными. Она закричала «хугайлахо» и весь улусъ выбѣжалъ изъ юртъ.

Наконецъ онъ-же сообщаетъ третій вариантъ: За нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ у подошвы величественной горы Алтанъ-мундурга неизвѣстно откуда взялся богатырь Буха-ноинъ (князь-порозь). Онъ имѣлъ женою красавицу Будангъ-хатунъ, дочь Элетскаго хана. Отъ нея онъ имѣлъ одного сына Булагана (булаганъ-соболь) или Булагата да еще усыновилъ приемыша Экэри или Экэрита, найденнаго на берегу Байкала. У Булагата было два сына: Хори, иначе Хоритъ и Бурятъ, а у Экирита восемь. Въ шаманскихъ гимнахъ о Булагатѣ сказано: «происшедшій изъ рытвины голубаго быка» (кхукху бухайн бѣркгюдугхуногхо гаріан; слово бѣркгюдахгунъ собственно не рытвина, а вальбище, мѣсто, умятое, утоптаное катавшимся скотомъ). Въ честь Экэрита поютъ: «налимъ рыба была его матерью, берегъ отцомъ, а почетнымъ названіемъ Эркгитъ» (гутаръ эххэтэй эркги эсэкгэтэй Эркгит соло-той). Известковый утесъ въ тункинскихъ горахъ противъ Торской степной думы, принимаемый за каменное изваніе Буха-ноина, назыв. Буха-ноиней гходалъ; у русскихъ Бычья гора. Окрестности ея носятъ названіе Улукгуй, «колыбель» (т. е. колыбель бурятскаго народа).

По другимъ показаніямъ, говоритъ тотъ-же авторъ, у Экэрита было шесть сыновей. Такія-же противорѣчія и относительно Буханоина; одни говорятъ, что у него было три сына: Булагатъ, Хоридой и Экэритъ; другіе-же считаютъ Булагата единственнымъ сыномъ Буха-ноина, Экирита найденнымъ, а Хоридоя—сыномъ Булагата (174).

Легенду о шаманкѣ Асуханъ авторъ статьи «О происхожденіи свѣ.-байк. бурятъ» передаетъ въ такомъ видѣ: У подошвы Алтанъ-Мундурги жили восемнадцать человѣкъ племени Атагатъ и двадцать восемь племени Хатагитъ; съ ними жила шаманка Асойханъ-удаганъ; она была дакини, богиня, летающая по воздуху. Она была бездѣтна и молилась Дзолъ-дзаячію о дарованіи ей дѣтей. Однажды два табунщика прискакали и рассказали, что они видѣли, какъ при ясномъ небѣ забушевалъ югозападный уголъ Байкала и изъ образовавшейся бѣлоснѣжной пѣны вышли три мальчика (хубилгана), причемъ съ неба раздался голосъ: да наслаются долгоденствіемъ, здоровьемъ и богатствомъ Булагатъ, Хоридой и Экиритъ. Когда мальчики вышли на берегъ, около нихъ очутились два вола: голубой и пестрый. Во-

лы, обнявъ мальчиковъ, легли подлѣ нихъ на правый бокъ, и Булагать сталъ сосать (пупокъ) голубаго пороза, а Хоридой и Экэритъ пестраго. Асойханъ усыновила этихъ дѣтей. Послѣ смерти Асойханъ, когда братья были уже взрослыми, Булагать и Экиритъ порѣшили разойтись и жениться, а имущество раздѣлить. Раздѣливъ имущество на три части, они стали ждать отсутствовавшаго Хоридоя. Но Хоридой обидѣлся, что раздѣлъ и рѣшеніе сдѣланы безъ его совѣта. «Такъ возьмите и мою долю!» сказалъ онъ. Въ-стѣ съ этими словами онъ оттолкнулъ выдѣленную ему долю разныхъ звѣриныхъ шкуръ (см. Очерки, IV, 827) и, окинувъ глазами горы, произнесъ: «Прощай золотая Мундурга» (мэнду алтан мунгурга) и ушелъ на островъ Ойхонъ. Тамъ онъ охотился за дикими гусями, утками и другими птицами. Однажды онъ лежалъ не въ дальнемъ разстояніи отъ моря; прилетѣлъ бѣлый лебедь (хонгъ), и превратился въ дѣву тэгрія, которая сняла одежду и стала купаться въ морѣ. Хоридой укралъ ея одежду и заставилъ дѣву выйти за него замужъ.

XLV. *Преданія о Гэнэнъ-худагтѣ и Сухэръ-ноенѣ*. См. Бурятскія сказки въ Запискахъ Отдѣла по этн., т. I, вып. 1, 135: шаманъ названъ Онхоль-заринъ; мѣсто его пребыванія Уляха. Разсказъ о шаманѣ ср. съ разсказомъ у Рашидъ-эддина (ст. г. Березина «Нашествіе Батыя на Россію» въ Журн. Мин. Нар. Пр., LXXXVI, (1855), стр. 92—95) о Бочманѣ, разбойникѣ, жившемъ на островѣ Волги (чудесный переходъ по сухому дну волжской протоки) и съ разсказомъ въ Алтанъ-Тобчи (стр. 27) о Шудургу-ханѣ, котораго Чингисъ-ханъ хочетъ убить, стрѣляетъ въ него, рубить его саблей, но убить не можетъ до тѣхъ поръ, пока самъ Шудургу-ханъ не научилъ его взять веревку, находящуюся въ подошвѣ его сапога и удавить его. Противъ теченія плыветъ не трупъ Шудургу-хана, какъ-бы слѣдовало для параллельности, а трупъ его жены; надъ трупомъ насыпаютъ холмъ, который называется Темиръ-олху. Шудургу-ханъ волхвъ; онъ можетъ превращаться въ змѣя, въ птицу гаруди и барса.

Въ «Матеріалахъ» Агапитова и Хангалова о Гуртэ-заринѣ сказано, что онъ считается «ижиномъ», духомъ-покровителемъ истока Ангары, и что онъ сдѣлалъ бѣлый каменный мостъ (Изв. Отд. т. XIV, №№ 1—2, стр. 12).

XLVII. *Хоредой-моргонъ*. Три дочери неба встрѣчаются также въ легендѣ о Эхиритѣ; одна изъ нихъ мать Эхирита (см. выше стр. 98).

Хобоши-хатунъ можетъ-быть сближаема съ якутской Хубай-хатунъ, «лебедь-женой», женой якутскаго Аръ-тоена.

Въ Алтанъ-Тобчи (стр. 5) отецъ Аланъ-Гуа вмѣсто Харитая, какъ у Сананъ-сэцэна, названъ хоритумэскимъ Суралтай-мэргэномъ. Въ Юаньчао-миши (Труды Пек. дух. миссіи, IV, 24) онъ называется Хорилартай-мэрганъ; отдѣлившись отъ сородичей, онъ составилъ особую фамилію Хориларъ.

Въ якутской сказкѣ Эряйдахъ-Бурейдахъ-Ерь-Соготохъ описывается, какъ первый человѣкъ; явившись на свѣтъ, онъ задается вопросомъ, откуда и зачѣмъ онъ явился. Если-бы, говорить, я изъ земли вышелъ, то я вынесъ-бы земли на темени; если-бы съ неба спустился, то на ногахъ былъ-бы снѣгъ. Мучимый такимъ вопросомъ, онъ отправился въ путь отыскивать, не найдется-ли на землѣ кто-нибудь, кто-бы разрѣшилъ его вопросъ. Онъ дошелъ до дерева ардукъ-масъ, которое вершиной проросло три неба. По вѣтвямъ этого дерева текла бѣлая жидкость юрюнгъ джилликей; питающіеся этой жидкостью благоденствуютъ. Стволъ дерева раскрылся и изъ образовавшейся трещины высунулась по поясъ женщина и сказала Эряйдахъ-Бурейдаху, что онъ явился на землѣ по волѣ Юрдюкъ-Аи-тоена для того, чтобы стать родоначальникомъ людей. Затѣмъ она дала ему сосать свою грудь. (Запис. отъ якута; см. также Middendorff's Sibirische Reise, В. III, Th. 1, 79). У Миддендорфа онъ сынъ Аръ-тоена; мать его Kūbäi-chotun.

XLIII. *Сэгэндэ и Барто*. Сэгэны встрѣчаются и въ № XLIII. Олоты не рѣдко являются въ монгольскихъ преданіяхъ, какъ насильники, раззоряютъ храмы и монастыри, угрожаютъ подстилки Майдари употребить къ сѣдламъ на потники (Очерки, IV, 411). Спаиваніе противниковъ и за тѣмъ избіеніе ихъ рассказывается якутами о якутскомъ богатырѣ Тыгынѣ (Очерки, IV, 625; Худяковъ, Якутскія сказки, Ирк., 1890, стр. 54; Приклонскій, «Матеріалы по этногр. якутовъ» въ «Изв.» Отдѣла, т. XVIII, стр. 16 и слѣд.).

Этотъ-же рассказъ вѣроятно явился въ слѣдующемъ видѣ въ статьѣ неизвѣстнаго автора: «О происхожденіи сѣверобайк. бурятъ» (Пам. кн. Ирк. г., 1881, стр. 175). Лѣтъ за двѣсти назадъ на рѣкѣ Ангарѣ явились въ большихъ лодкахъ какіе-то бѣлые люди (саган олот) съ огромными бородами, которые, владѣя оружіемъ, издававшимъ огненные звуки «бобо» и «туръ-туръ», перебили множество бурятъ, кочевавшихъ по Окѣ. Авторъ видитъ въ этихъ саганъ-олотахъ русскихъ. Но о пришествіи бѣлыхъ людей есть сказанія у амурскихъ инородцевъ и кажется даже у корейцевъ.

XLIX. *Поколѣнія селенгинскихъ бурятъ*. Восемь сыновей Ихирита ср. съ восемью братьями Киреями у Рашидъ-эддина. Нельзя-ли въ бурятскихъ Ихиритахъ видѣть лѣтописныхъ киреитовъ? кость Хирейтъ есть въ Ордосѣ и

это имя часто произносится, какъ Хирить и даже Хритъ. Въ калмыцкихъ родословныхъ повидимому та-же кость подъ формою Керетъ.

Л. *Первый шаманъ*. Въ «Матеріалахъ» Агапитова и Хангалова, стр. 52 Дёбёдой—кучеръ Эсэгэ-малана. У алтайцевъ первый шаманъ Іангара или Тангара (о. В. Вербицкій, Словарь алтайск. и аладиг. нарѣчій, Казань, 1887. стр. 75; о. Ландышевъ, «Космол. и еогон. алтайцевъ» въ Правосл. Собесѣд, 1886, мартъ). У якутовъ Анъ-Аргылъ («Извѣстія» Отдѣла, т. XV, № 3—4, стр. 64). См. также Очерки, II, 157; IV, 68, 290—293, о шаманахъ Таинъ-Тирхинѣ, Тостогошѣ, Кадылбашѣ, Даинъ-Тарханѣ; въ «Извѣстіяхъ» Отдѣла, т. XI, № 1 и 2, стр. 87 о шаманѣ Бохоли-хара и Моргонъ-хара; у Шашкова, «Шаманство» въ Зап. И. Р. Геогр. Общ., 1864, кн. 2, стр. 81 о шаманѣ Хара-Гыргенѣ (варіантъ сказанія Моргонъ-хара). Имя Бурте въ № LII (стр. 125) связано съ темой объ отрубленной головѣ. Шаманъ Моргонъ-хара присужденъ Эсэгэ-маланомъ вѣчно плясать на одномъ мѣстѣ, пока не изотрется его тѣло; оно почти совсѣмъ уже истерлось и только пляшетъ еще одно темя шамана. Не относились-ли эти темы также къ шаману Гуртэ-зарину? Доставленіе отрубленной головы рассказывается въ № I, стр. 27 и 28, въ сказаніи о Гэсэрѣ (головы семи тархановъ); въ алтайскомъ сказаніи о Даинъ-Тарханѣ (Оч., IV, 291). Ср. эту тему со сказками о богатырѣ, доставляющемъ птицу Ханъ-Гаридэ (Канъ-Кереде, Ханъ-хурдэ) или ея пера, крыла, шкуры и пр.

LII. *Буртэ-убугунъ*. У Рашидъ-эддина (I, 75) меркитскій царь Тохту-бики убитъ въ войнѣ съ Чингисъ-ханомъ; сыновья Тохту-бики, не имѣя возможности поднять тѣло отца, взяли голову его и ушли.

LV. *Преданія о переселеніи изъ Монголіи Бахака Ирбанова и Адаъ съ прочимъ народомъ*. См. Бурятскія сказки, собр. Хангаловымъ и др. (Зап. В.-с. Отдѣла по этногр., т. I, в. 1, стр. 134—140). Бахакъ, лицо существовавшее въ прошломъ столѣтіи, какъ видно изъ памятника, напечатаннаго въ выше указанномъ выпускѣ «Записокъ» Отдѣла. Какое имя вытѣснено изъ легенды именемъ историческимъ? Назывался-ли царскій тушемюль и въ легендѣ именемъ Бахакъ или носилъ другое имя? Если въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ Аларя, откроются варіанты съ тѣмъ-же именемъ, это будетъ говорить въ пользу перваго предположенія.

Отсѣченіе большого пальца въ легендахъ, записанныхъ мною въ Монголіи и еще не напечатанныхъ, приписывается богатырю Эрхэ-мэргэну (см.

выше стр. 79 № XX); въ этихъ легендахъ отсѣченіе пальца также представляется въ видѣ кары (за беспощадное истребленіе звѣрей или за хвастовство). По другому варианту Эрхэ-мэргэнъ стрѣлялъ по лишнимъ солнцамъ, которыхъ было четыре и отъ которыхъ на землѣ было не выносимо жарко; три солнца ему удалось сшибить съ неба въ море. Ср. съ повѣрьями киргизъ и монголовъ о связи Плеядъ съ жарой и морозомъ (Оч., IV, 203, 204). Легенды объ Эрхэ-мэргэнѣ не представляютъ-ли варианты объ охотѣ за тремя изюбрями, т. е. за тремя звѣздами Ориона (ср. Оч., I, 124; IV, 204), и подъ именемъ Эрхэ-мэргэна не скрывается-ли созвѣздіе Плеяды, которое на тюркскихъ нарѣчіяхъ носитъ имена: Уркөрѣ, Ургяль (Оч., IV, 729)?—Въ сказаніе о Бахакѣ вставленъ эпизодъ, встрѣчающійся въ алтайскихъ и киргизскихъ сказкахъ объ Еренъ-чеченѣ или Джиренше-шешенѣ (Radloff, Prob., I, 197 и IV, 201), который ищетъ своему сыну мудрую жену. Одна встрѣченная дѣвица обращаетъ его вниманіе на себя своими иносказательными отвѣтами; подобные-же отвѣты находимъ въ бурятской сказкѣ о трехъ Гургулдаевыхъ мудрецахъ (Гургулдаин сысын), помѣщенной въ «Запискахъ» Отдѣла по этн. т. I, вып. 1, 102. Гургулдай какая-то птичка; въ монгольскихъ пѣсняхъ и сказкахъ встрѣчается алтынъ-гургултай, «Золотой гургулдай». Отъ одного халхасца изъ сѣверозап. Монголіи (изъ хошуна Тачжи-урианхай) я записалъ сказку о богатырѣ, который назывался Иринъ-сайнъ-гургултай (не напечатана).

Тема о мудрецѣ или о мудромъ царскомъ совѣтникѣ въ тюркско-монгольскихъ легендахъ введена въ эпосъ о ежѣ, который по-монгольски называется цзара (дзара), по-бурятски заря. Легенды о мудромъ ежѣ Заря-Адзарга или Заря напечатаны въ «Матеріалахъ» Агапитова и Хангалова, а также въ выпускѣ «Бурятскихъ сказокъ» («Извѣстія» Отдѣла, т. XIV, №№ 1—2, стр. 21, 22 и Записки по этн., т. I, в. 1, стр. 130). Зарѣ приписывается открытіе огня, укрощеніе животныхъ и установленіе брачныхъ обычаевъ. До Зари дѣвица, вступающая въ половой союзъ, оставалась въ домѣ родителей; Заря установилъ обычай отвоза невесты въ домъ жениха. Эти легенды о Зарѣ поддерживаютъ высказанную нами въ Очеркахъ, IV, 803 догадку, что въ средней Азіи существовалъ обычай, отвозить жениха въ домъ родителей невесты, гдѣ онъ долженъ былъ нѣкоторое время служить работникомъ прежде, чѣмъ взять невесту въ свой домъ. Еще лучшимъ подкрѣпленіемъ этой догадки служатъ прямые указанія на существованіе подобнаго обычая, которыя мы нашли относительно Ухуаней въ книгѣ о. Іоакинѣа, «Собраніе свѣденій о народахъ Средн. Азіи» (ч. 1, стр. 152); такой обычай указывается и относительно Киданей у Васильева, Истор. и древн. востока (стр. 203 и 204). Наша догадка была высказана по поводу одного мѣста въ сказаніи о Чингисѣ; Эсугай поѣхалъ сватать невесту для своего сына Чингиса, встрѣ-

тилъ Дай-сѣчена, высваталъ его дочь, отвезъ сына къ Дай-сѣчену и оставилъ его у него жить. Эсэгэ-Маланъ-тэнгри женилъ своего сына и отвезъ по этому случаю къ невѣстѣ, но сынъ убѣждалъ и каждый разъ, когда отецъ отвозилъ его, онъ убѣгалъ отъ своей невѣсты. Заря посовѣтовалъ невѣсту отвезти въ домъ жениха; съ той поры установился обычай невѣсту отвозить въ домъ жениха, а не наоборотъ. Сопоставленіе монгольскаго сказанія съ бурятскими наводитъ на мысль, что лѣтописный рассказъ о женитьбѣ Чингиса заимствованъ лѣтописцемъ изъ тюркомонгольскаго животнаго эпоса. Подъ Эсугаемъ лѣтописи повидимому явился бурятскій Эсэгэ-маланъ. Въ алтайскихъ сказаніяхъ бурятскому Зарѣ-Адзаргѣ соответствуетъ Яра-чеченъ (статья Ландышева: «Космогонія и еогонія алтайцевъ язычниковъ» въ Православномъ Собесѣдникѣ, 1886, мартъ, стр. 19). Яра-чеченъ былъ оскорбленъ дѣвицами, которыя осмѣяли его наружность; онъ осудилъ ихъ на жизнь въ чужихъ семьяхъ. Съ этого времени у дѣвицъ умъ и сердце изменились, онѣ стали выходить замужъ и отходить отъ родителей, а прежде всѣ жили вмѣстѣ и плодились, какъ безсмысленные скоты, не разбирая ни какого родства и не зная законовъ супружества. Алтайское сказаніе приписываетъ Яра-чечену также установленіе срока человѣческой жизни, т. е. введеніе смерти; до него люди были бессмертны.

Эти черты ханскаго совѣтника и уставщика обычаевъ напоминаютъ Иркыла у Рашидъ-эддина (перев. Березина, I, 23, 24), который былъ наместникомъ Угузъ-хана (быка-царя) и установилъ впервые раздѣленіе народа на кости или поколѣнія, почитаніе овгоновъ и старшинство въ частяхъ мяса.—Иносказательный разговоръ трехъ Гургуддаевыхъ сыновей («Бурят. сказанія и повѣрья», стр. 102) съ женщиной по видимому недосказанный эпизодъ о поискахъ невѣсты, и въ прежнемъ своемъ видѣ имѣлъ вѣроятно сходство съ алтайскими и киргизскими сказками о Ерень-чеченѣ или Джиренше-шешенѣ. Вѣроятно это были послы отъ царя, отправленные искать для него невѣсту.

Въ алтайскихъ и киргизскихъ сказкахъ мудростью отличается не столько самъ Ерень-чеченъ или Джиренше-шешенъ, сколько его будущая невѣста. Можетъ-быть въ нѣкоторыхъ вариантахъ къ ней-то и относилось это имя, съ которымъ соединена идея мудрости. Въ бурятскихъ сказаніяхъ сынъ Эсэгэ-малана былъ Буха-ноинъ (буха «быкъ»), а его жена въ нѣкоторыхъ народныхъ стихахъ называется: Юрюнь-хатунъ-эджи и Шеше-хатунъ-иби (шеше по тюркски «мать»; см. Очерки, IV, 264; Агапитовъ и Хангаловъ, «Матеріалы», стр. 11); такимъ образомъ въ имени невѣстки Эсэгэ-малана встрѣчаемъ члены: юрюнь и шеше.

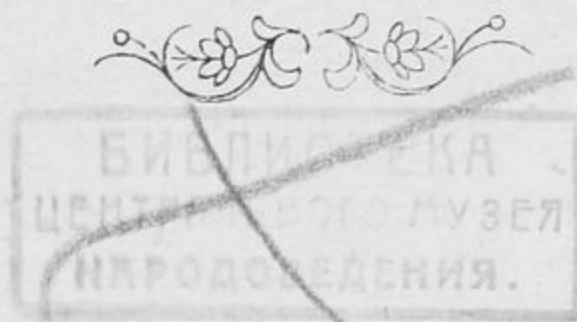
Формы Ерень, Джиренше, Яра ср. съ ерень, какой-то шаманскій терминъ, который мнѣ доводилось слышать отъ урянхайцевъ въ долинѣ Уду-

хема и Ха-хема. Этимъ именемъ называется наприм. плащъ шамана (Очерк., IV, 50), а также онгонъ изъ зайца (Оч., IV, 94); этимъ-же именемъ назывался какой-то древній шаманъ (Оч., IV, 95). Ср. бурятское заринъ, дархатское дзаеранъ, «шаманъ» (Оч., IV, 104). Не откроются-ли урянхайскія преданія о Еренѣ, какъ о первомъ шаманѣ? «Матеріалы» Агапитова и Хангалова говорятъ, что бурятскій шаманъ во время посвященія его въ шаманы призываетъ имя древняго шамана Ергиль-буга-ноина (стр. 22, 51); якуты называютъ первымъ шаманомъ Анъ-Аргыла («Изв». Отдѣла, т. XV, №№ 3—4, стр. 64); тема, которая связана съ этимъ именемъ, распаденіе шамана на части, которыя ускользаютъ отъ задуманнаго богомъ уничтоженія, совпадаетъ съ монгольскими разсказами о Плеядахъ (Оч., IV, 203 и сл.), которыя по-якутски называются Ургяль, Юргяль. Рашидъ-эддинъ (перев. Березина, I, 52) упоминаетъ шамана Будуй-Джиркыла, котораго Березинъ сопоставляетъ съ вышеупомянутымъ мудрецомъ Иркыломъ.

LVI. *Преданія о валь Чингисъ-хана.* Начало сказанія т. е. разсказъ о болѣзни Чингисъ-хана, можетъ-быть версія сказанія объ ограбленіи святыни, наказанномъ насланною болѣзнию. Иначе развитъ разсказъ объ ограбленіи монастыря Эрдени-цзу на Орхонѣ. Грабитель (олѣтскій Галданъ) испуганъ грознымъ движеніемъ статуи бога и обращается въ бѣгство со всѣмъ своимъ войскомъ; которое тонетъ въ поднявшихся водахъ рѣки Орхона. Эта тема въ первый разъ встрѣчается связанною съ именемъ Чингисъ-хана. Легенду объ Эрдени-цзу см. въ Оч., IV, 410.

Вторая половина сказанія есть разсказъ о походѣ Чингисъ-хана къ Солонгосамъ (Алтанъ-Тобчи, стр. 18). Солонгосскій ханъ превратился въ Солнечнаго царя. Стрѣлокъ и старуха перенесены въ этотъ разсказъ изъ другаго разсказа, о походѣ Чингиса къ тангутскому царю Шудургу (ibid., стр. 25).

Г. Потанинъ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ

СОКРАЩЕНИЯ: г. гора, зв. звѣзда, лош. лошадь, мѣстн. мѣстность, пок. поколѣ-
ніе, пт. птица, созв. созвѣздіе.

Абагануть пок. 118—120.	Баинъ-ханъ 30, 32, 34, 35, 36.
Абагачулъ пок. 120.	Баргай 89, 90.
Абагуть пок. 120.	Баргать пок. 88.
Абай-Гэсырь 21, 25, 26, 28.	Барга-баторъ, Барго-б. 93, 112, 113.
Абайхани-Алтанъ-Дэргәнъ 21.	Барто 117, 118.
Абарга, змѣя 30.	Барханъ, г. 93.
Абаше 107.	Барунъ-тынгрә 122.
Абгать пок. 119.	Батакъ 137—139.
Абоганать пок. 118.	Батнай пок. 120.
Агуй-Шарга лош. 1, 11, 12, 15.	Баторъ-Сокто 22—28, 134.
Адай 129, 130, 150.	Батотъ пок. 118—120.
Ада-хулагана 56.	Батырь-муусъ 134.
Алагуй, Алгуй 93, 100, 103, 106.	Бахакъ 126—130, 150.
Аланъ-гоа 146, 149.	Баянъ-цумбуръ 134.
Алтай г. 2.	Баянда пок. 92.
Алтанъ-Мундурга 147, 148.	Бодончаръ 146.
Алтанъ-Шагай 1—25, 133, 135.	Бодорхонъ пок. 89.
Алтынъ-ту г. 140.	Боенда 104.
Алцохта пок. 119.	Болдой пок. 89.
Анзанъ-Шумәръ 21, 22, 26.	Болотъ 107.
Анъ-Аргыль 150, 153.	Боржинъ-далха 100.
Арга'анъ 107.	Бото 107.
Арбатанъ пок. 119, 120.	Боханъ 146.
Аргануть пок. 89.	Бөхөдъ 107.
Алтанъ-Дэргәнъ, Алтанъ-тергенъ 21, 25, 134.	Бохоли-хара 150.
Алтанъ-гатасунъ зв. 140.	Бочманъ 148.
Аръ-тоенъ 148, 149.	Бошинъ пок. 119.
Арынъ-Саганъ-ханъ 48.	Боянъ пок. 118, 119.
Аржэ-Буржэ-ханъ 48.	Буга 140.
Асойханъ, Асуханъ 95—99, 119, 147, 148.	Буданъ-хатунъ 146.
Атаганъ пок. 118.	Будуй-Джиркыль 152.
Атагуть пок. 95.	Бузагать пок. 88.
Ашайбагдъ 106.	Бузганъ 99.
Ашахай пок. 89.	Бука-ханъ 145.
Ашехавадъ, Ашебогать, Ашехавать 100, 107, 118, 119.	Булаганъ-хара, Булганъ-хара 99, 102, 103, 106, 147.
Ашита пок. 89.	Булагать, Булгать 93—98, 106, 107, 118, 119, 144, 147, 148.
Аю-ханъ 99.	Булагать пок. 96, 117.
Бабай-хорамчиевскій родъ 120.	Булакъ-саганъ-бумаль 100.
Багай-Бакшэ-Нюдарга 19, 21, 22.	Булбуй пок. 119.
Байдалъ пок. 119.	Булгата, онгонъ 124.
Баинъ-Мунгэй 8, 11, 13—15, 17.	Булутъ пок. 88, 107.
	Бумаль-Готолъ 93.
	Бумаль-Саганъ 100.

Бунинка 140.
 Бурто, собака 122.
 Бартэ-убугунъ 125, 150.
 Бурутханъ пок. 90.
 Буръхи-заринъ 124.
 Буядай 119.
 Бурятъ 93, 147.
 Бурятъ-Алагуй пок. 119.
 Буумаль 107.
 Буха-ноёнъ-бабай 94, 96, 97, 140, 145, 146, 147, 152.
 Буша-ааринъ 124.
 Бушиктэ-ханъ 91, 126—128.
 Бырбэхэнъ 89, 90.
 Бэлэ-баторъ 44.
 Галданъ 91, 153.
 Галцзотъ пок. 118, 119.
 Гароди пт. 74, 75.
 Гарунъ-аль-Рашидъ 143, 144.
 Голохонъ 103, 106.
 Готолъ 92—94, 103, 104, 106, 107.
 Готулъ пок. 119.
 Гуни пок. 120.
 Гунунъ, степь 11.
 Гунынъ-Саганъ 22.
 Гургулдай 151, 152.
 Гуртэ-заринъ 110, 111, 150.
 Гуръ-бурятъ 112, 113.
 Гурэ 18.
 Гхагалъ, Гхаганъ 21.
 Гхаинъ-ноётъ, пок. 89.
 Гхайханъ-Ирэнъ-Тарбажи 6, 8, 11, 12, 14, 16, 17, 135.
 Гырылъ Саганъ 21, 22.
 Гэгэнъ-Саганъ 21.
 Гэнэнъ-худакта 108, 109, 147.
 Гэсэръ 134, 150.
 Дабши, пок. 119.
 Даинъ-Тарханъ 150.
 Дай-сѣченъ 152.
 Далай-Харанутъ, пок. 119.
 Дарьинъ, горн. проходъ 48, 130.
 Дёбёдой 150.
 Дегерунгъ-хунъ-тайжи 135.
 Джеты-Каракше 137.
 Джиренше-шешенъ 151, 152.
 Догёдой 122, 123.
 Долонъ-убугутъ, созв. 61.
 Дунунъ, степь 11.
 Дурбэтъ, пок. 118.
 Дуртунъ, пок. 89.
 Дылдэгырь 18.
 Енгутъ 107, 129, 130.
 Енгутъ-бумаль, пок. 119.
 Ергиль-буга 153.
 Еренъ-чеченъ 151, 152.
 Ерликъ см. Эрликъ.
 Жоргодой 10, 13, 20, 21, 22, 134.

Жоргонтэйши - эрхэтэ - Жоргодой 20, 134.
 Жортогоръ 18.
 Запхи 100.
 Заря-Адзарга 151.
 Золютъ, пок. 88.
 Зонхе 103.
 Зуга, мѣстн. 118.
 Зуксидба, пок. 120.
 Икинатъ, пок. 91, 118, 143.
 Иринъ-сайнъ 133, 151.
 Иркыль 152, 153.
 Ихиритъ 93, 119, 150, См. Экиритъ.
 Илюдэръ-тургэнъ 112.
 Ильясь 144.
 Иракыль 139.
 Иренъ-тарбажи 135.
 Иангара 150.
 Кадылбанъ 150.
 Кадырь, Казырь 144.
 Керетъ, пок. 150.
 Киданъ, народъ 151.
 Киритъ, пок. 120.
 Козу-Курпешъ 133.
 Кольтанъ, ключъ 131.
 Кондуй, мѣстн. 130—132.
 Кульменгэ 107.
 Куркутъ, пок. 119.
 Кхиритъ пок. 118.
 Кхуйдъ, пок. 118.
 Кхулмэнъ, пок. 118.
 Кхукхытъ, пок. 118, 120.
 Кхукхытъ-бумаль, пок. 119.
 Кхутугытъ, пок. 120.
 Кэрэкъ-Кирвэсь 144.
 Ландарма 145.
 Лобсоголдой 21, 22, 25, 26.
 Лусунъ-ханъ 51.
 Мадари, Майдари 67, 68, 137, 139, 149.
 Манзанъ-шара, лукъ 27.
 Манхамотъ, пок. 88.
 Маса-богдо 38, 39.
 Медвѣдица, созв. 61, 137.
 Майсь-хара 26, 27, 28, 134.
 Монголъ, пок. 119.
 Мондобё 103.
 Моргонъ-хара 150.
 Морой, пок. 119.
 Му-ноётъ, пок. 89.
 Муры 107.
 Мэргынъ-Дэгэ 21.
 Нагада 21.
 Намчжиль-хансынъ 140.
 Ногай 134.
 Ногонъ-нуранда 107.

- Ногонъ-соё 2, 134.
 Ногонъ-толё 1, 3, 7, 13, 17.
 Ноёнъ-бура 107.
 Ноётъ, пок. 89, 107.
 Ной 140—142.
 Ньютоуванъ 145.
 Ньютоушанъ, г. 145.

 Обёгонъ 88, 107.
 Ойрадъ, народъ 120.
 Ойхонъ, островъ 148.
 Олзо 107.
 Олзонъ, Ользонъ, пок. 92, 93, 104.
 Олинда-буданъ 146.
 Ёлётъ, Олютъ, народъ 36, 88, 108, 117, 149.
 Олцзонъ, пок. 118.
 Ользой 111.
 Онго 88, 107.
 Онготъ, пок. 119.
 Онхоль 148.
 Онхотъ, пок. 118, 120.
 Онхотой 107.
 Оріонъ, созв. 151.
 Отонхой, пок. 120.

 Пекинъ, городъ 131.
 Плеяды, созв. 134, 151, 153; сынъ ихъ 21.
 Полярная звѣзда 140.

 Риченъ-ханъ 146.
 Рхстой, Рхыстэй 139.

 Саганъ 100, 107.
 Садамтынъ-саганъ, оз. 115.
 Сайнъ-ханъ 91, 126—130.
 Салцзотъ, пок. 118.
 Сартоголь, пок. 120.
 Сартоль, Сартуль, пок. 89, 118, 120.
 Сахиръ 92.
 Сенбиль 139.
 Сибиръ 135.
 Сибэръ, собака 103.
 Сойсу, пок. 119.
 Сокто-Сумбырь, гора 9, 23, 25, 134.
 Солбонъ, зв. 122.
 Соломонъ 33, 35.
 Солонгосъ 153.
 Солонгутъ, народъ 120.
 Солцанъ 137—139.
 Сомболъ 65—67.
 Сонгонъ, пок. 107.
 Сохеръ 104.
 Субуръ-хаирханъ 134.
 Сумбуръ, Сумбырь, гора 7, 9, 23, 25, 140.
 Сумеръ-ола 134.
 Сунутъ, пок. 119.
 Суралтай 149.

 Сухэръ-ноенъ 108, 110—112, 148.
 Сынгалдаръ-чино 118.
 Сынхихэнъ, пок. 119.
 Сырынъ-Галданъ 44, 46—48.
 Сыхиръ 92.
 Сэгэнги, народъ 104.
 Сэгэндэ 117, 118.
 Сэгэнутъ, пок. 88.
 Сэгэны, народъ 104, 149.
 Сэрэнъ-Гаяда 36—40, 43.
 Сэхеръ 104.

 Табангутъ, пок. 120.
 Табяжинъ, пок. 89.
 Табянъ-табанъ-тэнгрэ 100.
 Тадъ, шт. 27.
 Тайжи-ханъ 94, 95, 146.
 Таинъ-тирхинъ 150.
 Тайчжи, пок. 119.
 Такша-моргонъ, Такши 97, 107.
 Тангара 150.
 Таньиръ 18.
 Тэсъ-хара 137.
 Темиръ-Олху 148.
 Тепхетэ, гора 101.
 Тоглогъ, Тоглокъ, Туглогъ 99, 103, 106, 107.
 Тогто 104.
 Токто 92.
 Токчинъ, пок. 120.
 Тостогошъ 149.
 Тохту 134, 150.
 Туглогъ см. Тоглогъ.
 Тудэ 103, 104, 106.
 Туралэкъ, пок. 89.
 Турганъ 103, 104, 106.
 Тыгынь 134, 149.
 Тэлэгунъ, пок. 119.
 Тэмэнъ-холай 122.
 Тэртэ, пок. 119.
 Тэтхэнъ 103, 104.

 Убиртыхъ-Хормоздъ 144.
 Угузъ-ханъ 145, 152.
 Узень, пок. 120.
 Укинъ, ключъ 121.
 Укирь-Хонтогоръ 121.
 Улабать, пок. 88.
 Улатай 107.
 Улукгуй, мѣстн. 147.
 Ульгень 139, 140.
 Уляха, мѣстн. 148.
 Унаганъ-шаргай, лош. 126.
 Унтэ-Тархи 1, 8, 19.
 Уранхай, Урянхай, пок. 89, 118, 119, 120.
 Ургяль, созв. 134, 151, 153.
 Уркёръ, созв. 151.
 Урлютъ, пок. 119, 120.
 Уруленгуй, мѣстн. 131.

Ухуань, народъ 151.
 Ухырть-ола, г. 145.

Хабарнута, пок. 90.
 Халыкъ-ханъ 99, 100.
 Хальмашкинъ 36, 43.
 Хамниганъ, пок. 119.
 Хангилъ, пок. 119.
 Хангинъ, пок. 88, 113, 125.
 Ханъ-Гариде 150.
 Ханъ-Хамакша-утодой 124.
 Ханъ-Хурдэ 56.
 Ханъянъ, пок. 125.
 Хара-Гыргенъ 150.
 Харадылъ, пок. 120.
 Харажи-Мина 33.
 Харажи-Муя 33, 59.
 Хара-монголъ, пок. 88.
 Харанутъ, пок. 118, 119.
 Хара-тайши, пок. 120.
 Харитай 146, 149.
 Хармяганъ, пок. 88.
 Хартагай-ханъ 33, 52, 53.
 Хартаганъ-ханъ 58—60.
 Хартулъ, пок. 88.
 Хасама, пок. 119.
 Хасаръ 137.
 Хатагинъ, пок. 118, 120.
 Хахта, пок. 89.
 Хаченутъ, пок. 118, 119, 120.
 Хиритъ, пок. 150.
 Хи-хусэхэ-хэиръ, лош. 126.
 Хоба 106.
 Хобоши-хатунъ 115, 116, 148.
 Хого 107.
 Хогой, пок. 89, 119.
 Хоётъ 107.
 Хойго, пок. 119.
 Хой-хусэхэ-хула, лош. 126.
 Хөмөръ-ола 134.
 Хонгодоръ, Хонходоръ, пок. 89, 106, 107, 119, 125.
 Хонъ-Тайжи 44—46.
 Хорамчей, пок. 119.
 Хордута, пок. 88.
 Хоредой, Хоридой, Хорядай 88, 93, 112—116, 119, 120, 125, 147, 148.
 Хорилартай 149.
 Хориларъ, пок. 149.
 Хоритъ 146.

Хорлатъ, пок. 118, 120.
 Хорлосъ, пок. 120.
 Хорсъ 139.
 Хортонъ 125.
 Хорчинъ, пок. 118, 120.
 Хотогой, пок. 89.
 Хотоготъ, Хотогутъ, пок. 95, 107.
 Хотокту, пок. 118, 120.
 Хөтө-уруръ, мѣстн. 113.
 Хөхө-болдокъ, мѣстн. 113.
 Хоюхыръ 18.
 Хритъ, пок. 150.
 Хубай-хатунъ 148.
 Хулдатъ, пок. 88.
 Хундангина 135.
 Ху-нуръ, оз. 113.
 Хунъ-Тайжи 36—39, 100, 105, 106, 135, 146.
 Хурамша 93.
 Хурмуста 97, 125, 144.
 Хурхутъ пок. 89, 100, 106, 107.
 Хуряганъ-шаргай, лош. 126.
 Хусамакъ, пок. 88.
 Хусыханъ 95, 96, 98, 99.
 Хухтэ 89, 90.
 Хуху-брха 145.
 Хэрбитъ, пок. 88.
 Хэрмэшинъ, пок. 88.
 Хэшегтэ 103.

Цаганъ-тайши, пок. 120.
 Цахаръ, пок. 120.
 Цзаяктай, пок. 119.
 Цзэгэрдэ-ацзарга, пок. 120.
 Цоктай-ханъ 134.
 Цонголъ, пок. 118, 119, 120.
 Цоргилъ, пок. 119.
 Цоросъ 146.

Ченорутскій родъ 120.
 Чингисъ-ханъ 130—132, 133, 137, 148, 152, 153.
 Чжарай, пок. 118.
 Чжиланъ-карагай 141.
 Чжунчжэнъ, пок. 118.
 Чрсти-хохъ, гора 139.

Ша-ванъ, пок. 118.
 Шазагай-номонъ 33, 36.
 Шара-ацзарга, пок. 120.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

- Ангата, утка 66.
 Ангиръ, утка 66, 67, 139.
 Аргаланъ-зонъ (мамонтъ) 72.
 Арзо-харзо 4.
 Барсъ 61.
 Большой палецъ 20, 25, 150.
 Бурундукъ 78.
 Бурханъ 24, 63, 69—72.
 Быкъ 137, 138, 145—147.
 Верблюдь 73, 77.
 Верескъ 97.
 Вода живая 143.
 Волкъ 62, 63.
 Гойбанга, пт. 74, 75.
 Голова 28, 125, 150.
 Громъ и молнія 22.
 Гусли 140.
 Двѣнадцать 30, 140.
 Девять 100, 139; мангысхаевъ 5, 17—19.
 Дологонъ ханчиръ, пт. 74.
 Дятель 17, 80.
 Ежъ 151.
 Ельникъ 100.
 Желѣзный амбаръ 25, 27; дворецъ 26.
 Жертвоприношеніе 23, 96, 98.
 Журавль 74.
 Заяць 78.
 Змѣя 29, 30.
 Золото 144.
 Зэгэтэ-аба (облава) 37, 93, 99.
 Изюбрь 75, 151.
 Колѣни 49.
 Комусъ (муз. INSTR.) 139.
 Корова 145.
 Коршунъ 81, 123.
 Ласточка 79.
 Лебедь 81, 114, 115, 125, 148.
 Летяга 76.
 Лисица 138, 139.
 Лопатки 38, 68, 87.
 Лукъ 38, 45, 53.
 Лягушка 140.
 Мамонтъ 72, 79, 142.
 Мангысхай 5.
 Медвѣдь 54.
 Молотъ 21.
 Море молочное 98, 102; желтое 103.
 Мылхэй, черепаха 72.
 Мышь 77.
 Мѣсяца сынъ 21.
 Налимъ 73, 82.
 Огонь 92, 101, 105.
 Окаменѣніе 49.
 Орелъ 80, 138.
 Осель 21.
 Палецъ большой 20, 25, 151.
 Пастухъ 122.
 Перстень 30—36.
 Пихта 97.
 Порозь 94, 95, 100, 102, 105, 146.
 Рябчикъ 76.
 Семь 137, 139.
 Семьдесятъ 23, 31, 44, 46.
 Собака 68, 84, 99, 103, 122, 140.
 Соболь 124.
 Солнечный царь 131, 132.
 Солнце 151; солнца мать 55; солнца сынъ 21.
 Сохатый 73.
 Стрѣла 4, 10.
 Сурокъ 79.
 Табакъ 83.
 Тарасунъ (молочное вино) 4, 6.
 Три 8, 12, 13, 28, 38, 44, 101; бур-хана 67; изюбря 151; лебедя 15, 115, 125; лука 38; озера 54; солнца 151.
 Триста 36.
 Тутэ, пт. 80.
 Убунконъ, лошадь 127.
 Хорзо-харза 4.
 Хунъ-хорхонъ, раст. 82.
 Хуръ, муз. INSTR. 85.
 Черепъ 56.
 Чогуръ (муз. INSTR.) 139.
 Шата сомогонъ, кость 97.
 Шесть 114.
 Шитхыръ 68, 69, 70.
 Шолмо 69, 70.
 Щука 82.

О П Е Ч А Т К И.

Стр.	18	стр.	3	снизу	Напечатано магнита	Слѣдуетъ читать маятника
«	43	«	4	сверху	Хальмокшкина	Хальмакшкина
«	95	«	8	снизу	Бутлагата	Булагата
«	101	«	16	«	быта	была
«	145	«	17	сверху	ot golden sand	of golden sand

